Боборыкин П.Д.

т.9

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

3 ТМОО Т. 3.600.000 З. 3104—88

65009

№. 9. 1897

СБОРНИКЪ
„НИВЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА.

Въ 12 томахъ.

Томъ IX.

СЕНТЯБРЬ 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897 г.

выходомъ разосланнаго теперь подписчикамъ 8-го выпуска

ЗАКОНЧЕНЫ ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА

„ИСТОРІИ ИСКУССТВЪ"

въ популярномъ изложеніи П. П. ГНѢДИЧА.

Большіе объемистые томы in quarto заключаютъ въ себѣ:

Томъ I—642 страницы и множество иллюстрацій: 580 рисунковъ въ текстѣ 15 раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографій, печатанныхъ около 20 красками, потомъ и серебромъ) въ приложеніи. Содержаніе: Введеніе.—Египетъ.—Передняя Азія.—Эллада.—Римъ.—Древне-христіанская эпоха.—Арабы.—Зодчество на Западѣ.—Оглавленія и алфавитные указатели именъ, предметовъ и рисунковъ.

Томъ II—684 страницы, 660 рисунковъ въ текстѣ, 5 раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографій) и 15 отдѣльныхъ рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ. Содержаніе: Италія въ эпоху Возрожденія.—Нидерланды въ эпоху Возрожденія.—Испанія.—Германія въ эпоху Возрожденія.—Скульптура, зодчество и утварь эпохи Возрожденія.—Оглавленія и алфавитные указатели именъ, предметовъ и рисунковъ.

„Исторія Искусствъ" выходитъ въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ, которые составятъ 3 тома in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе 2000 рисунковъ и 33 раскрашенныхъ таблицы.

Подписка продолжается: за 12 выпусковъ безъ доставки 12 руб., съ пересылкою и доставкою 14 руб.

Подписка принимается также на все изданіе въ трехъ томахъ, **въ прочныхъ изящныхъ полушагреневыхъ переплетахъ, съ золот. тисненіями,** по цѣнѣ безъ пересылки и упаковки — 16 р., причемъ высылается или сразу все изданіе, по выходѣ послѣдняго тома, въ декабрѣ с. г., или теперь — первые два тома, а III-й томъ—въ декабрѣ с. г. За упаковку всего изданія въ переплетѣ взимается 1 руб., а каждаго тома отдѣльно (или двухъ томовъ)—75 к.

Лицамъ, получившимъ уже нѣсколько выпусковъ, могутъ быть высланы **отдѣльно три полушагреневыя крышки** для переплета по цѣнѣ съ пересылкою 1 руб. Высылка же имъ дальнѣйшихъ выпусковъ въ переплетахъ, а равно возвращеніе ими уже полученныхъ выпусковъ для замѣны ихъ переплетенными томами **не допускается.**

Разсрочка платежа на переплетенные экземпляры допускается: при подпискѣ—не менѣе 12 р. и въ ноябрѣ—4 р. Отдѣльные томы не продаются.

Такъ какъ **пересылка по почтѣ стоитъ слишкомъ дорого,** то въ требованіяхъ **слѣдуетъ непремѣнно обозначать ближайшую станцію желѣзной дороги** или **отдѣленіе транспортной конторы,** гдѣ заказчикъ желаетъ получить изданіе, причемъ **стоимость пересылки по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору уплачивается адресатомъ на мѣстѣ.** Если же заказчикъ желаетъ получить изданіе **по почтѣ,** то, **сверхъ** стоимости изданія и упаковки, слѣдуетъ прислать на пересылку почтою одного тома въ переплетѣ — **за 12 фунтовъ,** двухъ томовъ вмѣстѣ—**за 22 фунта, а всѣхъ трехъ томовъ вмѣстѣ—за 22 фунта** по почтовой таксѣ (стоимость пересылки 1 фунта отъ СПБ. до мѣста назначенія можно узнать въ каждой почтовой конторѣ).

Пробные экземпляры **перваго выпуска** (Египетъ, Передняя Азія и Эллада) продаются по 1 р. **Иллюстрированное объявленіе высылается безплатно.**

Для любителей особо роскошныхъ изданій

ОТПЕЧАТАНО ТОЛЬКО 50 НУМЕРОВАННЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

на слоновой бумагѣ. Цѣна этого роскошнаго изданія — 50 руб., съ пересылкой 55 руб.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій **А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.**

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

65009

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

АБ | Ирбитская городская ЦБС

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

Публичная библиотека
им. Ленина
АБ

ХОДОКЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ХОДОКЪ.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

Часть первая.

I.

— Графъ Таманцевъ!—доложилъ лакей въ штиблетахъ и съ аксельбантомъ, показавшись въ портьерѣ угловой комнаты, гдѣ старуха, княгиня Брянская, принимала по понедѣльникамъ.

Княгиня только что усѣлась на диванъ, въ темномъ углу узкой, совсѣмъ заставленной комнаты, гдѣ она любила принимать.

Мужчина лѣтъ тридцати, довольно полный, плечистый, роста выше средняго, курчавый брюнетъ съ густой бородой, вошелъ скорымъ шагомъ, держа бобровую шапку въ лѣвой рукѣ. Онъ немного щурился въ этомъ полутемномъ будуарѣ, гдѣ ему и прежде бывало всегда и тѣсно, и холодно, холодно отъ самой хозяйки—сухой, еще до сихъ поръ красивой старухи, съ сѣдыми взбитыми волосами и длиннымъ носомъ. Она все та же, какою Таманцевъ оставилъ ее въ прошломъ году: все та же брошь, та же наколка, кажется, и то же шелковое полосатое платье—черное съ сизымъ.

— А! Monsieur André! Вотъ это чудесно!

Княгиня протянула ему кисть правой руки — очень красивую, бѣловато-желтую, точно изъ пергамента. Онъ зналъ, что отъ этой руки пахнетъ туалетнымъ уксусомъ.

Надо было поцѣловать. Онъ это сдѣлалъ и, не дожидаясь приглашенія, опустился на пуфъ, возлѣ столика.

— Какъ видите, княгиня... собственной особой.

— Всегда фантастъ!

Этимъ словомъ „фантастъ“ она его давно окрестила. У нея былъ свой языкъ, немного на нѣмецкій ладъ. Она щеголяла всѣми четырьмя языками, на которыхъ говорила. Но въ ней нѣмка не выводилась. Графъ зналъ, что она ставила свой родъ по отцу—изъ курляндскихъ бароновъ—выше родства ея покойнаго мужа, хотя тотъ былъ и Рюриковичъ. Да и мать ея была какая-то не то полька, не то румынка. Типомъ лица она вышла въ отцовскій родъ.

— Фантастъ! Фантастъ!—повторила княгиня, покачавъ головой, и ея тонкія губы, потерявшія всякій цвѣтъ, повела знакомая ему усмѣшка.

— Какой есть!

До отъѣзда своего изъ Петербурга онъ болѣе привыкъ къ этой старухѣ. Теперь все въ ней кажется ему чуждымъ и враждебнымъ. Да она никогда и не жаловала его.

— Что жъ, André,—спросила княгиня, слегка чмокнувъ своими блѣдными губами,—надолго?

— Какъ поживется, княгиня.

— Фантастъ! — опять повторила княгиня. — Хозяйничали, или просто только...

Она прибавила по-французски, очень отчетливо, съ непріятной для него манерой говорить:

— Vous faisiez du socialisme autoritaire? Раздавали и раздавали?

Таманцевъ чуть замѣтно пожалъ плечами, но лицо его старалось улыбнуться.

— Почему же непремѣнно соціализмъ, княгиня?—спросилъ онъ, и ему захотѣлось тутъ же осадить эту старуху, воображающую себѣ, что она—„ума палата“ и знаетъ, въ чемъ спасеніе деревни и всего государства. Но онъ сдержалъ себя. Онъ какъ будто чего-то ждалъ и поглядѣлъ вбокъ на дверцу во внутреннія комнаты.

— Княжна здорова? — спросилъ онъ тономъ близкаго знакомаго, давно не бывавшаго въ этомъ домѣ.

— Кэтъ? Здорова. Вы, André, спросили это, точно вы ничего не знаете. Вы, кажется, въ перепискѣ съ ней?

— Я давно ничего не знаю о ней, — выговорилъ онъ тихо, безъ выраженія.

— A-a!.. Elle s'amuse beaucoup. Сегодня она что-то запоздала. Но мои гости не всегда для нея занимательны.

Про свою внуку, княжну Катерину Денисовну, старуха говорила всегда съ особеннымъ оттѣнкомъ, какъ объ особѣ совершенно независимой отъ нея. Она любила сообщать, что у Кэтъ свои средства, и что половина состоянія, которымъ она, княгиня, владѣетъ пожизненно, принадлежитъ по праву внукѣ, наслѣдницѣ родового имѣнія князей Брянскихъ.

— Vous savez,—прибавила потише княгиня,—elle ne se gêne pas. Иногда и уѣдетъ. Катанье на конькахъ, выставки, какія-то репетиціи—que sais-je?

Княгиня не воспитывала внуку. На свою невѣстку—покойную мать княжны—она всегда смотрѣла, какъ на безпорядочную особу, безъ правилъ, съ наклонностью къ „богемѣ", съ рѣзкими манерами. Она подозрѣвала и ея супружескую вѣрность, хотя знала, что у сына ея было нѣсколько романовъ съ замужними женщинами. Но ея сынъ былъ всегда правъ. Внука попала къ ней уже взрослой дѣвушкой, и у ней нѣтъ охоты ее передѣлывать.

Таманцеву это было извѣстно. По крайней мѣрѣ хоть то хорошо, что старуха не муштруетъ внуку, и въ прошломъ году они могли видѣться, когда хотѣли. Могли... Но еще передъ отъѣздомъ его у нихъ уже пошли нелады. Изъ деревни онъ пробовалъ писать ей. И самъ прервалъ переписку. Ея письма стали или огорчать, или бѣсить его.

Въ Петербургѣ Таманцева потянуло сразу въ этотъ особнякъ на Фонтанкѣ, гдѣ онъ зналъ, что опять услышитъ жесткій, въ носъ, голосъ княгини, съ обязательствомъ выносить ея сентенціи, и, быть-можетъ, увидитъ многое такое новое въ Кэтъ, что̀ его погонитъ вонъ. И онъ не дождался вторника, зная, что сегодня, въ понедѣльникъ, пріемный день старухи, и что онъ принужденъ будетъ выносить и всѣхъ „habitués" ея салона.

Быть-можетъ, Кэтъ и не приняла бы его одна, безъ княгини, хотя и прежде онъ, во всякое время, могъ вызвать ее. На него ея мать смотрѣла какъ на друга и обходилась какъ съ младшимъ кузеномъ. Ихъ матери были самыми близкими пріятельницами и умирали въ одномъ и томъ же мѣстѣ—и только на разстояніи полугодія.

Его погнало изъ деревни не одно желаніе видѣть княжну. Онъ пріѣхалъ по дѣлу, по крестьянскому дѣлу—взялъ на себя, по доброй волѣ, цѣлое „хожденіе“. Но стоило ему вчера провести полчаса въ своемъ кабинетѣ, гдѣ надъ старинным бюро виситъ портретъ княжны, рисованный пастелью, и къ нему вернулось то жуткое и сладкое безпокойство, которое заставляло его когда-то такъ часто заѣзжать въ домъ княгини.

Изъ-за портьеры дверки, ведущей во внутреннія комнаты, никто не показывался. Слѣва, изъ гостиной, большой и неуютной, раздались шаги лакея. И онъ все тѣмъ же хмуро-безстрастнымъ голосомъ доложилъ:

— Петръ Аркадьевичъ Долговъ!

— Кто это? Неужели Петя Долговъ?—спросилъ Таманцевъ княгиню, подавшись впередъ станомъ.

Та наклонила голову.

— Петюня!

Къ старухѣ короткими шажками подходилъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, точно съ выточенной головкой, весь миніатюрный; темнорусые волосы гладко были причесаны, лицо выбрито, съ крошечными бакенбардами. Хорошенькія черты его узковатаго лица хранили степенное выраженіе. На немъ просторно сидѣлъ длинный двубортный сюртукъ и солиднаго цвѣта очень широкія панталоны.

— Петюня!—повторилъ Таманцевъ, всталъ и хотѣлъ обнять юношу.

Тотъ обрадованно оглянулся на него, но сначала подошелъ къ рукѣ старухи.

— Графъ!.. Вотъ сюрпризъ!

Таманцевъ потрепалъ его по плечу и посадилъ противъ себя.

— Очень радъ видѣть тебя,—заговорилъ Таманцевъ.—Все такой же маленькій, а смотришь солидно.

— Кончилъ курсъ... съ медалью,—замѣтила княгиня.

Къ Петѣ Долгову она благоволила. Онъ былъ сынъ ея дальней родственницы, и мать его—болѣзненная, проживающая безвыѣздно на югѣ—постоянно писала Петѣ, чтобы онъ дорожилъ домомъ княгини. Таманцевъ зналъ его еще ребенкомъ и въ послѣдніе годы, какъ жилъ въ Петербургѣ, постоянно приглашалъ его къ себѣ, находилъ его умненькимъ и даже по-своему интереснымъ, только уже слишкомъ старымъ для своихъ лѣтъ.

— Такъ съ медалью, Петюня?—спросилъ онъ его, сдѣлавъ шутливый жестъ головой.

— Какъ же, графъ.

— И уже на государственной службѣ?

— Нѣтъ еще... Maman желаетъ, чтобы я съ годъ поѣздилъ. Вотъ къ посту собираюсь.

— Куда же?

— Сначала къ maman, въ Санъ-Ремо, потомъ въ Германію... послушать лекціи... въ Парижъ. Можетъ-быть, и въ Англію проѣду.

— Ему прямая дорога—dans la chancellerie,—выговорила княгиня, разумѣя подъ этимъ словомъ дипломатію.

И ея холодные желтоватые глаза подъ жидкими бровями остановили на Таманцевѣ значительный взглядъ, какъ бы говоря ему:

„А ты, сударь, безъ всякаго толка выскочилъ со службы. Могъ бы уже быть камеръ-юнкеромъ и attaché!... Все глупое озорство, все игра въ красные".

Этотъ взглядъ Таманцевъ давно зналъ. Иначе она и не можетъ думать, какъ такъ. Хорошо ужъ и то, что она избавляетъ его отъ своихъ выговоровъ. Кажется, теперь она „даритъ" его полнѣйшимъ презрѣніемъ.

„И на здоровье!"

Въ гостиной разомъ раздался звонкій и быстрый раскатъ французскаго разговора. Таманцевъ сдѣлалъ замѣтное движеніе. Онъ узналъ голосъ княжны Кэтъ, болѣе мягкій и низкій, вперемежку съ такимъ же молодымъ, но выше и рѣзче, съ постоянной картавостью. И его онъ когда-то и гдѣ-то слыхалъ, но не могъ сразу узнать.

Онъ быстро всталъ съ мѣста.

II.

— Вамъ не сидится, monsieur André. Идите къ ней!—сказала княгиня, и ея безцвѣтные глаза насмѣшливо улыбнулись.

Петя Долговъ взглянулъ на него изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

„И эта институтка туда же!" — воскликнулъ про себя Таманцевъ, но все-таки вышелъ въ гостиную.

Кэтъ стояла къ свѣту, облокотясь о піанино. Всю ее онъ увидалъ разомъ; одну ее и замѣтилъ сначала. Ея гостью онъ только слышалъ.

Ему показалось, что она поменьше ростомъ. Такъ всегда

бываетъ, когда дѣлаешься старше, или послѣ большого промежутка времени. Нѣтъ, она все такая же высокая, стройная, необыкновенно гибкая въ таліи. И все такъ же прямо, но не жестко держитъ свое худощавое, изящное тѣло. Прическа другая, безъ взбитыхъ волосъ на головѣ, съ гладкими прядями — и это ее очень краситъ. Волосы какъ будто стали потемнѣе. И свѣтлая полоса у праваго уха. Лицо блѣдно, съ прозрачной кожей. Тотъ же тонкій носъ съ удлиненными ноздрями, которыми она чуть-чуть всегда вздрагиваетъ при разговорѣ. Брови, гуще и посвѣтлѣе волосъ, лежатъ двумя кистями и также нервны. Длинные глаза—сѣро-голубые, измѣнчивые, иногда строгіе, чаще вызывающіе—въ ту минуту смотрѣли по направленію къ окну, откуда падалъ свѣтъ, для петербургской осени еще довольно яркій отблескъ красноватаго заката.

На Кэтъ было суконное свѣтло-гороховое платье, съ баской и пышными рукавами англійскаго покроя. Что-то во всей посадкѣ этой двадцатичетырехлѣтней дѣвушки было законченное, говорившее о личности. Но какой?..

Таманцевъ не могъ обманывать себя: встрѣча съ Кэтъ волновала его, и онъ такъ бы хотѣлъ поздороваться съ ней по-старому, увести ее вонъ въ тотъ уголъ, за низкія ширмы, гдѣ у нихъ столько бывало разговоровъ, гдѣ произошла и большая размолвка, незадолго до отъѣзда. Послѣ того между ними что-то оборвалось.

Но гостья только что пріѣхала и въ эту минуту она завладѣла княжной.

Узналъ онъ сейчасъ и гостью. Это—Лили Фризенъ, дрянная бабенка, вся изломавшаяся по Парижамъ и Біаррицамъ, съ подражательной картавой болтовней кокотокъ и актрисъ, намазанная, выкрашенная въ рыжую, держащая при себѣ дурака-мужа, которому платитъ для отвода глазъ столько-то въ мѣсяцъ. Все это мигомъ у него пронеслось въ головѣ, и сердце сжалось оттого, что именно эта „Лилишка“ стала между нимъ и Кэтъ, и онѣ—точно двѣ подруги, хотя та на десять лѣтъ старше.

— Ah! Comte!—первая замѣтила его Лили, и, повернувшись къ нему грудью, въ дерзкой шляпкѣ съ перьями на головѣ, протянула руку въ длинной перчаткѣ съ крагами.

— Графъ!—по-русски встрѣтила его Кэтъ, и ея станъ поколебался. Она сдѣлала къ нему два шага, глаза ея блеснули, но ротъ, маленькій и красивый, со свѣжими губами, не раскрылся въ радостную улыбку. Это было

первое движеніе. Тотчасъ же она какъ бы сама себя поправила и, протягивая ему руку, сказала: — Вотъ неожиданно! Sans crier gare!

Она это сказала въ сторону Лили. Съ графомъ она говорила больше по-русски: онъ не любилъ, когда она „французитъ".

Непріятная ему гостья, охорашиваясь и глядя бокомъ въ одно изъ большихъ зеркалъ гостиной, зачастила своимъ картавымъ голосомъ, бросая фразы:

— Vous me devez ça, Kate. Vous serez si bien dans ce ballet! Et Louchkoff, en mignon du roi Henri III... avec une touffe de cheveux sous la toque, poussée en arrière...

И она своими подвижными пальцами стала показывать, какъ шапочка будетъ сидѣть на головѣ того, кто долженъ танцовать въ костюмѣ „миньона" короля Генриха III.

„Лушковъ! Лушковъ!"—повторилъ мысленно Таманцевъ. Звукъ ему знакомъ. Да и видалъ онъ этого Лушкова, и какъ разъ здѣсь, въ домѣ княгини. Фатишка! Ему только бы и представлять „миньоновъ" Генриха III. Неужели Кэтъ будетъ танцовать съ нимъ въ костюмѣ? Это еще что?

Ему нестерпимо захотѣлось оборвать эту „Лилишку" съ ея трескотней, но она точно сама догадалась, передернувъ плечами, кивнула имъ обоимъ своей громадной шляпкой и проговорила:

— Je fais ma cour à la princesse et je reviens. Causez à loisir!

Они остались вдвоемъ. Кэтъ немного порозовѣла въ щекахъ и все еще стояла у піанино.

Таманцевъ опять протянулъ ей руку.

— Вы, кажется, не рады вашему старому пріятелю?— выговорилъ онъ почти смущенно.

И, не выпуская ея руки, онъ подвелъ ее къ той самой козеткѣ, около ширмъ, гдѣ они и ладили, и не ладили.

— Нѣтъ, графъ, я вамъ очень рада.

— И Софья говоритъ въ „Горе отъ ума", помните: „Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!" И съ такой же точно интонаціей.

— Не знаю.

Кэтъ опустила рѣсницы и высвободила свою прозрачную длинную руку.

Это движеніе холодкомъ повѣяло на него.

— Неужели не больше?

— Что?

— Рады мнѣ?

— Немного отвыкла отъ васъ, графъ.

— Не зовите меня графомъ. Отчего же не André... какъ прежде? Ну, хоть monsieur André?..

— Извольте.

Она произносила по-русски медленнѣе, чѣмъ по-французски, и съ манерностью, какой онъ прежде не замѣчалъ въ ней.

— Вы давно дружите... съ этой Лили? — вполголоса спросилъ онъ и повелъ своимъ выразительнымъ ртомъ.

— Мы давно хороши.

— Я что-то не помню... княжна,—прибавилъ онъ шутливо.

Такъ церемонно онъ не звалъ ее тоже очень давно. Она даже не замѣтила этого оттѣнка.

Внутри у него зажглось почти болѣзненное чувство близости къ этой дѣвушкѣ съ ея особенной привлекательностью во всемъ существѣ. Взять бы ее за обѣ руки, привлечь къ себѣ, заговорить какъ съ той Кэтъ, которую онъ зналъ, когда она была еще подростокъ и онъ поправлялъ ей переводы и задачи. Это было за границей, подъ голубымъ небомъ, въ саду, гдѣ пальмы и маньоліи наклонялись надъ террасой. И еще двухъ лѣтъ нѣтъ, какъ у нихъ были лады. Но потомъ пошло хуже. И когда его потянуло туда, гдѣ голодали, и впервые заговорила въ немъ связь съ людьми, онъ не отдѣлялъ своего чувства къ этой дѣвушкѣ отъ того, что̀ его погнало изъ Петербурга.

— Вы такъ тамъ засидѣлись, — выговорила Кэтъ съ неопредѣленной усмѣшкой.—И что̀ же вы сдѣлали?..

Она искала выраженій, точно она говорила на чужомъ языкѣ. Прежде у ней не было этого. Да и вообще изъ-за прежней Кэтъ выглядывала другая—и похожая на прежнюю, и совсѣмъ какъ бы чуждая ему.

— Ничего особеннаго не сдѣлалъ, — отвѣтилъ онъ не такимъ тономъ, какъ бы ему хотѣлось.

— Теперь тамъ есть хлѣбъ?

— Какъ сказать!

У него вырвалась фраза, привезенная изъ уѣзда.

Кэтъ поглядѣла на него немного удивленно и у ней вырвалось тихое восклицаніе:

— A la bonne heure!

— Почему же?

— Ахъ, Боже мой! Здѣсь такъ это прискучило. Только и разговоровъ, что о бѣдномъ мужикѣ. И безъ того не знаешь куда дѣться отъ благотворительности.

Кэтъ произнесла слово „благотворительность“ раздѣльно, по слогамъ, и съ явной ироніей.

— Что же въ этомъ особенно дурного?— спросилъ Таманцевъ.—Все же лучше, чѣмъ такъ...

И онъ сдѣлалъ жестъ рукой.

— Ah! C'est assommant! — рѣзче проговорила Кэтъ. — Это надо бы просто запретить.

Она засмѣялась. Ея смѣхъ, звонкій и раздѣльный, пробѣжалъ по его нервамъ непріятной струей.

— А что же такое устраиваетъ та барыня?

Таманцевъ, не скрывая пренебрежительной мины, повернулъ голову въ сторону гостиной.

— Лили?

— Да, Лили.

— C'est un spectacle... mixte.

— Что же... вы танцовать будете въ костюмахъ? И на сценѣ?

— Да,—протянула Кэтъ какъ бы нехотя.

— Что же это такое?

— Un petit ballet.

— Какъ... цѣлый балетъ? Неужели въ трико?

— Naturellement.

— Вотъ это мило! Впрочемъ, что же это я?! Вѣдь въ Парижѣ давно свѣтскіе молодые люди рядятся въ клоуновъ и даже въ танцовщицъ. Можетъ-быть, и этотъ... какъ его... Лушковъ, о комъ говорила ваша Лили... тоже будетъ въ трико танцовщицы плясать на канатѣ?

Фраза вышла у него напряженной, въ рѣзковатомъ тонѣ. Кэтъ сидѣла къ нему въ полъ-оборота, и рѣсницы ея были полуопущены.

— Вы стали очень...

Она искала слова.

— Непріятенъ?—подсказалъ Таманцевъ.

— Encore plus rouge qu'il y a un temps,—сказала Кэтъ и поднялась. — C'est pas une raison pour être si cassant que cela.

III.

Зазвякали шпоры изъ передней, и тяжелые шаги мѣрно стали опускаться на коверъ гостиной

Кэтъ остановилась и поглядѣла туда.

Обернулся и Таманцевъ.

Появленіе генерала Дергунова, его родного дяди, не обрадовало Таманцева, особенно въ эту минуту. Генералъ, грузно ступая по ковру, покачивался на ходу, плечистый, съ щеткой сѣдыхъ волосъ и нафабренными усами, въ сюртукѣ и погонахъ.

— А! Любезный другъ! — лѣнивымъ, хриповатымъ басомъ окликнулъ онъ его, прежде чѣмъ остановился.— Давно ли?

— Только вчера, дядюшка.

Они обнялись и поцѣловались, и Таманцевъ почувствовалъ на своей щекѣ прикосновеніе жесткаго и длиннаго уса.

— Надолго?

— Какъ поживется.

— Къ себѣ въѣхалъ?

Генералъ спрашивалъ безъ паузъ, не дожидаясь отвѣтовъ, все тѣмъ же басовымъ, медленнымъ тэмбромъ.

И, проговоривъ послѣднюю фразу, онъ подошелъ къ Кэтъ, взялъ ее за руку и поднесъ къ губамъ.

— Très chic, cette toilette! Кто шилъ? Чернышевъ?

— Non, général. C'est un costume de chez Redfern.

— Très chic! — повторилъ генералъ и подмигнулъ однимъ изъ своихъ круглыхъ, совсѣмъ черныхъ глазъ, еще очень блестящихъ для его возраста. Ему пошелъ шестьдесятъ пятый.

Изъ угловой показалась Лили Фризенъ и засыпала своими картавыми и частыми фразами. Генералъ и у ней два раза поцѣловалъ руку, передъ тѣмъ, какъ перейти въ угловую.

Таманцевъ ничего не сказалъ Кэтъ. Ея послѣднія слова заронили въ него новую горечь. Оставаться въ гостиной, опять при этой противной „Лилишкѣ“, онъ не пожелалъ и прошелъ къ старухѣ, вслѣдъ за дядей, съ желаніемъ сейчасъ же откланяться княгинѣ.

— Каковъ чудакъ—нашъ графъ Андрей Павловичъ!

Генералъ похлопалъ его по плечу, садясь около княгини. Таманцевъ остался ближе къ дверямъ, въ позѣ человѣка, собирающагося откланяться. Петя Долговъ тоже приподнялся, какъ бы желая уступить ему мѣсто.

— Фантастъ!—сказала княгиня все съ тѣмъ же выраженіемъ полунасмѣшки.—Фантастъ!

— Именно.

Наклонившись къ старухѣ, Дергуновъ поцѣловалъ и у ней руку и выговорилъ вслѣдъ затѣмъ, откинувъ голову въ сторону племянника:

— Да-съ! Есть грѣшокъ! И съ чѣмъ ты, любезный другъ, пожаловалъ къ намъ изъ твоей маетности?

— Объ этомъ долго разсказывать, генералъ.

Таманцевъ иногда звалъ дядю „генералъ“, когда тотъ начиналъ свои обычныя „рацеи“.

— Да и разсказывать-то, голубчикъ, нечего. Изволилъ прокармливать цѣлую волость. Знаю! Писали мнѣ. И пустошь, кажется, заложилъ?

Дядя что-то давно не былъ съ нимъ такъ безцеремоненъ. И присутствіе Пети Долгова дѣлало это еще непріятнѣе. Съ-глазу-на-глазъ онъ бы сейчасъ же осадилъ генерала, но въ первый визитъ княгинѣ Таманцевъ не сталъ начинать спора.

— А здѣсь, милый мой, твои сверстники какъ идутъ въ гору! Первый—Овчининъ. Вѣдь онъ съ тобой въ школѣ былъ?

— Овчининъ... le mari de Marie Wolotskoï?.. Certainement!—подтвердила княгиня съ кивкомъ головы.

— Онъ старше меня.

— Однако, ты съ нимъ, кажется, на „ты“, любезный другъ?—замѣтилъ генералъ и продолжалъ, обращаясь къ старухѣ:—Удивительно они нынче махаютъ! Секретарекъ, дѣлопроизводитель и, глядишь, въ сановники пролѣзетъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ. Нынче всякій можетъ мечтать изъ капраловъ въ маршалы попасть. Вотъ и вы, молодой человѣкъ,—генералъ повернулся къ Петѣ Долгову,—можете мечтать о томъ же.

— Un vrai steeple-chase,—сказала княгиня.—Овчининъ еще хорошей фамиліи, а то Богъ знаетъ какой народъ получаетъ такія назначенія!

— Да,—оттянулъ Дергуновъ.—И ты,—обернулся онъ опять къ племяннику,—могъ бы не хуже другихъ.

— Фантастъ!

Слово княгини, повторенное ею въ пятый разъ, заставило Таманцева громко выговорить отъ двери:

— Имѣю честь кланяться, княгиня. Дядюшка, до свиданія. Петя... зайди какъ-нибудь ко мнѣ.

Онъ вышелъ быстро изъ угловой, спасаясь отъ дальнѣйшихъ наставленій дяди и старухи-княгини. И прежде

онъ съ трудомъ выносилъ ихъ, но теперь оба они, ихъ тонъ, весь складъ ихъ барства раздражали его гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ могъ бы ожидать.

Ему хотѣлось бы остаться еще разъ съ Кэтъ. Уходить подъ такимъ впечатлѣніемъ было бы слишкомъ горько.

Все та же „Лилишка“ торчала тутъ и между ними шла все та же болтовня о балетѣ, въ которомъ Кэтъ должна была участвовать.

Въ одно время съ нимъ, но изъ передней, въ гостиную вошелъ новый гость—Лушковъ, не менѣе ему противный, чѣмъ Лили Фризенъ.

Они едва кланялись другъ другу, и въ этомъ „снобѣ“ Таманцевъ видѣлъ что-то особенно изломанное и нахальное. Онъ зналъ, что Лушковъ давно считается блестящимъ кавалеромъ самыхъ важныхъ особъ. Его французское „bagoût“, умѣнье смѣшить, говорить каламбуры, играть на сценѣ, устраивать шарады—считались „внѣ конкурса“.

Лушковъ былъ строенъ, хорошаго роста, блондинъ, бритый, съ усами, растрепанными кверху, и съ четырьмя колечками на узкомъ лбу—эти колечки сейчасъ же бросились въ глаза Таманцеву; одѣтъ онъ былъ въ синюю визитку-полуфракъ. Его шея уходила въ модный черный галстукъ, на манеръ такихъ, какіе носили въ царствованіе Людовика-Филиппа, съ кончиками воротниковъ. Плечи падали закругленно и женоподобно. Въ самой походкѣ сквозила его изломанность.

Таманцевъ слыхалъ, что этотъ Лушковъ живетъ Богъ знаетъ на какія средства, держитъ лошадей, играетъ въ яхтъ-клубѣ, дѣлаетъ подарки французскимъ актрисамъ.

Онъ встрѣчалъ его и въ домѣ княгини, но очень рѣдко. А тутъ по первымъ его пріемамъ было видно, что онъ теперь habitué этого дома—съ Лили онъ давно дружилъ—и тонъ его съ обѣими дамами, навѣрно, „амикошонный“—выразился про себя Таманцевъ, подходя къ нимъ.

Съ Лушковымъ они обмѣнялись рукопожатіемъ. Тотъ улыбнулся ему довольно фамильярно, и въ его мутно-голубыхъ развратныхъ глазахъ мелькнулъ безцеремонный вопросъ:

„Qu'est-ce qu'il nous veut, ce quidam?“

И, не обращая на него никакого вниманія, Лушковъ заговорилъ по-французски съ легкой шепелявостью, пѣвуче и быстро, подражая актеру Андріё, точно будто они втроемъ въ гостиной предаются интимной болтовнѣ.

— Mon costume sera ravissant!

Онъ началъ во всѣхъ деталяхъ описывать свой костюмъ, цвѣтъ бархата, отдѣлку, шапочку, перья; какія именно кружева вокругъ шеи, на груди, на панталонахъ. Лили стала просить его, чтобы онъ занялся и ея костюмомъ. Кэтъ оживилась. Въ глазахъ ея показался блескъ, она выпрямила свой бюстъ, и ноздри ея нервно вздрагивали.

Лили сѣла къ піанино и заиграла какой-то старинный французскій танецъ. Это былъ тотъ „rigodon", который Кэтъ должна была танцовать въ балетѣ, въ одной парѣ съ Лушковымъ.

— C'est ça! C'est ça! — вскричалъ Лушковъ, откинувъ назадъ голову, и вывернулъ правую руку, становясь въ позицію.

— Такъ это правда, вы поступили въ кордебалетъ? — спросилъ Таманцевъ, подходя проститься съ Кэтъ.

— Правда. Вы возмущены, графъ?

— Завести свой циркъ еще курьезнѣе,—отвѣтилъ онъ, чувствуя, какъ кровь прилила къ его щекамъ.

Лушковъ взялъ Кэтъ за руку, и они оба стали въ позицію.

Таманцевъ быстро вышелъ изъ гостиной.

IV.

Снѣжная пурга крутила передъ окнами низковатаго кабинета, гдѣ Таманцевъ сидѣлъ у письменнаго стола и просматривалъ какія-то бумаги.

Шелъ двѣнадцатый часъ, а свѣту не было, и онъ съ трудомъ разбиралъ крупный писарской почеркъ бумагъ. Опять этотъ Петербургъ съ его несноснымъ удручающимъ климатомъ! Даже снѣгъ не даетъ бѣлаго оттѣнка мглѣ, а желтовато-сѣрый.

И такъ ему было неуютно въ этой сырой, просторной комнатѣ, съ овальнымъ потолкомъ, гдѣ все стояло хмурое и темное: шкапъ съ книгами, большіе диваны, кресла съ рѣзными высокими спинками. Въ каминѣ потрескивалъ коксъ, но ему было зябко. Онъ привыкъ къ свѣту, къ широкимъ окнамъ безъ занавѣсей своего деревенскаго дома.

Здѣсь его квартира стояла пустой, съ отъѣзда, въ его собственномъ домѣ. Она помѣщалась внизу. Въ остальныхъ двухъ этажахъ всѣ квартиры были заняты.

Три года назадъ ещэ была жива его мать и занимала

65009
АБ Ирбитская городская ЦБС

весь бель-этажъ. Тогда онъ безпрестанно поднимался къ ней, съ ней обѣдалъ и часто проводилъ вечеръ. Потомъ повезъ за границу. Тамъ она и скончалась. Съ тѣхъ поръ онъ—круглый сирота.

Такъ же, какъ и Кэтъ Брянская.

Сегодня, только что онъ проснулся, весь вчерашній визитъ въ домъ княгини Брянской прошелъ передъ нимъ. И всего обиднѣе дѣлалось ему отъ того, съ *чѣмъ* онъ ушелъ изъ гостиной, когда подъ бряцанье „презрѣнной Лилишки“ Кэтъ и Лушковъ становились въ танцмейстерскую позицію.

Этотъ, не менѣе „презрѣнный“ для него, Лушковъ такъ и метался ему въ глаза съ его четырьмя городками на лбу и взъерошенными усами, женоподобнымъ складомъ его бедръ, противной манерностью всѣхъ движеній. И Кэтъ будетъ танцовать съ нимъ въ балетѣ! Ей это нравится, тѣшитъ ея тщеславіе. Помилуйте: вѣдь Лушковъ—пріятель самыхъ важныхъ особъ. Онѣ безъ него не выбираютъ себѣ даже туалетовъ. Его приглашаютъ на интимные ужины и пикники. Никто такъ не играетъ во французскихъ фарсахъ, никто такъ не разсказываетъ разныхъ „кошòнствъ“.

Чтобы стряхнуть съ себя наплывъ горькихъ и раздражающихъ чувствъ, онъ, нàскоро напившись чаю, сѣлъ разбирать бумаги, привезенныя изъ деревни.

Зачѣмъ вернулся онъ въ Петербургъ? — спрашивалъ онъ себя. — Развѣ затѣмъ только, чтобъ увлекаться той самой Кэтъ, съ которой онъ пересталъ переписываться по собственному желанію, потому что увидѣлъ по ея письмамъ, *что* изъ нея выходитъ?

Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ пастелью княжны, когда ей только что минуло семнадцать лѣтъ. Какая она на немъ прозрачная и тонкая, съ волосами, распущенными по-англійски, въ полуоткрытыхъ рукавахъ, съ этими вибрирующими ноздрями и блестящими точками глазъ сквозь густыя рѣсницы.

Его мать пожелала имѣть ея портретъ, и послѣ ея смерти онъ перешелъ къ нему, внизъ.

Но *той* Кэтъ онъ больше не найдетъ. Его вина или не его, что она превратилась въ партнерку по балету господина Лушкова, но съ нимъ ей тошно, она встрѣтила его сухо и фальшиво, она не понимаетъ, зачѣмъ онъ такъ долго оставался съ мужиками, ей чуждо все то, что онъ

Публичная городская библ. АБ

тамъ испыталъ и передумалъ, съ чѣмъ, наконецъ, явился сюда, съ какимъ чувствомъ къ тому „мѝру“, гдѣ она плаваетъ какъ рыба въ водѣ.

Но какъ онъ ни старался уходить въ перечитываніе большой докладной записки, на душѣ у него щемило, и память сердца будила цѣлый рядъ сценъ изъ того времени, когда они ладили съ Кэтъ.

Ихъ первая, болѣе крупная, размолвка вышла незадолго до его отъѣзда въ деревню.

Они говорили о его покойной матери. И вдругъ Кэтъ такъ насмѣшливо посмотрѣла на него своими продолговатыми глазами и замѣтила по-французски:

— Наши отцы и матери — у всѣхъ были исторіи! И кто виноватъ—не разберешь.

Онъ обидѣлся за мать. Она на это сказала про него, что онъ напускаетъ на себя фальшивый тонъ, что все это—„du bleu“, что нужна „правда“, и прежде всего правда, „какова бы она ни была“.

И очень развязно, почти злобно, начала по косточкамъ разбирать жизнь своихъ родителей. Тѣ, по крайней мѣрѣ, не играли комедіи передъ свѣтомъ, а разошлись, и только изрѣдка отецъ пріѣзжалъ къ нимъ за границу. У него были „метрѐсски“ — она такъ и выразилась уже по-русски,—а maman была тоже очень кокетлива, хотя больше, кажется, „платонически“.

Онъ остановилъ ее, и очень рѣзко, хотѣлъ пристыдить, но Кэтъ взяла совсѣмъ другой тонъ, такъ гордо и авторитетно объявила ему, что она въ правѣ имѣть свои мнѣнія и не желаетъ вовсе впадать „въ банальную чувствительность“. У нихъ вышла настоящая схватка... Первый протянулъ руку онъ—и этого не слѣдовало дѣлать. Изъ деревни опять онъ, первый, началъ писать ей и слишкомъ долго тянулъ эту переписку—игралъ роль мальчика-энтузіаста, надъ которымъ бывалая дѣвица „конца вѣка“ подсмѣивалась. Правда, онъ самъ прекратилъ переписку, и сдѣлалъ это неумно, обрѣзалъ безъ всякаго явнаго повода.

Тамаицевъ позвонилъ и велѣлъ подать лампу — мгла еще сгустилась. Когда человѣкъ поставилъ лампу на письменный столъ, онъ принялся опять сызнова перечитывать докладную записку.

Не Петербургъ, не свѣтъ, не та раздражающая и уже изломанная дѣвушка—его дѣло, а вотъ эта волость, съ селомъ Муражкино,—добивающаяся столько лѣтъ своихъ

правъ на землю. Онъ самъ вызвался хлопотать за нее вездѣ, гдѣ нужно. А изъ-за этой волости надвигается на него весь уѣздъ, а дальше и губернія, и вся великорусская земля, и народная „голытьба“. Она встряхнула его, когда всегдашняя тягота превратилась вдругъ въ преддверіе настоящей голодной смерти для цѣлаго края. Теперь онъ позналъ, что̀ такое та „почва“, безъ которой ничто не могло бы держаться.

Чѣмъ скорѣе направитъ онъ мужицкое дѣло, требующее усиленныхъ хлопотъ, тѣмъ скорѣе и вернется туда, на землю. Здѣсь ему больше нечего торчать.

Но чтобы быть хорошимъ „ходокомъ“, нужна бодрость, вѣра въ то, что вся-то машина дѣйствуетъ.

И въ головѣ его развертывается разговоръ, бывшій не дальше, какъ вчера, послѣ визита въ домъ княгини Брянской.

Пріятель его покойной матери, теперь только на почетномъ посту, еще недавно занимавшій отвѣтственное мѣсто, остался вѣренъ лучшимъ традиціямъ „эпохи реформъ“. Таманцевъ ему вѣрилъ, любилъ бесѣдовать съ нимъ и изъ деревни нѣсколько разъ писалъ ему.

Вчера онъ нашелъ въ этомъ, теперь оставленномъ почти не у дѣлъ, сановникѣ—человѣка, способнаго безпощадно оцѣнить „моментъ“. Полилась его складная, теплая рѣчь, полная фактовъ и сближеній, гдѣ внутренняя горечь озаряла еще ярче картину того, что̀ онъ, графъ Таманцевъ, найдетъ въ *томъ* Петербургѣ, который задаетъ тонъ.

Руки опускаются, если оно именно такъ! И не можетъ быть, чтобы въ этомъ честномъ и убѣжденномъ человѣкѣ говорило только личное честолюбіе, обида за то, что его слишкомъ рано сдали на покой?

Но вѣдь самъ онъ — „ходокъ“ за крестьянъ; нынче мужикъ въ ходу; во имя его блага—волей-неволей принимаются мѣры. Если мужикъ совсѣмъ захирѣетъ—и всей машинѣ надо будетъ крикнуть: „стопъ!“

Прежде всего — сегодня онъ это чувствовалъ искренно и смѣло — надо забыть свои сентиментальныя тревоги. Вѣдь жилъ же онъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, не имѣя никакихъ извѣстій о княжнѣ? Она могла за это время умереть. И онъ ни разу не спросилъ о ней ни у одного петербургскаго знакомаго. Стало-быть, въ немъ не было настоящей привязанности къ этой дѣвушкѣ. Съ какой же стати теперь возобновлять унизительное ухаживанье?

Съ какой стати? Вопросъ застылъ у него на душѣ. Онъ медлилъ дать на него логическій, безповоротный отвѣтъ.

Въ передней глухо раздался звонокъ. Онъ забылъ распорядиться съ утра насчетъ пріема. О его пріѣздѣ никто почти изъ знакомыхъ не можетъ еще знать.

Его человѣкъ, Лаврентій, жившій съ нимъ въ деревнѣ и обросшій тамъ бородой, показался въ дверяхъ и доложилъ съ добродушной усмѣшкой своихъ толстыхъ губъ:

— Долговъ... молодой баринъ.

— Проси!

Таманцевъ поднялся съ мѣста. Приходъ Петюни сразу возбудилъ его.

Не присланъ ли онъ отъ Брянскихъ? Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ проскользнуло по душѣ Таманцева желаніе поразспросить Долгова о Кэтъ.

Онъ подавилъ въ себѣ это желаніе и сообразилъ, что ему некогда терять время съ Петюней: онъ собирался по дѣлу къ тому Овчинину, которымъ его дразнила вчера княгиня съ генераломъ Дергуновымъ, а сначала—къ дядѣ.

V.

— А! Петюня! Входи, входи. Очень радъ!

— Я вамъ не помѣшалъ, графъ? Я на минутку. Принесъ вамъ поклонъ отъ maman. Сегодня утромъ получилъ письмо.

Долговъ, все такъ же старательно причесанный, какъ вчера, но уже въ синей двубортной жакеткѣ, протиралъ себѣ глаза шелковымъ цвѣтнымъ платочкомъ.

— Вотъ погода!—выговорилъ онъ совсѣмъ какъ милый, воспитанный мальчикъ.

— Хочешь согрѣться? Водку пьешь?—спрашивалъ Таманцевъ.

— Нѣтъ. Я не пью. Благодарю васъ. Я пилъ кофе.

Онъ присѣлъ къ столу, пожавъ руку Таманцева. Рука у него была чрезвычайно красива. И все на немъ такъ аккуратно сидѣло. Такихъ воспитанныхъ и чистенькихъ молодыхъ людей Таманцевъ давно не встрѣчалъ.

— Ты съ кѣмъ же живешь теперь, Петюня? У тетки?

— Одинъ.

— Въ гарни?

— Да, въ Малой Морской.

— И maman твоя согласилась?

— Конечно,—отвѣтилъ Долговъ.—Maman давно не безпокоится насчетъ меня.

Таманцевъ подвинулся къ Долгову и взялъ его за оба плеча.

— Очень ужъ ты... какъ бы это сказать—„иррепрошабеленъ“!

Долговъ началъ краснѣть.

— Будто... графъ?

— Да ужъ повѣрь. Довольно и того, что тебя одобряетъ княгиня Елена Петровна.

Слово „одобряетъ“, которое онъ сейчасъ употребилъ, заставило Таманцева подумать тотчасъ же:

„Какъ я пропахъ, однако, провинціей!“

Въ самыхъ переливахъ голоса онъ подмѣтилъ въ себѣ что-то не петербургское, не барское. Долговъ произносилъ, сравнительно съ нимъ, точно съ какимъ-то особеннымъ акцентомъ.

— Одобряетъ,—повторилъ Петя не безъ иронiи.

— Ну, а княжна?

Вопросъ вылетѣлъ у Таманцева точно противъ воли.

— Княжна, — Петя бокомъ посмотрѣлъ на графа, — княжна даритъ мнѣ нуль вниманія.

— Что же такъ?

— Я для нея—un mioche, un bébé. Да и въ самомъ дѣлѣ, я ей не по лѣтамъ.

— Петюня! Вѣдь ты это злобно сказалъ? А?

— Нисколько. Княжнѣ — вамъ это, графъ, прекрасно извѣстно—пошелъ уже двадцать пятый, а мнѣ всего двадцать одинъ. Разница для барышни не малая!

Чувствовалось, что и у Пети были какіе-то счеты съ княжной. Таманцевъ подсѣлъ къ нему и, положа ему руку на плечо, спросилъ шутливо:

— Должно-быть, мы осѣклись немножко?

Онъ что-то такое вспоминалъ.

— Что жъ! — заговорилъ Петя серьезно и сдержанно, съ поворотомъ головы настоящей институтки. — Что жъ! Княжна Кэтъ можетъ нравиться. Но я прежде, годъ тому назадъ, не могъ еще разсмотрѣть ее, какъ теперь.

— А теперь, небось, разсмотрѣлъ, Петюня?—спросилъ Таманцевъ, и внутри его что-то опять заиграло, и жуткое, и теплое.

— Княжна—слишкомъ личность! — вѣско выговорилъ Долговъ, и его личико приняло забавно-серьезное выраженіе.

— Ты такъ ее опредѣляешь? Это, пожалуй, и вѣрно.

— Слишкомъ личность! — повторилъ Долговъ. — А это не мой идеалъ.

— Вотъ какъ!

— Конечно, не мой,—продолжалъ Петя и сталъ говорить мягче и быстрѣе.—Въ дѣвушкѣ первое—нѣжность и грація. У княжны есть, пожалуй, грація; больше—шикъ. А нѣжности и мягкости въ характерѣ никакой. Да я до сихъ поръ и не знаю, графъ, — его хорошенькіе глаза блеснули,—есть ли у ней сердце.

— Почему такъ?

Вопросъ вырвался у Туманцева почти горькой нотой. Ему стало досадно. Эта „институтка" навѣрно кое-что догадывалась о его недавнихъ отношеніяхъ къ княжнѣ. Съ какой же стати выдавать себя?

Но его все-таки интересовало, какъ Петюня Долговъ оцѣнивалъ княжну. То, что онъ сейчасъ сказалъ, совсѣмъ не глупо и показывало, что онъ умѣетъ наблюдать и мекать себѣ на умъ.

И въ его тонѣ слышалась убѣжденность.

— Вы спрашиваете, графъ, почему?—выговорилъ Долговъ сдержаннымъ и болѣе дѣвическимъ голосомъ.—А потому, что я до сихъ поръ не могъ подмѣтить въ княжнѣ ничего такого... знаете... порыва, что ли. Или даже и порыва не нужно. Чего-нибудь теплаго...

— Не такая натура!

— Можетъ-быть. Я, графъ, не мало объ этомъ думалъ. Иногда мнѣ кажется, что княжна еще не встрѣтила того, кто ей поможетъ найти самоё себя. Умомъ она выше того, что около нея.

— Ты находишь? — заинтересованно вскричалъ Таманцевъ.

— О, да! Она не такая пустая, какъ, напримѣръ, ея теперешняя пріятельница Лили. Но та... какъ нынче говорятъ, une gratinée... Съ ней не скучно. Она не говоритъ ничего, что княжнѣ надоѣло. Всего больше княжна боится, кажется, банальности и чтобы ее не поймали на чемъ-нибудь сентиментальномъ.

„Да вѣдь это такъ. Ай да Петюня!"—говорилъ про себя Таманцевъ.

— И знаете, графъ...

Долговъ остановился и опустилъ голову.

— Говори.

— Я, быть-можетъ, не имѣю права.

— Что за нѣжности!

— Потому что это касается васъ.

— И прекрасно!

— Вы пожалуйста не подумайте, что я дѣлаю какіе-нибудь намеки...

— Да полно тебѣ ёжиться, Петюня. Точно мамзель какая!

— Когда княжна еще не была такая, какъ теперь, съ ея тономъ... goguenard,—старательно произнесъ онъ сразу не давшееся ему слово,—я ее спрашивалъ о васъ, графъ. Я предполагалъ, что вы въ перепискѣ.

— Ну, и что жъ?

Волненіе Таманцева сказывалось въ томъ, что онъ, то и дѣло, мѣнялъ позу, вставалъ, садился, отходилъ къ дивану.

— Такъ вы позволяете говорить совсѣмъ откровенно, графъ?

— Да не тяни! Сдѣлай одолженіе!

— Вы вѣдь больше года жили въ деревнѣ?

— Да, цѣлыхъ полтора.

— Такъ вотъ, въ первое время послѣ вашего отъѣзда, бывало, спросишь княжну о васъ. Она, разумѣется, не станетъ изливаться. Это не въ ея натурѣ... Да и съ какой стати со мной! — прибавилъ Петя не безъ язвы. — Вѣдь я для нея мальчуганъ, студентикъ! Но въ тонѣ сейчасъ что-то такое слышно... болѣе простое... искреннее.

— Ну, а потомъ?

Вопросъ вылетѣлъ у Таманцева порывисто. Онъ опять присѣлъ къ Долгову и положилъ руку на его колѣно.

— Въ послѣднее время—ничего подобнаго. Какъ будто ей даже непріятно было. Или она скажетъ что-нибудь такое... нынѣшнее... не о васъ собственно... Я бы и не позволилъ себѣ. Это смахивало бы на сплетничество... А вообще... И когда старуха-княгиня за обѣдомъ пройдется насчетъ вашихъ красныхъ идей... вамъ вѣдь это извѣстно—княжнѣ это не то что непріятно, а такъ... ей все равно.

Петя просительнымъ жестомъ протянулъ руку къ Таманцеву, и щеки его стали розовѣть.

— Только, ради Бога, графъ, вы не примите это за желаніе переносить соръ. Тутъ собственно—успокоилъ онъ

себя — и нѣтъ ничего. Мы говоримъ о томъ, что́ такое княжна въ настоящій періодъ ея развитія.

Въ послѣдней фразѣ опять заслышалась иронія.

— Она всей своей особой говоритъ: je me fiche de vous tous,—закончилъ Долговъ и поднялся.—И ей, кажется, рѣшительно все равно, какія личности около нея прыгаютъ. Съ кѣмъ ей повеселѣе, тѣ и правы. Вотъ хоть бы этотъ Лушковъ...

Красивый ротикъ Пети повела презрительная усмѣшка.

Таманцевъ подавилъ въ себѣ желаніе заставить Долгова говорить объ этой „фатальной“ фигурѣ, и, мѣняя тонъ съ болѣе серьезнаго на шутливый, онъ близко подошелъ къ нему и положилъ ему обѣ руки на плечи.

— А мы развѣ не влюблены въ этого самаго Лушкова, а, Петюня?

— Кто же это *мы*, графъ?

— Да хоть бы милѣйшій Петюнчикъ!

— Я? Съ какой стати?!

Щеки Долгова покрылись сразу густымъ румянцемъ.

— Я, кажется, не имѣю еще репутаціи этого господина?!

Онъ намекнулъ на что-то такое, чего Таманцевъ и не понялъ.

— А у кого, небось, есть страстное желаніе надѣть такой же стариковскій галстукъ, какъ у господина Лушкова... Какъ, бишь, онъ называется?..

— Cravate 1830!..—сказалъ смущенно Долговъ.

— Вѣрно! Признавайся, Петюня, ты уже купилъ себѣ его у куафера? Я не выдамъ тебя.

— Честное слово!—совсѣмъ юно вскричалъ Долговъ.

— А покраснѣлъ зачѣмъ? Галстукъ тебѣ разрѣшаю; но если ты, въ моемъ присутствіи, появишься съ такими же колечками на лбу, какъ у этого барина,—предупреждаю тебя, что я ихъ растреплю, хотя бы это было въ большомъ обществѣ.

— Да никогда же! Сохрани Боже, чтобы я позволилъ себѣ такое фатовство!

— Ну, а насчетъ галстука эпохи Луи-Филиппа зарока не даешь, Петюня, мой милый? Ха-ха!

Сильныя руки Таманцева трясли Долгова за плечи. Смѣхъ разносился по комнатѣ молодо и сильно, но въ немъ было что-то напряженное,—какъ будто Таманцевъ хотѣлъ отдѣлаться отъ чувства новой тревоги, вызванной осторожными нескромностями Долгова.

— Ну, теперь я тебя буду гнать, Петюня!—вскричалъ онъ.—Мнѣ пора.

— Простите, графъ, и пожалуйста не подумайте...

— Да полно тебѣ! Ты все хочешь по одной дощечкѣ пройти. Если ты господина Лушкова такъ же хорошо понимаешь, какъ княжну, то воздержись отъ крендельковъ на лбу. Да и стариковскій галстукъ не пойдетъ къ тебѣ.

И Таманцевъ опять возбужденно разсмѣялся.

VI.

Генерала Дергунова Таманцевъ нашелъ въ той же квартирѣ, въ первомъ этажѣ небольшого особнячка, въ одной изъ улицъ, выходящихъ на Литейную.

Тудя дядя его переѣхалъ съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ. Самъ по себѣ богатый и бездѣтный, онъ получилъ еще отъ послѣдней жены своей въ пожизненное пользованіе ея родовую вотчину. Теперь онъ занимаетъ почетный постъ, дающій также крупный окладъ.

Таманцевъ не мѣтилъ къ нему въ наслѣдники, развѣ генералъ самъ оставитъ ему по завѣщанію. Онъ не былъ скупъ и врядъ ли много откладывалъ отъ своего дохода. Племяннику извѣстно было, что за нимъ водились слабости. Вѣроятно, у него есть и въ настоящую минуту что-нибудь, стоящее ему не мало.

Дядя, любившій вообще игривые разговоры, всегда очень сдержанъ насчетъ собственныхъ похожденій при встрѣчахъ съ племянникомъ.

Подъѣздъ квартиры генерала былъ отдѣльный — для него одного. Таманцеву, позвонившему въ началѣ второго, отворилъ все тотъ же довѣренный камердинеръ, уже сильно посѣдѣвшій, изъ бывшихъ денщиковъ. Онъ продолжалъ носить денщицкую форму.

— Авдѣй, здорово!

— Вашему сіятельству!—отвѣтилъ Авдѣй все тѣмъ же высокимъ солдатскимъ теноркомъ.

— Генералъ дома?

— Пожалуйте. Сейчасъ позавтракали.

Таманцевъ зналъ, что генералъ завтракаетъ непремѣнно холоднымъ ростбифомъ и сыромъ, выпиваетъ рюмку водки и закусываетъ соленымъ огурцомъ. Повара онъ не держалъ и обѣдалъ или въ клубѣ, или въ гостяхъ.

Къ двумъ часамъ онъ также неизмѣнно садился въ

дрожки или сани и возвращался только соснуть передъ обѣдомъ.

Генералъ завтракалъ въ кабинетѣ, на ломберномъ столѣ, покрытомъ скатертью. Онъ уже перешелъ къ кушеткѣ, гдѣ только что разсѣлся съ газетой въ рукахъ. На немъ было генеральское короткое пальтецо съ бѣлымъ жилетомъ, рейтузы безъ штрипокъ и сапоги безъ шпоръ, по-домашнему.

Кабинетъ его, окнами на улицу, немного давилъ своимъ деревяннымъ рѣзнымъ потолкомъ и былъ весь уставленъ и увѣшанъ оружіемъ, вазами, бронзой, старыми картинами, перешедшими къ нему еще по наслѣдству. Но генералъ не считалъ себя знатокомъ. Ему „полагалось“ имѣть такую именно обстановку. Онъ возилъ ее въ провинцію, когда служилъ губернаторомъ въ двухъ губерніяхъ.

Къ бывшему начальнику губерніи, болѣе чѣмъ къ близкому родному, Таманцевъ и поспѣшилъ сегодня же. Генералъ управлялъ какъ разъ одной изъ тѣхъ губерній, откуда племянникъ его вернулся.

— Графъ Андрей Павловичъ!—доложилъ камердинеръ тономъ денщика, всегда помнившаго то время, когда они были вмѣстѣ съ бариномъ въ полку.

Около кушетки, гдѣ разсѣлся полулежа генералъ, на столикѣ стояла ваза съ папиросами, и когда Таманцевъ входилъ, онъ бралъ въ кучѣ и сбирался закуривать.

— А! Фантастъ!

Генералъ добродушно засмѣялся и показалъ прекрасную вставную челюсть. Онъ съ утра фабрилъ усы и прыскался духами. Сѣдые его волосы торчали съ живописнымъ задоромъ.

— Вамъ понравилось это словечко княгини Елены Петровны?—сказалъ Таманцевъ и подсѣлъ къ кушеткѣ.

— Bonjour, mon ami, bonjour! — обронилъ Дергуновъ, но руки ему не пожалъ, онъ этого не любилъ, и отложилъ только газету на конецъ кушетки.

— Можно, генералъ,—заговорилъ полушутливо Таманцевъ,—отнять у васъ полчаса драгоцѣннаго времени?

— Можно, другъ, можно. Не извольте только иронизировать. Мое время для многихъ драгоцѣнно. У меня на рукахъ цѣлыхъ пять тысячъ безродныхъ малолѣтковъ. А я могъ бы и почить на лаврахъ, какъ ты полагаешь?

Обыкновенно благодушный, особенно у себя въ кабинетѣ, генералъ сегодня былъ нервенъ. „Вѣроятно, чѣмъ-нибудь огорчился по любовной части“, — подумалъ Таманцевъ.

— Положимъ, генералъ...

— То-то. Въ чемъ же я могу быть для тебя годенъ?— спросилъ Дергуновъ, немного помягче. — Ты вѣдь меня считаешь... такъ... un ramolli... съ твоимъ постояннымъ умничаньемъ... Вѣдь мы, и старые, и молодые, все идіоты передъ графомъ Андреемъ Павловичемъ.

— Полноте, дядюшка, я къ вамъ хочу обратиться по очень важному, для меня особенно дорогому дѣлу.

Лицо Таманцева сразу стало серьезнымъ.

Генералъ подался къ нему и протянулъ руку, въ которой держалъ газету.

— Что это? Насчетъ чего? Хочешь заслать меня, что ли?

— Куда заслать?—окликнулъ Таманцевъ.—Если хотите, и заслать.

— Пожалуй, другъ любезный. Только я тебѣ скажу: это плохое дѣло, когда мужчина твоихъ лѣтъ, красивый, съ именемъ и съ хорошимъ состояніемъ, и вдругъ засылаетъ окольнымъ путемъ.

— Вы, кажется, меня не такъ поняли, генералъ,—возразилъ Таманцевъ.

— Весьма даже хорошо понимаю. Что жъ! Кэтъ—породистая дѣвица. У ней въ носу есть что-то дьявольски пикантное. И эти глаза... знаешь, какъ это сказать... По-французски—des yeux bridés... Взнузданные. А, ха-ха? Разрѣшаешь мнѣ слово? Только ты самъ виноватъ. Уѣхалъ открывать столовыя... и застрялъ чуть не на два года. Такъ, братецъ, нельзя... Qui va à la chasse...

— Дядюшка! Да вы Богъ знаетъ что! — безцеремонно остановилъ Таманцевъ.—Вы вообразили, что я хочу васъ заслать сватомъ къ княжнѣ... Ха-ха!

— А то что жъ? Ты началъ, милый мой, въ такомъ торжественномъ тонѣ.

— Нисколько! Я не думаю о рукѣ княжны. А если бъ думалъ, то самъ бы переговорилъ съ ней.

— На здоровье!

Щеки генерала обидчиво вздрогнули. Онъ вытянулъ ноги на кушетку и громко перевелъ духъ.

— Я по дѣлу, близкому мнѣ, но не любовному, а про-

сто по мужицкому... Вы были начальникомъ губерніи у насъ, очень недавно.

— Знаю, братецъ!

— И вы не откажетесь... направить меня къ кому слѣдуетъ.

Генералъ вынулъ изъ кармана тяжелый хронометръ и, не открывая доски, прозвонилъ репетицію: три четверти второго.

— Это длинно?—спросилъ онъ, поморщившись.

— Въ двѣ минуты не изложишь.

— Однако, въ двухъ словахъ: что же это такое?

— По земельному иску цѣлой волости съ казны и съ двухъ владѣльцевъ.

— Какой волости?

— Муражкинской.

— Въ какомъ уѣздѣ?

— Вы должны помнить...

— Гдѣ же, братецъ, всѣхъ ихъ помнить?

— Въ Никандровскомъ уѣздѣ.

— Помню. Да они всегда были сутяжники. Мы тамъ, въ присутствіи, перестали и принимать отъ нихъ прошенія.

— Можетъ-быть! Но, по-моему, ихъ дѣло—архиправое, и голодъ окончательно доконалъ ихъ.

— Голодъ! Голодъ!—Дергуновъ завозился на кушеткѣ.— Во-первыхъ, mon cher, это слово теперь уже избитое мѣсто. Оно не допускалось и въ первую зиму.

— Не допускалось! Это мило! Ха-ха!

— Да, не допускалось, говорю я тебѣ, и совершенно основательно. Гдѣ же умирали съ голоду? Помощь явилась—и сейчасъ же. Мы не въ Англіи, не въ Лондонѣ, гдѣ... какъ бишь... ихъ шерифъ, что ли, торжественно заноситъ въ протоколъ, что какой-то мистеръ Фоксъ или Шлёпсъ изволилъ скончаться отъ полнаго отсутствія пищи.

— Объ этомъ позвольте, дядюшка, не спорить въ настоящую минуту. Я представляю не вздорный, а настоящій интересъ.

— Да что ты, въ „аблакаты“, что ли, записался? Стыдись, братецъ. Да у тебя, кажется, и правъ на это нѣтъ. Если ихъ дѣло правое, пускай ихъ и ищутъ законнымъ порядкомъ.

— Но на что они будутъ искать? Побойтесь Бога, ге-

нералъ! — вскричалъ Таманцевъ, и лицо его пошло пятнами. — Они нищіе и имъ не подняться на ноги, даже если и урожай будетъ.

— Та-та-та! Мы это слыхали. Нечего, милый мой, пѣть Лазаря за мужичка, когда только для него все и дѣлается. Порадуйся! Мужицкое царство! Дворяне, чиновники, военные, купцы — пусть справляются какъ хотятъ, а мужичокъ — особая статья! Да въ него десятки милліоновъ всаживаются, въ бездонную пропасть! Laisse-moi tranquille avec ton socialisme!

— При чемъ тутъ соціализмъ?—вскричалъ Таманцевъ уже съ пылающими щеками.

— А то какъ же? Я былъ шесть лѣтъ начальникомъ двухъ губерній и, славу Богу, никто меня не ославилъ ни извергомъ, ни гасильникомъ. Довольно и мы скорбѣли о мужикѣ. Но пора и честь знать.

— Честь знать! подхватилъ Таманцевъ.—Да, вы правы; только такъ надо крикнуть не народу, а всѣмъ, кто здѣсь примостился ко всей этой камарильѣ, имя же ей не легіонъ, а тьма. Да-съ!

— Камарилья! — крикнулъ генералъ, побагровѣвъ, и однимъ взмахомъ своего грузнаго тѣла поднялся.—Кто же это, смѣю спросить? И я также принадлежу къ ней?

— Я, генералъ, не уполномоченъ разъяснять вамъ это.

Таманцевъ взялъ шапку и отошелъ къ двери.

— И прекрасно. Довольно, любезный. Мнѣ пора. Твоихъ глупостей не переслушаешь. Но дерзостей я не намѣренъ слушать. Камарилья! Ты бы сначала хоть полгода послужилъ, хоть козы-барабанщикомъ, а не такъ, какъ мы—тридцать лѣтъ, да и то еще не сданы въ запасъ. Такъ-то!

Дальнѣйшихъ возгласовъ дяди Таманцевъ не слыхалъ изъ передней.

VII.

— Ты шагаешь... à pas de géant, — промолвилъ полушутливо Таманцевъ и пристально поглядѣлъ на своего собесѣдника.

Они сидѣли другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ большого письменнаго стола въ кабинетѣ казенной квартиры, освѣщенномъ всего одной лампой.

Виктора Степановича Овчинина Таманцевъ не видалъ болѣе трехъ лѣтъ. Тотъ былъ старше его лѣтъ на пять,

и они учились въ одно время въ разныхъ классахъ. Овчининъ носилъ уже золотыя петлицы и шпагу, а Таманцевъ только что перешелъ изъ подготовительнаго класса. Черезъ годъ мать взяла его съ собою за границу, гдѣ и прошли нѣсколько лѣтъ его отроческой жизни. Они остались на „ты“. Овчининъ кончилъ курсъ съ медалью и съ тѣхъ поръ неустанно идетъ въ гору.

На кандидата въ саповники онъ мало смахивалъ. И никогда онъ не отличался изяществомъ и представительностью: немного сутуловатый, коренастый, малаго роста, съ головой и прической мастерового, онъ не былъ нисколько похожъ на бывшаго воспитанника барскаго заведенія. Его свѣтлые волосы ерошились на лбу и на вискахъ, верхняя губа слегка выпятилась и бородой своей онъ мало занимался. Постоянно прищуренные сѣрые глаза смотрѣли твердо и точно спрашивали всегда о чемъ-то.

Онъ только что снялъ вицмундиръ, со звѣздой, надѣлъ вестонъ, довольно подержанный, и опустился въ кресло, скрестивъ ноги съ широкими ступнями, обутыя въ сапоги съ голенищами.

У него была привычка, когда онъ курилъ, поднимать одну бровь и глазъ съ этой стороны закрывать. То же сдѣлалъ онъ и сейчасъ, закуривъ сигару.

Таманцевъ завернулъ къ нему въ дообѣденный часъ, предупредивъ его запиской. Овчининъ оставилъ его обѣдать. Онъ ему довольно искренно обрадовался, но у него не было ласки ни въ тонѣ, ни въ глазахъ. Этимъ онъ и юношей не отличался. Но въ заведеніи товарищи его любили за спокойный характеръ и правдивость, знали, что онъ всегда выручитъ изъ бѣды, напишетъ сочиненіе, дастъ денегъ, хотя и считался изъ самыхъ бѣдныхъ. Кто-то изъ одноклассниковъ прозвалъ его „le bourru bienfaisant“. Это прозвище осталось за нимъ.

— A pas de géant!—повторилъ Овчининъ.

Говоръ у него былъ отрывистый, голосъ глуховатый.

— А то какъ же?

— Если хочешь, да.

— Я это не въ пику тебѣ,—оговорился Таманцевъ.— Ты всегда былъ умница и работать могъ за троихъ. Но теперь, кажется, вообще у васъ наступила какая-то новая полоса. Каждый столоначальникъ мечтаетъ о министерскомъ портфелѣ до сорока лѣтъ. Точь-въ-точь какъ

наполеоновскіе капралы несли въ ранцахъ по маршальскому жезлу.

— Ужъ не знаю!

Овчининъ повелъ плечами и своимъ мясистымъ ртомъ.

— Не дальше какъ вчера,—продолжалъ Таманцевъ,— княгиня Елена Петровна Брянская изволила меня журить и указывала на тебя, какъ на достойный образецъ для подражанія. Они пѣли дуэтомъ съ дядюшкой-генераломъ.

Овчининъ опять передернулъ плечами и повернулъ голову такимъ движеніемъ, точно у него начало стрѣлять въ ухѣ.

— Всякому свой талантъ,—сказалъ онъ.—Ты—гражданинъ вселенной.

— Вовсе нѣтъ!—горячѣе перебилъ его Таманцевъ.—Я теперь просто мужицкій „аблакатъ“, какъ назвалъ меня все тотъ же генералъ Дергуновъ. Можетъ, и отъ тебя придется выслушать нѣчто въ томъ же родѣ.

— Почему такъ?

— Да вѣдь ты тоже теперь въ генералахъ. И какъ разъ съ твоимъ вѣдомствомъ мои довѣрители тягаются.

— Да я до сихъ поръ ничего толкомъ не знаю, — замѣтилъ Овчининъ тономъ начальника, привыкшаго къ тому, чтобы ему толково излагали дѣло.

— Дай срокъ! — вскричалъ Таманцевъ. — Вотъ послѣ обѣда, если позволишь. Теперь надо и тебѣ дать отдыхъ. Ты съ котораго часа работалъ?

— Я встаю не рано, но и ложусь никогда не раньше трехъ.

— И все за бумагами?

— А то какъ же, братъ?

Сѣрые пристальные глаза Овчинина остановились на Таманцевѣ. Въ нихъ промелькнуло невольное сознаніе своего превосходства.

На Таманцева онъ всегда смотрѣлъ какъ на способную, но „жидковатую“ натуру. Правда, больше по винѣ своей матери *Андрюша* — такъ онъ за-глаза звалъ его — нигдѣ не могъ доучиться. За границей побывалъ въ двухъ-трехъ школахъ—въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи. Кажется, гдѣ-то въ Лозаннѣ выдержалъ на баккалавра, слушалъ лекціи въ Парижѣ, потомъ въ Германіи; въ русскомъ университетѣ не учился, держалъ экзаменъ на „дипломата“— выдержалъ блестяще, поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и черезъ два-три года бросилъ.

Былъ наканунѣ камеръ-юнкерства. Потомъ состоялъ при больной матери. Крестьянская „бѣда“—Викторъ Степановичъ тоже не любилъ слово „голодъ—погнала его въ деревню; онъ тамъ принялся устраивать столовыя; увлекся и тамъ. Теперь смахиваетъ на народника, быть-можетъ, съ оттѣнкомъ мистическаго радикализма. Кто его знаетъ?

Все это прошло въ ясной головѣ Овчинина, и внутри его въ то же время тихо трепетало чувство того, какъ онъ не похожъ на такой „экземпляръ“—одно изъ его любимыхъ словъ.

— Вѣдь я тебя немножко знаю!—заговорилъ Таманцевъ мягче и положилъ локти на бортъ стола.—Ты не бумажный человѣкъ. Ты—человѣкъ дѣла. Кажется, съ большимъ честолюбіемъ. Во всякомъ случаѣ, не заурядный карьеристъ. Вы нынче всѣ хотите крупно плавать...

— Кто же это *всѣ*? — съ усмѣшкой остановилъ Овчининъ.

— Вотъ такіе, какъ ты... Мечтающіе попасть въ маршалы. У васъ вѣра въ себя дьявольская. И главное: никакая Европа вамъ не указъ!

— Въ какомъ же это смыслѣ? — спросилъ Овчининъ, растягивая слова.

Тонъ былъ скорѣе ироническій, чѣмъ обиженный.

— Ты не станешь же отрицать того, что всѣ вы...

— Кто же это *всѣ*?

— Да хоть бы и тебя взять!.. Если тебѣ мѣстоименіе „вы“ не нравится, я скажу: всѣ тѣ, кто теперь идетъ въ гору, хочетъ вліянія и власти — у нихъ главный лозунгъ одинъ и тотъ же.

— Какой же это? — спросилъ уже явно насмѣшливо Овчининъ.

Глаза его заискрились, и онъ сразу покраснѣлъ.

Его товарищи знали, что онъ былъ способенъ, если ему что не понравится, вспылить, но сейчасъ же сдержать себя, и тогда онъ становился непріятнымъ, рѣзкимъ и даже злымъ.

Но Таманцевъ забылъ объ этомъ, да и не въ такомъ онъ былъ настроеніи, чтобы обращать вниманіе на лицо своего собесѣдника.

— Какой лозунгъ, спрашиваешь ты? Какъ будто ты его не знаешь?! Лозунгъ этотъ: „Мы одни проникнуты началами, необходимыми для общаго блага. Западъ намъ не указъ. Западъ если не сгнилъ, то не годится намъ

65009
АБ Ирбитская городская ЦБС

въ менторы. Не нужно намъ его порядковъ. То, что тамъ считается буки-азъ-ба гражданскаго устройства, то намъ не ко двору. Мы—Азія! Мы--Азія!"

— Ты зарапортовался, братъ!— вдругъ отрѣзалъ Овчининъ и тяжело задышалъ.—Кто же кричитъ это?

— Столбы теперешняго statu quo—вотъ кто, братецъ. Я самъ и отъ чиновниковъ, и отъ земцевъ, и отъ сословныхъ представителей, и отъ свѣдущихъ людей, и отъ газетчиковъ, чувствующихъ подъ собою настоящую почву, слышу этотъ кличъ. Мы—Азія! Европейскихъ затѣй намъ не надо, мы знаемъ, куда мы ведемъ и какъ вести страну. И ты вѣрно той же вѣры въ непогрѣшимость своего мандарината?

— Позволь! — Овчининъ грузно поднялся. — Позволь! Меня ты бы могъ оставить въ покоѣ.

— Нѣтъ. Не оставлю!

Таманцевъ тоже поднялся и сталъ ходить по кабинету.

— Въ моихъ рукахъ не находятся судьбы русскаго государства.

— Но вы теперь—одна клѝка. И прежніе, тѣ щедринскіе администраторы, ташкентцы изъ ресторана Бореля, были гораздо менѣе опасны, чѣмъ вы, господа. Тѣ были комическіе персонажи, и вся грамотная Русь такъ и смотрѣла на нихъ. А вы — съ направленіемъ, съ идеей, у васъ есть какой-то талисманъ и приворотное зелье.

— Ну, Андрюша! Это просто нелѣпо, что ты говоришь!

Викторъ Степановичъ началъ блѣднѣть—признакъ, что онъ не на шутку разсердился.

— Считай мои слова чѣмъ угодно,—закричалъ Таманцевъ,—но намъ оттуда, снизу, гдѣ зипуны и дерюги копошатся, гдѣ ваша misera contribuens plebs находится въ состояніи хроническаго обнищанія,—намъ оттуда виднѣе: всѣ вы—господа спасители отечества!..

— Что же ты не сидишь тамъ, съ этими зипунами и дерюгами? — глухо спросилъ Овчининъ, обдергивая свой пиджакъ.—Мы не мѣшаемъ.

— Ничего нельзя тамъ ни исправить, ни возродить. Хотя бы каждый изъ насъ, владѣльцевъ, отдалъ крестьянскимъ общинамъ всѣ свои земли до послѣдняго аршина.

— И мѣшаемъ мы... ха-ха!

— А то кто же?

— Ну, это просто дѣтское незнаніе или мальчишескій задоръ. Извините меня, любезный графъ Андрей Павло-

Публичная городская библ. АБ

вичъ. Одни только фанатики или безпардонные ругатели могутъ доказывать, что ничего не дѣлается для страны, для поднятія уровня народа, для изысканія новыхъ рессурсовъ государственнаго хозяйства.

— О, рессурсы изыскивать вы мастера! Тутъ, небось, Европа — ваша учительница! Это не политическія учрежденія, не гнилые порядки Запада, черезъ которые мы должны перешагнуть по законамъ русскаго прогресса.

— Зачѣмъ же намъ брать то, во что̀ и твои западные умники извѣрились и разносятъ свой парламентаризмъ, какъ безсильную и дряблую затѣю? Это не мы сочинили!

Овчининъ передернулъ опять плечами, и это движеніе показалось почему-то Таманцеву такимъ нестерпимо „чинушескимъ“, что на языкѣ у него зажглось нѣчто очень не-парламентское.

— Кушать подано, ваше превосходительство! — доложилъ лакей въ дверяхъ.

VIII.

Слишкомъ просторная и скучная, жестко обставленная столовая, освѣщенная одной висячей лампой, казалась подъ стать фигурамъ хозяина и хозяйки.

Таманцевъ мало зналъ жену Овчинина, Татьяну Николаевну. Врядъ ли говорилъ онъ съ ней болѣе двухъ разъ. Насколько онъ помнилъ, она—сенаторская дочь, воспитанная на аглицкій ладъ. И наружность ея ему никогда не нравилась, хотя въ ней ничего не было противнаго: блѣдная, худая, длинное лицо съ желтоватой кожей, точно стянутой на щекахъ къ вискамъ, скромно причесанная двумя черными прядями волосъ; сухой носъ, темные глаза, большіе и съ неизмѣнно солиднымъ выраженіемъ. Темное платье старило ее, и худощавый станъ свой держала она съ замѣтной сутуловатостью.

Кажется, у нихъ было двое дѣтей; но Таманцевъ никогда ихъ не видалъ. Можетъ-быть, съ тѣхъ поръ и еще родились. Обѣдали они втроемъ.

Подали рыбу—разварного судака. Аппетитъ гостя пропалъ отъ горячей схватки въ кабинетѣ. За обѣдомъ онъ сдерживалъ себя, и первая четверть часа прошла въ отрывистыхъ разспросахъ о немъ самомъ, его деревнѣ, о положеніи крестьянъ, о школахъ.

Татьяна Николаевна говорила медленно и однозвучно. Каждый ея жестъ и каждый звукъ дышалъ особаго рода

доктринерской порядочностью. Таманцеву уже ясно было, что она считаетъ своего мужа государственнымъ дѣятелемъ, какихъ судьба посылаетъ странѣ разъ въ столѣтіе, что и себя она ставитъ особо отъ остального Петербурга высшихъ сферъ по добродѣтели, идеямъ, вкусамъ и серьезной начитанности.

Овчининъ ѣлъ скоро и жадно, хотя обѣдъ былъ очень нероскошный, и его лицо продолжало быть возбужденнымъ. Таманцевъ чувствовалъ, что его старшій товарищъ не простилъ еще ему выходокъ разговора въ кабинетѣ.

— И что же вы нашли здѣсь новаго, графъ?

Съ этимъ вопросомъ обратилась къ Таманцеву хозяйка, аккуратно разрывая вилкой кусокъ рыбы съ помощью корочки хлѣба.

Въ самой этой солидной, чопорной манерѣ ѣсть рыбу сквозило нѣчто, дѣлавшее эту жену будущаго сановника чуждой Таманцеву, несмотря на ея серьезность и порядочность.

— Что новаго? — переспросилъ Таманцевъ. — Гдѣ, Татьяна Николаевна? Тамъ, куда мнѣ удалось заглянуть, все тѣ же тошные пустяки, то же безпробудное барство и вмѣстѣ лакейство.

Овчинина медленно перевела на него взглядъ своихъ узковатыхъ глазъ.

— Не вездѣ же такъ, — выговорила она немножко въ носъ.

— Вольно же тебѣ, любезный другъ, вращаться въ такихъ сферахъ!—поучительно прибавилъ ея мужъ.

Будущая министерша коробила Таманцева все больше и больше. Какъ будто она не принадлежала, и сама по себѣ, и по мужу, все къ тому же Петербургу, гдѣ плаваютъ, какъ рыбы въ водѣ, княгини Брянскія и генералы Дергуновы!

— Ахъ, Боже мой, Татьяна Николаевна! — вскричалъ онъ еще довольно добродушно. — Здѣсь, въ сущности, и есть только одинъ Петербургъ „qui compte“, внѣ котораго нѣтъ ничего! О чемъ здѣсь говорятъ? Что волнуетъ? Назначенія, мѣста, карьера, докладъ,—протянулъ онъ.— Докладъ! Вотъ магическое слово! Вотъ альфа и омега.

— Извините меня,—перебила она съ большей настойчивостью. — Есть серьезный Петербургъ, и Петербургъ пустой...

— Тотъ, что ударился теперь въ свѣтскіе балеты?— подсказалъ Таманцевъ.

— Именно.

— Но позвольте, неужели вы, серьезная женщина, думаете, что вы застрахованы отъ петербургской погони за тѣмъ, что у французовъ называется „le panache“? Въ балетѣ, танцовать на сценѣ какую-нибудь „Pavane“ или „Rigodon“ вы, конечно, не будете.

— Я надѣюсь! — вырвалось у Овчининой съ брезгливымъ движеніемъ рта.

— Но разъ вашъ супругъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ, будетъ сановникомъ, вы должны плясать подъ ту же дудку. Извините меня, Татьяна Николаевна.

Протянулось довольно жуткое молчаніе.

Овчининъ пережевывалъ кусокъ рябчика, а жена его стала обдергивать кружева вокругъ своей суховатой шеи.

— Съ какой же стати все это? — замѣтилъ, наконецъ, Овчининъ.

Онъ и всегда считалъ Таманцева слишкомъ нервнымъ и съ плохо развитымъ чувствомъ такта, но теперь онъ вернулся изъ деревни Богъ знаетъ съ какимъ тономъ: недостаетъ только, чтобы онъ носилъ рубашку съ косымъ воротомъ.

— Наши дамы, — заговорилъ съ новой силой Таманцевъ, — воображаютъ, что англійскіе романы и книжки, сочиненія швейцарскихъ пасторовъ, да такъ-называемыя традиціи фамильной порядочности дѣлаютъ ихъ выше всего этого петербургскаго, — ему хотѣлось сказать: „лакейства“, но онъ воздержался и сказалъ:—выслуживанья передъ кѣмъ-нибудь или передъ чѣмъ-нибудь... Англійскія книжки изданія Таухница не отнимаютъ охоты къ карьеризму и выслуживанію. Для меня,—вскричалъ онъ подъ конецъ,—такъ-называемый серьезный и убѣжденный Петербургъ еще антипатичнѣе. Я уже это сказалъ вашему мужу, Татьяна Николаевна. Нынѣшніе карьеристы хуже для меня, чѣмъ щедринскіе Ѳеди Кротиковы. А дамы высшихъ служебныхъ сферъ могутъ играть въ прогрессъ только до извѣстнаго поста, какого добьются ихъ супруги. Послѣ того ихъ затягиваетъ то же маховое колесо службизма и новѣйшаго мѣстничества.

Опять протянулось молчаніе послѣ этой тирады. Таманцевъ тутъ только почувствовалъ, что перепустилъ мѣру. Очень ужъ его замозжило присутствіе этой петербургской

будущей сановницы, точно замаринованной въ уксусѣ своей порядочности и условной серьезности. И въ старшемъ товарищѣ своемъ Таманцевъ чуялъ неизбѣжную двойственность „службиста“, воображающаго, что онъ— государственный дѣятель великаго ума, съ замашками самоувѣреннаго честолюбца, носящаго только личину патріота и радѣтеля о всенародныхъ нуждахъ.

Хозяйка первая заговорила такимъ тономъ, точно все, что̀ онъ тутъ накричалъ, ни малѣйшимъ образомъ къ ней не относится.

И заговорила она о его „дѣятельности“ въ деревнѣ, какъ бы желая этимъ сказать:

„А ты, мой другъ, что̀ такое тамъ совершилъ, чтобы такъ разносить всѣхъ насъ?“

— Много народу кормилъ на собственный коштъ?— спросилъ и Овчининъ, не то насмѣшливо, не то сочувственно.

Говорить о себѣ, о крестьянахъ, о теперешней деревнѣ Таманцеву стало тяжело. Вѣдь все, что̀ онъ ни высказалъ, такой умникъ, какъ милѣйшій Викторъ Степановичъ, давно знаетъ, и обдумалъ, и предлагалъ мѣры, и будетъ проводить свои мнѣнія. Лучше ужъ завести рѣчь о служебныхъ производствахъ. И онъ, какъ бы невзначай, спросилъ о комъ-то, кого прочили на постъ, куда пробирался самъ Овчининъ.

Сейчасъ та же самая высокопросвѣтленная Татьяна Николаевна оживилась и начала доказывать, что „этотъ господинъ“ не имѣетъ и одной сотой правъ на полученіе такого поста, какъ ея „Victor“.

Въ началѣ девятаго часа Таманцевъ шелъ пѣшкомъ отъ Овчининыхъ.

Онъ былъ очень недоволенъ собою.

Послѣ обѣда слѣдовало ему перетолковать съ Овчининымъ о дѣлѣ, но тотъ отговорился недосугомъ—указалъ ему на цѣлую стопу бумагъ, положенную курьеромъ на его письменный столъ, пока они обѣдали. Да и неловко какъ-то сдѣлалось послѣ того, что̀ онъ наговорилъ въ кабинетѣ и въ столовой.

„Вѣдь это мальчишество!“—сдѣлалъ онъ себѣ выговоръ, подходя къ Казанскому мосту, по набережной Екатерининскаго канала.

„Какой же я ходокъ? Отъ Овчинина зависитъ очень многое, а я разнесъ и его, и его кислосладкую супругу!“

Онъ почувствовалъ, какъ кровь вдругъ прилила къ щекамъ, на рѣзковатомъ зимнемъ воздухѣ, съ порханьемъ снѣжинокъ, садившихся ему на лицо.

„Такъ нельзя! Надо загладить! Овчининъ не злой, хотя и чертовски самолюбивъ“.

Но что же ему дѣлать, если Петербургъ такъ нестерпимо раздражалъ его? Прежде этого не было въ такой степени, хотя и прежде онъ „презиралъ“ этотъ городъ— не городъ собственно, а ту сферу, гдѣ онъ самъ родился, къ которой все сводится. Но если онъ желаетъ чего-нибудь добиться не для себя, а для народа, надо быть себѣ на умѣ, смириться, а не производить „разносы“, не нервничать мальчишески, не накидываться на такихъ людей, какъ Овчининъ, потому только, что не можешь переварить какого-нибудь Лушкова, который будетъ танцовать въ великосвѣтскомъ балетѣ въ одной парѣ съ княжной Кэтъ Брянской.

IX.

Оттепель принесла съ собою непроглядную мглу.

Желтогрязный колеръ лежалъ на всемъ—на облакахъ, на штукатуркѣ домовъ, съ ихъ прямолинейной скукой, на лицахъ и шинеляхъ, на сгорбленныхъ извозчикахъ, кутающихся въ клеенчатыя мантильи. Сверху что-то полужидкое моросило безъ перерыва.

Таманцевъ приказалъ-было камердинеру послать за каретой; потомъ отмѣнилъ это распоряженіе и вышелъ изъ дому пѣшкомъ.

Ѣхать въ каретѣ туда, куда онъ направлялся, показалось ему неловко, хотя никто бы и не замѣтилъ въ той квартирѣ, гдѣ его ждутъ, въ какомъ онъ явился экипажѣ.

Двѣ схватки — съ дядей-генераломъ и съ кандидатомъ въ сановники Овчининымъ — дали ему скорую оскомину. Ходить по канцеляріямъ и департаментамъ необходимо, но онъ обратится лучше къ какому-нибудь хорошему адвокату. Съ этого и надо было начать. Одного извѣстнаго „цивилиста“ онъ уже намѣтилъ. Къ нему онъ обращался на письмѣ послѣ смерти матери по дѣламъ наслѣдства.

Въ Петербургѣ онъ уже около недѣли, а только вчера отправилъ посыльнаго съ запиской къ писателю Малышеву, къ которому онъ взялъ письмо изъ своего уѣзда, отъ мѣстнаго земскаго врача, ставшаго большимъ его

пріятелемъ, доктора Ильи Ефимовича Домашнева. Этотъ приходился писателю товарищемъ по гимназіи и университету.

Письмо доктора сегодня утромъ, когда онъ опускалъ его въ бумажникъ, его крупная, честная рука,—все это пахнуло на него жизнью въ деревнѣ. Вспомнилась вся эпопея объѣздовъ, закупки хлѣба, переписыванья голодающихъ, устройства столовыхъ, всѣ сцены и разговоры, и типы мужиковъ, отставныхъ солдатъ, старухъ, ребятишекъ, тифозныхъ и дифтеритныхъ, мѣстныхъ властей, помѣщиковъ, барынь и дѣвицъ.

И его ближайшія сосѣдки, сестры Колчановы, стояли передъ нимъ, какъ живыя. Старшая Клавдія, меньшая Глафира—купчихи, богатыя землевладѣлицы, сироты, обѣ „ученыя“, одна даже бывшая „бестужевка“, съ большой начитанностью, говорящая на трехъ иностранныхъ языкахъ, объѣхавшая всю Европу, со связями въ Парижской Сорбоннѣ и Collége de France. Обѣ онѣ заинтересовали его сразу, и онъ уѣхалъ, обѣщая меньшой переписываться съ нею. Глафира, пріятельница доктора, была тоже знакома съ писателемъ и восхищалась его талантомъ.

Его потянуло въ тотъ міръ, куда онъ до сихъ поръ настоящимъ образомъ не проникалъ. У него всегда было влеченіе къ литературнымъ сферамъ, но двѣ-три попытки, изъ прежнихъ его петербургскихъ сезоновъ, отбили у него охоту. Повезли его разъ на вечеръ къ какому-то высохшему академику, гдѣ одинъ изъ гостей, поэтъ, читалъ длинную стихотворную повѣсть. Отъ всей компаніи, собравшейся туда, отъ дамъ и мужчинъ, шелъ какой-то слащавый постный запахъ. Разговоръ больше вертѣлся около какихъ-то сплетенъ и слуховъ, и все отзывалось, на его оцѣнку, чѣмъ-то затхлымъ.

Ухаживала за нимъ одна заѣзжая княгиня, напечатавшая въ Парижѣ два свѣтскихъ романа. Она была вдова, еще красивая, съ самымъ послѣднимъ бульварнымъ „bagoût“. Въ ней онъ нашелъ просто мужелюбивую бабенку съ затаенными претензіями и въ романахъ ея ничего, кромѣ эротической болтовни. Ѣздить онъ къ ней больше не сталъ и въ слѣдующемъ ея романѣ былъ выведенъ, какъ новѣйшій Альцестъ, съ довольно прозрачными намеками на его равнодушіе къ женскому полу.

Докторъ Домашневъ, давая ему письмо къ беллетристу Малышеву, предупредилъ его:

— Быть-можетъ, онъ вамъ покажется еще менѣе занимательнымъ, чѣмъ его описанія. Но это такъ на первыхъ порахъ. А впрочемъ, не знаю, что онъ изъ себя изображаетъ. Мы не видались больше семи лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ уже извѣстностью.

Глафира Колчанова заинтересовала Таманцева талантомъ Малышева—она дала ему прочесть томикъ его повѣстей и разсказовъ. Талантъ былъ несомнѣнный и очень смѣлый. Авторъ не поддѣлывался ни подъ кого, отлично зналъ провинцію и помѣщиковъ, и разночинцевъ, и мѣщанъ, и мужиковъ.

Все тотъ же докторъ вызвался написать Малышеву, еще до пріѣзда графа, чтобы онъ „приспособилъ“ въ интересахъ дѣла крестьянъ муражкинской волости какого-нибудь газетнаго сотрудника, по внутреннему отдѣлу. Навѣрно, у него такой найдется.

Все это пріятно наполняло Таманцева, когда онъ шагалъ по лѣвому тротуару Невскаго за Аничковъ мостъ. Его посыльному писатель отвѣтилъ на словахъ, что будетъ дома со второго часа дня.

Таманцевъ повернулъ въ узкую Пушкинскую улицу, миновалъ скверъ съ миніатюрнымъ памятникомъ и перешелъ на другую сторону.

Писатель жилъ въ меблированномъ домѣ въ нѣсколько этажей. Швейцаръ отослалъ его въ третій этажъ, и ему пришлось побродить по широкому и темному коридору, пока онъ встрѣтилъ лакея, указавшаго ему, какъ пройти къ номеру Малышева. Онъ уже зналъ по разсказамъ доктора и адресу на его письмѣ, что писателя звали Вячеславъ Кузьмичъ.

Рискуя ошибиться дверью, онъ постучался и долженъ былъ повторить два раза. Изнутри откликнулись.

Вошелъ онъ, не безъ нѣкоторой неловкости, въ большой, бурый по обоямъ номеръ, раздѣленный перегородками на три помѣщенія. Въ такихъ онъ давно не бывалъ.

Пахло табакомъ и какой-то ѣдой. Шубку свою онъ тихонько повѣсилъ и такъ же осторожно снялъ калоши.

Хозяинъ номера всталъ отъ письменнаго стола, въ простѣнкѣ между двумя окнами, и вышелъ на средину комнаты, сохранявшей самую заурядную отдѣлку номера, рублей на тридцать въ мѣсяцъ. Таманцевъ успѣлъ замѣтить, что на одномъ изъ оконъ штора въ буффахъ наполовину отвисла съ одного бока.

О наружности даровитаго писателя онъ не имѣлъ понятія и увидалъ въ двухъ шагахъ отъ себя средняго роста брюнета, смуглаго, съ довольно хмурой миной еще молодого продолговатаго лица. Но глаза, подъ густыми бровями, тихо улыбались и смотрѣли очень спокойно, смѣло, безъ малѣйшаго смущенія или неловкости, точно будто пришелъ наборщикъ изъ типографіи или читальни. Это немножко кольнуло гостя, но онъ не далъ хода своему невольному чувству.

На Малышевѣ была нараспашку надѣтая домашняя визитка изъ парусины, довольно измятая, черныя панталоны и рубашка съ косымъ шитымъ воротомъ. Прядь волосъ немного надвинулась на широкій лобъ очень красивыхъ очертаній.

— Графъ Таманцевъ... Я не отрываю васъ отъ работы?

— Нѣтъ, я васъ поджидалъ, — отвѣтилъ писатель такимъ же спокойнымъ тономъ, какъ взглядъ его большихъ и блестящихъ глазъ.

Они пожали другъ другу руку, при чемъ Таманцевъ замѣтилъ, что ладонь у Малышева холодная.

— Присядьте, — пригласилъ онъ гостя и подвелъ его къ дивану.—Вы отъ Ильи Ефимовича Домашнева?

— Вотъ письмо.

Таманцевъ вынулъ письмо.

— Онъ мнѣ уже писалъ о вашемъ пріѣздѣ. Я кое-что и сдѣлалъ. Если угодно, сведу съ вами моего коллегу, работающаго въ газетѣ—Дымкина. Онъ какъ разъ здѣсь же и живетъ, въ номерахъ.

Письмо онъ взялъ изъ рукъ гостя, но не распечаталъ.

— Прочтите, пожалуйста!—сказалъ Таманцевъ.

— Да вѣдь это не къ спѣху. А впрочемъ, если позволите...

Очень быстро пробѣжалъ онъ три страницы и положилъ письмо на овальный столъ, стоявшій передъ диваномъ, гдѣ валялись папиросы и нумеръ газеты.

— Давненько мы не видались съ нимъ, — заговорилъ онъ.—Вижу, что онъ воюетъ на земскихъ баталіяхъ. Кажется, и сбирается на съѣздъ? Что жъ! Петербургъ еще вѣритъ въ земскую медицину! Хе-хе!

Тонъ этихъ словъ показался Таманцеву немного страннымъ. Онъ ожидалъ найти въ товарищѣ доктора гораздо больше серьезнаго сочувствія.

— Вашъ товарищъ—чудесный человѣкъ,— выговорилъ онъ вѣско,—только такими что-нибудь и держится.

— Пожалуй... Только вѣдь они слишкомъ уже наивно вѣруютъ въ свои миссіи. Что можно сдѣлать для народнаго „здравія“,— подчеркнулъ онъ съ усмѣшкой, — когда главный-то плательщикъ, мужикъ, находится въ состояніи хроническаго оскудѣнія?

— Это ужъ не его вина!

— Я никого и не виню, графъ. Энтузіазмъ—хорошая штука, только надо чорту прямо въ глаза смотрѣть. Всѣ мы, сколько насъ ни есть—литераторы ли, ученые ли, земцы ли, статистики ли, педагоги ли... насъ только терпятъ, какъ необходимое зло!—не больше.

X.

Таманцевъ ожидалъ отъ Малышева смѣлости взглядовъ, но не того тона и не такой подкладки.

Онъ думалъ, что Малышевъ относится къ личности и „дѣлу“ своего товарища, земскаго врача Домашнева, гораздо теплѣе и съ бо̀льшей вѣрой или хотя наружной почтительностью.

— Бѣда милѣйшаго Ильи Ефимовича, — продолжалъ писатель и глаза его смѣялись, — та, что онъ когда-то пострадалъ.

— И весьма, — выговорилъ совершенно серьезно Таманцевъ.

— Знаете... въ очень микроскопическихъ размѣрахъ. Дальше города Вятки не бывалъ... а потомъ состоялъ на обязательномъ жительствѣ на одной станціи николаевской дороги. Такіе есть мученики — особый ихъ классъ и изъ очень высоко о себѣ мнящихъ—это со станціи Бологое. Нѣкоторые—только изъ Любани. Но все-таки былъ препровожденъ туда не по своей винѣ. И то хорошо!

Малышевъ засмѣялся довольно добродушно и показалъ свои большіе и свѣжіе зубы.

— Илья Ефимовичъ,—заговорилъ онъ опять съ явнымъ юморомъ,—по натурѣ умница; онъ ничѣмъ рисоваться не будетъ... хотя бы онъ и настоящимъ образомъ пострадалъ. Но прямолинейность у него всегда была неисправимая... Такимъ онъ долженъ быть и теперь.

— Прямолинейность? — переспросилъ Таманцевъ. — Въ какомъ же это смыслѣ?

— Въ самомъ прямомъ, графъ,—весело выговорилъ Ма-

лышевъ и сталъ раскуривать папиросу. — Идеологъ! Все у него уложено по клѣточкамъ—народъ, прогрессъ, цивилизація, общественная неправда, послѣднее слово науки, русская интеллигенція, райское житье, котораго добьется человѣчество, когда всѣ будутъ думать и чувствовать, какъ онъ самъ. Тогда, видите ли, ни уродовъ, ни злодѣевъ, ни пьяницъ, ни неврастениковъ, ни сумасшедшихъ не будетъ. А всѣ разомъ превратятся въ ангеловъ.

— Я такой наивности въ немъ что-то не замѣтилъ,— проговорилъ Таманцевъ. — Докторъ — человѣкъ, отлично знающій жизнь и безъ иллюзій насчетъ русской дѣйствительности.

— Это онъ только такъ—снаружи... и для даннаго момента. А въ душѣ онъ вѣритъ въ то, что ежели въ одинъ мигъ все будетъ устроено по его программѣ соціальнаго благополучія, то всѣ идіоты, мерзавцы и выродившіеся индивиды превратятся въ ангеловъ и мудрецовъ. Не мало я и съ нимъ, и со всѣми того же толка соли съѣлъ, графъ. Ихъ одна могилка исправитъ!

— Такой идеализмъ симпатиченъ,—сказалъ Таманцевъ.

И ему тутъ же показалось, что этотъ писатель какъ будто испытываетъ его или немного подкапывается; во всякомъ случаѣ хочетъ разыграть большого умника. А самъ онъ говорилъ съ нимъ слишкомъ скромно, точно тихонькій студентикъ или офицерикъ.

— Кто споритъ! — продолжалъ все въ томъ же тонѣ Малышевъ.—Малый онъ душевный; но знаете, графъ, такіе, какъ Илья Ефимовичъ,—а ихъ цѣлый легіонъ,—для меня, напримѣръ, какъ для беллетриста — менѣе занимательны, чѣмъ темный народъ, какого я вонъ здѣсь, въ полпивныхъ и притонахъ Сѣнной откапывалъ.

— Будто бы!—вскричалъ Таманцевъ.

— И даже самые забористые изъ такихъ, какъ Домашневъ, которые дѣйствительно пострадали. Я психію каждаго изъ нихъ знаю до тошноты. Знаю, что онъ мнѣ будетъ разсказывать про себя; знаю, какое онъ о себѣ мнѣніе имѣетъ, какія книжки читалъ, во что вѣритъ, чего ждетъ, кого считаетъ Мессіей. И всѣ почти на одинъ шаблонъ. Еще женщины выдаются покурьезнѣе. А мужчины для меня совершенно выдохлись. То ли дѣло, — одушевился онъ, и глаза его красиво блеснули, — то ли дѣло, когда встрѣтишься съ какимъ-нибудь махровымъ червоннымъ

валетомъ, съ блистательнымъ прошедшимъ! Просто объяденье!

— Вы это серьезно говорите?—спросилъ Таманцевъ.

— А то какъ же! Я не былъ бы художникъ, если бъ не чувствовалъ этого. Но въ томъ-то и бѣда, — продолжалъ онъ уже съ оттѣнкомъ иронiи, — что у насъ, по правиламъ вотъ такихъ хорошихъ людей, какъ нашъ Илья Ефимовичъ, ты не смѣешь быть художникомъ. Не смѣешь, — протянулъ онъ, — иначе тебя сейчасъ же запишутъ если не въ предатели, то въ индифференты или въ декаденты...

Онъ протянулъ руку къ двумъ газетнымъ листкамъ, лежавшимъ на столѣ.

— Вотъ, который годъ я читаю про себя въ нашихъ честныхъ,—онъ протянулъ слово,—органахъ печати. И все одна и та же канитель! „Господинъ Малышевъ не показываетъ намъ, каковы его идеалы. Печально видѣть, какъ въ молодой генерацiи беллетристовъ все уходитъ на культъ формы“... И такъ далѣе, и такъ далѣе... И все отчего? Оттого, что вы не хотите ничего подслащивать, ни интеллигенцiи, ни народа, не хотите позволять себѣ пошлостей, въ видѣ поучительныхъ тирадъ и жалкихъ словъ.

Все это онъ выговорилъ безъ раздраженiя, съ чувствомъ сознанiя своей правоты и своего таланта. Такъ понималъ его и Таманцевъ, но ему хотѣлось бы найти въ немъ и еще что-то, болѣе наивное и простое.

Какое-то „себѣ на умѣ“ крылось во взглядѣ его ясныхъ и умныхъ глазъ. Въ тонѣ не было рисовки. Говоръ у него отзывался провинцiей. Такой тонъ могъ бы быть у любого разночинца: сельскаго учителя, механика, причетника.

„Даже у портного“,—подумалъ Таманцевъ, и ему вся фигура беллетриста стала чрезвычайно напоминать какого-нибудь умнаго и бывалаго старшаго „молодца“. И басокъ у него такой же, и хмурость съ улыбкой юмора въ глазахъ.

„Онъ—*только* писатель, — продолжалъ опредѣлять его про себя Таманцевъ. Ничего для него нѣтъ выше краснваго или хлёсткаго изображенiя жизни, своего таланта, блеска, мастерства, репутацiи“.

„Неужели въ этихъ сочинителяхъ,—думалъ онъ,—есть что-то, отдѣляющее ихъ стѣною отъ всѣхъ насъ?“

Быть-можетъ, докторъ Домашневъ и „прямолинеенъ“,

но ближе его сердцу, чѣмъ этотъ оригинальный и умный малый, по-своему очень убѣжденный, но въ чемъ? Не въ томъ ли, прежде всего, что глупо полагать во что-либо душу, кромѣ воздѣлыванія своей сочинительской славы?

Или это такъ, извѣстная манера, рисовка или мундиръ, о чемъ его, въ извѣстной степени, и предупреждалъ докторъ Домашневъ.

— Такъ вамъ, графъ, надо бы заручиться вліятельнымъ сотрудникомъ газетъ? — спросилъ Малышевъ, нѣсколько мѣняя тонъ.

— Если это васъ не затруднитъ.

— Нисколько. Да вы что же не поѣдете прямо въ любую редакцію? У васъ имя такое. И вы не за себя хлопочете.

И опять усмѣхнувшись углами своего крупнаго рта, онъ продолжалъ:

— Вы, стало, по доброй волѣ въ нѣкоторомъ родѣ ходокъ за мужиковъ?

— Да,—отвѣтилъ Таманцевъ ему въ тонъ.—Меня такъ и прозвали тамъ, въ уѣздѣ.

— Что жъ! Нынче вѣдь чинуши, которые задаютъ здѣсь тонъ, заигрываютъ съ мужичкомъ, даже и тѣ, кто извѣрился въ общину и возлагаетъ надежду на институтъ земскихъ начальниковъ. А вы, графъ, какъ смотрите на мужика? Сверху внизъ или снизу вверхъ?

— Ни такъ, ни этакъ, — отвѣтилъ Таманцевъ и немножко покраснѣлъ.

— Этакъ лучше всего бы! Мужикъ шельма и пьяница—это точно; но фабричный, мастеровой, лавочникъ и писарь—еще хуже. Главное—всякую сентиментальность надо отбросить, не разсчитывать на благодарность, что̀ бы вы ни сдѣлали для міра. Это—первымъ дѣломъ. Оттого-то такъ прежніе благодѣтельные дворяне—помните у Тургенева, Толстого—такъ и уязвлялись въ сердцахъ своихъ, что они ждали непремѣнно, какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, „преданности“ и „уваженія“. А этого не можетъ быть, ибо что̀ бы вы для него ни сдѣлали—онъ принимаетъ все, какъ должное: земля—его, и всѣ, кто владѣетъ ею,—узурпаторы. И нашъ милѣйшій Илья Ефимовичъ про себя той же вѣры.

Малышевъ всталъ и, подойдя къ двери, позвонилъ.

— Сейчасъ пошлю коридорнаго къ моему сосѣду и

пріятелю Дымкину. Вы его имени не знаете? Онъ анонимно удѣлываетъ передовицы и какъ разъ по внутреннимъ вопросамъ.

Коридорный явился замѣчательно скоро для такихъ номеровъ.

— Сходи, дружище, въ номеръ сорокъ пятый, къ господину Дымкину, и попроси его ко мнѣ сейчасъ же.

Вернувшись къ дивану и закуривъ новую папиросу, Малышевъ спросилъ Таманцева:

— Вы на всю зиму сюда?

— Какъ поживется.

Онъ пришелъ сюда съ желаніемъ сейчасъ же излить все, что у него было на душѣ, что онъ вывезъ изъ деревни, что охватило его въ Петербургѣ, — и рѣчистость его пропала. Ему трудно было попасть въ тонъ этого беллетриста, а спорить съ нимъ не хотѣлось. И безъ того онъ былъ недоволенъ собою за то, что ведетъ себя слишкомъ задорно.

— Дымкину я вчера уже говорилъ, получивъ вашу записку, и просилъ его пойти въ редакцію получасомъ позднѣе. Да онъ раньше трехъ и не ходитъ туда, а сегодня такая анаѳемская погода.

— И вы въ такую мглу можете писать?—спросилъ Таманцевъ.

— Я вѣдь по ночамъ пишу, съ лампой. Она мнѣ замѣняетъ лучи солнца; а днемъ невозможно. Впрочемъ,— прибавилъ онъ, — я и лѣтомъ, на дачѣ или въ деревнѣ, днемъ не работаю, а брожу. Что дѣлать! Русскій человѣкъ все долженъ дѣлать шиворотъ-навыворотъ. Вотъ господинъ Зола, да и другіе французы—у нихъ положеніе: всталъ, кофею напился и три страницы настрочилъ!

XI.

Въ номеръ вошли разомъ, и довольно шумно, точно они поспорили дорогой, маленькаго роста блондинъ, въ домашней сѣрой парѣ, веснущатый, рыжеватый, въ очкахъ, съ вздернутымъ носомъ, и женщина, повыше его, съ большой головой, брюнетка, курчавая, лицо широкое, острые глаза, буроватая кожа. Она вошла руки въ карманы драповаго коричневаго пальто поверхъ темной юбки. На шеѣ небрежно торчалъ шарфикъ.

— Да ужъ такъ, любезнѣйшій Нилъ Ѳедоровичъ! крикнула она и засмѣялась.

Зубы были несвѣжіе.

— Вотъ, графъ,—Малышевъ привсталъ,—пріятель мой Дымкинъ, Нилъ Ѳедоровичъ, и общая наша знакомая, здѣсь же живетъ—Анна Егоровна Ветлугина. Графъ Таманцевъ,—показалъ онъ рукой.

Произошло рукопожатіе. Газетный сотрудникъ подалъ графу руку скоро и такъ же скоро ее отдернулъ. Ветлугина сжала крѣпко и сказала своимъ низкимъ и немного простуженнымъ голосомъ:

— Весьма пріятно!

— Садитесь, садитесь, господа,—пригласилъ хозяинъ.— Что, небось опять въ диспутѣ? Не могутъ встрѣтиться безъ баталіи, — прибавилъ онъ съ улыбкой въ сторону Таманцева.

— Да что, Малышевъ, — заговорила Ветлугина и ея рука потянулась къ папиросамъ. — Вашъ alter ego, Дымкинъ, виляетъ. Не хочетъ сознаться, что въ ихъ многоумной и архискучнѣйшей газетѣ-простынѣ до сихъ поръ все дѣйствуютъ просвѣтители.

И, обратившись къ графу, Ветлугина продолжала такъ же возбужденно:

— Я называю просвѣтителями нашихъ пришибленныхъ шестидесятниковъ, которые вотъ до сихъ поръ читаютъ нравоученія Малышеву и не хотятъ понять, что онъ идетъ по своей дорогѣ.

— Что же вы на меня? — заговорилъ жидкимъ голосомъ Дымкинъ.—Я не редакторъ.

— Знаю я васъ. Вы не станете ихъ срамить. Критикъ-то вашъ пріятель? Каковъ? Да и вы сами...

— Анна Егоровна, — остановилъ Малышевъ. — Графъ имѣетъ дѣло до Нила Ѳедоровича.

— Это еще не такъ спѣшно,—оговорился Таманцевъ.

— Я къ вашимъ услугамъ. Вячеславъ Кузьмичъ уже кое-что сообщилъ...

Газетный сотрудникъ подсѣлъ къ Таманцеву, въ позѣ человѣка немного стѣсненнаго, и началъ потирать свои веснущатыя руки.

— И то сказать,—воскликнула Ветлугина,—просвѣтителей не исправишь! Пока не впадутъ въ размягченіе мозговъ—одна и та же клика будетъ мудрить вездѣ.

Таманцевъ продолжалъ недоумѣвать. Онъ былъ увѣренъ, что попадетъ въ воздухъ совсѣмъ другихъ разговоровъ. И, судя по виду и тону этой уже немолодой особы—

онъ не сомнѣвался, что она дѣвица, — онъ скорѣе ожидалъ бы отъ нея самыхъ рѣзкихъ выходокъ совсѣмъ въ противоположную сторону.

И вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣдь къ этой самой Ветлугиной меньшая изъ сестеръ Колчановыхъ, бывшая курсистка, дала ему письмо.

— Позвольте, — спросилъ онъ ее очень осторожно, — вѣдь вы госпожа Ветлугина, извѣстная своими работами?..

— Она, она,—отвѣтилъ за нее Малышевъ.—Анна Егоровна—кладезь учености. По части землевѣдѣнія и другихъ премудростей.

— Къ вашимъ услугамъ,—откликнулась Ветлугина.

— Такъ у меня есть къ вамъ письмо. Я, къ сожалѣнію, оставилъ его... Отъ одной вашей знакомой изъ никандровскаго уѣзда. Большой пріятельницы доктора, — добавилъ онъ въ сторону Малышева.

— Кто такая?—рѣзко спросила Ветлугина.

— Глафира Спиридоновна Колчанова.

— А! Глафира Колчанова! Она вѣдь, кажется, замужъ угодила за какого-то сибиряка-золотопромышленника?

— Нѣтъ, она живетъ попрежнему, съ сестрой.

— Клавдіей? А! Та—геніальное олицетвореніе россійскаго скопидомства. Ее на мякинѣ не проведешь. А что жъ Глафира? Попрежнему все „хорошія“ слова говоритъ? Ха-ха!

„Экая ты ехидная!“—воскликнулъ про себя Таманцевъ, и онъ выговорилъ искренно и не безъ ударенія:

— Глафира Спиридоновна не одни хорошія слова употребляетъ. Она, кромѣ того, и хорошій человѣкъ.

— Пожалуй, что и такъ,—продолжала Ветлугина, какъ ни въ чемъ не бывало, — только на очень-то большое дѣло у ней врядъ ли хватитъ пороху. Да и изъ-подъ сестрицыной ферулы не смѣетъ выйти. Вѣдь у нихъ, въ купеческомъ быту, кто старшóй, тотъ и капралъ. Она ничего, и красива, и способна. Только старомодна очень.

— Старомодна?—переспросилъ Таманцевъ.

— Не насчетъ туалетовъ. Моду она всегда соблюдала, хотя и съ расчетомъ. Я говорю: старомодна насчетъ направленія,—понимаете? До сихъ поръ еще молится вотъ на тѣхъ, кого мы съ Малышевымъ зовемъ: „просвѣтители“. Дальше семидесятыхъ годовъ не ушла. Вы, вѣроятно, сами замѣтили, графъ. Настоящая курсистка! Какія были двадцать лѣтъ назадъ. Заядлая! А она вѣдь

не того поколѣнія. Ей не больше какъ двадцать семь или восемь лѣтъ. Я вѣдь чуть не на двадцать лѣтъ ея старше, — отрѣзала Ветлугина и смѣло оглянула всѣхъ трехъ мужчинъ.—„Мнѣ-де скрывать свои лѣта нечего ни передъ кѣмъ“...

— Мнѣ кажется, — возразилъ Таманцевъ, — Глафира Спиридоновна не перестаетъ слѣдить...

— Ахъ, графъ! Слѣдить! Бога ради, не употребляйте этого институтскаго слова! Все это верхи, мундиръ, поддѣлка и дилетантство. И я курсистка—и какая, изъ самаго перваго поколѣнія, да и тогда уже была, какъ мужики говорятъ, „подлѣточекъ“. И я увлекалась просвѣтителями. Но скоро взялась за умъ. Наука—такъ наука, чортъ возьми! Я это безъ всякаго педантства говорю.

„Она не глупа и тонъ у нея какъ будто искренній“,— согласился про себя Таманцевъ и сталъ нѣсколько сочувственнѣе слушать.

— Печально видѣть, какими руководителями теперь наши дѣвули увлекаются. Развѣ это ученые? Это балалайки или затхлые моралисты, для которыхъ не наука важна, не искусство, не изящная литература, а выѣзжать на симпатичныхъ намекахъ и недомолвкахъ. Я Глафирѣ говорила еще четыре года назадъ, когда она проѣзжала изъ Парижа: „Брось ты сливки-то снимать съ тамошнихъ краснобаевъ, съ разныхъ conférenciers. Возьми ты предметъ строгій, стоящій, займись хоть старымъ французскимъ языкомъ, что ли, сдай экзаменъ на баккалавра, а потомъ на „licencié“. Или поступи въ Ecole des Chartes, если туда нашу сестру принимаютъ. А не шатайся ты по лекціямъ, точно по театрамъ какимъ!“

Буроватыя полныя щеки пожилой дѣвицы раскраснѣлись, и она энергическимъ движеніемъ правой руки стряхнула пепелъ папиросы прямо на столъ.

— Что жъ! Это дѣло!—одобрилъ Малышевъ.

— Не всѣ могутъ быть спеціалистами,—замѣтилъ Таманцевъ.

— Не можешь, такъ не суесловь! — возразила Ветлугина, нимало не смутившись. — А главное, не будь старомодна, вглядывайся въ жизнь, и не повторяй только то, что̀ стоитъ въ устарѣлыхъ книжкахъ, въ передовицахъ и фельетонахъ нашихъ просвѣтителей. Если она въ этомъ смыслѣ исправилась, — добавила Ветлугина въ сторону графа,—отъ души порадуюсь.

Она, бросивъ окурокъ, грузно встала и прошлась по комнатѣ, съ руками, глубоко засунутыми въ карманы своего пальто.

— Малышевъ!—окликнула она.—Вамъ, поди, Нилъ-то Ѳедоровичъ не успѣлъ сказать. Вѣдь у нихъ—даромъ, что ихъ просвѣтители читаютъ вамъ мораль—вожделѣютъ къ вамъ и хотятъ посулы дѣлать.

— Посулы?—повторилъ онъ.

— Есть грѣшокъ,—отозвался газетный сотрудникъ.

— Меньше двугривеннаго со строки не берите!—крикнула Ветлугина Малышеву и стремительно присѣла къ нему, съ другой стороны дивана. — Ихъ надо обдирать, какъ сидоровыхъ козъ.

— Вы что же?—глуше спросилъ пріятеля беллетристъ.— Развѣ сказали цѣну?

— Ха-ха! Нашли дурака.

— То-то!—солидно выговорилъ Малышевъ.

— Меньше двадцати копеекъ—ни за что! — крикнула Ветлугина и потянулась опять за папиросами. — Малышевъ первый талантъ изъ молодыхъ.

— Еще бы!—вырвалось у газетнаго сотрудника.

Они совсѣмъ забыли про гостя. Таманцевъ не обидѣлся; но у него въ головѣ выплыло одно слово:

„Мастеровщина!“

Сейчасъ же общее и узкое чувство стало подмывать всѣхъ троихъ. Они — рабочіе, мастеровые. Однако, слово „мастеровщина“ показалось ему хоть и вѣрнымъ, но черезчуръ барскимъ.

Они — чернорабочіе; даже и этотъ даровитый беллетристъ. Для нихъ вопросъ заработка важнѣе всего. Изъза этого вопроса вся старая Европа трещитъ по швамъ.

Разговоръ между ними продолжался такой же взвинченный, короткими фразами; такъ при немъ мужики бросали жеребьи въ старую шляпу и съ измѣнившимся лицомъ опускали туда руку.

Изъ нихъ двое—Малышевъ и Ветлугина—были крупныя фигуры, очень новыя для него; но Дымкина онъ находилъ слишкомъ мелкимъ, даже и какъ сотрудника газеты, куда онъ будетъ возить свои замѣтки и сообщенія.

Таманцевъ всталъ и сталъ прощаться.

— А какъ же насчетъ газеты? — спросилъ Малышевъ, какъ бы чувствуя неловкость отъ того, что они при по-

стороннемъ увлеклись разговоромъ о гонорарѣ. — Нилъ Ѳедоровичъ!

— Я къ ихъ услугамъ!—своимъ жидкимъ голосомъ выговорилъ Дымкинъ и тоже всталъ.

— Позвольте мнѣ заѣхать къ вамъ въ редакцію?—сказалъ Таманцевъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Отъ трехъ до пяти, кромѣ воскресенья.

— Письмо отъ Глафиры Спиридоновны доставлю вамъ завтра,—обратился Таманцевъ къ Ветлугиной.

— Очень рада, графъ! Если не побрезгуете, зайдите. Я здѣсь же. Поразскажете мнѣ о Глафирѣ.

Хозяинъ номера проводилъ гостя за перегородку.

XII.

Лакей—пожилой, въ сюртукѣ, при бѣломъ галстукѣ—ввелъ Таманцева въ кабинетъ адвоката Доннера и, уходя, сказалъ:

— Игнатій Акимовичъ извиняются, просятъ минутку обождать. Сейчасъ кончатъ завтракъ.

Оставшись одинъ, Таманцевъ долго оглядывалъ комнату.

Нѣсколько оконъ съ короткой драпировкой, выходя на одну изъ большихъ площадей Петербурга, впускали въ нее бѣлесоватый свѣтъ отъ зимняго неба и снѣга на мостовой и крышахъ сосѣднихъ домовъ. Коверъ, темно-малиновый, служилъ пріятнымъ фономъ для тяжелыхъ дубовыхъ шкаповъ, заставлявшихъ всѣ стѣны, кромѣ одной, гдѣ висѣлъ портретъ, въ полъ-роста, вѣроятно, хозяина квартиры.

Адвоката Доннера Таманцевъ зналъ давно по репутаціи, но никогда и нигдѣ не встрѣчалъ. Не былъ увѣренъ и въ томъ, какого онъ собственно происхожденія—нѣмецъ, судя по фамиліи, или изъ другихъ инородцевъ.

Имя и отчество казались ему немного подозрительными, при такой нѣмецкой фамиліи: „Игнатій Акимовичъ“.

Онъ подошелъ по толстому ковру къ портрету. Въ работѣ его онъ сейчасъ узналъ одного извѣстнаго портретиста. Такой портретъ не могъ стоить меньше пяти тысячъ. Доннеръ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ адвокатовъ. Вся квартира, въ бель-этажѣ, и этотъ огромный кабинетъ съ такой библіотекой показывали, какія у него средства. И онъ тратитъ ихъ умно. Библіотека, въ нѣсколько тысячъ томовъ, роскошныя изданія, художественные пере-

плеты. На отдѣльныхъ дубовыхъ столахъ лежала коллекція гравюръ въ богатыхъ папкахъ. Нѣсколько скульптурныхъ и ювелирныхъ вещей большой цѣны были разставлены безъ расчета на эффектъ, со вкусомъ.

Лицо, смотрѣвшее съ холста портрета, заинтересовало его. Такое лицо могло быть только у очень мыслящаго и тонкаго человѣка. По типу, Доннеръ не былъ похожъ на нѣмца, скорѣе какой-нибудь южанинъ: волосы, рѣдѣющіе на лбу, черные и слегка курчавые; носъ съ горбинкой, нервный и къ кончику утолщающійся, нижняя губа немножко выдвинута и скептическая усмѣшка придана и рту, и длиннымъ близорукимъ глазамъ. Бородка подстрижена. Домашній вестонъ сидитъ небрежно. Правая рука держитъ книгу и вся поза—человѣка, задумавшагося надъ тѣмъ, что онъ сейчасъ прочелъ.

И чѣмъ больше Таманцевъ вглядывался въ портретъ, тѣмъ меньше у него было увѣренности въ томъ, что онъ сдѣлалъ настоящій выборъ ходатая, которому поручитъ высшее руководство по веденію дѣла крестьянъ Муражкинской волости. Не потому, что такой адвокатъ окажется очень дорогимъ. Если онъ согласится вести дѣло, то возьметъ извѣстный процентъ. Какъ бы его цѣна ни была высока, цѣнность земли очень большая: гонораръ будетъ изъ чего заплатить. Не то его начинало смущать. Найдетъ ли онъ въ этомъ Доннерѣ человѣка, способнаго болѣе искренно войти въ положеніе мужиковъ. Знаніе, опытъ, авторитетъ, умъ—вотъ несомнѣнная репутація этого „цивилиста“. Но вѣдь если онъ отнесется къ дѣлу съ одной внѣшней дѣльностью, съ нимъ будетъ, быть-можетъ, ему, Таманцеву, тяжело имѣть постоянныя отношенія, не видать въ немъ и тѣни того чувства, какое его самого заставило добровольно пойти въ мужицкіе ходоки?..

Къ Доннеру онъ взялъ письмо отъ сановника, который бесѣдовалъ съ нимъ недавно и такъ печально освѣтилъ ему теперешній Петербургъ. Адвокатъ отвѣтилъ ему тотчасъ же приглашеніемъ „пожаловать“, но не сказалъ въ своемъ письмѣ, согласенъ ли онъ взять на себя веденіе дѣла: въ общихъ чертахъ Таманцевъ познакомилъ его съ сутью процесса.

Въ этихъ прищуренныхъ глазахъ, въ этомъ ртѣ сидѣло что-то слишкомъ отрѣшенное отъ той земли, гдѣ какіе-то мужики какой-то Муражкинской волости барахтаются. Можетъ-быть, и вся-то практика адвоката была для

этого „цивилиста“ средствомъ, достигнувъ блестящаго матеріальнаго положенія, пребывать въ безплотной сферѣ мышленія.

Изъ богатыхъ дубовыхъ шкаповъ смотрѣли ряды томовъ, гдѣ на корешкахъ Таманцевъ могъ читать имена: Спенсеръ, Декартъ, Огюстъ Контъ, Шопенгауэръ, Эммерсонъ, Бэнъ, Ломброзо...

Ему дѣлалось немного жутко. Въ кабинетѣ тишина стояла, точно въ какомъ музеѣ. Изъ другихъ комнатъ обширной квартиры не доходило ни звука.

Минутъ черезъ десять портьера боковой двери, спущенная на обѣ половины, всколыхнулась.

Адвокатъ стоялъ въ дверяхъ, отстранивъ обѣими руками тяжелыя половины портьеры.

Портретъ не льстилъ ему и былъ очень похожъ; только онъ оказался уже въ плечахъ и ниже ростомъ, чѣмъ предполагалъ Таманцевъ.

Лицо сдержанно улыбалось—блѣдное, худое и моложавое, несмотря на несвѣжій лобъ съ замѣтными морщинами. Доннеръ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, и Таманцевъ замѣтилъ про себя, что точно такъ одѣтъ и его лакей. Вѣроятно, онъ сбирался въ судъ и не хотѣлъ сразу выходить во фракѣ.

— Милости прошу,—сказалъ онъ слабоватымъ голосомъ, безъ всякаго акцента, и пригласилъ Таманцева присѣсть на узкій диванчикъ, между двумя шкапами.

Самъ онъ сѣлъ противъ него на табуретъ.

— Я васъ... не задержу!—торопливо предупредилъ Таманцевъ.

— Почему же? Я свободенъ до самаго обѣда. Извините, что заставилъ васъ подождать. Меня задержали, и я завтракалъ позднѣе обыкновеннаго.

Говоръ у него былъ мягкій. Можно было принять его за настоящаго великоросса, пожалуй, за уроженца Москвы. Тонъ очень располагалъ своимъ умнымъ и спокойнымъ оттѣнкомъ.

— Сегодня, если позволите,—началъ Таманцевъ не совсѣмъ увѣренно,—поговоримъ вообще.

— Съ удовольствіемъ. Какъ угодно. Хотя бы и по существу.

— Вы, многоуважаемый Игнатій Акимовичъ, стало-быть, не отказываетесь въ принципѣ отъ этого довольно сложнаго и врядъ ли пріятнаго дѣла?

— Пріятныхъ дѣлъ нѣтъ, графъ. Всѣ дѣла—кляузы, на оцѣнку свѣжаго человѣка.

— По крайней мѣрѣ, — продолжалъ Таманцевъ, оживляясь,—вы, очень строгій, какъ я слышалъ, въ выборѣ дѣлъ, ничего не будете имѣть противъ такого симпатичнаго мотива?

— Позвольте...

Доннеръ полузакрылъ глаза и, склонивъ немного набокъ голову, сблизилъ пальцы рукъ, тонкіе и очень бѣлые.

— Развѣ я ошибся?

— Въ чемъ?—остановилъ Доннеръ.—Въ моемъ согласіи? Я его не давалъ вамъ, графъ, въ моемъ письмѣ. Но, насколько я вижу существо дѣла, тутъ нѣтъ причинъ устраняться. Да и вообще въ гражданскихъ процессахъ нѣтъ такихъ вопросовъ совѣсти, какъ въ уголовныхъ. Тяжущіяся стороны могутъ одинаково побѣждать или быть побѣжденными.

— Все-таки разница есть. Два хищника тягаются изъ-за милліона, который каждому изъ нихъ можетъ достаться такъ, безъ всякой съ ихъ стороны заслуги, — возразилъ Таманцевъ.—Или, какъ въ данномъ случаѣ, цѣлое населеніе въ двѣ тысячи душъ отстаиваетъ права на достояніе, которое у нихъ оттягали. Разница огромная!

— Видите, графъ,—заговорилъ Доннеръ, повторяя свой жестъ съ кистями рукъ, и замедлилъ темпъ рѣчи. — Я боюсь, что мы съ вами не вполнѣ сойдемся въ самомъ отношеніи къ нашему объекту.

„И я боюсь!“—подумалъ Таманцевъ.

— А вы развѣ ненавистникъ народа? — спросилъ онъ рѣзче, чѣмъ бы самъ желалъ этого.

— Ненавистникъ! Съ какой стати? Скажу вамъ, графъ, съ полной искренностью. Если бы такая тяжба предложена мнѣ была самимъ обществомъ этой волости, я не затруднился бы взять на себя ходатайство или отказался бы за дѣйствительнымъ недосугомъ. Здѣсь есть особенное осложненіе...

— Въ чемъ же? Въ томъ, что я являюсь представителемъ интересовъ крестьянства?

— Въ томъ именно, графъ, что вы—доброволецъ-ходокъ. Вы—большой баринъ, съ титуломъ, и обрекаетесь на скуку веденія процесса, хотя бы только при адвокатѣ по профессіи. Даромъ на это никто не пойдетъ. Въ васъ,

стало-быть, говоритъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ простое чувство справедливости.

— Вы боитесь, что я сектантъ-народникъ?

— Воздержимся отъ всякихъ кличекъ, но что-нибудь въ этомъ родѣ да есть.

Адвокатъ усмѣхнулся и показалъ два ряда мелкихъ желтоватыхъ зубовъ.

Эта усмѣшка покоробила Таманцева.

— Мое чувство къ народу остается при мнѣ, — сдерживая себя, выговорилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія, — оттянулъ съ той же усмѣшкой адвокатъ.

Глаза его стали глядѣть вдаль и лобъ наморщился. Усмѣшка совсѣмъ пропала.

— Мужикъ бѣденъ, неумѣлъ, подавленъ своей неурядицей и темнотой, своими пороками и своей лѣнью... Его жаль; но въ послѣдніе годы во имя его дѣлается столько зла, происходитъ такая расовая травля, что право, графъ, я затрудняюсь рѣшить, что́ опаснѣе: народничество или закорузлое ретроградство, но на прежній помѣщичій ладъ, безъ мистической руссофильской подкладки.

— Я не мистикъ!—твердо выговорилъ Таманцевъ.—И даже не народникъ, какъ вы разумѣете. Я просто ходокъ, быть-можетъ, неумѣлый, но безъ всякой задней мысли.

— О, конечно! Это очень симпатично; но повторяю, графъ, я буду стѣсненъ, если я возьмусь за дѣло Муражкинской волости. Вы не найдете во мнѣ той... какъ бы это сказать—подоплеки, какая есть въ васъ. А вы, кажется, не изъ такихъ натуръ.

— Разъ я вижу, что адвокатъ преданъ душой тому, за что я ратую, я не буду вмѣшиваться.

— Чужая душа—потемки, графъ. И я впередъ отказываюсь сообразовать мое profession de foi съ вашимъ.

Таманцевъ всталъ, очень взволнованный.

— Въ такомъ случаѣ извините,—сказалъ онъ сухо, но вѣжливо.

— Такое́ время, графъ! — выговорилъ съ удареніемъ адвокатъ и тоже всталъ.—Вы изволите видѣть—вамъ мало одной честности и знаній въ довѣренномъ лицѣ, вы требуете всю его душу!

Доннеръ протянулъ руку Таманцеву, видя, что тотъ сбирается уходить, и, провожая его до передней, сказалъ тише звукомъ:

— Вы найдете ходатаевъ болѣе покладливыхъ, чѣмъ я, графъ. Хотя бы дѣло и было очень запутанное. Имѣю честь кланяться.

Таманцевъ на это ничего не отвѣтилъ.

XIII.

Въ кабинетикѣ, позади спальни княгини Елены Павловны, со стѣнами въ кретонѣ, княжна Кэтъ сидѣла у окна, надъ бюваромъ изъ оливковаго дерева съ инкрустаціей и выводила своимъ англійскимъ спокойнымъ почеркомъ на продолговатомъ листкѣ толстой матовой бумаги.

Она писала Лили Фризенъ, что ждетъ ее сегодня ѣхать на катокъ въ четвертомъ часу. Подписавъ свое имя, она поставила постскриптумъ, гдѣ спрашивала о Лушковѣ. Быть-можетъ, и онъ заверпетъ на катокъ.

Написавъ этотъ PS, Кэтъ поднесла ручку пера къ щекѣ и задумалась.

Нужно ли было прибавлять это? Ей пріятнѣе кататься съ Лушковымъ. Онъ такъ ловко держитъ васъ за талію при поворотахъ; необыкновенно удобно съ нимъ. И потомъ плывешь по льду въ тактъ, даже и подъ плохую духовую музыку. Если хочется сдѣлать какой-нибудь росчеркъ, онъ и тутъ поможетъ, и все это безъ всякаго умничанья, хотя и считается очень дерзкимъ съ женщинами.

Она этого до сихъ поръ не испытала. Съ ней онъ только милъ, совсѣмъ какъ пріятель, и въ то же время такъ тонко даетъ ей понять, что онъ ее отличаетъ отъ другихъ; а этихъ „другихъ“ нѣсколько десятковъ. Всѣ желаютъ имѣть его кавалеромъ; во всѣхъ открытыхъ домахъ онъ желанный гость.

Ея пріятельницѣ Лили Фризенъ онъ ужасно нравится, но у Лушкова съ ней „ничего нѣтъ“.

Думая такъ, Кэтъ хорошо знаетъ, что могло бы быть иначе. По части супружеской невѣрности она—„très bien renseignée“. Нынче не то, что дѣвушки ея лѣтъ, а нѣмецкія „Backfisch“ превосходно все понимаютъ и говорятъ о тайныхъ романахъ. Это даже первый разговоръ свѣтскихъ дѣвушекъ.

Лили она отлично понимаетъ и вовсе не увлекается ею. Ей извѣстно, что на нее не очень хорошо смотрятъ въ тонныхъ и строгихъ домахъ. У нея были и теперь

могутъ быть „des toquades“. Гусара Дубровина она съ нѣкоторыхъ поръ постоянно видитъ при ней.

Это очень понятно. При такомъ мужѣ! Лили—пуста, кокетлива, тщеславна, воображаетъ, что у нея всѣ таланты, подражаетъ Сарѣ Бернаръ въ движеніяхъ и туалетахъ. Но что же изъ этого!

Такой второй нѣтъ во всемъ Петербургѣ по шику и „je ne sais quoi fantaisiste“. Безъ нея было бы гораздо прѣснѣе. Благодаря Лили, она теперь вышла изъ рамокъ барышни, которую вывозятъ въ свѣтъ. Княгиня, ея бабушка, сама рѣдко выѣзжаетъ съ нею. Съ этого сезона она позволяетъ внучкѣ бывать съ Лили на вечерахъ, на каткѣ, въ оперѣ. Сначала княгиня немного морщилась, но Кэтъ сумѣла, безъ всякихъ сценъ и объясненій, показать, что она больше не дѣвочка. Ей двадцать четыре года, у нея есть свои средства. Изъ ближайшихъ пріятельницъ княгини ни одна не стала бы вывозить ее. Да она и не желаетъ, чтобы ее „вывозили“. У нея давно уже тонъ и манеры молодой дамы, и всѣ находятъ, что это очень идетъ къ ней.

Кэтъ еще разъ перечитала записку и заклеила ее, пройдясь медленно кончикомъ языка по краямъ конверта. Она была уже одѣта къ завтраку, въ суконномъ платьѣ, темнозеленомъ, съ цвѣтной манишкой, очень широкими отворотами и высокимъ воротникомъ, который подпиралъ ей подбородокъ. Темные цвѣта выгодно оттѣняли окрашиваніе ея кожи. Талія казалась всегда тоньше.

Она встала и подошла къ шкапчику съ книгами—всѣ почти въ богатыхъ переплетахъ. У нея была своя маленькая библіотека. Къ нѣкоторымъ авторамъ, бывшимъ ея любимцами еще два года назадъ, она охладѣла, въ томъ числѣ къ Полю Буржѐ. Ее гораздо больше занимали самые молодые. И вчера она только что разрѣзала желтый томикъ недавно полученнаго въ Петербургѣ новаго романа Марселя Превò.

Буржѐ она находитъ уже прѣснымъ, слащавымъ. Онъ поддѣлывается подъ свѣтскую религіозность и хочетъ, прежде всего, прослыть парижаниномъ высшаго тона. Лушковъ встрѣчалъ его у парижскихъ барынь и очень мило его передразниваетъ. И Лили, увлекавшаяся имъ еще въ прошломъ году, находитъ, что—„ce pauvre Paul est atteint de snobisme“.

Кэтъ достала томикъ и, присѣвъ на конецъ кушетки,

стала разрѣзывать вторую его половину. Черезъ десять минутъ придутъ звать ее къ завтраку. Врядъ ли будетъ сегодня кто-нибудь чужой. Княгиня приглашаетъ только по воскресеньямъ, и тогда они завтракаютъ получасомъ позднѣе.

Третьяго дня обѣдалъ у нихъ генералъ Дергуновъ, дядя графа Андрея.

Генералъ особенно раздраженъ противъ своего племянника. Тотъ наговорилъ ему дерзостей. И старикъ такъ началъ его язвить, что Кэтъ, слушавшей молча эти выходки, стало немного жаль его.

Съ того дня, какъ онъ былъ съ визитомъ, онъ не появлялся больше. Она согласна, что суховато встрѣтила его. Но съ какой же стати воображаетъ André (она еще называла его такъ про себя), что она должна была выказать радость? У нихъ нѣтъ flirt'a, у нихъ не было любовной переписки. Здѣсь, въ Петербургѣ, она всегда относилась къ нему хорошо, очень дружески. Одно время онъ началъ ей нравиться. Она находила его умнымъ, смѣлымъ, болѣе „мужчиной", чѣмъ большинство молодыхъ людей. Онъ много жилъ за границей, много читалъ. И наружность его, до отъѣзда въ деревню, могла нравиться. Но теперь онъ потолстѣлъ, похожъ на купца или провинціальнаго доктора. Даже есть что-то въ его курчавой головѣ простонародное.

Это бы ничего. Но съ какой стати взялъ онъ на себя менторство? Она ему писала очень охотно и часто, все разсказывала про свои выѣзды, знакомства, чтенія. И ничего не скрывала изъ своихъ мыслей. Вотъ эти мысли-то и не пришлись ему по вкусу. Какая же охота получать въ отвѣтъ всякія, совершенно лишнія наставленія? Какое же удовольствіе въ пріятельской перепискѣ, если нельзя быть такой, какой чувствуешь и сознаешь самоё себя? А онъ взялъ тонъ человѣка, точно имѣющаго на нее права... по крайней мѣрѣ, жениха.

Они не объяснялись въ любви, они не цѣловались. Въ ея письмахъ никогда не было никакихъ нѣжностей. Да и онъ писалъ ей совсѣмъ не такъ, какъ пишутъ влюбленные; письма сначала были очень милыя, но потомъ тонъ ихъ дѣлался нестерпимымъ. Переписка и прекратилась... не по ея винѣ.

И какъ разъ къ этому времени она стала часто видаться съ Лушковымъ. Сначала ей недоставало писемъ

отъ André. Но она сильно не тосковала—доказательство, что у нея не было никакого особеннаго чувства къ нему.

Къ чему обманываться, напускать на себя?

Кэтъ, съ тѣхъ поръ какъ она считала себя „личностью", больше всего презирала всякую рисовку и сентиментальность. Вотъ и въ послѣдній разъ, когда они чуть-было не заспорили въ очень непріятномъ топѣ, она ему сказала, что̀ думаетъ о петербургской благотворительности. Не намѣрена она измѣнять своего взгляда въ угоду ему. И первая ихъ бурная схватка была, два года тому назадъ, изъ-за того, что она стала говорить правду о ихъ родителяхъ...

André смѣшонъ съ своими фасонами.

„Vous avez trop de bleu",—не переставала она повторять ему. А съ тѣхъ поръ онъ, вдобавокъ, сталъ еще рѣзче. И ведетъ себя въ обществѣ просто смѣшно. Вездѣ онъ строитъ фразы, либеральничаетъ, напускаетъ на себя любовь къ мужикамъ. Дядѣ нагрубилъ. Вчера madame Овчинина была у нихъ съ визитомъ и разсказывала также, что онъ и ея мужу, и ей наговорилъ, ни съ того, ни съ сего, Богъ знаетъ что̀!

Да, онъ просто смѣшонъ и врядъ ли даже способенъ понять, насколько она развилась, какъ она смотритъ на все, что̀ вокругъ нея дѣлается. Она ничѣмъ не увлекается. Никакихъ „clichés" она не желаетъ. Всего страшнѣе скука; но еще хуже скуки—быть наивной или подчиняться тому, что̀ вамъ навязываютъ другіе.

Кэтъ, докончивъ разрѣзъ листовъ желтаго томика, перешла въ спальню, положила его на ночной столикъ и передъ зеркаломъ поправила прическу.

Она гордилась тѣмъ, что была аккуратна, совсѣмъ по-англійски, и любила смѣяться надъ русской непорядочностью.

Офиціантъ пришелъ, къ половинѣ перваго, доложить ей, что завтракъ поданъ.

— Послать съ посыльнымъ!—кратко приказала она ему, отдавая письмо къ Лили.

Прислуга слушалась ее больше, чѣмъ старую барыню. Про себя и Кэтъ давно знала, что княгиня для нея ни въ чемъ не авторитетъ, и въ домѣ она — такая же хозяйка.

XIV.

„Добрый графъ Андрей Павловичъ, — читалъ Таманцевъ въ тотъ самый день, когда Кэтъ послала записку Лили Фризенъ, — какъ мы всѣ чувствуемъ ваше отсутствіе! Знаете, когда вы пріѣхали проститься съ нами, то я какъ-то не поняла, что вѣдь это настоящее прощаніе, что это—отъѣздъ надолго... Кто знаетъ, быть-можетъ навсегда?“

Почеркъ былъ крупный, пріятный для глаза, мужской. Писала дѣвушка, та самая Глафира Спиридоновна Колчанова, про которую у нихъ вышелъ разговоръ съ ученой дѣвой Ветлугиной, въ номерѣ беллетриста Малышева.

Пахнýло на него совсѣмъ другимъ воздухомъ отъ этого умнаго, дружескаго письма. Какъ это не похоже на то, что̀ онъ испытываетъ здѣсь, вотъ уже вторую недѣлю! Какъ это далеко отъ такихъ салоновъ, гдѣ княжна Кэтъ обучается теперь высшему тону, подъ руководствомъ такой бабенки, какъ Лилишка, и такого „прелестнаго мужчины“, какъ господинъ Лушковъ! Но и у писателя ему было скорѣе жутко, чѣмъ ловко и хорошо. Какимъ-то себѣ-на-умѣ, умничаньемъ и сухостью отзывался этотъ сочинительскій номеръ. Вѣроятно, всѣ трое, и Малышевъ, и его пріятель Дымкинъ, и ученая дѣва Ветлугина, очутись они въ уѣздѣ—были бы другіе.

Все письмо Глафиры Колчановой дышало искреннимъ интересомъ къ нему. И никакой въ немъ не было сентиментальности.

Онъ задумался, отложивъ письмо на столъ.

Развѣ ему не приводилось замѣчать въ своей сосѣдкѣ чего-нибудь больше дружеской симпатіи? Да и бываетъ ли дружба у женщины съ мужчиной? Самъ онъ не позволялъ себѣ „интересничать“ съ нею—слишкомъ уважалъ ее для этого. Но ему памятны два-три раза, когда Глафира одушевлялась въ разговорѣ съ нимъ, въ сумерки, съ-глазу-на-глазъ. И глаза ея, съ ровнымъ блескомъ, подъ густыми, низко лежащими бровями, начинали блестѣть сильнѣе. И щеки, довольно полныя, розовѣли. Ямочки появлялись на нихъ и сочный ротъ, съ блестящими зубами, то̀чно противъ воли раскрывался.

И въ такія минуты онъ не позволялъ себѣ ничего лишняго—взять за руку или сѣсть поближе. Его сдерживало и то, что онъ въ уѣздѣ былъ первый „аристократъ“, какъ

его звалъ становой. А Глафира Спиридоновна Колчанова, хоть и богатая дѣвушка, но купчиха, а эта разница чувствуется въ уѣздѣ гораздо сильнѣе.

Глафира Колчанова писала ему, что онѣ съ сестрой собираются въ Москву на праздники,—можетъ, проѣдутъ и въ Петербургъ.

„Только,—читалъ онъ съ блуждающей улыбкой,—васъ въ Питерѣ, — онъ подумалъ: зачѣмъ она употребляетъ слово „Питеръ“?—и не добудешь. Если не порхаете, чего я не хочу предполагать, то поглощены вашими хлопотами. Вѣдь у насъ, въ уѣздѣ, васъ иначе не называютъ, какъ *ходокъ*—иные съ легкой иронiей, но многiе съ полнымъ сочувствiемъ. Право, нашъ уѣздъ—хоть куда. Всѣ, кто что-нибудь стоитъ, умѣютъ цѣнить такихъ людей, какъ вы, графъ. И ихъ самое искреннее желанiе — привлечь васъ къ мѣстной службѣ. Мы съ сестрой воздерживаемся отъ заявленiя нашихъ желанiй. Это было бы уже слишкомъ хорошо для вашихъ ближайшихъ сосѣдокъ“.

Всѣ четыре страницы были исписаны. На четвертой оставлено мѣсто на нѣсколько строкъ для старшей сестры. Клавдiя благодарила его за книгу, высланную изъ Москвы, — по агрономiи. Въ конвертъ вложенъ былъ кусокъ бумаги въ получетвертушку. Докторъ Домашневъ, случившiйся у сестеръ, писалъ ему:

„Шлю сердечныя пожеланiя успѣха *ходоку* муражкинскихъ крестьянъ; но вамъ лично не завидую, графъ. Возвращайтесь-ка къ намъ еще по хорошему зимнему пути“.

Славное, немножко инородческое лицо доктора выплыло передъ нимъ, съ мороза, когда тотъ, въ передней, освобождался изъ своего овчиннаго тулупа. Борода заиндивѣла, волосы подъ шапкой пристали ко лбу, щеки съ румянцемъ, карiе глаза весело подмигиваютъ.

— Погода!—говоритъ докторъ, отряхивая морозныя сосульки съ бороды и усовъ.

Вслѣдъ за лицомъ доктора выплываетъ въ его памяти и фигура, немного плотная, рослой, прекрасно сложенной дѣвушки, почти всегда въ темномъ платьѣ, въ обтяжку, отлично сшитомъ. И ея большiе темнокарiе глаза такъ привѣтливо улыбаются, и бѣлые зубы блестятъ изъза пышныхъ губъ.

Но онъ не испытываетъ никакой тревоги отъ этого образа, вызваннаго письмомъ Глафиры Спиридоновны.

Изъ-за него сейчасъ же, помимо его воли, всплылъ образъ другой дѣвушки, съ тонкой таліей, съ большими буффами на рукавахъ. Ея лицо, блѣдное, съ прозрачной кожей, и эти нервныя ноздри, и руки, тонкія и длинныя, и голосъ, гдѣ не задрожало ни одного ласковаго звука за весь ихъ разговоръ на той недѣлѣ.

Неужели онъ такъ и оставитъ ее въ воздухѣ Лилишекъ и Лушковыхъ? Старуха-княгиня—сухая, чванная педантка, которой, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла до того, что̀ выйдетъ изъ ея внучки, только бы она сдѣлала блестящую партію. Кэтъ не всегда была такая. Она умна, даже очень умна, у нея есть любознательность, она много и съ толкомъ читала. Въ ней привлекала его новизна и смѣлость всѣхъ ея взглядовъ, большая правдивость, даже и въ томъ, что̀ ему не нравилось.

Не виноватъ ли онъ кругомъ и тутъ? Зачѣмъ оборвалъ онъ съ ней переписку изъ деревни? Ея письма смущали, положимъ, даже огорчали его. Но съ какой же стати было брать тонъ ментора и проповѣдника?

Это такъ же глупо, какъ и его выходки въ салонѣ княгини, у дяди, у Овчинина. Прежде, до отъѣзда въ деревню, ему случалось вспылить, но не такъ. Онъ просто разучился быть въ воспитанномъ обществѣ. И навѣрно дядя уже нажаловался на него княгинѣ и представлялъ его въ лицахъ. Можетъ, и Овчинины уже разсказали: жена его является на поклоны къ старухѣ, хотя и играетъ въ какую-то оппозицію, на аглицкій манеръ.

— Господи! Какъ все это нелѣпо! — вскрикнулъ онъ, и краска смущенія и досады на себя уже не сходила съ его щекъ, похудѣвшихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Петербургѣ. — Какъ глупо, какъ глупо! — повторилъ онъ и не находилъ въ себѣ никакихъ оправданій собственному поведенію.

Вѣдь онъ не разорвалъ же съ домомъ княгини, а вотъ около недѣли, какъ онъ не кажетъ туда глазъ.

Это его почти испугало. Онъ отчетливо и быстро сталъ вспоминать свои отвѣты и мины въ будуарѣ старухи до прихода генерала и послѣ. У нея онъ еще сносно велъ себя. Нѣтъ никакого резона прекратить посѣщенія. Если до сихъ поръ ни она, ни Кэтъ не напишутъ ему пригласительной записки—опять-таки онъ же виноватъ. Въ залѣ онъ повелъ себя совсѣмъ не такъ, чтобы его стали

усиленно приглашать, даже и въ такой близкій домъ, какимъ былъ для него всегда домъ княгини.

Онъ стремительно позвонилъ и приказалъ человѣку приготовить ему одѣться.

Это было послѣ его завтрака. И въ началѣ четвертаго онъ уже ѣхалъ въ саняхъ, первопуткомъ, по направленію къ Фонтанкѣ. На душѣ у него было тревожно и весело. Черезъ пять минутъ онъ увидитъ Кэтъ. Можетъ-быть, она одна. Да онъ и не будетъ спрашивать старуху. Прежде онъ всегда приказывалъ доложить княжнѣ, и они сидѣли въ гостиной по цѣлымъ часамъ. Къ старухѣ онъ ходилъ только откланяться.

Молодымъ человѣкомъ выскочилъ онъ изъ саней и взбѣжалъ на крыльцо.

— Княгиня дома?

— Накакъ нѣтъ, — отвѣтилъ ему все тотъ же краснолицый, бритый швейцеръ, очень важный.

— А княжна?

— И ихъ нѣтъ. Онѣ изволили поѣхать съ madame Фризенъ на катокъ.

— Куда?

— Не могу вамъ съ точностью сказать. При мнѣ кучеру ничего сказано не было.

„На катокъ ли?—подозрительно подумалъ Таманцевъ.— Нѣтъ ли тутъ какихъ ходовъ этого Лушкова?“

— И не извѣстно, въ которомъ часу онѣ вернутся?

— Врядъ ли раньше обѣда, ваше сіятельство.

Эта неудача только подтолкнула его.

Городскіе катки извѣстны. Онъ объѣдетъ ихъ всѣ и гдѣ-нибудь да найдетъ Кэтъ. И она узнаетъ, какъ ему захотѣлось ее видѣть.

„А если тамъ Лушковъ? — спросилъ себя Таманцевъ, садясь въ сани. — Навѣрно тамъ! Такъ что жъ изъ этого?“

Какое ему дѣло до этого нахала? Неужели онъ не въ силахъ будетъ въ теченіе зимы заставить его ретироваться на задній планъ? Что въ немъ есть такого опаснаго? Они почти однихъ лѣтъ. Онъ скорѣе смѣшонъ, чѣмъ красивъ; большого состоянія нѣтъ, весьма сомнительная репутація.

Съ кѣмъ бы онъ ни нашелъ княжну, онъ отыщетъ ее! И молодое чувство отваги заиграло въ его груди.

XV.

Духовая музыка тянула вальсъ изъ „Цыганскаго барона". На морозномъ воздухѣ звуки мѣди разносились рѣзко и раскатисто и съ неизбѣжной фальшью на высокихъ нотахъ.

Катокъ освѣщался нѣсколькими рядами фонарей, и часто поверхъ ихъ желтоватаго свѣта пускали электричество съ разными колерами: краснымъ, синимъ, зеленымъ, огненно-фіолетовымъ. Эти мгновенныя зарева придавали сказочный налётъ и площади льда, и фигурамъ, которыя плыли по катку въ разныхъ направленіяхъ, встрѣчались, расходились, дѣлали причудливые повороты.

Издали публика и черный народъ глазѣли на катокъ. Подъ навѣсомъ шли разговоры—больше на иностранныхъ языкахъ.

Въ одной группѣ выше другихъ поднимался картавый говоръ Лили Фризенъ.

Она только что вернулась, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, и, манерно переводя духъ, стояла спиной, держась за барьеръ, въ бархатной шубкѣ, опушенной выхухолью, собольяго мѣха шапочкѣ и очень короткой пестрой юбкѣ. Ея красивыя ноги, въ высокихъ штиблетахъ, выдѣлялись двумя темными контурами на фонѣ стѣны, наполовину засыпанной снѣгомъ.

Съ ней говорили два офицера — одинъ въ бѣлой фуражкѣ, другой въ красной—и двѣ дамы. Одна изъ нихъ сидѣла въ глубинѣ на скамейкѣ и сама не каталась.

— Louchkoff se surpasse!—вскричала Лили, глядя прищуренными глазами въ глубь катка.

— Il pose pour le torse,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ постарше и позлѣе на языкъ.

— Навѣрно онъ въ корсетѣ, — прибавилъ другой по-русски.

— И не думаетъ, — обрѣзала его Лили и нахмурила брови. — Пожалуйста, — продолжала она съ не-русскимъ акцентомъ, — я вамъ запрещаю нападать на него. C'est pas très courageux... en son absence!

Офицеръ хотѣлъ что-то возразить, но въ эту минуту пара подлетѣла къ барьеру и разомъ уперлась въ барьеръ руками.

Это были Кэтъ и ея всегдашній кавалеръ Лушковъ.

Офицеръ былъ правъ: всякій бы сказалъ, что у Луш-

кова подъ курткой, обшитой сѣрыми смушками, корсетъ: въ такой степени ясно выступалъ узкій перехватъ таліи.

На головѣ его сидѣла немного назадъ сѣрая же смушковая шапка. И такъ же, какъ Лили, онъ былъ не въ сапогахъ, а въ штиблетахъ, на парижскій манеръ.

Кэтъ, въ такой же „toque", какъ и Лили, но въ суконной куркѣ, раскраснѣлась, и ея волосы выбились на вискахъ тонкими спиралями. Она усиленно дышала, и глаза ея казались съ поволокой, немного сдавленные вѣками. Въ нихъ осталось сладкое ощущеніе быстраго лета по зеркалу льда.

— Ouff!—сдѣлали разомъ Кэтъ и Лушковъ.

Лили захлопала. Захлопали и оба офицера, бывшіе тутъ въ качествѣ зрителей.

— Ereintée? Hein! Kate?—бросила Лили.

— Moi?—переспросила Кэтъ.—Pas le moins du monde!

— Très crâne! Très crâne! — одобрительно кивалъ на Кэтъ головой Лушковъ, выпрямляя грудь и замѣтно охорашиваясь.

Офицерамъ хотѣлось сказать ему что-нибудь непріятное.

— Лушковъ! — окликнулъ его тотъ, что былъ постарше.—Сколько вензелей пустилъ? А?

Второй засмѣялся.

— Des chiffres? — переспросилъ все такъ же фатовато Лушковъ, не обращая вниманія на ихъ тонъ.—Deux seulement. Mais d'un chic, mes enfants!

И онъ, освободивъ одну руку, въ кирпичнаго цвѣта перчаткѣ, приложилъ ее къ губамъ.

— N'est-ce pas, princesse?—спросилъ онъ Кэтъ, наклонившись къ ея плечу такъ низко, что до нея доходило его дыханіе вмѣстѣ съ запахомъ его духовъ.

— Très chic!—подтвердила она и улыбнулась ему.

— Княжна, — спросилъ злой офицеръ въ красной фуражкѣ, — вамъ завидно? Вы еще не дошли до такого совершенства?

— Mais certainement, — подхватила Лили, — que nous l'envions toutes. Et vous donc!

Всѣ засмѣялись, кромѣ офицера въ красной фуражкѣ.

— Encore un tour!—крикнула Кэтъ и выпрямилась.

Они взялись руками съ Лушковымъ и отдѣлились отъ барьера, дѣлая качательныя движенія вправо и влѣво, сначала медленно, потомъ все ускоряли, ускоряли темпъ и понеслись ближе къ срединѣ катка, куда въ эту ми-

нуту влилась волна рубиноваго электрическаго свѣта и затопила все, вплоть до темнѣющаго фона домовъ.

Кэтъ закрывала глаза и такъ въ темнотѣ неслась подъ звуки вальса. Они съ своимъ кавалеромъ составляли точно одно крылатое существо. Рука Лушкова крѣпко держала ее, но она почти не ощущала, что ее держатъ. На дальнемъ концѣ, при поворотѣ, дыханіе Лушкова, съ запахомъ духовъ отъ его усовъ и шапочки, повѣяло на нее и заставило испытать что-то особенно пріятное во всемъ тѣлѣ.

— Voulez-vous que je vous lâche?—спросилъ онъ ее.

— Oh, que non!

Ей показалось, что одну ея руку, правую, онъ жметъ сильнѣе. Но его глаза смотрятъ не на нее, а вбокъ. Онъ точно ждетъ, чтобы и она отвѣтила ему. Она не хочетъ. Но и руку она не отнимаетъ. Въ этомъ порочномъ человѣкѣ—Кэтъ знаетъ, что онъ пороченъ — есть что-то для нея заманчивое. Когда она о немъ думаетъ, то сравниваетъ его съ такими вещами, которыя ей до сихъ поръ недоступны. Читаетъ она все. Княгиня, вотъ уже второй годъ, не наблюдаетъ за выборомъ ея книгъ. Она сама заѣдетъ къ Вольфу или къ Мелье и купитъ то, что ей покажется интереснымъ. Но въ cabinet particulier она никогда не бывала, или въ какой-нибудь „garçonnière“. И не видала такихъ пьесъ, какія даются въ Парижѣ, у Антуана, въ „Théâtre libre“.

Лили разъ приглашала ее заѣхать въ Милютины лавки, поѣсть устрицъ, послѣ спектакля. Взять Лушкова и еще своего гусара. Но на нее нашелъ какой-то глупый страхъ.

И Лушковъ для нея олицетвореніе чего-то запретнаго. Его bagoût, жесты, звукъ голоса, туалетъ, манера танцовать и пѣть шансонетки, — все это въ родѣ крѣпкихъ, очень дорогихъ и модныхъ духовъ, какихъ еще ни у кого нѣтъ.

— Ecoutez, princesse, — говоритъ ей Лушковъ, они катились медленнѣе, — je comprends que vous aimiez la glace.

— A cause?—лѣниво отвѣчаетъ она, и ей не хочется раскрыть глаза совсѣмъ—она ихъ держала полуоткрытыми, чтобы видно было подъ ноги.

— A cause? Pardieu! Mais parce que vous êtes vous-même de glace.

Ей это и прежде говорили, только не такимъ тономъ.

Будто она такъ холодна? Онъ, вѣроятно, желаетъ, чтобы она передъ нимъ таяла!

Этого не будетъ. Если онъ и „флиртируетъ“ съ нею, то такъ, какъ съ десяткомъ другихъ дѣвицъ. Съ дамами у него очень дерзкій тонъ, кромѣ тѣхъ, кто только его пріятельницы, напримѣръ, какъ Лили.

— Vous trouvez? — спросила она, и смѣло поглядѣла на него вбокъ.

— Si je le trouve!

Онъ разсмѣялся—непріятно, какъ смѣются на сценѣ.

„Холодна ли я?“ — спросила себя Кэтъ, и ей какъ будто обидно стало, что всѣ считаютъ ее кусочкомъ льда. Это неправда. Но вотъ въ эту минуту развѣ у нея на сердцѣ что-нибудь вздрагиваетъ? Ей просто пріятно отъ любимаго ея удовольствія, пріятно и отъ того, что она катается съ самымъ ловкимъ и моднымъ молодымъ мужчиной.

И только? Неужели—только?

— Un glaçon, quoi!—съ тѣмъ же актерскимъ смѣхомъ сказалъ Лушковъ, и спросилъ тѣмъ же тономъ: — Voulez-vous un pas de rigodon?

Это ей напомнило, что они скоро должны танцовать въ балетѣ. Лушковъ приглашалъ ихъ съ Лили заѣхать къ нему—посмотрѣть его костюмъ, который будетъ готовъ къ слѣдующей недѣлѣ.

Отчего же и не заѣхать на минуту? Онъ навѣрно одѣнется. Лили сядетъ за піанино. И они пройдутъ всѣ свои па.

Но и отъ этого у нея не забилось сердце. Она не боится Лушкова. Даже съ-глазу-на-глазъ она осталась бы съ нимъ гдѣ угодно. Никого она не боится и за себя можетъ отвѣтить. Но она все-таки не кусокъ льда. О, нѣтъ!

XVI.

Когда они возвращались, Лушковъ кивнулъ головой по направленію къ навѣсу и сказалъ, сдѣлавъ презрительную мину:

— Tiens! Votre amoureux! L'homme à la thèse!

Кэтъ повернула голову туда же, и сейчасъ узнала въ сторонѣ отъ обоихъ офицеровъ — Лили уже была опять на льду—плотную фигуру графа въ длинномъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ.

— Mon amoureux?—спросила она и отняла руку, продолжая катиться вровень съ своимъ кавалеромъ.—Quelle drôle d'idée!

— Il est passablement démodé... ce monsieur-là,— выговорилъ Лушковъ и повелъ такъ же презрительно своими растрепанными, по-модному, усами.

Тонъ Лушкова задѣлъ Кэтъ. Она сама могла быть недовольна Таманцевымъ, но все-таки онъ былъ еще недавно близкій ей человѣкъ. Она не терпѣла никакого двоедушія. Если въ ея присутствіи на него нападали „за дѣло", она молчала, какъ на-дняхъ, когда у нихъ обѣдалъ его дядя. Но третировать его за глаза, да еще называть его ея „amoureux", она не позволитъ.

— Laissez-le tranquille, — сказала Кэтъ, строже взглянувъ на Лушкова.

— Ah! Mademoiselle le gobe?

Лушковъ засмѣялся своимъ дѣланнымъ смѣхомъ.

— Mais pas du tout. Vous êtes infecte!

— Merci,—невозмутимо отвѣтилъ онъ и по его развратному взгляду видно было, какъ онъ ею любуется и готовъ еще посердить ее, только чтобы ея ноздри вздрогнули на особый ладъ.

Они оба были уже близко къ барьеру. Кэтъ видѣла, что Таманцевъ ищетъ ее глазами. Она первая издали кивнула ему головой, и онъ широкимъ жестомъ снялъ свою бобровую шапку. Она замѣтила и чуть замѣтную тѣнь, которая прошлась по его лицу, когда онъ узналъ и Лушкова.

„Зачѣмъ онъ здѣсь?—подумала Кэтъ.—Кажется, онъ не умѣетъ кататься на конькахъ?"

Не для нея ли пришелъ онъ сюда? Быть-можетъ, Таманцевъ стоилъ совсѣмъ не такой встрѣчи, какую онъ нашелъ въ первый свой визитъ. Но кто его знаетъ? Онъ способенъ и здѣсь начать читать мораль.

Внутри у нея было что-то двойственное, когда она подлетѣла къ барьеру и схватилась за него руками.

Кавалеръ ея немного отсталъ.

Таманцевъ стоялъ поодаль отъ офицеровъ въ бѣлой и красной фуражкахъ. И первый онъ подошелъ къ ней.

— Браво, княжна!—ласково окликнулъ онъ ее.

Кэтъ быстро обернула къ нему голову, уже стоя спиной къ барьеру, и слегка оперлась о него.

— А! графъ, вы здѣсь?

Она давно знала, что онъ и прежде любилъ русскій языкъ, а теперь и подавно. Отчего же не сдѣлать ему удовольствіе? Особенно, когда они вдвоемъ.

Лушковъ повернулъ у самаго барьера, увидавъ, что Таманцевъ говоритъ съ Кэтъ. Навстрѣчу ему поворачивали, съ другой стороны, три дамы, взявшись руками. Онъ подлетѣлъ къ крайней изъ нихъ, и она крикнула такъ, что Кэтъ и Таманцевъ могли слышать:

— Prenez-moi!

„Il bisque!"—подумала Кэтъ французскимъ жаргоннымъ словомъ, и ее пріятно защекотало, что Лушковъ какъ будто ревнуетъ ее.

Такъ ей больше нравится, чѣмъ слишкомъ развязный тонъ мужчины съ его успѣхомъ, который удостоиваетъ легкаго „флирта" неглупенькую дѣвицу съ титуломъ и приданымъ.

— Какъ вы попали сюда?— спросила Кэтъ Таманцева, и ея полуоткрытые глаза улыбнулись ему.

— Спросите лучше—зачѣмъ?

— Ну, зачѣмъ?.. Вы знаете... я всегда хуже говорю по-русски съ вами. Вы такой строгій.

Она это выговорила такъ, какъ бывало прежде, въ ихъ долгія бесѣды съ-глазу-на-глазъ, при свѣтѣ одной лампы въ засвѣжѣвшей гостиной.

— Былъ у васъ,—заговорилъ оживленно Таманцевъ.

— Видѣли grand'maman?

— Нѣтъ, ея не было дома, а мнѣ швейцаръ не могъ сказать—гдѣ вы именно.

— И вы меня искали?

— Искалъ.

— Все время?

— Все время.

— Вы меня балуете,—сказала Кэтъ съ усмѣшкой.

— Послушайте,—остановилъ ее Таманцевъ,—бросьте со мною этотъ тонъ!

— Какой?

— Развѣ я не могъ стремиться къ вамъ?

— Стремиться... Это такое книжное слово.

— Полноте!—проронилъ Таманцевъ и голосъ его дрогнулъ.

— Вы слишкомъ все серьезно, графъ.

— Не зовите меня такъ!

Въ эту минуту мимо проплыла Лили подъ-руку съ во-

ельнымъ. Кэтъ знала, что этого гусара съ восточнымъ лицомъ и бородой считаютъ ея „другомъ“.

— Venez! Katïe!—крикнула ей Лили.

Черезъ нѣсколько секундъ Лушковъ съ тремя дамами пролетѣлъ и кивнулъ головой въ ихъ сторону.

Электричество озарило опять весь катокъ задорно-яркимъ свѣтомъ.

Лили, Лушковъ—пріятели и руководители Кэтъ — эти двѣ фигуры сейчасъ же заставили Таманцева сжаться. Она пріѣхала сюда съ ними или для нихъ. Въ ихъ зараженномъ воздухѣ ей легко дышится. А онъ, пришлый, чудакъ, несносный своимъ тономъ и своими взглядами на то, чѣмъ она живетъ и будетъ жить. Какой-то отщепенецъ, измѣнникъ, старомодный нигилистъ...

— Вамъ весело съ ними?—спросилъ онъ.

— Весело. Вы не умѣете на конькахъ?

— Умѣлъ когда-то.

— Хотите? Ха-ха! На васъ слишкомъ длинное пальто.

Взглядъ ея прошелся по его пальто и въ этомъ взглядѣ было что-то жуткое. Весь онъ смотрѣлъ какимъ-то купцомъ или приказчикомъ, хоть и въ бобровой шапкѣ. Онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, въ полномъ смыслѣ „dépaysé“—и не хотѣлъ казаться имъ. Вотъ почему онъ и не выдержалъ и сказалъ ей:

— Здѣсь, съ вашими мирмидонами, не желаю выдѣлывать вензелей.

— Мирмидонами? Что это?—суше спросила Кэтъ, зачуявъ, что онъ опять начнетъ „умничать“. — Les Mirmidons? А? Le bouillant Achille était le roi des Mirmidons. Кто же на него похожъ? Это вы, графъ, постоянно кипите. Ха-ха!

Съ нея слетѣло то болѣе мягкое чувство, съ какимъ она встрѣтила Таманцева.

„Tant pis pour lui“, — внутренно воскликнула Кэтъ и выпрямилась, какъ будто сбираясь опять въ походъ.

— Вы не устали? — спросилъ Таманцевъ. — Или васъ опять тянетъ къ нимъ?

„Глупо, глупо!“—говорилъ онъ себѣ и не могъ пересилить себя, заговорить съ ней такъ, какъ сбирался—тепло, кротко, въ тонѣ друга, который ничего для себя не добивается. Она была такая живописная въ этомъ костюмѣ, ея лицо такъ дышало жизнью, а онъ хоть бы сказалъ ей что-нибудь любезное.

Подлетѣла Лили и крикнула:

— Ouff!

Ловко повернувшись спиной къ барьеру, она кивнула головой Таманцеву и протянула ему руку.

— Ah! Comte! C'est gentil de votre part.

И передернувъ плечами, при чемъ грудь она выставила впередъ, Лили громко сказала ему:

— Voulez-vous venir à ma soirée où Kate est du ballet?

Таманцевъ только поклонился. Она была ему до-нѣльзя противна. Но онъ не отвѣчалъ отказомъ.

Лушковъ, отдѣлившись отъ своихъ дамъ, подлетѣлъ и спросилъ Кэтъ, поводя усами:

— Vous me boudez... Hein?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ взялъ одной рукой Лили, а другой Кэтъ и крикнулъ:

— Une troïka!

Всѣ втроемъ поплыли. И ихъ смѣхъ врѣзался въ ухо Таманцева. Смѣхъ княжны отдавался у него внутри и холодилъ его.

Онъ отошелъ вглубь и, глядя на катокъ, опять залитый цвѣтными волнами свѣта, готовъ былъ заплакать.

И ему казалось, что онъ дѣйствительно глотаетъ слезы. Такъ прошло съ минуту.

„Нѣтъ! Не достанется она этому руффіану!“ — чуть не вслухъ выговорилъ онъ и тутъ же рѣшилъ, что онъ будетъ у этой Лили, что бы тамъ ни ожидало его.

XVII.

Ресторанъ—какъ часто въ концѣ перваго—былъ полонъ.

Таманцевъ пріѣхалъ нарочно попозднѣе. Онъ условился съ однимъ господиномъ встрѣтиться тутъ, и тотъ предупреждалъ его, что, быть-можетъ, опоздаетъ минутъ на десять, много на четверть часа.

Все такъ же, какъ и два года назадъ, два швейцара встрѣтили его. Первый отворилъ наружную дверь въ сѣни, второй принялъ его шубу въ буфетной комнатѣ, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ лежали военныя фуражки, шляпы и мѣховыя шапки. Тутъ же, за единственнымъ накрытымъ столомъ, завтракало семейство французовъ—сѣдѣющій, лысый брюнетъ и его дама, очень крикливо одѣтая, съ подведенными глазами, похожая на актрису.

Вдоль всѣхъ трехъ комнатъ ресторана медленно прохаживался хозяинъ, въ короткой визиткѣ, и другой мо-

лодой французъ, въ бѣлой курткѣ и беретѣ. Татары-лакеи сновали, всѣ бритые, и перекидывались между собою гортанными звуками, дробно и какъ будто сердито.

По всему ресторану, съ его огромными окнами, выходящими на Морскую, расходился гулъ разговоровъ. Отъ одного стола, налѣво отъ прохода, доносился болѣе громкій разговоръ, и чей-то мужской рѣзкій, гнусавый голосъ пускалъ звуки, которые пронизывали общій гулъ.

За многими столами сидѣли военные, больше молодежь, въ парадной формѣ. Виднѣлись и два-три мундира чиновниковъ, въ лентахъ и крестахъ. И еще прибывалъ должностной народъ съ какихъ-то важныхъ похоронъ.

— Voici une place, — указалъ Таманцеву „шефъ“ въ бѣломъ беретѣ на столъ въ углу, справа, въ третьей комнатѣ.—Monsieur est seul?

— J'attends quelqu'un,—отвѣтилъ Таманцевъ, протирая глаза, мокрые отъ снѣжной крупы. Онъ морщился и отъ того воздуха, которымъ пахнулъ на него этотъ ресторанъ съ его обычными посѣтителями, съ противными для него лицами.

Садясь справа, онъ оглянулся пристально.

Все попрежнему. Но сегодня, по случаю парадныхъ похоронъ, этотъ ресторанъ имѣлъ „архипетербургскую“ физіономію. Стоило Таманцеву вглядѣться въ тѣхъ, кто наполнялъ его, чтобы почувствовать, какъ ему точно что̀ подступило къ горлу.

Два года тому назадъ онъ не испытывалъ этого. Не то чтобы ему было особенно пріятно и тогда видѣть разныхъ „хлыщей“, и военныхъ, и статскихъ. Онъ и прежде тяготился Петербургомъ, но когда попадалъ вотъ сюда, откуда когда-то Щедринскіе „Ѳеди Кротиковы“ получали высшія назначенія въ провинцію, онъ такъ не отдѣлялъ себя отъ всего этого люда, не чувствовалъ стѣны, которая теперь несомнѣнно выросла между нимъ и обычными посѣтителями ресторана.

Громкій разговоръ, за столомъ напротивъ него, но по другую сторону прохода, заставилъ его повернуться туда.

Его даже бросило слегка въ краску. Вѣдь этотъ именно столъ послужилъ главнымъ толчкомъ его бѣгства въ деревню.

Конечно!

И теперь сидятъ тѣ же самые „habitués“. Двоихъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ и даже кланялся съ ними. Мо-

жетъ-быть, они уже узнали его. Но онъ не желаетъ ихъ узнавать, и подходить къ нимъ, здороваться—не будетъ.

Оба—дѣльцы высшаго разбора. Одинъ—заводчикъ, другой—подрядчикъ, и оба биржевые спекуляторы, готовые на все. Одинъ похожъ на гостинодворца изъ голландской линіи, молодится, извѣстенъ своимъ эротизмомъ; другой—съ наружностью трактирщика, дерзкій и хищный маклакъ, уже въ милліонныхъ дѣлахъ.

Вотъ такъ же сидѣлъ онъ и завтракалъ. И они оба съ своими пріятелями, крупными чиновниками, говорили, спорили и смѣялись на весь ресторанъ, не обращая ни на кого вниманія.

Голодъ уже былъ признанъ тогда и въ офиціальныхъ сферахъ. И что же? Кто-то подсѣлъ къ нему изъ ресторанныхъ шалопаевъ и, захлебываясь, сталъ, указывая на обоихъ биржевиковъ, говорить ему про ихъ послѣдній подвигъ.

— Mais un coup, cher, un coup de génie!

— Что жъ такое?—спросилъ онъ равнодушно, потому что и тогда относился брезгливо къ подобнымъ дѣльцамъ.

— Въ двое сутокъ нажили сто тысячъ.

— Въ карты что ли кого обработали?

— Vous n'y êtes pas! Они играли на пониженіе нашей валюты и купили англійскихъ фунтовъ, предвидя, какъ полетитъ нашъ курсъ отъ послѣднихъ пріятныхъ извѣстій изъ провинціи. А? Каково?

И тогда онъ вѣско и убѣжденно выговорилъ вслухъ:

— Вотъ кого бы я сейчасъ повѣсилъ!

Шелопай засмѣялся и, отходя отъ его стола, сдѣлалъ ему ручкой.

И оба эти джентльмена, нажившіе сто тысячъ прямымъ предательствомъ своей родины, опять передъ нимъ. Навѣрно въ послѣдніе два года успѣли сдѣлать еще нѣсколько такихъ же доблестныхъ „ударовъ“.

И въ головѣ его пошло ходуномъ. Такъ ему стало вдругъ нестерпимо-ясно бездушіе истыхъ петербуржцевъ—биржевики они, подрядчики или другіе карьеристы, военные или штатскіе. И вокругъ ихъ стана расползалась все та же сутолока этого города безъ народности и доблестнаго прошлаго, съ фальшивыми или безсильными ахами и охами, съ показной благотворительностью, безъ общей идеи, безъ живыхъ теченій, безъ возможности поднять голосъ!..

Именно тогда, вотъ въ этомъ самомъ ресторанѣ, ему сдѣлалось такъ невыносимо-гадко, и черезъ четыре дня онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, а черезъ десять— былъ уже въ предѣлахъ той самой Муражкинской волости, за которую пріѣхалъ сюда хлопотать.

Что жъ! Онъ долженъ сказать спасибо вотъ этимъ обоимъ дѣльцамъ. Не возмути они его, не вырвись у него возгласъ о томъ, что они достойны висѣлицы, можетъ-быть, онъ продолжалъ бы томиться, какъ томился здѣсь два года назадъ!

Народу все прибывало. Прошелъ сухощавый, жилистый генералъ въ темной лентѣ, съ осунувшимся кирпичнымъ лицомъ, сутуловатый, держа голову опущенной. Всѣ военные, на пути его, вскакивали. Таманцевъ и ему когда-то „представлялся“, но теперь не разсудилъ подниматься. Отъ этого сильнаго человѣка повѣяло на него чѣмъ-то еще болѣе затхлымъ. Ничего за этой силой не чуялось, кромѣ личныхъ аппетитовъ и чванной спѣси, кромѣ себѣ на умѣ циника, для котораго все—„ерунда“ и всѣ— „хамы“, всѣ, кромѣ него самого, а петербургскій станъ служилыхъ людей—только маріонетки для забавы пресыщеннаго и все-таки мелкаго честолюбца.

Таманцевъ вспомнилъ тутъ свои горячія выходки у Овчинина, въ которыхъ винился передъ самимъ собою.

Чувства своего онъ уже не винилъ. Не слѣдовало только такъ горячиться. Онъ былъ правъ и вообще, и въ тѣхъ тирадахъ своихъ, когда считалъ прежнихъ ташкентцевъ, получавшихъ выправку у Бореля, лучше теперешнихъ „созидателей новой Руси“, которой Западъ — не указъ, потому что она—Азія, и должна этимъ гордиться.

Какъ онъ былъ правъ! Вотъ они на-лицо—теперешніе птенцы и ихъ нàбольшіе, всѣ эти мундиры и пиджаки, вицкафтаны и кафтаны! Каждый убѣжденъ, что онъ призванъ мудрить надъ государствомъ и народомъ, потому что Европа ему не указъ.

Прошло десять минутъ. Старый татаринъ уже раза три спрашивалъ его:

— Что̀ будете кушать, ваше сіятельство?

Господинъ, котораго онъ поджидалъ, все еще не являлся, но Таманцевъ не хотѣлъ начинать завтракать безъ него.

— Ah! bonjour!.. Comment va?.. Откуда?

Къ нему подсѣлъ на диванъ его давнишній знакомый, гораздо старше его лѣтами—Баранцевъ, извѣстный всему

Петербургу, когда-то красавецъ и кутила, теперь—безъ гроша, всесвѣтный пріятель, острякъ и спеціалистъ по стрѣльбѣ голубей.

Таманцевъ нашелъ, что онъ сильно опустился. Но тонъ былъ все такой же.

— Изъ деревни? — спросилъ Баранцевъ, кидая слова чрезвычайно быстро.—Ну что? Не правда ли, порядочный пуфъ эти государственныя работы?

„Господи!—про себя воскликнулъ Таманцевъ.—Неужели и этотъ тоже занимается внутренней политикой?!"

— Ничего не могу вамъ сказать,—почти нехотя отвѣтилъ онъ.

Баранцевъ, взявъ его правой рукой за плечо, сталъ говорить ему на ухо:

— Вѣдь они здѣсь тогда, въ самый разгаръ голода, ровно ничего не умѣли. Людей не знали. Вотъ тотъ,—и онъ указалъ на генерала въ лентѣ,—каждый день показывалъ мнѣ списки. Кого назначить? Я говорилъ по совѣсти. А они какъ въ темномъ лѣсу были.

— Что жъ! Ваша роль была завидная.

— Eh, mon cher! Мнѣ что жъ! Je m'en moque! Спрашиваетъ—я говорю. Дуракъ—такъ дуракъ... Не чистъ на руку—такъ не чистъ. Хорошо еще, что ко мнѣ обращаются.

И какъ люди, привыкшіе къ пестрому разговору, Баранцевъ, снявъ руку съ плеча Таманцева, спросилъ его съ миной бывшаго красавца:

— Пробудете весь мясоѣдъ?

— Посмотрю, — отвѣтилъ Таманцевъ все такъ же суховато.

— Сезонъ-то какой паршивый! Одни итальянцы. Да эта Отеро...

— Какая?

— Ахъ, батенька! Отеро—въ Маломъ театрѣ. Гишпанка, цыганка, кто ее вѣдаетъ! Поетъ и пляшетъ. А наши малолѣтки... отваливаютъ ей брильянтовъ и изумрудовъ сколько влѣзетъ. Мальчикъ, кадетикъ одинъ — правда, милліоны здоровые — на восемьдесятъ тысячъ камней поднесъ, на той недѣлѣ, въ ея бенефисъ. И всѣ бѣгутъ и ревутъ. Слышали, какъ ихъ здѣсь прозвали? О! Террористы!

— Это, навѣрно, вы же и пустили? — тихо усмѣхнувшись, замѣтилъ Таманцевъ.

— Ужъ не знаю!.. Bonjour!

Баранцевъ поднялся и присѣлъ къ тому столу, гдѣ два биржевика доканчивали завтракъ, все такъ же шумно и безцеремонно.

„Господи!—думалъ Таманцевъ, провожая взглядомъ бывшаго красавца,—и онъ въ нимфахъ-Эгеріяхъ состоитъ! И къ нему обращаются въ поискахъ за людьми!“

XVIII.

— Прошу великодушно простить меня, графъ!

Черезъ столъ протягивалъ ему руку мужчина лѣтъ подъ сорокъ, моложавый, русый, худой въ тѣлѣ, съ наружностью нерусскаго типа, бритый, въ большихъ усахъ, къ лицу одѣтый, въ черное, при синемъ галстукѣ.

Таманцевъ познакомился съ нимъ въ редакціи той газеты, куда заѣхалъ къ пріятелю беллетриста Малышева. Его звали Луцкій. Онъ оказался тамъ вліятельнѣе, завѣдывалъ отдѣломъ фельетоновъ и самъ писалъ уже давно очерки петербургской жизни.

Онъ понравился Таманцеву больше всѣхъ, кого онъ видѣлъ въ редакціи, своимъ тономъ и бойкостью, знаніемъ петербургской жизни, остроуміемъ.

Въ тонѣ его проглядывала особаго рода вѣжливость, которая прикрывала многое, чего онъ не хотѣлъ сразу высказывать. И теперь, когда они начали завтракъ, Луцкій держался очень почтительнаго тона, хотя былъ, по лѣтамъ, старше Таманцева.

И во всемъ остальномъ у Луцкаго было что-то непохожее на обыкновенную манеру держать себя—литераторовъ, которыхъ Таманцевъ, правда, мало встрѣчалъ до отъѣзда въ деревню. Онъ рѣзко отличался отъ Малышева и его пріятеля Дымкина, смотрѣлъ почти свѣтскимъ человѣкомъ, опять на свой ладъ, или очень бывалымъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, который сумѣетъ найти подходящій тонъ съ какою угодно особой.

Онъ уклонился отъ угощенія и настоялъ на томъ, чтобы счетъ по завтраку былъ пополамъ, предоставивъ графу сдѣлать выборъ кушаній.

На двѣ трети ресторанъ опустѣлъ, и столъ, гдѣ сидѣли дѣльцы, совсѣмъ опростался. Луцкій ихъ замѣтилъ и съ однимъ изъ нихъ раскланялся.

Таманцевъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ съ такой усмѣшеч-

кой, что журналистъ спросилъ его, очень тихо и отчетливо выговаривая каждое слово:

— Вы знаете тѣхъ двоихъ, графъ?

— Встрѣчалъ.

— Они все еще идутъ въ гору, но ихъ царству подходитъ конецъ.

— Будто? — вскричалъ Таманцевъ. — Отчего? Такимъ, какъ они, полный ходъ.

— Не скажите, графъ.

Луцкій аккуратно завѣсился салфеткой и продолжалъ, дѣлая короткія паузы. Голосъ у него былъ молодой, теноровый, дикція необыкновенно ясная. Его темно-сѣрые глаза часто оживлялись.

— Не скажите,—повторилъ онъ, запивъ глоткомъ вина кусокъ котлеты.—Вы, кажется, не изволили еще освоиться съ тѣмъ, что̀ даетъ ключъ рисунка настоящему моменту?

Слишкомъ почтительное слово „изволили“ не нравилось Таманцеву. Оно ему напомнило и нѣкоторыхъ господъ въ свѣтѣ, съ несовсѣмъ для него пріятнымъ оттѣнкомъ утонченной вѣжливости.

Но замѣчаніе Луцкаго заинтересовало его сразу. Онъ не торопился перевести разговоръ на то, о чемъ ему хотѣлось побесѣдовать съ журналистомъ, и онъ оживленно и ласково спросилъ:

— Какъ вы выразились?.. Позвольте узнать ваше имя и отчество.

— Семенъ Михайловичъ.

— Благодарю васъ. Вы выразились о ключѣ рисунка?..

— Извините. Это литераторская дурная привычка.

— Почему же литераторская?

— А какъ же, графъ? Злоупотреблять цитатами изъ Гоголя. Именно изъ Гоголя, а не изъ кого-либо другого. Вы, конечно, изволили читать или видѣть на сценѣ его комедію „Игроки“?

— Конечно. Видѣлъ ли—не помню, но читалъ.

— Я не сомнѣваюсь. Такъ позвольте припомнить вамъ ту сцену, когда главный герой и жертва мошеннической продѣлки, игрокъ Ихоревъ, открываетъ свое искусство по части поддѣлки колодъ, и самая тонкая лиса шайки, на которую тотъ наскочилъ, по фамиліи Утѣшительный...

— Прекрасно помню! Утѣшительный! — обрадованно воскликнулъ Таманцевъ и, оглянувшись, подумалъ: „сколь-

ко и здѣсь каждый день перебываетъ такихъ Утѣшительныхъ!"

— Такъ вотъ этому Утѣшительному, если не ошибаюсь, а то и самому Ихореву, принадлежитъ изреченіе, что надо, прежде всего, найти „ключъ рисунка", т.-е. основу крапа. Я и позволилъ себѣ, графъ, замѣтить вамъ, что надо освоиться съ ключомъ рисунка...

— Краплёныхъ колодъ города Петербурга? — добавилъ Таманцевъ.

— Ха-ха! — сдержанно засмѣялся Луцкій. — Это очень мѣтко, графъ, очень мѣтко! Весьма остроумно. Можетъ-быть, многія колоды здѣсь и краплёныя. Но я взялъ гоголевское выраженіе не съ такой цѣлью. У настоящаго момента есть несомнѣнно свой рисунокъ, и онъ подлинный.

— Неужели? — не безъ иронiи спросилъ Таманцевъ и повелъ плечами.

— Увѣряю васъ, графъ!

Журналистъ откинулся на спинку стула и поглядѣлъ на собесѣдника оживленными и умными глазами.

— Интересно послушать,—сказалъ Таманцевъ, наклоняясь надъ своей тарелкой.

Луцкій слегка оглянулся.

— Теперь, — сказалъ онъ, — здѣсь гораздо свободнѣе говорить. Конечно, графъ, насколько я знакомъ съ вашимъ настроеніемъ по разговору въ редакціи, — вы, по-своему, правы, находя, что наша чухонская столица есть „городъ ядовитыхъ признательностей". Виноватъ, графъ, опять цитата!

— Откуда? Это очень хорошо!

— Кажется, изъ Салтыкова. И этого мало — городъ большого безпутства и шенапанства. И если мы здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ ресторанѣ, до сихъ поръ встрѣчаемъ много экземпляровъ, намъ съ вами одинаково противныхъ, то, — Луцкій остановился и какъ бы искалъ слова,—то все-таки Петербургъ, да и вся страна, выражаясь по-англійски, переживаютъ характерный моментъ. Погостите у насъ, графъ. Вамъ теперь надо бывать всюду— и въ министерствахъ, и въ редакціяхъ, и въ клубахъ.

— Я въ карты не играю.

— Не смѣю и приглашать васъ. Но если угодно, я бы позволилъ себѣ повезти васъ въ одинъ клубъ, гдѣ происходятъ каждую недѣлю дебаты по экономическимъ вопросамъ.

— Слыхалъ что-то. Но, кажется, это только одинъ отводъ, а главное-то азартная игра?

— Есть грѣшокъ. Но игра игрой, а дебаты дебатами. И я потому, графъ, позволяю себѣ пригласить васъ туда, что вы тамъ наткнетесь на признаки времени... Вамъ это будетъ особенно цѣнно. Вы представляете собою землю, въ самомъ благородномъ смыслѣ. Вы — добровольный ходокъ за крестьянъ.

— Не зовите меня такъ, — остановилъ Таманцевъ. — Мнѣ это прозвище вотъ уже гдѣ сидитъ!

И Таманцевъ показалъ на шею.

— Простите! Я отъ чистоты души. Во всякомъ случаѣ вы — земля. И вотъ вы увидите, графъ, что землю теперь, худо ли, хорошо ли, слушаютъ. Не дальше, какъ двѣ недѣли назадъ, является, прямо изъ своего угла, юный предводитель — изъ нынѣшнихъ: знающъ, боекъ, убѣжденъ, фрондируетъ Петербургъ и нѣсколько лѣтъ сидѣлъ на совершенно спеціальной вещи — на вопросѣ кредита для деревни, не для однихъ мужиковъ, а и для обѣднѣлаго дворянства...

— Старая пѣсня!—вырвалось у Таманцева.

— Вы изволите говорить: старая—пожалуй. Но и очень молодая. Мы спорить не будемъ. Я только разсказываю. Пріѣхалъ онъ со своими итогами. Цифры, выкладки, доводы, сопоставленія—цѣлый арсеналъ; прочелъ рефератъ. Были сильныя пренія. Оппонентами явились самые первосортные здѣсь чинуши-финансисты. Тоже не кое-что — одинъ магистръ, другой мѣтитъ въ директоры департамента. И онъ ихъ осаживалъ и осадилъ. Я первый попросилъ его докладъ въ нашу газету. Сегодня онъ появился, а послѣзавтра онъ уже получилъ приглашеніе пожаловать на бесѣду съ его превосходительствомъ.

— Что же это доказываетъ? — рѣзче спросилъ Таманцевъ.

— А то, графъ, что теперь прислушиваются ко всякому дѣльному протесту, хотятъ знать, чѣмъ болѣетъ земля. Поэтому у каждаго чинуша складывается убѣжденіе, что будь онъ только знающъ, талантливъ, боекъ на перо и работящъ — онъ непремѣнно выдвинется. Ему не надо, какъ прежде, подслуживаться. И это, графъ, сложилось въ послѣдніе годы, увѣряю васъ!

— Знаю,—нервнѣе заговорилъ Таманцевъ,—теперь всѣ изъ капраловъ норовятъ попасть въ маршалы.

— Ха-ха! Очень мѣтко, графъ!

— Но эта дѣльность — что̀ въ ней сидитъ, тамъ, въ основѣ-то? „Мы, молъ,—Азія! Намъ Европа не указъ. Не хотимъ ни ея порядковъ, ни идей".

— Да, да! Это такъ. Генералъ-басъ во всемъ этомъ свой, съ специфическимъ букетомъ.

— Вы сами согласны?

— Согласенъ. И каждый авторъ докладной записки увѣренъ, что онъ только и спасетъ родную землю. Все это такъ. Но развѣ вамъ, графъ, не приходитъ иногда вотъ какая мысль...

Съ полузакрытыми глазами Луцкій подумалъ три-четыре секунды и продолжалъ:

— Пускай ихъ мудрятъ, только бы они допускали въ принципѣ, что надо знать страну, прислушиваться къ ея нуждамъ, давать ходъ тѣмъ, кто умѣетъ работать, а Европа—та оклеветанная старушка, гніющая столько сотенъ лѣтъ—она все-таки подсидитъ ихъ.

— Какимъ образомъ?

— Они мудрятъ по-своему, по-азіатски, а выйдетъ все точно такъ, какъ у этой самой старушки, по ея идеямъ, ея чувствамъ, ея вѣковымъ усиліямъ и побѣдамъ.

Глаза журналиста блеснули.

— Вашими бы устами да медъ пить,—вымолвилъ вдумчиво Таманцевъ. — Но признаюсь вамъ, ужасно трудно мнѣ было бы стать на вашу точку зрѣнія.

— Дѣло времени, графъ. Такъ или иначе, вамъ придется больше, чѣмъ каждому изъ насъ, кабинетныхъ людей, поѣздить по Петербургу, и когда пройдетъ мѣсяцъ-другой — можетъ-быть, мы и сойдемся въ оцѣнкѣ. А до тѣхъ поръ я лично и нашъ редакторъ—къ услугамъ вашихъ благородныхъ усилій. Позвольте чокнуться съ вами за полный успѣхъ.

Они чокнулись, и журналистъ съ очень милымъ жестомъ осушилъ свою рюмку.

XIX.

Луцкій, только что имъ подали кофе, взглянувъ на часы, заторопился.

— Простите великодушно, графъ! Я долженъ васъ оставить... Душевно сожалѣю. Если вамъ угодно завернуть въ редакцію—по средамъ и субботамъ, я тамъ всегда около трехъ. Во всемъ, что̀ могу—располагайте мною.

Онъ поспѣшно застегнулся и еще разъ, съ почтительнымъ поклономъ, протянулъ руку Таманцеву.

Въ ресторанѣ почти никого уже больше не оставалось, кромѣ одной группы молодыхъ офицеровъ, въ углу третьей комнаты.

Таманцевъ привсталъ, чтобы пожать ему руку, и сказалъ на прощанье:

— Если вы правы насчетъ Петербурга — тѣмъ лучше; но до сихъ поръ я не могу мириться съ нимъ. Прежде еще выносилъ, когда не зналъ своего отечества, а теперь—нѣтъ!

— Одними обвиненіями вопросъ не исчерпывается! — воскликнулъ съ короткимъ смѣхомъ журналистъ, и, отвѣтивъ на рукопожатіе новымъ поклономъ, пошелъ въ буфетную скорыми шагами.

По счету Таманцевъ долженъ былъ получить съ него что-то въ родѣ трехъ рублей, и тотъ, съ педантической точностью, заплатилъ даже свою долю въ „на водкѣ“ татарину.

Кладя деньги въ бумажникъ, Таманцевъ задумался. Этотъ Луцкій—несомнѣнно умный и талантливый малый, и хорошаго направленія. Но съ нимъ ему было все-таки не по себѣ — вѣяло отъ него петербургскимъ холодкомъ. Онъ не можетъ ни чувствовать, ни говорить, какъ милѣйшій докторъ Домашневъ. Этотъ журналистъ все знаетъ; можетъ-быть, онъ и правъ, говоря, что теперь „ключъ рисунка“ иной; но онъ не сидѣлъ на землѣ, ему народъ знакомъ только по статьямъ и корреспонденціямъ; онъ не видалъ его такъ, какъ можно было его видѣть въ послѣдніе два года.

А главное — онъ сжился съ Петербургомъ. Кажется, онъ даже немножко влюбленъ въ эту столицу. Въ концѣ завтрака онъ говорилъ о своей недавней поѣздкѣ въ Москву и находилъ ее соннымъ царствомъ, съ тусклой прессой, безъ общества, безъ крупныхъ интересовъ, безъ всякаго блеска, съ большой культурной отсталостью.

— Здѣсь, графъ, — восклицалъ онъ, — есть настоящая внутренняя политика, какова бы она ни была. Это — центръ; а Москва—областной, обывательскій городъ, каравансарай, что-то въ родѣ постоянной макарьевской ярмарки...

Надо было, однако, уходить. Таманцевъ все еще не

нашелъ адвоката по своему вкусу, а побывалъ еще у двоихъ.

Сзади, изъ буфетной комнаты, раздались скрипучіе и грузные шаги. Кто-то спѣшилъ точно къ нему, и онъ невольно обернулся.

— André! Душа моя!.. Вотъ сюрпризъ!

И его уже обнималъ мужчина очень крупнаго роста, плечистый, совсѣмъ лысый, съ висячими усами и глазами на выкатѣ. Красивое и поношенное лицо осыпано красными прыщиками на лбу и щекахъ. Синяя визитка изъ шевіота сидѣла на немъ небрежно, и весь его видъ отзывался цыганщиной.

— Ты!.. Митька!—не очень обрадованно отозвался Таманцевъ.—Вотъ не ожидалъ!

— Не правда ли? Сейчасъ сижу тамъ въ бильярдной, входитъ Баранцевъ и называетъ тебя. А я уже слышалъ, что ты здѣсь, знаю и то, что ты разносишь всѣхъ. Enfin... tu fais le rouge, и пріѣхалъ пострадать за мужиковъ.

— Кто тебѣ наболталъ? — почти съ гримасой откликнулся Таманцевъ.

— Кто? Ton rival, quoi!.. Лушковъ. Вѣдь и онъ также имѣетъ виды на...

— Послушай, пожалуйста безъ именъ и неумѣстныхъ сплетенъ...

Какъ пять лѣтъ назадъ, такъ и теперь, этотъ товарищъ его дѣтства, но на три года старше, былъ такой же несносный и шумный враль, шалопай — и того хуже. Кажется, онъ еще ниже опустился.

Носилъ онъ точно сочиненную фамилію—князь Карай-Ровейко. Но такая существуетъ. Вмѣстѣ они учились танцовать. Потомъ встрѣчались за границей. Одинъ семестръ провели въ нѣмецкомъ университетѣ. „Митька“ этотъ перебывалъ вездѣ, былъ и въ казакахъ, ѣздилъ въ Америку съ какимъ-то изобрѣтеніемъ, держалъ театръ, занимался спиритизмомъ, издавалъ справочный листокъ. Отецъ его былъ такой же безпутный, не успѣлъ еще прожить всего состоянія, умеръ въ чинахъ; незадолго до смерти впалъ въ идіотство. Мать — милая женщина, даровитая, изящная, слабая къ мужу до полнаго забвенія своихъ правъ. На его долги пошли почти всѣ ея личныя средства. Сына она тоже идеализировала, и тотчасъ по смерти отца онъ, мальчишкой, женился на старой дѣвѣ, глупой, злой, безобразной, — продалъ себя и долго жилъ

на содержаніи жены. Потомъ она его прогнала, забрала дѣтей, уѣхала въ деревню и туда его не пускала.

На что онъ живетъ— Таманцевъ не могъ бы отвѣтить; пожалуй, онъ состоитъ счетчикомъ въ какомъ-нибудь игорномъ притонѣ.

— Э! братецъ! Ты, до сихъ поръ, точно недотрога какая... *цирлихъ-манирлихъ!* Мы вѣдь оба бурши. Ты мой „фуксъ“ былъ, я—уже bemoostes Haus. Помнишь?

— Какъ ты врешь, Митька!—Таманцевъ даже засмѣялся.—Когда же я былъ фуксомъ?

— Какъ когда? Когда мы въ корпораціи были.

— Гдѣ?

— Въ Гейдельбергѣ.

— Да ты, право, безподобенъ. Скажи—это у тебя особый видъ психопатіи?

— Развѣ мы съ тобой не были вмѣстѣ у нѣмцевъ? Это забавно!

— Жили въ одномъ городѣ мѣсяца четыре, кажется. Вотъ и все.

— Ну полно, ну полно. Мало тебя учили на шкандалахъ. Выпьемъ что-нибудь. Эй! — крикнулъ онъ татарину. — Абдулъ! Подай бутылку Pontet Canet! Или холоднаго?

— Съ какой стати? Я уже кончилъ завтракать.

— Экая важность! Столько лѣтъ не видались. Вѣдь мы съ тобой, André, въ полномъ смыслѣ товарищи дѣтства. Да, всѣ старики ad patres отправились. И я вотъ какъ перстъ.

— А жена, а дѣти?—нарочно сказалъ Таманцевъ, хорошо зная исторію его женитьбы.

— Не говори ты мнѣ про эту мегеру. Non, mon cher, вѣдь есть же на свѣтѣ такія созданія! Не дальше, какъ этой осенью, я пишу ей: „Дайте мнѣ средства поѣхать въ Бельгію... У меня есть полная возможность получить концессію“...

— Ты? Концессію?!.

— Да, я, голубчикъ ты мой, я—собственной персоной. Но нужна солидная компанія, и все уже было на мази. И эта подлая баба, cette chipie... n'a pas voulu se fendre pour une misérable somme de deux mille roubles!

— Которые бы ты сейчасъ же спустилъ у цыганъ, въ „Самаркандѣ“.

— Tu n'y es pas! Ты все видишь во мнѣ Митьку Ка-

рай-Ровейко. Нѣтъ-съ, милѣйшій мой графъ, голова моя, — и онъ ударилъ себя по лысому, прыщавому черепу,—вотъ эта бѣдная голова работаетъ. И какъ! Но что же дѣлать? Глупая штука — деньги. И когда ихъ нѣтъ... Такъ выпьемъ, что ли?

— Я не хочу. Спроси себѣ, если желаешь.

Таманцеву онъ дѣлался жалокъ.

— Non... Ecoute... peux-tu me prêter quelque argent?

Это было такъ неизбѣжно, что Таманцевъ не удивился.

— Извини, много не дамъ,—отвѣтилъ онъ по-русски.

— Сколько можешь.

И видя, что клюнуло, князь Карай-Ровейко заговорилъ съ лицомъ человѣка, на котораго нашло особое настроеніе.

— Нѣтъ, душа моя. Все это не то. Ты не знаешь. Вотъ уже два года, какъ я весь отдался опытамъ телепатіи.

— Чего?—переспросилъ Таманцевъ.

— Телепатіи. Сообщеніе мыслей на разстояніи. Тутъ есть великая тайна. Когда я обѣдалъ у Шарко...

— У какого?

— У того, у великаго.

— Полно, обѣдалъ ли?

— Вотъ еще прекрасно! И его ассистентъ, какъ бишь его фамилія... Онъ мнѣ особенно показывалъ опыты. Но это все не то. Настоящая телепатія возможна только тогда, когда мы...

— Извини, — остановилъ его Таманцевъ, подавляя въ себѣ гадливое чувство.

Онъ всталъ и, вынувъ бумажку, подалъ ее князю.

— Mercі, mon cher, — выговорилъ тотъ безъ торопливости, потрепалъ Таманцева по плечу и вслѣдъ ему крикнулъ: — Если тебѣ нужно насчетъ хлопотъ по землѣ мужиковъ... пожалуйста! Я сведу тебя съ такимъ докой!

И добѣжавъ до него въ буфетную, онъ громко добавилъ ему на ухо:

— Согласись я, этотъ дока сдѣлаетъ меня компаньономъ милліонера... съ однимъ условіемъ... ты понимаешь?.. Но я храню святую память моей святой матери...

Таманцевъ не дослушалъ и взялся за ручку входной двери.

XX.

Вечеромъ того же дня Таманцевъ, заѣхавъ домой переодѣться, получилъ депешу отъ Пети Долгова и отвѣтилъ.

Зная, какъ „Петюня“ деликатенъ и остороженъ, онъ былъ не мало удивленъ, прочтя въ ней:

„Примите меня завтра пораньше. Очень важное дѣло“.

Съ своими дѣлами Петя къ нему не полѣзетъ. Въ какую-нибудь исторію онъ врядъ ли попадетъ,—такая „дѣвица въ панталонахъ“. Немыслимо и то, чтобы онъ кого-нибудь вызвалъ.

И сегодня, проснувшись, онъ подумалъ о Петюниной депешѣ и велѣлъ принять его сейчасъ же.

Во всемъ Петербургѣ эта мужского пола дѣвушка была ему еще ближе другихъ. Не совсѣмъ такихъ „студентовъ“ желалъ бы онъ видѣть; но по крайней мѣрѣ въ Долговѣ, сквозь его особаго рода скептицизмъ и даже себѣ на умѣ, проглядываетъ несомнѣнная порядочность. Быть-можетъ, у него и сердца гораздо больше, да нынче неприличнымъ считается, и между юнцами, показывать это.

Ровно въ десять Таманцевъ сидѣлъ у камина, когда въ передней раздался умѣренный звонокъ Пети.

И по манерѣ звонить можно было узнать его: не очень тихо и не слишкомъ громко, а въ мѣру, какъ воспитанный юноша, не желающій, особенно утромъ, никого смущать звономъ.

Таманцевъ обернулся къ двери, чтобы по лицу Пети, если возможно, распознать тотчасъ же, въ чемъ приблизительно дѣло. Какъ онъ ни сдержанъ, а юность возьметъ свое въ случаѣ чего-нибудь чрезвычайнаго.

Вѣдь и мать его могла, наконецъ, скончаться внезапно, за границей.

Долговъ вошелъ очень тихо, одѣтый, какъ всегда, чрезвычайно старательно, въ своемъ синемъ вестонѣ и галстукѣ шарфомъ, по новой модѣ, съ узкой полоской бѣлья.

Таманцеву показалось, что онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго.

— Графъ, простите, я обезпокоилъ васъ. Въ такой ранній часъ.

— Полно, полно. Я встаю по-деревенски. Здравствуй, Петюня. Очень радъ тебя видѣть.

Когда Долговъ пожималъ ему руку, онъ не почувствовалъ, чтобы она была нервна.

— Садись... Или не хочешь ли въ столовую? Я еще не пилъ чаю. И ты, можетъ, выпьешь?

— Не откажусь, графъ. Меня немного обдуло дорогой. Нынче вѣтеръ съ рѣки—отчаянный.

Они перешли тутъ же въ столовую, просторную комнату съ деревянной обшивкой и штучнымъ дубовымъ потолкомъ. На столѣ уже шипѣлъ самоваръ.

— Ну, Петюня, — весело началъ Таманцевъ, — ты долженъ отлично заваривать чай. Завари-ка!

— Охотно, графъ. Но почему же вы думаете?

Долговъ конфузливо улыбнулся своими ясными и благовоспитанными глазами.

— Да какъ же! Вѣдь ты не Петръ Аркадьевичъ, а Прасковья Аркадьевна.

— Что́ дѣлать, графъ!

Долговъ очень мило вздохнулъ и сталъ заваривать чай. Его красивыя руки двигались совсѣмъ по-женски, очень бѣгло, округленными линіями.

Поставивъ чайникъ, также совершенно по-женски, на конфорку, Петя опустилъ свои руки на колѣни и склонилъ голову.

„Неужели поймался въ чемъ-нибудь нелегальномъ?“— быстро подумалъ Таманцевъ.

— Ты что-то смущенъ... Петюня, — совсѣмъ добро заговорилъ Таманцевъ и со своего стула положилъ ему руку на колѣни.—Что такое? Надѣюсь—ничего тяжелаго? Maman твоя въ добромъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ. Maman здорова. Я имѣлъ отъ нея вчера письмо.

— Неужели моя Прасковья Аркадьевна что-нибудь учинила... не-*корректное?* Вѣдь это слово, кажется, теперь въ большомъ ходу въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, графъ, — оживился Петя, поднялъ голову и покраснѣлъ.—Я бы никогда не позволилъ себѣ такъ настаивать.

— Почему же? Развѣ я тебѣ чужой?

— Все-таки...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

Вставъ изъ-за стола, Таманцевъ принялъ отъ Долгова

свой стаканъ и заходилъ съ нимъ по одной сторонѣ столовой.

Петя аккуратно налилъ и себѣ, но не сталъ сейчасъ же пить.

Видно было, что онъ дѣйствительно смущенъ.

— Петюня!—окликнулъ его Таманцевъ.—Да ради ты Бога роди свой секретъ! Не томи!

Тихо разсмѣялся Долговъ и не сразу заговорилъ.

— Видите ли, Андрей Павловичъ, для меня то, что я рѣшаюсь вамъ сообщить,—это вопросъ совѣсти. Строго говоря, я не долженъ бы. Никто мнѣ не давалъ права, ни прямо, ни косвенно...

— Господи!—закричалъ Таманцевъ.—Если ты считаешь, что не надо—не говори!

— Да,—Петя поднялъ голову и сталъ смотрѣть строже,—но если я искренно отношусь къ человѣку, въ данномъ случаѣ даже къ двумъ личностямъ,—имѣю ли я право промолчать?

— Какъ подсказываетъ тебѣ совѣсть, такъ и дѣлай.

„Должно-быть, по любовной части что-нибудь,—подумалъ Таманцевъ.—Изловили бѣднягу насчетъ жениховства".

— Вотъ въ чемъ дѣло, графъ,—Петя отпилъ изъ стакана и тоже поднялся.—Въ моемъ отношеніи къ вамъ вы не сомнѣваетесь. Конечно, я не имѣю права вторгаться въ ваше „я", но скажу откровенно...

— Давно бы такъ!

— Мнѣ кажется, и давно кажется, что вы серьезно любите княжну.

— Тебѣ кажется?—спросилъ полушутя Таманцевъ и дальше продолжалъ:—Въ чемъ же дѣло?

— Да, графъ. Если бы вы даже на меня закричали—я все-таки договорю до конца, разъ я началъ.

— Основательно.

Но Таманцевъ испытывалъ уже тревогу, и ему еще сильнѣе захотѣлось узнать поскорѣе „въ чемъ дѣло".

— Благодарю васъ и продолжаю. Извините, графъ. Я васъ раздражаю моими проволочками. Это оттого, что во мнѣ самомъ большое колебаніе со вчерашняго дня. Мнѣ кажется также, что княжна гораздо ближе къ вамъ—я хочу сказать: внутренно, чѣмъ она сама думаетъ.

„Съ какой стати,—подумалъ Таманцевъ,—позволять этому мальчугану залѣзать къ себѣ въ душу и мудрить насчетъ чувствъ Кэтъ ко мнѣ?"

Но онъ молчалъ, ожидая, чѣмъ разрѣшится Долговъ.

— Только, графъ, княжна закусила удила. На нее нашло теперешнее модное озорство. Ей хочется все извѣдать. А съ кѣмъ же это удобнѣе, какъ не съ господиномъ Лушковымъ?

— Что ты!—въ горлѣ у Таманцева вдругъ точно пересохло.—Что это за глупости!

— Нѣтъ, графъ,—промолвилъ Петя, выпрямившись,—не глупости. Кратко—вотъ въ чемъ дѣло. Третьяго дня была у княгини вечеринка... такъ, маленькая. Я сидѣлъ въ гостиной одинъ, разсматривалъ какіе-то рисунки въ альбомѣ. Вѣдь княжна со мной не церемонится.

И, точно спохватившись, онъ вскричалъ:

— Только, ради Бога, не думайте, что я изъ мести! Я уже вамъ откровенно признался, что когда-то она мнѣ нравилась. А теперь ничего... ровно ничего, клянусь вамъ!

— Не клянись, пожалуйста, и продолжай.

— Лушковъ пріѣхалъ поздно, къ ужину. И они сидѣли за низенькими ширмами. Но настолько близко, что я не могъ не слыхать. Сегодня балетъ у Фризенъ. Княжна танцуетъ съ Лушковымъ rigodon.

— Знаю! Не томи!

Щеки Таманцева уже горѣли.

— Лушковъ сталъ дразнить княжну, что она только воображаетъ себя смѣлой дѣвицей, а въ сущности ни на что не пойдетъ... хоть на что-нибудь не-корректное... Простите за это слово, графъ. Она разсердилась и подержала пари съ нимъ, что поѣдетъ съ нимъ ѣсть устрицы въ Милютины лавки.

— И только?—спросилъ Таманцевъ, сдерживая себя.

— Простите, графъ.—Петя подбѣжалъ къ нему.—Но тутъ навѣрно махинація. Лушковъ способенъ увезти ее и къ себѣ. Вы не знаете, что это за господинъ. Онъ, какъ тѣ римскіе развратники, которые въ одно время были любовниками...

— Хорошо,—остановилъ его Таманцевъ.—Но почему же ты думаешь, что именно сегодня пари это будетъ выполнено?

— У меня есть такое предчувствіе, графъ. Вы не смѣйтесь... Можетъ-быть, у меня натура дѣйствительно болѣе женская, чѣмъ мужская. Но понимаете... Вѣдь одинъ мигъ нуженъ... И что же я могъ сдѣлать? Сказать княгинѣ?

Это шпіонство. Да меня бы княжна тотчасъ подняла на смѣхъ. Лушкову я не имѣю права говорить, да и не хочу имѣть дѣло съ нимъ. Сама княжна, если бъ я даже умолять сталъ со слезами, будетъ издѣваться. Я ее знаю! Я подумалъ о васъ. Вотъ и все.

Въ большомъ волненіи Петя отошелъ къ самовару, сѣлъ и отхлебнулъ изъ стакана.

— Графъ!—окликнулъ онъ черезъ нѣсколько секундъ.— Вы меня не осуждаете за мой поступокъ? Вы одни—человѣкъ, способный оградить княжну. И наконецъ, извините! если она вамъ дорога, я не могъ скрыть это отъ васъ. Это ваше кровное дѣло!

— Спасибо, Петя!—выговорилъ глухо Таманцевъ и медленно подошелъ къ столу.—Спасибо, милый.

Въ груди у него было чувство холода — вѣрный признакъ, что онъ потрясенъ. Онъ хотѣлъ поцѣловать Долгова и не могъ—такъ его это захватило.

XXI.

Прошло больше получаса, какъ ушелъ отъ него Долговъ, а Таманцевъ все еще оставался въ столовой.

Если бъ „барышня въ панталонахъ“ нарочно все сочинила, она не могла бы ничего лучше выдумать.

Послѣ того, что̀ Таманцевъ испыталъ на каткѣ, онъ гналъ всякую мысль о Кэтъ. Въ домѣ княгини онъ не былъ больше десяти дней. Разъѣзжая по Петербургу, видаясь съ разнымъ дѣловымъ и пустымъ людомъ, онъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его опять не потянуло въ ту гостиную, гдѣ царилъ Лушковъ.

Тогда онъ бросился искать княжну по разнымъ каткамъ Петербурга—не устоялъ передъ порывомъ протянуть ей руку, помочь оглянуться на себя, поддержать ее въ борьбѣ съ „растлѣвающей барско-свѣтской сферой“. Такъ онъ, про себя, выражался.

Но что̀ онъ нашелъ? Она опять не поняла его. Для нея онъ—несносный „raseur“, какой-то человѣкъ съ того свѣта, всегда готовый безтактно поучать и умничать.

Можетъ-быть, и тамъ, на каткѣ, онъ велъ себя глупо. Вернулся онъ взбѣшенный... на свою „сентиментальность“, и съ того дня до этого утра онъ не возвращался мыслью къ княжнѣ.

Но сто̀ило Петѣ Долгову передать ему о пари Кэтъ съ Лушковымъ — и онъ весь внутренно задрожалъ. У

него даже воздуха не хватило, когда онъ заговорилъ потомъ.

И теперь, въ теченіе получаса, ходя взадъ и впередъ по столовой, онъ не разсуждалъ, имѣетъ ли онъ право вмѣшиваться въ поведеніе княжны Брянской. Одно его держитъ въ когтяхъ: желаніе швырнуть Лушкова съ своего пути. Нелѣпо расхолаживать себя ненужными вопросами, когда все кричитъ тебѣ:

„Ты любишь! Ты долженъ ее отнять у того мерзавца!“

Ѣхать къ Лили Фризенъ онъ рѣшился безъ всякихъ колебаній. Ему вспомнилось, что она его, къ тому же, и приглашала.

Да и не будь онъ званъ, онъ назвался бы самъ и поѣхалъ бы непремѣнно.

Таманцевъ перешелъ въ кабинетъ.

Мелькнула было у него мысль поѣхать до обѣда къ Брянскимъ, но онъ ее тотчасъ же забраковалъ.

Съ какой стати? Разлетѣться опять непрошеннымъ ментором? Онъ за себя не поручится. Одно изъ двухъ— или онъ набурлитъ, или заплачетъ отъ волненія.

И то, и другое можетъ только повредить.

Даже если бъ онъ сказалъ княжнѣ Кэтъ:—„Хотите быть моей женой?“

Она способна отвѣтить ему:

— Вы спѣшите, точно на пожаръ. Сначала, мнѣ кажется, надо знать, нравитесь ли вы мнѣ. Вы—не принцъ крови. Да и за принца я не пойду, такъ, съ перваго слова.

И ему представился такъ ярко тотъ диванчикъ, гдѣ они обыкновенно сиживали въ гостиной—не теперь, не въ этотъ пріѣздъ, а два года назадъ.

Какъ она бывала привлекательна, эта изломавшая себя Кэтъ, сколько въ ней искрилось ума и пониманія! И ничего она не боялась. Любовь къ правдѣ, смѣлость сужденій поражали его.

Ея холодокъ не отталкивалъ его. Сквозь этотъ холодокъ онъ чуялъ въ ней натуру, способную оцѣнить человѣка, и потребность сильнаго чувства, только безъ сладости. Такую дѣвушку нужно было завоевать.

И онъ не умѣлъ этого сдѣлать. Виноватъ онъ, онъ одинъ!

Онъ долго смотрѣлъ на ея портретъ, висѣвшій въ ка-

бинетѣ. Вотъ уже больше недѣли, какъ онъ ни разу не взглянулъ на него.

Кэтъ стала красивѣе. Теперь она еще больше женщина, еще больше личность.

Неужели онъ могъ думать, что способенъ уступить ее безъ бою, и кому—Лушкову?

Тутъ онъ задумался.

Лушковъ! Онъ—пошлякъ; но такой ли ничтожный соперникъ?

Гдѣ его шансы въ единоборствѣ съ такимъ соперникомъ? Лушковъ блестящѣе его, модпѣе; онъ—ея руководитель... Даже какъ женихъ, онъ—такая же партія.

„Да, — возразилъ себѣ Таманцевъ, — но такой не сдѣлаетъ предложенія. Онъ только развратитъ. Такихъ Лушковыхъ обыкновенно заставляютъ жениться“...

Чѣмъ же онъ возьметъ противъ него? Чѣмъ?

Въ груди его трепетало чувство. Не надо ему никакихъ вопросовъ. Что бы онъ ни нашелъ въ Кэтъ, будетъ она его женой или отвергнетъ его, но онъ любитъ. Вотъ чѣмъ онъ возьметъ. Такіе, какъ Лушковъ, не могутъ любить. Имъ нечѣмъ любить.

Все какъ-то разомъ заиграло вокругъ него. И на одной стѣнѣ дѣйствительно заиграло запоздалое солнце послѣ сумрачнаго дня съ сильнымъ вѣтромъ.

Но не отъ солнца ярче выступало теперь все передъ нимъ, а оттого, что дѣлалось въ его душѣ.

Таманцевъ вспомнилъ, какъ, бывало, часто, въ ранней юности, за границей, онъ испытывалъ на себѣ дѣйствіе внезапнаго свѣта.

Передъ нимъ всплыла тихая лощина въ горномъ городкѣ. Онъ сидитъ у окна. Ему грустно. Краски всѣ пропали. Тѣ же милыя очертанія горъ передъ нимъ, тотъ же густой буковый лѣсъ, покрывающій склоны, и рѣка, и тамъ вонъ въ вышинѣ—развалины башни. Внизу, подъ окнами, пестрѣютъ клумбы; кусты бѣлой сирени, розоваго боярышника и лиловой акаціи пріютились въ тѣни стараго платана. Но тучи сгустились. Свѣта нѣтъ—и смутно на душѣ. Ничто не тѣшитъ глаза, природа точно куда-то скрылась.

И вдругъ облако разсѣклось пополамъ. Слѣва полился свѣтъ—мягкій, розоватый—и все заискрилось, заиграло.

И опять передъ нимъ знакомая, милая его сердцу картина.

Прямо буковый лѣсъ ползетъ на гору. Его листва блеститъ. Переливы тѣней въ овражкахъ ласкаютъ взглядъ. Лѣвѣе виноградники и ихъ тычинки охорашиваются въ мягкомъ, привольномъ свѣтѣ... И на башнѣ блеститъ шпицъ. Рѣка переливается, какъ чешуя. Въ груди зажглось дѣтски-радостное чувство и хочется пѣть, плакать и смѣяться.

То же захватило его и теперь.

Ему какъ бы не вѣрится, что онъ все въ томъ же противномъ Петербургѣ. На дворѣ—суровая зима. Солнце проглянуло и опять скрылось, и въ двѣнадцатомъ часу такъ темно въ кабинетѣ, что камердинеръ внесетъ скоро лампу.

И тамъ вездѣ—въ канцеляріяхъ, въ ресторанахъ, въ гостиныхъ, въ пріемныхъ, въ безчисленныхъ квартирахъ ползетъ, какъ нѣчто клейкое и вязкое, бездушное и полное хищныхъ аппетитовъ, все та же столичная жизнь.

Что́ за нужда! Не оттого ли ему было такъ несносно здѣсь, за все это время, что онъ временно потерялъ самого себя, не зналъ, что онъ *такъ* любитъ?..

Любовь выглянула изъ-за тучи, и все кажется такимъ ничтожнымъ и неважнымъ. Развѣ онъ желаетъ пересоздать цѣлый городъ, все общество, психологію цѣлаго ряда поколѣній чиновниковъ, баръ, паразитовъ, шалопаевъ?!

Есть у него здѣсь дѣло, опредѣленное, съ „достойнѣйшей“ цѣлью, онъ или добьется, или проиграетъ его. Найдется у него и энергія, и выдержка, и спокойствіе, и ловкость, только бы въ груди трепетало то же, что́ въ эту минуту влечетъ его.

Что́ выйдетъ сегодня ночью у Лили Фризенъ—онъ не могъ предвидѣть. Быть-можетъ, что-нибудь рѣзкое, безповоротное... Но лучше пойти на смертельный ударъ, чѣмъ оставлять любимую дѣвушку поганому развратителю.

Мальчишеской выходки онъ не позволитъ себѣ, но не отступитъ отъ того, что́ онъ долженъ сдѣлать.

Веселое чувство опасности наполняло его въ то время, какъ онъ просматривалъ, передъ выѣздомъ изъ дому, дѣловыя бумаги и писалъ письма. Никакой болѣзненной тревоги онъ не испытывалъ. Не въ побѣду свою онъ вѣрилъ, а въ то, что Кэтъ близка ему, какъ никогда еще не была.

„Милый Петюня! — восклицалъ онъ про себя. — Ты произвелъ всю кутерьму, и я тебя благословляю!“

XXII.

Запахъ пудры, духовъ, кольдкрема, жженыхъ волосъ и жаръ отъ лампъ и свѣчей наполняли двѣ комнаты, гдѣ женская половина балетной труппы Лили Фризенъ готовилась къ спектаклю.

Сама Лили и княжна Кэтъ, какъ близкія пріятельницы, одѣвались въ уборной хозяйки, съ другой стороны сцены. Мужчинамъ была отведена одна большая комната, около столовой.

Какое-то совсѣмъ новое чувство овладѣло княжной, когда она впервые надѣвала трико. Репетировали онѣ въ полукороткихъ платьяхъ. Костюмы сдѣланы гораздо короче и требовали настоящаго балетнаго трико.

Лили, отдѣлившись ширмами, сидѣла передъ своимъ туалетнымъ столомъ и была уже наполовину готова.

Онѣ перекликались, не стѣсняясь своихъ камеристокъ.

— N'est-ce pas que c'est drôle? — спросила Лили, приступая къ отдѣлкѣ лица.

— Quoi, chère?—откликнулась Кэтъ, на которую горничная накинула бѣлый пеньюаръ.

— De se sentir une fille de ballet.

— Une fille!—повторила брезгливо Кэтъ.

— Mais oui... Comment voulez-vous que je m'exprime?

И Лили засмѣялась рѣзко и немножко хрипло.

Парикмахеръ только что причесалъ ихъ обѣихъ. Прически были по рисункамъ въ стилѣ XVI вѣка. Лили даже выкрасила себѣ волосы заново въ темно-рыжій цвѣтъ съ шоколаднымъ отливомъ. Она убѣдила-было и Кэтъ, да французъ-парикмахеръ настаивалъ посыпать волосы золотой пудрой.

— Oui, tout de même c'est drôle,—сказала возбужденно Кэтъ и начала подводить себѣ глаза.

Но она была еще неискусна въ этомъ.

— Lili!—крикнула она.—Je ne sais pas faire les yeux.

— J'y vais!

Лили—уже въ костюмѣ, съ голыми руками и въ очень высокой юбкѣ. Вся она точно выпала совсѣмъ изъ своего костюма, и бѣлизна ея тѣла поражала. Сзади на спинѣ вырѣзъ былъ еще ниже, чѣмъ спереди.

Кэтъ хотѣла сдѣлать ей маленькое замѣчаніе и воздержалась.

„Au fond,—подумала она по-французски,—puisque nous faisons les cabotines".

Вѣдь и ей пріятно было чувствовать себя такой „fille de ballet"—какъ выразилась Лили Фризенъ. Онѣ будутъ черезъ полчаса показывать свои ноги, обнаженныя плечи и руки, спины и затылки мужчинамъ, въ залѣ. Имъ всѣмъ хочется имѣть настоящій актерскій—„каботинскій"—успѣхъ.

— Ah, ma chère! — пристыдила ее Лили. — Mais vous êtes d'un naïf!..

Въ самомъ дѣлѣ, она не умѣла еще „se faire la figure", въ чемъ Лили Фризенъ считалась давно мастерицей.

Она начала подводить ей рѣсницы и брови и дѣлать вѣки темными, очень скоро и ловко нагримировала ее, даже на уши положила „du rouge végétal", который употребляла сама каждый день, такъ что у ней уши казались всегда съ мороза.

Кэтъ сидѣла смирненько, полузакрывъ глаза, и ощущала пріятное ползанье мурашекъ по головѣ и вдоль спины. Отъ Лили сильно пахло пудрой и духами, настоящимъ воздухомъ кулисъ. Подкрашенные глаза съ расширенными зрачками, она что-то въ нихъ впустила, перебѣгали съ предмета на предметъ, и губы, намазанныя тоже особымъ косметикомъ, задорно раскрывали ротъ.

Она предложила и княжнѣ сдѣлать ея зрачки больше.

— Avec quoi?

— Dame! Avec de l'atropine!

Кэтъ не рѣшилась.

Кто-то постучалъ. Прибѣжала одна изъ барышень, въ трико и пеньюарѣ. Чего-то у нихъ тамъ не хватило и онѣ послали ее къ Лили распорядиться.

Кэтъ кончила одѣваться и, не дожидаясь Лили, первая вышла на сцену, гдѣ стояла темнота.

Все уже было готово. По доскамъ танцовщикъ изъ казеннаго театра, во фракѣ, коротенькій блондинъ, бритый и похожій на лакея, поливалъ изъ лейки на полъ. Вчера и сегодня передъ обѣдомъ они репетировали уже на этомъ полу, и онъ такъ же, каждый разъ, самъ поливалъ.

— Что барышня,—обратился онъ къ ней пріятельскимъ тономъ,—трусите, небось? А?

— Не знаю, — отвѣтила Кэтъ, очень довольная тѣмъ,

что все это такъ похоже на балетъ. Она—точно корифейка, а онъ—режиссеръ изъ танцовщиковъ и подшучиваетъ надъ нею.

И сходя къ занавѣси, по пологимъ подмосткамъ, она испытала почти полную иллюзію. Самая походка ея, въ туго-натянутомъ трико, измѣнилась.

Совершенно какъ корифейка, она сейчасъ же приложилась къ одной изъ дырочекъ въ занавѣси.

Публика уже прибывала. Но въ залѣ еще никто не сидѣлъ. Черезъ нее только проходили въ гостиную, откуда раздавался явственный гулъ разговоровъ. Ей даже видны были головы нѣсколькихъ офицеровъ у входа въ гостиную направо.

Отъ дверей проходной узкой комнаты, ведущей на лѣстницу, отдѣлилась высокая, плотная фигура.

Кэтъ не сразу узнала Таманцева.

Онъ сейчасъ же обернулся лицомъ къ сценѣ.

— „Tiens!—вскричала она,—lui... le moraliste“.

Подъ слоемъ бѣлилъ и румянъ ея нѣжная кожа немножко зарумянилась. Первое чувство было похоже на досаду: „Зачѣмъ онъ пожаловалъ? Что ему здѣсь надо?“

Но оно тотчасъ смѣнилось другимъ.

Для кого же онъ могъ „пожаловать“, какъ не для нея? Лили онъ терпѣть не могъ. И для него, какимъ онъ явился изъ деревни, все ея общество должно быть невыносимо. Стало-быть?..

Правда, Лили, кажется, пригласила его тамъ, на каткѣ, гдѣ онъ опять Богъ знаетъ какъ велъ себя, и вскользь.

Что за бѣда!..

Здѣсь Таманцевъ не можетъ имъ мѣшать своими фразами. На сцену онъ навѣрно не пойдетъ уже изъ-за одного того, чтобы не столкнуться съ Лушковымъ.

Послѣ спектакля, если будутъ танцы, ея кавалеръ—Лушковъ; онъ взялъ съ нея слово танцовать весь вальсъ, какъ это дѣлается за границей, и потомъ котильонъ. Ужинать они уже условились за маленькимъ столикомъ: она, Лушковъ, Лили и ея гусаръ.

Конечно, Таманцевъ явился для нея и уѣдетъ „съ носомъ“.

И ей стало его немножко жаль. Она продолжала смотрѣть въ отверстіе. Таманцевъ не прошелъ сейчасъ же въ гостиную, а оглядывалъ залу, потомъ заговорилъ съ какимъ-то офицеромъ.

За спиной своей Кэтъ заслышала шаги. Она обернулась. Поднялась на сцену Лили и расправляла свои туники, какъ настоящая танцовщица, держась за бортъ кулисъ.

Танцовщикъ подошелъ къ ней, все еще держа въ рукѣ маленькую лейку.

— Lili!.. Un moment!—подозвала ее Кэтъ.

Та подбѣжала къ дырочкѣ.

— Qu'en dites-vous? Le ténébreux comte est là.

И Кэтъ назвала Таманцева.

— Tiens! C'est pas à mon intention. C'est à la vôtre.

И обѣ засмѣялись.

— En êtes-vous contente, hein? — спросила ее Лили.— Il est raseur, ce monsieur!

— Oh, que oui!—отозвалась Кэтъ.

Обѣ онѣ разомъ обернулись, увидавъ Лушкова.

Онъ былъ одѣтъ по портрету короля Генриха III. И его истасканно-фатоватое лицо, гримированное артистически, усмѣхалось дерзко и весело. Подъ нижней губой онъ наклеилъ мушку и углы бровей поднялъ. Узкая и высокая шапочка съ перьями сидѣла на затылкѣ, выставляя открытымъ весь лобъ. Кружева кокетливо и женоподобно бѣлѣли вокругъ его красивой шеи. Трико свѣтло-сиреневаго цвѣта обтягивало стройныя ноги. Икры были искусно поддѣланы.

— Qu'il est beau!—закричала Лили и стала поворачивать его кругомъ, держа за край короткаго плаща съ высокимъ воротникомъ.

Кэтъ оглядывала его, тихо улыбаясь. Въ немъ, съ гримировкой и въ костюмѣ, было что-то новое, болѣе опасное и испорченное,—и это влекло ее противъ воли.

Режиссеръ-танцовщикъ подошелъ къ нимъ.

— Парочка на славу!—онъ указалъ на Лушкова и Кэтъ.

Ихъ онъ поставилъ въ первой парѣ. Лили не возражала—Лушковъ давно былъ кавалеръ Кэтъ, а танцовалъ онъ лучше всѣхъ; да и его дама также.

— Не начинать ли?—спросилъ танцовщикъ.

— Еще пять минутъ!—сказала Лили.

Лушковъ уже держалъ Кэтъ за руку, стоя въ позиціи.

XXIII.

Заиграли „rigodon".

При поднятіи занавѣса на сценѣ стояли уже четыре пары.

Въ первой парѣ, слѣва отъ зрителей, Лушковъ и княжна Брянская.

Все время балетныхъ танцевъ Таманцевъ былъ привлеченъ тѣмъ, что̀ передъ нимъ дѣлалось на сценѣ.

Когда онъ пріѣхалъ, въ немъ не улеглось еще возбужденіе, какимъ онъ былъ охваченъ съ утра, при Петѣ Долговѣ и послѣ его ухода.

Хозяина дома—мужа Лили Фризенъ — онъ совсѣмъ не помнилъ и по тому только узналъ его, что тотъ стоялъ у дверей и пожималъ всѣмъ руку. Въ гостиную онъ не заглядывалъ. Ему не хотѣлось наткнуться на какую-нибудь знакомую даму, выносить глупые разспросы, а главное, не быть вполнѣ свободнымъ: сидѣть, гдѣ хочется, и потомъ двигаться въ какомъ угодно направленіи.

Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и краска смущенія, почти стыда, заиграла на его щекахъ.

Танцовщица въ первой парѣ—Кэтъ, княжна Брянская, дѣвушка, любимая имъ. Быть не можетъ! Это корифейка изъ балета. Какъ вырѣзанъ ея корсажъ, спереди и сзади, какъ обнажены руки, что за вызывающая манера держаться! И ноги — въ трико, открытыя почти до колѣнъ. Лицо нарумянено, глаза подведены, губы накрашены.

Онъ чуть не крикнулъ ей:

— Княжна! Ради Бога! Перестаньте!

И какъ она танцуетъ! Какими глазами смотритъ все время на своего кавалера! Этотъ Лушковъ — точно родился „миньо̀номъ“ короля Генриха III. Онъ торжествуетъ. Въ покачиваньяхъ его гибкаго туловища, въ головѣ, откинутой назадъ, въ этой шапочкѣ съ перьями, во вздрагиваньяхъ его бедръ, обтянутыхъ нѣжно-сиреневымъ трико, и въ выраженіи его лица было для Таманцева что-то нестерпимое.

Въ этой модной забавѣ онъ чуялъ новую полосу петербургскаго увлеченія актерствомъ. Только бы побыть на сценѣ, передъ рампой, показывать талантъ, шикъ, смѣлость или бёдра, плечи, икры, руки, затылки — все, что̀ можно.

И княжна плаваетъ въ своей стихіи. Она до-нельзя красива, танцуетъ съ соблазнительной граціей и знаетъ, что ею всего больше восхищается зала — ею и ея кавалеромъ.

Зачѣмъ же онъ-то здѣсь? Чего еще ему надо? Неужели онъ способенъ связать свою судьбу съ этой великосвѣт-

ской танцовщицей, пріятельницей Лили Фризенъ, ученицей Лушкова?

Нервная дрожь пробѣгала по немъ, а руки держали передъ глазами бинокль, и онъ не въ силахъ былъ опустить его.

При каждомъ поворотѣ первой пары, лица Лушкова и его изломанной фигуры, въ груди его вспыхивалъ огонекъ еще неиспытанной имъ ревности.

Вѣдь Лушковъ будетъ требовать отъ нея сегодня же, или завтра, послѣзавтра исполненія пари. Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ сегодня отвезетъ ее домой въ каретѣ. Прямо ли въ домъ княгини?

Таманцевъ передъ началомъ спектакля искалъ глазами старую княгиню. Ея нигдѣ не было видно. Она по вечерамъ не выѣзжаетъ. Этой бездушной старухѣ все равно, во что̀ превращается ея внучка.

Помилуйте! „C'est très bien vu“ — вотъ такія балетныя зрѣлища. Только невоспитанные люди, какъ онъ, могутъ возмущаться.

Была одна минута, когда Лушковъ взялъ свою даму за талію и, изгибаясь, глядѣлъ на нее черезъ плечо — Таманцевъ не выдержалъ, бинокль чуть-было не упалъ ему на колѣни. Больше онъ не могъ смотрѣть на сцену.

Публика сильно захлопала. Раздались крики и одобрительные возгласы. Танецъ повторили. Начался антрактъ.

Всѣ перекочевали въ столовую съ буфетомъ. Поднялся гулъ разговоровъ. Дѣлалось очень тѣсно и душно. Около двухъ концовъ стола, гдѣ разливали шампанское, была настоящая давка.

Дивертисментъ изъ балетныхъ танцевъ имѣлъ огромный успѣхъ. Хвалили хозяйку, но всего больше Кэтъ и Лушкова.

Въ углу, почти никѣмъ не замѣченный, Таманцевъ стоялъ захолодѣлый, въ этой жаркой комнатѣ, набитой гостями.

Слѣва отъ него, черезъ каминъ, группа молодыхъ людей — половина были военные—разбирала, точно въ Маріинскомъ театрѣ, умѣнье танцовать Лили и Кэтъ. Тѣ же словечки и термины балетнаго жаргона.

— Нѣтъ, какова княжна?! — доносилось до него.—Какой заносъ носка!.. А?..

— Молодцомъ!

— Заносъ хорошъ!—рѣшилъ какой-то корнетъ, пустивъ эту фразу жидкимъ баскомъ.

„Заносъ!“—повторилъ про себя Таманцевъ.

Будь онъ ея женихъ или братъ, развѣ онъ имѣлъ бы право вмѣшаться и крикнуть этимъ мальчишкамъ:

— Такъ про дѣвушку изъ общества не говорятъ, господа!

Это вызвало бы смѣхъ даже у такихъ молокососовъ. Разъ „дѣвушки изъ общества“ лѣзутъ изъ кожи, чтобы имъ натянуть трико и показывать свои „заносы“ и твердость своего „носка“—какъ же иначе говорить о нихъ?

Антрактъ тянулся безъ конца. Таманцевъ не зналъ, какъ ему выбраться изъ этой гудящей толпы. Знакомыхъ онъ избѣгалъ, да ихъ почти и не было у него среди общества Лили Фризенъ. Онъ отсталъ отъ Петербурга и чувствовалъ себя точно иностранцемъ. Это его нимало не смущало. Только бы поскорѣе шелъ этотъ вечеръ.

Что онъ сдѣлаетъ? Будетъ ли говорить съ княжной, пригласитъ ли ее танцовать, попроситъ ли ужинать вмѣстѣ?—онъ ничего не зналъ.

Онъ зналъ одно—она не участвуетъ въ маленькой „saynète“, на французскомъ языкѣ, изъ скабрёзнаго репертуара парижскихъ кафе-шантановъ.

На афишѣ онъ прочелъ имена Лили, Лушкова и еще какого-то мужчины. Стало-быть, Кэтъ придетъ въ зрительную залу.

Когда зазвонили, онъ не торопился занять мѣсто, чтобы знать, гдѣ она сядетъ.

Но занавѣсъ поднялся — ея не было въ залѣ. Таманцевъ протискался въ глубину залы, къ стѣнѣ, и сталъ тамъ въ толпѣ мужчинъ, которымъ недостало мѣстъ.

Имъ овладѣла нервная тревога. Онъ то и дѣло поворачивалъ голову въ сторону дверки, въ правомъ углу, куда былъ ходъ на сцену.

Какой-то сѣдѣющій любитель музыки одинъ представлялъ собою оркестръ, и оперетка шла подъ фортепіано.

И опять Лушковъ, въ неприлично-шутовскомъ костюмѣ, выставлявшемъ его формы, съ наружностью истаго парижскаго „souteneur“, запѣлъ куплеты съ прозрачными намеками, которые мужчины поддерживали взрывами смѣха. И дамы были очень довольны.

Его голосъ раздражалъ Таманцева едва ли не силь-

нѣе, чѣмъ позы и вся внѣшность во время балетныхъ танцевъ.

Встрѣть онъ его сейчасъ, тутъ вотъ въ залѣ, онъ бы сказалъ ему что-нибудь, чего никто не проститъ въ обществѣ, и вотъ дуэль готова.

И онъ сознавалъ, что ничѣмъ другимъ не можетъ *это* кончиться... Что бы у него ни вышло съ княжной Кэтъ—Лушкова онъ долженъ „устранить".

Въ половинѣ оперетки изъ дверей проходной комнаты показалась Кэтъ въ полубальномъ платьѣ. Мужчины разступились, и кто-то предложилъ ей мѣсто въ первомъ ряду.

Таманцевъ могъ видѣть только ея голову, шею, плечи.

И сейчасъ же Кэтъ изъ „ригодона", великосвѣтская балетная танцовщица, куда-то исчезла... Его потянуло къ той Кэтъ, какую онъ мечталъ создать. Чувство большой нѣжности подкралось къ нему...

Нѣтъ! Онъ не въ силахъ будетъ сказать ей что-нибудь обидно-горькое, повести себя въ ея присутствіи такъ, чтобы вышла исторія. Онъ отвернулся отъ сцены и до конца спектакля почти забылъ о существованіи Лушкова и не слыхалъ даже его голоса, раздававшагося и просто, и подъ музыку.

XXIV.

— Получишь рубль! Скачи за той каретой!

Таманцевъ кинулся въ сани перваго извозчика, какой стоялъ у подъѣзда. Свою наемную карету онъ бросилъ, чтобы не терять времени.

Его трясло, какъ въ лихорадкѣ.

И весь остальной вечеръ прошелъ для него точно въ чаду.

Послѣ спектакля онъ ни разу не столкнулся ни съ Кэтъ, ни съ Лушковымъ. Онъ могъ бы прямо подойти къ ней передъ тѣмъ, какъ начались танцы. Его удерживало чувство, котораго онъ не въ силахъ былъ побороть. Ему было бы слишкомъ горько услыхать отъ княжны что-нибудь колкое. Встрѣча съ Лушковымъ вызвала бы бурю.

Онъ видѣлъ, какъ они танцовали вальсъ по заграничному—весь танецъ, и Лушковъ позволялъ себѣ даже, дѣлая паузы, стоять съ дамой, положивъ руку на ея талію, какъ это водится на иныхъ парижскихъ балахъ.

Котильонъ длился всего съ полчаса, и его танцовали послѣ ужина. Лили Фризенъ увидала его въ группѣ мужчинъ, подошла и предложила танцовать. Онъ отказался. Ужинали за маленькими столиками, въ гостиной и въ залѣ, и даже на сценѣ. Ему изъ гостиной, гдѣ онъ присѣлъ къ одному столу, занятому только мужчинами, былъ виденъ тотъ столъ, гдѣ сидѣли Кэтъ, Лушковъ, Лили и гусаръ—ея домашній другъ.

Они хохотали, пили шампанское, держали себя, точно они въ кабинетѣ ресторана. Сквозь гулъ разговоровъ до него долетали остроты Лушкова, восклицанія Лили и Кэтъ.

Не могъ онъ ошибиться, когда до слуха его долетѣла фраза Лушкова:

— Un pauvre sire!

На что Лили сказала:

— Il est si amoureux!

Конечно, ни о комъ другомъ не могла идти рѣчь, какъ о немъ.

„Un pauvre sire!“

И звукъ голоса былъ брезгливо-снисходительный.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не жалокъ? Развѣ онъ не продолжалъ играть глупую и пошлую роль, точно провинціальный франтъ, затесавшійся на столичный вечеръ, гдѣ онъ не знаетъ, что съ собою дѣлать и представляетъ собою жалчайшую фигуру.

Ничего подобнаго онъ еще не испытывалъ никогда.

У него достало духу, послѣ котильона, ходить по столовой и дожидаться, когда начнется разъѣздъ.

Лили проводила Кэтъ на лѣстницу. Тутъ былъ и мужъ ея. Лушковъ укутывалъ княжну. Потомъ и Лили, и мужъ ея начали прощаться съ гостями. Онъ стоялъ на верхней площадкѣ и ждалъ.

Лушковъ и Кэтъ внизу, въ сѣняхъ, держались въ сторонѣ, и по лицамъ ихъ Таманцевъ читалъ весь ихъ разговоръ. Глаза у Кэтъ блестятъ, щеки разгорѣлись. Лушковъ, конечно, напомнилъ ей о пари.

„Это невозможно!— вскричалъ онъ про себя. — Теперь, въ такой часъ, послѣ ужина, ѣхать ѣсть устрицы! А почему же не въ ресторанъ или къ себѣ?“

Довольно было и того, что Лушковъ провожалъ ее.

Быть-можетъ, онъ только посадитъ ее въ карету.

Раздался голосъ швейцара:

— Карета готова!

Не можетъ быть, чтобы онъ сѣлъ съ нею въ карету. Но выѣзднаго лакея въ ливреѣ княгини онъ не видалъ. Или его совсѣмъ не было? Это, можетъ-быть, наемная карета Лушкова. Швейцаръ распахнулъ входную дверь, Кэтъ быстро вышла, съ чѣмъ-то бѣлымъ на головѣ, и за ней Лушковъ въ шинели съ бобромъ и цилиндрѣ.

Сомнѣнія никакого. Они уѣхали вмѣстѣ.

Извозчикъ гналъ. Карета была уже въ нѣсколькихъ саженяхъ, и черезъ двѣ-три минуты они ее догнали. Это была двумѣстная барская карета, полуторная и въ шорахъ, конечно, его карета.

Она повернула къ Фонтанкѣ, переѣхала мостъ, по Караванной выѣхала на Невскій и взяла направо.

Извозчикъ такъ настегалъ свою лошадь, что она поскакала, и была одна минута, когда сани поровнялись съ каретой и Таманцева можно было увидать въ окно. Но на Невскомъ уже стояла полумгла отъ ночныхъ фонарей.

Проѣхали и Гостиный дворъ, и у тротуара того дома, гдѣ Милютины лавки, карета остановилась. Все уже было темно.

Таманцевъ выскочилъ изъ саней и смѣло подошелъ въ ту самую минуту, когда дверка кареты растворилась и Лушковъ выскочилъ первый, подбѣжалъ къ дверямъ магазина Романова, оглянулся, хотѣлъ точно начать стучать и вернулся къ каретѣ.

— Tout est fermé!—сказалъ онъ.—Vous n'avez pas gagné le pari.

— Si, si!—раздался голосъ Кэтъ.—Je l'ai gagné.

И только что Лушковъ хотѣлъ вскочить опять въ карету, Таманцевъ схватился за ручку двери и почти оттолкнулъ его.

— Княжна,—заговорилъ онъ вполголоса,—я васъ умоляю! Не позволяйте этому господину...

Онъ не могъ досказать. Губы его вздрагивали.

— Что? Что такое? Кто вы?

Лушковъ схватилъ его за бортъ его шубы и хотѣлъ оттолкнуть.

Кэтъ вскрикнула и захлопнула дверцу изнутри.

Оба мужчины остались на тротуарѣ. Карета не двигалась.

— Кто я?—громче заговорилъ Таманцевъ, и ярость возвратила ему свободу рѣчи. — Я— графъ Таманцевъ, и я запрещаю вамъ, слышите ли, запрещаю ѣхать съ княжной.

— Ah ça! C'est du propre. Mais vous êtes fou!

— Кучеръ!—крикнулъ Таманцевъ.—Пошелъ! Отвезешь даму.

Онъ назвалъ улицу и номеръ дома.

Лушковъ хотѣлъ-было взяться за дверцу кареты, но двѣ сильныя руки держали его.

— Послушайте, — вѣско и раздѣльно говорилъ Таманцевъ, — если вы сейчасъ не прикажете вашему кучеру отвезти княжну домой, я васъ задушу!

— Скажите пожалуйста! — по-русски вскрикнулъ Лушковъ и его дерзкое лицо, блѣдное и злое, осклабилось.

— Приказывайте!

Лушковъ что-то быстро сообразилъ и сказалъ Таманцеву, выпрямляясь:

— Laissez-moi... Nous sommes deux gentilshommes, que diable!

И, обращаясь къ кучеру, приказалъ:

— Ступай, куда тебѣ сейчасъ велѣли!

Только что карета повернула, Лушковъ крикнулъ гнѣвнымъ и жидкимъ голосомъ:

— Et maintenant, monsieur, je vous dis, que vous n'êtes qu'un méchant drôle!

Таманцевъ сдѣлалъ къ нему движеніе, точно желалъ схватить его за горло.

— Ни слова больше, или...

— Или что? — крикнулъ Лушковъ. — Envoyez-moi vos témoins, mais f...z moi la paix!

Циническое французское слово такъ и зазвенѣло въ воздухѣ.

Лушковъ вскочилъ въ сани. Какихъ-то двое пѣшеходовъ остановились, привлеченные этой сценой. Городовой со средины улицы двинулся въ ту же сторону.

„Господи! Что за пошлость!“—почти съ плачемъ вскричалъ про себя Таманцевъ и тихо пошелъ вверхъ по Невскому, не соображая куда идетъ, къ себѣ домой или совсѣмъ въ противную сторону.

Ничего пошлѣе онъ не могъ вообразить себѣ. Мальчишеская выходка, хуже того, уличный скандалъ между какими-то посѣтителями ночныхъ притоновъ.

Неужели *такъ* онъ хотѣлъ отстоять любимую дѣвушку, тронуть ее своимъ чувствомъ, показать ей, куда ее можетъ завести игра съ развратникомъ, подобнымъ Лушкову?

Но какъ ему ни было стыдно за самого себя, онъ все-

таки чувствовалъ облегченіе. Завтра онъ пошлетъ вызовъ Лушкову. Надо уничтожить эту ненавистную фигуру во что бы то ни стало.

И ему сдѣлалось до боли ясно, что если онъ не убьетъ Лушкова, то лучше самому быть убитымъ, чѣмъ переживать новыя муки.

XXV

Никакого волненія не чувствовалъ на другой день Таманцевъ, поджидая передъ обѣдомъ своего секунданта.

Онъ бы навѣрно расхохотался, скажи ему кто-нибудь недѣлю назадъ, что не кто другой, какъ „Петюня", будетъ его секундантомъ.

Тотъ могъ ожидать, что послѣ вечера у Лили Фризенъ выйдетъ что-нибудь экстренное. Рано утромъ принесли отъ него записку. Онъ спрашивалъ, не нуженъ ли онъ будетъ графу, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ намековъ.

„Отчего же не взять мнѣ въ секунданты Петюню? — спросилъ онъ себя, еще лежа въ постели, когда камердинеръ подалъ ему записку Долгова. — Чѣмъ онъ хуже другихъ?"

Перебирая въ головѣ, кто у него въ Петербургѣ близкіе люди, онъ не нашелъ ни одного настоящаго пріятеля, хотя зналъ не мало народу. Ни съ однимъ изъ нихъ онъ не станетъ откровенно разговаривать. Подумалъ-было онъ, не обратиться ли ему къ журналисту Луцкому, съ которымъ недавно познакомился и завтракалъ въ ресторанѣ?

Есть, пожалуй, и товарищи дѣтства. Но какіе? Въ родѣ князя Митьки Карай-Родейко?

Петю онъ не хочетъ тянуть въ это дѣло — кто знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться дуэль. Но пускай онъ ему найдетъ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей. Гораздо лучше имѣть дѣло съ очень молодыми людьми. Они погорячѣе, менѣе уступчивы, а то начнется противная канитель съ переговорами и съ обмѣномъ писемъ.

Долгова онъ сейчасъ же попросилъ къ себѣ и тотъ явился черезъ часъ; первый его вопросъ былъ:

— Вы его вызвали, графъ?

— Нѣтъ еще, но сбираюсь.

Видя, что Таманцевъ такъ спокоенъ, Петя очень деликатно предложилъ свои услуги, — „въ чемъ только онъ можетъ быть полезенъ графу".

— Да съ какой же стати я тебя, Петюня, буду впу-

тывать? — спросилъ его Таманцевъ тономъ старшаго. — Твоя маменька первая мнѣ спасибо не скажетъ. Я хочу серьезно драться.

— Понимаю!— вскричалъ Долговъ и покраснѣлъ.— Понимаю васъ, графъ. Такая поганенькая личность, какъ этотъ Лушковъ...

— Но ты-то тутъ при чемъ, Петюня?

— Видите, графъ...

Петя поднялъ свои красивыя рѣсницы и заговорилъ, замѣтно волнуясь:

— Кто же былъ причиной всей этой исторіи, графъ? Я — и никто больше, согласитесь сами. Если бъ не я — вы бы ничего не знали. Быть-можетъ, я и вообще не правъ, что пріѣхалъ къ вамъ вчера. Я цѣлую ночь продумалъ, увѣряю васъ. Но я не могъ поступить иначе. И даже вызови меня Лушковъ, я бы принялъ этотъ вызовъ... коли угодно, въ видѣ наказанія, но иначе я, ей-Богу, поступить не могъ.

— Да кто тебя упрекаетъ?

— Вотъ видите... вы хотите драться. Я не имѣю права разспрашивать васъ...

— Но тебѣ смертельно этого хочется, Петюня?—весело перебилъ его Таманцевъ. — Дѣло очень простое. Я такъ повелъ себя, что Лушковъ не могъ меня не оскорбить и даже самъ первый крикнулъ, чтобы я присылалъ секундантовъ и оставилъ его въ покоѣ.

— Самъ первый? Это меня удивляетъ.

— Онъ не смотритъ трусомъ. Онъ только наглецъ.

— Вотъ видите, графъ. Кто же другой можетъ быть вашимъ секундантомъ, какъ не я? Понимаю... я для васъ слишкомъ юнъ, слишкомъ незначителенъ. Но позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, быть хоть вторымъ.

— Позволяю! Будь хоть первымъ, если ты этого такъ добиваешься, но, право, мнѣ неловко...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, графъ.

Петя сложилъ просительнымъ жестомъ свои ручки и Таманцевъ, глядя на него, представилъ себѣ, какъ это такая „барышня въ панталонахъ“ будетъ устанавливать ихъ и командовать.

— Да ты, Петюня, бывалъ ли когда на дуэляхъ?

— Нѣтъ, графъ, я не хочу лгать. Это меня смущаетъ, конечно. Но видите... Надо двухъ секундантовъ, это всегда

дѣлается въ серьезныхъ дуэляхъ. И вотъ мнѣ сейчасъ же пришла комбинація...

— Давай твою комбинацію.

— У меня есть другъ. Онъ былъ старше меня и по гимназіи, и по университету. Фамилія его Костромінъ. Это характеръ. Всегда онъ отличался любовью къ спорту. Прекрасный велосипедистъ и бралъ призы на состязаніи бѣгуновъ. Фехтовальщикъ замѣчательный, стрѣлокъ также. Онъ бывалъ секундантомъ. Я это навѣрно знаю.

— Зачѣмъ же совсѣмъ посторонняго человѣка втягивать... А если онъ на службѣ?..

— Нѣтъ! Онъ нигдѣ не служитъ. Богатый человѣкъ. Его главная страсть — нумизматика. Собираетъ русскія древнія монеты... Онъ будетъ очень польщенъ. Я бы не посмѣлъ предложить вамъ кого-нибудь... такъ себѣ.

Петя во всей этой сценѣ былъ такъ милъ, что Таманцевъ весело крикнулъ:

— Дѣйствуй, Петюня, дѣйствуй!

У него съ той минуты, какъ проснулся, было на душѣ спокойно и даже весело. Никакіе назойливые вопросы не шли ему въ голову. Хотѣлось одного — уничтожить Лункова. Онъ не вѣрилъ въ то, чтобы Кэтъ могла серьезно полюбить своего „развратителя“.

Былъ онъ очень доволенъ и тѣмъ, что секундантъ у него Петя. Нѣтъ никакой надобности давать какія-нибудь объясненія насчетъ мотивовъ. Но если бъ оно и оказалось нужнымъ, Долгову онъ скорѣе готовъ былъ сообщить двѣ-три подробности изъ того, что вышло у Лили и на Невскомъ. Но говорить что-нибудь всякому другому было бы для него слишкомъ тяжко.

Уже совсѣмъ смерклось, а Таманцевъ все еще сидѣлъ, въ кабинетѣ у камина, безъ свѣта, когда ему доложили о Долговѣ и его пріятелѣ.

Человѣкъ внесъ лампу, вслѣдъ за гостями, и Таманцевъ успѣлъ сейчасъ же разглядѣть лицо Костромина — немного полное, бритое, съ усами и старообразное для его лѣтъ. Его плотная фигура немного горбилась. Онъ смотрѣлъ скорѣе иностранцемъ, чѣмъ кореннымъ русакомъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Долговъ явился въ длинномъ сюртукѣ, по модѣ, застегнутый до верху, и лицо у него было особенно серьезное.

— Вотъ, графъ,—представилъ онъ своего друга,—Сергѣй Костромінъ, человѣкъ опыта во всемъ, что относится...

Онъ досказалъ жестомъ, почему-то немного сконфуженный.

Другъ его, сохраняя дѣловое выраженіе, пожалъ руку Таманцеву неторопливо и сѣлъ въ кресло съ такимъ же дѣловымъ видомъ.

— Благодарю васъ, — обратился къ нему къ первому Таманцевъ. — Вы меня совсѣмъ не знаете и сейчасъ же согласились.

— Это ничего,—отвѣтилъ другъ Пети и выпятилъ свои толстоватыя губы.—Очень радъ... Долговъ по этимъ вопросамъ швахъ. Но онъ будетъ, конечно, первымъ секундантомъ. Я весьма охотно направлю его. И если случится надобность въ составленіи протокола... И потомъ на мѣстѣ поединка.

„Какіе они потѣшные!“ — думалъ Таманцевъ, поглядывая на этихъ двухъ юнцовъ.

Оба совсѣмъ не похожи на то, чѣмъ онъ самъ былъ въ ихъ лѣта. Оба такъ юны, а что-то въ нихъ не по лѣтамъ степенное. Еще „Петюня“ отдаетъ дань своему возрасту, а этотъ нумизматъ точно изъ гуттаперчи. Уравновѣшенность необыкновенная и такой видъ, будто онъ давнымъ-давно рѣшилъ всякіе вопросы и на все можетъ отвѣтить безъ запинки.

— Долговъ мнѣ сообщилъ, графъ,—началъ Костроминъ, вытянувъ ноги къ камину, — что вы желаете серьезной дуэли.

— Серьезной,—подтвердилъ Таманцевъ.

— А ежели противникъ вашъ согласенъ будетъ извиниться, и не на словахъ, а на письмѣ?

— Никакихъ извиненій я не приму.

— Это ваше рѣшительное слово?

— Рѣшительное.

Таманцеву было еще забавнѣе слышать, какимъ тономъ все это говорилось.

Но въ сущности такого секунданта ему и нужно. Петя стушуется, а вести все будетъ этотъ коренастый и жилистый спортсмэнъ и нумизматъ. И прекрасно!

И все такъ же обстоятельно другъ Пети поставилъ еще нѣсколько вопросовъ, при чемъ Долговъ его много разъ останавливалъ словами: не довольно ли?—а тотъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Рѣшено было, что Таманцевъ напишетъ письмо, съ которымъ они сейчасъ же и отправятся къ Лушкову, и если

не застанутъ его дома, то оставятъ ему коллективное письмо, въ которомъ попросятъ прислать его свидѣтелей завтра, на квартиру Костромина.

Таманцевъ присѣлъ къ столу и сталъ-было писать набѣло, но Костроминъ замѣтилъ ему, что лучше написать черновой подлинникъ и сохранять его у себя, и только бѣловое письмо отправить противнику... Онъ согласился съ этимъ, и пока онъ писалъ письмо, оба друга, сидя у камина, шопотомъ перекидывались словами.

— Такъ ли?—спросилъ Таманцевъ и прочелъ черновую вслухъ.

— Превосходно!—вскричалъ Долговъ.

— Если позволите мнѣ одно замѣчаніе,—все такъ же солидно выговорилъ Костроминъ и всталъ,—вотъ это слово можно бы выкинуть.

Слово, дѣйствительно, было лишнее.

И когда Таманцевъ доканчивалъ бѣловую, въ передней раздался сильный звонокъ, и въ кабинетъ, безъ доклада и довольно шумно, болѣе вбѣжалъ, чѣмъ вошелъ, князь Карай-Ровейко.

XXVI.

— Какъ я радъ, душа моя, что засталъ тебя!

Таманцевъ не успѣлъ сказать слова, какъ „Митька“ уже обнялъ его.

Лицо у него было блѣдное, взволнованное, его жидкая прядь волосъ посрединѣ совсѣмъ лысаго черепа торчала. Глаза были возбужденные и немного влажные.

— Что такое?—наконецъ, спросилъ его Таманцевъ.

— Puis-je parler?—шепнулъ ему на ухо Карай и оглянулся на секундантовъ.

— Эти господа уходятъ.

Таманцевъ не разсудилъ называть князю Караю молодыхъ людей. И оба они сейчасъ же удалились, отдавъ Караю его поклонъ.

— Что такое?—повторилъ Таманцевъ.—Садись. Курить хочешь?

Это шумное вторженіе „Митьки“ почему-то не покоробило его. Настроеніе его, спокойное и благодушное, почти веселое, продолжалось.

— Ужасно радъ, что засталъ тебя, André! Скажи, пожалуйста, кто же эти господа? Неужели твои секунданты?..

— Ты почемъ знаешь?—шутливо прервалъ Таманцевъ.

— Неужели? Этакіе будутъ ассистировать тебя на *мензурѣ?* — онъ любилъ употреблять выраженія нѣмецкаго бурша, — этакіе? Да одинъ совсѣмъ сосунокъ!.. Какъ же это, душа моя, у тебя есть товарищъ дѣтства и студенческихъ лѣтъ, какъ я, и ты не шлешь за мной? Право обидно! Но я не таковъ! Нѣтъ, Митька Карай не таковъ! Нѣ-ѣтъ!—протянулъ онъ.

И не давая остановить себя, онъ заговорилъ быстрѣе, но вполголоса:

— Сегодня въ бильярдной, тамъ, у насъ, Баранцевъ въ углу шепчется съ Лушковымъ. Слышу твою фамилію... И назначаютъ себѣ rendez-vous черезъ два часа. Но меня, братъ, на мякинѣ не проведешь. Я—травленый волкъ. Я къ нимъ сейчасъ и говорю: „Господа, дѣло идетъ объ Андрюшѣ Таманцевѣ. Это мой *коммилитонъ*—и, пожалуйста, безъ всякихъ тайнъ!“ Tu sais, Лушковъ est un crevé que je n'aime pas énormément... Сейчасъ съежился и отвѣчаетъ въ такомъ тонѣ... знаешь, pincé. Я, душа моя, самъ его чуть не вызвалъ... Баранцевъ тоже со своими каламбурами. И удалились скоропостижно. Но я все достаточно сообразилъ...

— Постой,—прервалъ его Таманцевъ и положилъ ему руку на колѣни. — Ты меня весьма обяжешь, любезный другъ, если ничего и никому не станешь болтать.

— Однако, André!..

— Тебѣ это невозможно—я знаю. Но, пожалуйста, не вмѣшивайся ты. И знаешь, Митька, если до меня дойдетъ что-нибудь твоего сочиненія—ты будешь имѣть дѣло со мною.

— Моего сочиненія! Моего сочиненія! — Карай обидчиво шмыгнулъ носомъ и всталъ.—Mais, mon cher, — выговорилъ онъ шумнѣе и задорнѣе,—c'est un secret de polichinelle.

— Что?—строже спросилъ Таманцевъ.

— Какъ что? Изъ-за чего вы деретесь? Тутъ княжна Кэтъ Брянская замѣшана! On sait tout cela, mon cher.

Поднялся и Таманцевъ и, взявъ Карая за пуговицы его довольно обдерганнаго пиджака, сказалъ:

— Смотри, Митька! Не доводи меня до градуса!

И вдругъ ему стало гадко отъ всей этой исторіи. Самъ онъ, его противникъ, княжна Кэтъ, собственное чувство. Пахнуло чѣмъ-то трактирнымъ, пошлымъ. И объ этомъ уже болтаютъ вездѣ, ругаютъ его, смѣются, острятъ,

рады чѣмъ-нибудь наполнить свою бездушную петербургскую пустоту.

— Ну хорошо, ну ладно,—сбавилъ сразу тонъ Карай.— Съ тобой нельзя говорить. Дай мнѣ сигару, mon cher.

— Возьми вонъ тамъ, на столикѣ.

Митька вкусно закурилъ и вернулся къ камину.

— Богъ съ тобой! Насильно милъ не будешь. Но это съ твоей стороны плохой расчетъ—не взять меня въ секунданты. Ты никого и ничего не знаешь. А я каждаго изъ этихъ мусьяковъ насквозь вижу. Во-первыхъ, ни до какой дуэли я бы не допустилъ. За этимъ Лушковымъ мы знаемъ, братъ, такія вещи... Мое почтеніе!

„Не предложить ли ему бѣлую ассигнацію?“—подумалъ Таманцевъ, уйдя къ письменному столу и почти не слушая, что̀ говоритъ Карай.

То настроеніе, которое онъ имѣлъ съ утра, отлетѣло, и все то же чувство чего-то противнаго, даже физически, давало себя знать, точно на языкъ ему капнули чѣмъ-то липкимъ и дурно пахнущимъ.

Если этотъ шутъ будетъ еще болтать, онъ, пожалуй, возьметъ его за плечи и вытолкаетъ.

Но кто-то позвонилъ въ передней.

Можетъ-быть, его секунданты, не заставъ дома Лушкова, вернулись. Его квартира была въ пяти минутахъ ѣзды.

— Кого Богъ несетъ?—выговорилъ Карай такимъ тономъ, точно онъ интимнѣйшій другъ хозяина и не желаетъ, чтобы имъ мѣшали.

Это опять вызвало невольную усмѣшку на лицо Таманцева.

— Господинъ Баранцевъ!—доложилъ отъ двери камердинеръ.

Карай вскочилъ.

— Очень радъ! Онъ навѣрно отъ того... ты понимаешь? Но только это совсѣмъ не въ порядкѣ. Я ему сейчасъ же дамъ понять.

Баранцевъ входилъ съ своимъ обычнымъ выраженіемъ человѣка, который изъ всего дѣлаетъ сюжетъ для своихъ остротъ.

— Bonjour! bonjour! — полунебрежно выговорилъ онъ, еще не доходя до Таманцева.

Карая онъ точно не замѣчалъ.

— Здорово!—окликнулъ его Карай и подошелъ.

— А! И ты тутъ? Графъ, здравствуйте!—сказалъ Баранцевъ, пожимая руку хозяину и становясь спиною къ Караю.

— Ты по какому дѣлу?—началъ приставать Карай.

— По этому!—небрежно отозвался Баранцевъ и, взявъ подъ руку Таманцева, выговорилъ вполголоса: — renvoyez cet animal.

— Что ты сказалъ?.. Баранцевъ! Мы съ André старые товарищи, и ты пожалуйста не мудри... А впрочемъ я вамъ, господа, мѣшать не стану... André! на одно слово!

Таманцевъ вышелъ съ Караемъ въ столовую.

— Душа моя! Этотъ Баранцевъ — просто нахалъ. Но ты знаешь... je suis à cheval sur la chevalerie... ха-ха!.. вотъ и каламбуръ, хоть тому—бонмотисту—впору! У тебя въ домѣ я не полѣзу на драку! Ты меня извини.

— Говори скорѣе... Сколько тебѣ?

— Ха-ха!.. Какое ясновидѣніе! Знаешь... я какъ въ одной нѣмецкой комедіи... Появляется пріятный молодой человѣкъ и говоритъ: „Puffen sie mir fünf Gulden“... А у меня бѣленькая... нынче лиловая... Ты, братъ, черезъ это не проходилъ.

И онъ вздохнулъ и даже закрылъ глаза.

Таманцевъ сунулъ ему бумажку и ушелъ, не провожая его до передней.

Въ кабинетѣ онъ нашелъ Баранцева на диванѣ, въ позѣ человѣка, которому предстоитъ разговоръ, гдѣ онъ долженъ показать, какой онъ тонкій человѣкъ.

— Спустили ту балалайку?—спросилъ онъ и тихонько свистнулъ.—Я ему все говорю: продай ты себя кому хочешь, хоть въ самозванцы иди, только не *карай* насъ своей особой!

Острота прошла безъ эффекта, и Баранцевъ, перемѣнивъ сейчасъ же тонъ, спросилъ:

— Эта балалайка что-нибудь ужъ наврала вамъ?

— Вы отъ Лушкова, — отвѣтилъ Таманцевъ, садясь около него на диванъ.

— Да. Отъ него. Мы знаемъ, и вы, и я, — какъ его представитель въ эту минуту, — что это не совсѣмъ въ обычаѣ. Онъ ждалъ вашихъ секундантовъ.

— Я послалъ ихъ.

— Послали?

Баранцевъ щелкнулъ языкомъ и подался назадъ.

— Около часа назадъ... Вы прямо отъ господина Лушкова?

— Я былъ съ нимъ... только въ ресторанѣ. Они его не могли застать. Какъ это досадно... А впрочемъ...

Онъ придвинулся къ Таманцеву, положилъ ему руку на колѣни и заговорилъ скоро и ласково, тономъ товарища старше лѣтами и сознающаго свой авторитетъ бывалаго человѣка.

— Voyons, cher comte... Я къ вамъ пріѣхалъ не какъ секундантъ, а какъ посредникъ, что ли... Это слишкомъ громко... Enfin, un homme de bon sens.

Таманцевъ, опустя голову, промолчалъ.

— Я не стану перебирать, кто правъ, кто виноватъ,— продолжалъ Баранцевъ потише.—Ce n'est pas mon affaire. Довольно того, что Лушковъ самъ крикнулъ вамъ:—„присылайте мнѣ секундантовъ". Стало, онъ признаетъ васъ въ полномъ правѣ вызывать его. Вы знаете, что онъ—не трусъ.

— Нѣтъ, не знаю, — громко и спокойно выговорилъ Таманцевъ.

— C'est moi qui vous le dis. И вдобавокъ онъ отличный стрѣлокъ. Вы мнѣ можете повѣрить.

— Вамъ и книги въ руки,—съ усмѣшкой сказалъ Таманцевъ.

Онъ начиналъ чувствовать, что теряетъ спокойствіе.

— Et puis, il y a une troisième personne en jeu... Вы оба порядочные люди. Tout ça a l'air d'une mauvaise plaisanterie. И Лушковъ слишкомъ уменъ, чтобы не дать всей этой исторіи другой оборотъ.

Баранцевъ сдѣлалъ передышку.

XXVII.

— Однако, Таманцевъ, что же вамъ угодно, наконецъ?

Этотъ вопросъ вырвался у Баранцева, послѣ того, какъ онъ передалъ согласіе Лушкова обратиться къ графу съ письмомъ, гдѣ тотъ заявитъ, что беретъ назадъ все рѣзкое въ словахъ, сказанныхъ во время ихъ сцены.

Таманцевъ не принималъ никакихъ извиненій, хотя и находилъ свое поведеніе на тротуарѣ Невскаго не менѣе рѣзкимъ.

— Voyons!.. — искренней нотой вскричалъ Баранцевъ; онъ опять очень близко подсѣлъ къ нему и взялъ его за руку. — Вы, стало, абсолютно желаете, чтобы онъ, какъ англичане, кажется, говорятъ: „присоединился къ большинству"? — „to have joint the majority" — перевелъ онъ

съ нарядным англійскимъ акцентомъ...—А?.. Чтобъ прямо отправился ad patres?..

— Вы меня какъ спрашиваете? Какъ его секундантъ, или просто... какъ человѣкъ?..

— То-есть, какъ это: человѣкъ? Въ лакейскомъ смыслѣ или...

— Полноте острить, Баранцевъ, — строже остановилъ его Таманцевъ, быстро всталъ и заходилъ въ пространствѣ между каминомъ и письменнымъ столомъ. — Если вы хотите это знать — просто какъ человѣкъ, какъ русскій „конца вѣка", какъ баринъ, наконецъ, извѣстный своимъ остроуміемъ, наблюдательный...

— Et caetera...—прибавилъ Баранцевъ, сдерживая себя, съ наклоненной красиво головой.

— Я вамъ вотъ что скажу...

Лицо Таманцева замѣтно поблѣднѣло и вокругъ свѣжаго рта заиграла нервная тревога.

— Лушковъ для меня — не первый попавшійся господинъ. Это—какъ бы мнѣ выразиться—символъ, что ли...

— C'est de la philosophie!—точно для себя проговорилъ Баранцевъ.

— Онъ олицетворяетъ для меня все, что я нашелъ здѣсь, въ нашемъ *мондѣ* — въ этомъ отвратительномъ Петербургѣ чинушей, карьеристовъ, добровольныхъ холоповъ и миньоновъ...

— Позвольте, графъ! — серьезнѣе остановилъ его Баранцевъ. — Не забудьте, что я явился сюда отъ того же Лушкова.

Но глаза Баранцева говорили:

„Въ сущности, вы правы, и я вамъ моего пріятеля головой выдамъ".

— Извините!.. И лучше бросимъ мы его. Убьетъ онъ меня,—что дѣлать! Жить въ теперешнее время—тяжкая обуза и не великая сласть. Убью я его—я это сдѣлаю безъ всякаго сожалѣнія, и не потому только, что онъ мой противникъ, какъ вы, конечно, думаете! Нѣтъ! Не одно это! Вотъ здѣсь,—онъ указалъ на грудь,—вотъ здѣсь накипѣло. Противно, прямо омерзительно видѣть, что такое всѣ тѣ, кто стоитъ, какъ „городъ на горѣ",—онъ употребилъ цитату, но его собесѣдникъ не зналъ, откуда она.—Что это за ничтожество душевное, убожество ума, воли, характера, безпробудное бездѣльничество и безпутство. Быть-можетъ, и я не лучше! Но это не доказа-

тельство,—стремительно отвѣтилъ онъ какъ бы самому себѣ.—Это не доказательство! Даже и тѣ, кто считаетъ себя неизмѣримо выше всего этого народа,—и тѣ не заслуживаютъ чести жить.

— Ха-ха-ха!—тихо разсмѣялся Баранцевъ, всталъ и началъ застегивать свой пиджакъ.—Un éreintement de première classe!

„Господи!—тутъ же вскричалъ про себя Таманцевъ.—Къ чему я изливаюсь передъ такимъ Баранцевымъ?“

И ему стало еще невыносимѣе.

Баранцевъ пододвинулся къ нему и съ болѣе серьезнымъ лицомъ, прикоснувшись къ его плечу, сказалъ:

— Положимъ, Таманцевъ, вы по-своему и правы. Nous sommes tous f...s!

Онъ выговорилъ обычное циническое слово французовъ.

— Вы это сознаете и соглашаетесь барахтаться въ той же...—онъ хотѣлъ сказать: „лужѣ“, и воздержался.

— Да, въ той же помойной ямѣ,—досказалъ за него Баранцевъ.

Онъ протянулъ руку.

— Итакъ, моя миссія потерпѣла полное фіаско?

— Я не принимаю ни письменныхъ, ни устныхъ извиненій, и въ эту минуту господинъ Лушковъ уже извѣщенъ.

— Bon!

Баранцевъ застегнулъ верхнюю пуговицу пиджака, довольно крѣпко пожалъ еще разъ руку хозяина и, уходя, въ дверяхъ, обернулся и своимъ всегдашнимъ тономъ остряка пустилъ:

— Les bons amis ne rendent pas toujours les amis bons!..

Его смѣхъ своей же остротѣ еще стоялъ въ ушахъ Таманцева, когда онъ вернулся въ кабинетъ и прилегъ на кушетку.

Нѣсколько минутъ лежалъ онъ съ полузакрытыми глазами и съ чувствомъ большого утомленія.

Точно будто онъ сегодня исполнялъ какую-нибудь тяжелую работу. Разбитость проникала все его здоровое и молодое тѣло, а онъ никуда не выѣзжалъ и только ходилъ сначала по столовой, потомъ по этому кабинету.

Не могъ онъ освободиться отъ нытья въ груди, которое было только физическимъ ощущеніемъ его душевнаго состоянія.

Ему было гадко, и онъ нисколько не облегчалъ себя

тѣмъ, что отказался отъ извиненій Лушкова и вызвалъ въ себѣ злобное чувство, точно онъ сбирался идти истреблять какого-то дикаго звѣря.

Неужели страсть говоритъ въ немъ, одна только страсть?

На это онъ не въ силахъ былъ дать отвѣтъ. Все какъ-то перепуталось въ немъ. Онъ похожъ былъ самому себѣ на обезумѣвшаго, забравшагося на вышку. Еще одинъ неловкій шагъ—и онъ полетитъ въ бездну. И подъ ногами у него нѣтъ уже опоры—ни камня, ни куска дерна—ничего. Такое ощущеніе, что онъ какъ бы уже виситъ въ воздухѣ.

И вдругъ онъ обманываетъ себя? А если въ немъ никакого серьезнаго чувства къ Кэтъ нѣтъ и даже не бывало? Если все это — безобразный чадъ, въ родѣ отравы, влитой въ него Петербургомъ?

Ему стало страшно. Онъ поднялъ голову и оглянулся. Лобъ его былъ влаженъ.

Страшно ему сдѣлалось отъ одной мысли, что любви въ немъ нѣтъ. Разъ это правда—вся его жизнь поражена невыносимой, ужасающей пустотой. Тогда онъ подставитъ свою грудь Лушкову, и пускай тотъ убьетъ его наповалъ.

Никакой настоящей привязки къ жизни онъ не находилъ въ себѣ. Деревня не тянетъ его—онъ въ двѣ недѣли растратилъ всѣ свои заряды и лежитъ вотъ тутъ, точно пузырь, изъ котораго выпустили весь воздухъ. Онъ смѣшонъ самому себѣ въ своемъ самозванномъ званіи „ходока“. Будь въ немъ прочное, окрыленное идеей чувство къ народу и его нуждамъ—ничего бы такого не случилось. Былъ бы противовѣсъ. Случись даже такая дуэль — онъ бы жилъ надеждой: „останусь живъ, уйду туда, въ Муражкинскую волость, а сначала добьюсь здѣсь всего, что только можно сдѣлать для крестьянъ этой волости“.

— Ахъ, все не то!—вырвался у него возгласъ вслухъ, и онъ заметался на кушеткѣ, весь охваченный тѣмъ же чувствомъ страха и подавленности.

Главное горе, котораго не избыть ничѣмъ, то, что онъ—русскій баричъ, родной, по крови и духу, всѣмъ вотъ такимъ господамъ, какъ Баранцевъ, какъ Лушковъ, какъ товарищъ его дѣтства—Митька Карай... Чѣмъ онъ выше ихъ? Умомъ? Талантомъ? Или серьезностью? Откуда она взялась и съ какого времени? „Безъ году недѣля“,—сказалъ бы его пріятель докторъ Домашневъ, — какъ онъ

впервые распозналъ, что такое жизнь милліоновъ народа, у котораго нѣтъ буквально ничего, кромѣ своей собственной спины и сохи. А раньше онъ былъ только „фантастъ“, какъ его называетъ княгиня Брянская, пустѣйшій говорунъ съ замашками „краснаго“, какихъ развелось теперь вездѣ, въ какомъ угодно слоѣ русскаго общества.

Не обиду, не злость, не сознаніе своей правоты, не протестъ гражданина или честнаго бойца чувствовалъ онъ, лежа съ влажнымъ лбомъ и замедленнымъ біеніемъ сердца, а тоску безсилія, колоссальнаго *вздора*, унаслѣдованнаго имъ съ сотнями и тысячами ему подобныхъ.

И казалось бы такъ легко: встать, подойти къ столу, написать письмо Лушкову, гдѣ признать, что собственное поведеніе было глупо, разорвать со всѣмъ „мондомъ“, который онъ четверть часа назадъ такъ клеймилъ передъ секундантомъ Лушкова, уйти совсѣмъ въ свое честное дѣло, оставаться въ Петербургѣ только для него, и разъ оно будетъ налажено—уѣхать, и навсегда.

Но такъ онъ не поступитъ. Ему нельзя. Даже миражъ чувства къ дѣвушкѣ—тщеславной, испорченной, къ „ученицѣ Лушкова“—дорогъ для него, точно какая путеводная звѣзда въ непроницаемой ночи.

Что-то болѣе могучее, чѣмъ всѣ протесты и возмущенія, гнететъ его, и это „что-то“—роковая сила душевнаго вздора, полная безурядица души.

Очень скромный звонъ въ передней заставилъ его подняться.

Такъ звонитъ только Петя Долговъ. Онъ пріѣхалъ одинъ или съ товарищемъ отъ Лушкова. Надо ихъ выслушать и продолжать дальше ту же гнусную и нелѣпую комедію.

XXVIII.

Второй день, какъ княжна Кэтъ совсѣмъ разбита и никуда не выѣзжаетъ.

Вчера она проснулась съ тяжелой головной болью. Спала дурно и мало, до разсвѣта ее душилъ кошмаръ. Она не вышла даже къ завтраку, чѣмъ, разумѣется, старая княгиня была недовольна.

Она весь день избѣгала разговора съ княгиней. Та могла спросить, кто довезъ ее до дому, а лгать она не хотѣла. Карету она отпустила, какъ дѣлала всегда, если бывала вечеромъ у Лили или гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ нею.

Когда вчера къ вечеру голова ея, отъ сильной дозы антипирина, начала проясняться, Кэтъ стала разбирать, что̀ собственно вышло прошлой ночью; *гдѣ* она теперь находится, въ какомъ положеніи.

У нея голова не такая, чтобы больше сутокъ оставаться въ туманѣ послѣ чего бы то ни было. Что̀ бы ни вышло, надо знать впередъ, что̀ изъ этого и дальше можетъ выйти. Себя готова она обвинить всегда, если сама найдетъ себя виновной.

Все началось съ того пари, которое она держала съ Лушковымъ. Это было неосторожно, даже очень неосторожно, но и только. Разумѣется, grand'mère, если бы узнала, пришла бы въ ужасъ. Но мало ли отъ чего она способна приходить въ ужасъ!

Такое пари — впору развѣ одной Лили. Что жъ? Ей надоѣло быть на положеніи „барышни“. Она по натурѣ смѣлая, даже дерзкая, хотя и неспособна ни на какія неизящныя выходки въ разговорѣ. Рѣзнуть кого угодно въ разговорѣ, какъ бритвой — да! Но чтобы это было остроумно, а не грубо.

Конечно, если бы не шампанское, выпитое и во время спектакля, и за ужиномъ, и не воздухъ, какимъ все дышало вокругъ нея, что-то еще никогда неиспытанное, она бы не позволила Лушкову ни довозить себя до дому, ни останавливаться у Милютиныхъ лавокъ. Правда, она почти была увѣрена, что все уже заперто. Это до нея не касается. Въ пари не было выговорено, въ которомъ часу они подъѣдутъ къ лавкѣ Константина Романова или Кузнецова—Кэтъ отлично вспоминаетъ эти фамиліи,—и она еще вѣрнѣе могла выиграть его.

Но и сегодня она не будетъ лгать самой себѣ: въ такой „escapade“, какъ устрицы въ чуланчикѣ одной изъ Милютиныхъ лавокъ, есть что-то смѣлое. Не всякая на это пойдетъ.

Ей хотѣлось показать Лушкову и то, что она его совсѣмъ не боится. У него репутація самаго опаснаго изъ петербургскихъ „gratins“. И она сама, когда стала часто видаться съ нимъ, испытывала на себѣ особое влеченіе къ этому порочному человѣку—„l'homme vicieux“, какъ и она его называла мысленно.

И какъ же могъ онъ вести себя иначе въ той дѣйствительно „ужасной“ сценѣ передъ магазиномъ Константина Романова?

Представляя себѣ въ лицахъ всю эту сцену, Кэтъ всего рѣзче видѣла и слышала графа Таманцева, его плотную фигуру, курчавость, мужицкое лицо, порывистыя манеры и голосъ съ вздрагивающими нотами.

Что изъ того, что этотъ человѣкъ преслѣдуетъ ее своей любовью? Какая это любовь! Въ началѣ вечера и когда она смотрѣла въ дырку занавѣса, и раньше, на каткѣ, въ ней зашевелилось что-то. Ей его стало жаль... Можетъ-быть, и женскому чувству ея льстило такое постоянство.

Но развѣ подобная дикая выходка, какъ на тротуарѣ Невскаго, найдетъ себѣ оправданіе у кого бы то ни было? Лушковъ велъ себя безукоризненно, вполнѣ „gentlemanlike“.

Въ ея ушахъ до сихъ поръ еще такъ отчетливо раздается возгласъ Лушкова, какъ онъ крикнулъ Таманцеву, чтобы тотъ присылалъ ему секундантовъ, если пожелаетъ.

Вчера Кэтъ не останавливалась надъ этимъ словомъ: „секундантовъ“—и голова все еще болѣла, да и противъ Таманцева она была слишкомъ возмущена. Теперь она гораздо тревожнѣе задумалась надъ тѣмъ, что можетъ выйти изъ такой исторіи.

Таманцевъ не спуститъ Лушкову. Онъ ненавидитъ и презираетъ Лушкова. Весь вечеръ у Лили онъ слѣдилъ за ними какъ „шпіонъ“, и бѣшенство его дрожало въ каждомъ возгласѣ. Удивительно, какъ онъ не бросился тутъ же на своего врага и не сталъ душить его. Еще удивительнѣе, что съ нимъ не было пистолета.

Такой человѣкъ, конечно, пошлетъ Лушкову секундантовъ. Прошло болѣе сутокъ съ той ночи. Лушковъ не заѣзжалъ вчера. Лили точно въ воду канула. Справиться у нея, послать ей записку — Кэтъ, почти суевѣрно, боялась.

А вдругъ сегодня же они стрѣлялись. И одинъ изъ нихъ остался на мѣстѣ. Кто?

Тутъ только Кэтъ почувствовала, что ей дѣлается жутко Но за кого она боялась—она не сознавала. Стала ли она ближе къ Лушкову съ третьяго дня? Если бы въ каретѣ, послѣ сцены на тротуарѣ, когда она испугалась и стала нервна, кажется, близка была даже къ слезамъ, онъ сидѣлъ около нея, взялъ бы ее за руки, за талью, и говорилъ что-нибудь страстное, если бы его глаза ласкали ее и тревожили, если бы онъ поцѣловалъ ее въ губы, она

врядъ ли бы возмутилась. Но вѣдь ничего такого не было. Во всемъ его поведеніи сказывался человѣкъ съ большой выдержкой, и это ее привлекаетъ къ нему всего больше.

Долженъ ли онъ, Лушковъ, сдѣлать что-то, или она?

Что же именно? Написать ему? По какому поводу? Просить, чтобы не было дуэли? Теперь, быть-можетъ, это уже поздно.

Кэтъ начала краснѣть и стала короткими шагами ходить по комнатѣ.

Да, сдѣлать что-то нужно. У кого спросить? У своего сердца, или у головы? Или у обоихъ вмѣстѣ? Она чувствовала смущеніе, но сердце не сжималось; ей не хотѣлось сейчасъ же за что-нибудь ухватиться—бѣжать, ѣхать, просить, помѣшать тому, чтобы изъ-за нея два человѣка стрѣляли другъ въ друга.

Только она не можетъ оставаться въ такомъ состояніи и сегодня же послѣ завтрака съ княгиней поѣдетъ къ Лили или напишетъ ей большое письмо.

Вошла горничная и доложила, что княгиня проситъ ее „пожаловать“ къ себѣ въ кабинетъ.

Кэтъ была уже въ туалетѣ, но ее немного удивило это приглашеніе „пожаловать“ до завтрака. Она сказала:

— Сейчасъ приду!

И ей стало полегче. По крайней мѣрѣ, надо будетъ говорить о чемъ-нибудь совсѣмъ другомъ.

Княгиня сидѣла не на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ углу, а за маленькимъ письменнымъ бюро, одѣтая въ тяжелое шелковое платье, а не въ домашнее суконное. Видно было, что она собралась выѣхать тотчасъ же послѣ завтрака.

Она дописывала записку, и когда Кэтъ у дверей выговорила: „Bonjour, grand'mère“, то княгиня не сразу повернула къ ней голову, покрытую неизмѣнной тюлевой наколкой.

— Un instant! — промолвила княгиня и задѣлала конвертъ.

Кэтъ не садилась. Она что-то начала подозрѣвать.

— Prenez place!—сказала княгиня, поднимаясь, и указала внукѣ на пуфъ около диванчика, куда сама сейчасъ же сѣла.

Весь слѣдующій разговоръ былъ исключительно по-французски.

— Что̀ такое вышло? — совсѣмъ другимъ тономъ, медленно и вѣско спросила княгиня, и ея жестковатые глаза уставились на внучку съ выраженіемъ брезгливаго недоумѣнія.—Только, пожалуйста,—правду. Я получила письмо отъ генерала Дергунова, дяди этого сумасшедшаго Таманцева... Объ этомъ знаетъ весь городъ. Скандальная дуэль у Лушкова съ графомъ. Вы, слышите, должны мнѣ все разсказать, всю правду. Я виню себя за то, что позволяла вамъ ѣздить къ этой Лили Фризенъ; но это не оправданіе для васъ.

Кэтъ сама не хотѣла лгать; но *всю* правду она не могла разсказать и, какъ ей казалось, не имѣла на это права.

Предупреждая вопросъ княгини, гдѣ это было, она выговорила:

— Таманцевъ наговорилъ дерзостей послѣ бала.

— Гдѣ?—переспросила старуха.

— Послѣ бала,—повторила Кэтъ.

— Лушковъ провожалъ васъ?

— Да.

Старухѣ, кажется, не приходило на умъ, что внучка могла поѣхать съ нимъ въ одной каретѣ. Экипажъ былъ княжной отосланъ; но ее не въ первый разъ отвозили въ каретѣ Лили.

„Она не знаетъ, гдѣ произошла сцена", — сообразила Кэтъ, и ей стало совсѣмъ легко не говорить всей правды.

— Что жъ они? Подрались, что-ли?—съ недоброй усмѣшкой спросила княгиня.

— Нѣтъ! Но Лушковъ не могъ иначе вести себя.

— И все это изъ-за васъ?

— Я не могу сказать, изъ-за меня ли, — отвѣтила Кэтъ.—Это было бы слишкомъ тщеславно.

— Пожалуйста, безъ фразъ! — почти крикнула княгиня. — Для меня все это ясно. Таманцевъ — сумасшедшій. Но довольно того, что изъ-за княжны Брянской двое дерутся. Лушковъ, я надѣюсь, понимаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступить.

„Какъ, бабушка?"—хотѣла спросить Кэтъ и не спросила.

— Вы, кажется, не совсѣмъ меня понимаете,—выговорила княгиня, разставляя слова. — И если вы настолько еще глупая дѣвчонка, что сами не въ состояніи знать, какъ себя вести, то я у васъ спрашивать не буду позволенія и приму мѣры.

Княжна опустила голову, но она не была смущена, и ея голова подсказала ей:

„Такъ оно лучше. Какой-нибудь исходъ да надо“.

И она похвалила себя внутренно за то, что сумѣла не говорить всего.

XXIX.

Сильнѣйшій звонокъ въ передней заставилъ Таманцева отодвинуть дубовый стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, и прервать свою работу.

Онъ составлялъ черновую бумагу на листѣ большого формата. Это было его завѣщаніе. Сегодня же онъ его перепишетъ, а свидѣтелями могутъ подписаться его секунданты; они оба совершеннолѣтніе и „правоспособные“.

Лушковъ вчера прислалъ съ Баранцевымъ письмо и набросалъ свои извиненія. Текстъ извительной формулы былъ составленъ въ приличномъ тонѣ, но самое письмо, по-французски, отзывалось дерзостью, замаскированнымъ намекомъ на то, что Таманцевъ—психопатъ, и порядочный человѣкъ обязанъ уклониться отъ всякихъ личныхъ съ нимъ счетовъ.

Онъ чуть не бросилъ письма въ лицо Баранцеву, назвалъ Лушкова „презрѣннымъ трусомъ“ и объявилъ съ дрожью въ голосѣ, что онъ не хочетъ ничего знать, кромѣ дуэли. Но только сегодня утромъ его секунданты привезли ему копію съ составленнаго ими вчетверомъ протокола.

Дуэль должна состояться завтра, въ десять часовъ утра. Условія были посмягчены, но все-таки очень серьезныя.

Таманцевъ жилъ въ тяжеломъ чаду и все сильнѣе чувствовалъ, что онъ виситъ въ воздухѣ. Выражая сейчасъ въ завѣщаніи свою послѣднюю волю, онъ напуталъ, брался за голову и проводилъ рукой по глазамъ, какъ будто хотѣлъ придти въ себя.

— Въ кабинетѣ?—раздался вслѣдъ за звонкомъ возгласъ хриплымъ басомъ и звяканье шпоръ.

„Чего ему отъ меня надо?“—спросилъ себя Таманцевъ, идя къ двери кабинета.

Генералъ Дергуновъ, обтирая усы и глаза, смоченные погодой, двигался, медленно переступая съ ноги на ногу, и не подавалъ руки племяннику.

— Къ тебѣ, милый другъ, къ тэбѣ.

Генералъ затворилъ дверь и сѣлъ сейчасъ же на диванъ.

— Что̀ прикажете, дядюшка? — сухо спросилъ Таманцевъ и, взглянувъ сбоку на генерала, невольно улыбнулся: онъ никогда не видалъ дяди съ выраженіемъ такой особенной серьезности, на видъ довольно забавной.

— Не угодно ли тебѣ сейчасъ же ѣхать со мною къ княгинѣ Брянской. Скандалъ, который ты произвелъ, мнѣ же приходится улаживать, любезный другъ. Хорошъ! Держать втайнѣ отъ меня! По всему городу пущена исторія во всѣхъ подробностяхъ, а я ничего не знаю!

— Позвольте,—остановилъ его Таманцевъ, присѣвъ къ дивану.—Все это прекрасно, но зачѣмъ же я поѣду къ княгинѣ?

— Какъ зачѣмъ? Изъ-за тебя ея родная внучка сдѣлалась притчей всего города. А ты спрашиваешь: зачѣмъ?—Генералъ перешелъ на „вы“. — Чудесныя у васъ понятія о чести и порядочности. Княгиня требуетъ, чтобы я привезъ васъ къ ней сегодня же, и вы не смѣете не ѣхать.

— Не смѣю! — повторилъ Таманцевъ и, покраснѣвъ, всталъ.

— Не смѣешь! — крикнулъ генералъ, но тотчасъ же измѣнилъ тонъ. — Послушай, Андрюша, — заговорилъ онъ искренно и не поводя больше бровями, — нехорошо, мой другъ. Пойми, ты долженъ это сдѣлать. Я — твой дядя, старикъ, прошу тебя. Наконецъ, ты хоть чуточку пожалѣй молодую дѣвушку. Tu lui dois cela, mon cher, tu lui dois cela!

Голосъ Дергунова началъ даже вибрировать.

И смѣшно, и какъ будто стыдно дѣлалось его племяннику. Брыкаться больше ему не хотѣлось. Если княгиня „требуетъ“, она имѣетъ на это право, какъ женщина, замѣнявшая княжнѣ мать.

Другое, болѣе злобное, чувство заговорило въ немъ. Вотъ случай сказать ей нѣсколько пріятныхъ истинъ, показать, какъ она воспитала свою внучку и кому отдала въ обученіе.

— Извольте, дядя, поѣду съ вами!

Дорогой, въ каретѣ генерала, Таманцевъ больше молчалъ. Генералъ принимался его выспрашивать, но получалъ отрывистые отвѣты. Когда они были уже въ трехъ

минутахъ ѣзды отъ дома княгини, онъ выговорилъ со вздохомъ:

— И что̀ ты за человѣкъ—отказываюсь понимать. Точно въ эти... какъ, бишь, въ психопаты поступилъ... Mais vrai, mon cher,—сказалъ онъ громче и обернулъ лицо къ племяннику,—cela dépasse mon intelligence.

И на это Таманцевъ ничего не отвѣтилъ.

Въ немъ уже не было той злобы къ своему „сопернику", которая еще вчера вспыхнула въ сценѣ съ Баранцевымъ. Онъ зналъ, что Кэтъ отъ него навсегда ушла. Въ ея глазахъ онъ „смѣшной скандалистъ", какъ выражался, бывало, докторъ Домашневъ про какого-то волостного писаря. Но если онъ допустилъ повезти себя къ старухѣ Брянской, то опять-таки для нея же, этой дѣвушки, способной теперь бо́льше, чѣмъ когда-либо, выйти за Лушкова. И онъ сознавалъ, въ то же время, что пока онъ живетъ въ этомъ Петербургѣ, онъ не найдетъ себѣ покоя, чѣмъ бы его исторія ни разрѣшилась.

— Выходи!—точно разбудилъ его голосъ генерала.

Онъ сидѣлъ слѣва, но такъ задумался, что не замѣтилъ, когда карета остановилась у подъѣзда.

Все въ томъ же состояніи какого-то полусна, онъ пошелъ за дядей вверхъ по лѣстницѣ, съ вазой на площадкѣ, по которой столько разъ вбѣгалъ бѣгомъ, въ сумерки, между пятью и шестью, зная, что Кэтъ первая выйдетъ къ нему въ гостиную и они сейчасъ же сядутъ за свои любимыя атласныя ширмы, расписанныя вѣтками акацій и миндальнаго дерева въ цвѣту.

Стояли сумерки. Лѣстница была освѣщена, но гостиная еще стояла въ полусвѣтѣ.

Лакей пошелъ впередъ докладывать. Генералъ, проходя гостиной, громко крякнулъ.

Съ такимъ же чувствомъ полудремы, точно онъ пріѣхалъ откланяться какой-то старухѣ, вошелъ онъ вслѣдъ за дядей въ ту угловую комнату, гдѣ княгиня, въ первый его визитъ, назвала его нѣсколько разъ „фантастомъ".

Княгиня сидѣла все на томъ же узкомъ диванчикѣ, въ углу, въ наколкѣ и въ темномъ платьѣ.

Генералъ звонко поцѣловалъ ея руку и Таманцевъ разслышалъ, какъ онъ сказалъ вполголоса:

— Voilà le coupable!

— Здравствуйте! — почему-то по-русски обратилась къ Таманцеву старуха, не протягивая ему руки, точно она

этимъ русскимъ привѣтствіемъ хотѣла показать ему тутъ же, что онъ—не человѣкъ ихъ общества.

— Садись сюда,—указалъ ему генералъ на табуретъ, около того угла дивана, гдѣ сидѣла княгиня.

— Вамъ угодно было видѣть меня, княгиня?—спросилъ онъ и, прислушиваясь къ своему голосу, онъ имѣлъ такое ощущеніе, точно это говорилъ кто-то за него.

— Генералъ васъ предупредилъ?—продолжала княгиня уже по-французски, медленно, какъ бы читая вслухъ по книгѣ.

— Предупредилъ, княгиня.

— Вы должны отказаться отъ вашего вызова.

Она это произнесла, какъ вещь рѣшенную, противъ которой протестовать нельзя.

— Моя внука вела себя легкомысленно, и я не защищаю ее. Мнѣ извѣстенъ поводъ вашего поведенія, графъ. Я не стану его обсуждать, но тутъ дѣло идетъ о репутаціи молодой дѣвушки такого положенія, какъ моя внука.

— Онъ слышалъ это и отъ меня,—вставилъ отъ себя генералъ.

— Вы меня понимаете?—строже спросила княгиня, и ея глаза, съ непріятнымъ для него суховатымъ блескомъ, остановились на Таманцевѣ.

— Я васъ понимаю,—выговорилъ Таманцевъ по-русски и совершенно равнодушнымъ тономъ.

— Par conséquent?—спросила княгиня.

— Княгиня,—заговорилъ Таманцевъ немного живѣе,—я могъ бы заявить вамъ, что честь всякій понимаетъ по-своему. И дѣло тутъ не въ чести, какъ вы ее понимаете.

Княгиня переглянулась съ генераломъ и ихъ взгляды говорили: „да онъ совсѣмъ тронутъ".

— Твоя честь, любезный другъ, останется при тебѣ.

— Но я даю вамъ мое слово,—заговорила княгиня,—что вашъ соперникъ—онъ уже извинился передъ вами—готовъ еще разъ обратиться къ вамъ съ такими выраженіями, какія вы только пожелаете. Это говорю вамъ я. Чего же вамъ еще, графъ?

И въ ея тонѣ было что-то особенное, точно она умышленно смягчала его, какъ дѣлаютъ это, уговаривая людей ненормальныхъ.

„Пускай ихъ!"—подумалъ онъ, и самъ удивился тому, что принимаетъ это такъ равнодушно.

— Я увѣрена,—выговорила княгиня помягче тономъ,—

что вы сами, графъ, пожелаете выказать не менѣе порядочности, чѣмъ вашъ соперникъ. Лушкову давно нравилась моя внука. Но онъ не торопился. Послѣ вашего вызова онъ проситъ руки Кэтъ.

Генералъ вбокъ поглядѣлъ на княгиню. Для него это было ново.

„Ты сама это обработала“,—подумалъ онъ.

— Поздравляю,—сказалъ Таманцевъ.—И не желаю мѣшать ихъ счастью.

Онъ чуть не расхохотался и всталъ.

— Вы даете мнѣ слово, что дуэли не будетъ? — спросила княгиня, протягивая ему руку.

— Даю, княгиня. Больше я вамъ не нуженъ?.. Позвольте мнѣ удалиться.

И, кивнувъ дядѣ, онъ вышелъ.

XXX.

Въ пяти шагахъ отъ двери въ кабинетъ княгини Кэтъ встрѣтилась съ Таманцевымъ.

Избѣжать другъ друга было невозможно ни ей, ни ему.

Онъ остановился, наклонилъ голову и, не протягивая руки, еще на одинъ шагъ приблизился къ ней.

— Княжна,— началъ онъ спокойно, но съ недобрымъ выраженіемъ въ глазахъ,—поздравляю васъ.

Кэтъ вся вспыхнула. Она куда-то ѣздила, и ея лицо, съ холоду, было блѣдно, и глаза съ несвѣжими вѣками.

Съ шеи она еще не сняла боа изъ страусовыхъ перьевъ.

— Поздравляю, — повторилъ онъ, и ротъ его повела усмѣшка.

— Съ какой стати? — вырвалось у нея, но она уже овладѣла собою больше, чѣмъ онъ.

— Княгиня сейчасъ объявила мнѣ. Я не буду мѣшать вашему счастью. Вытягивать на барьеръ вашего жениха я не стану.

Краска осталась на похудѣлыхъ щекахъ у Кэтъ только въ видѣ двухъ розовыхъ кружковъ.

Какъ она ненавидѣла и презирала въ эту минуту этого „безумнаго фразера“, какимъ она считала Таманцева съ ночи на Невскомъ.

Но чувство негодованія такъ зажглось въ ея груди, что она не находила достаточно колкихъ словъ и не могла даже выбрать языкъ: по-французски, по-русски или по-англійски.

Она не теряла власти надъ собою, а только вся какъ-то сжалась и струйки нервности пробѣгали по всему ея тѣлу.

— Этого мало, — продолжалъ Таманцевъ, мѣняя тонъ, и остальное онъ досказалъ безъ всякой ироніи, искренно и даже съ легкимъ вздрагиваніемъ голоса:— прошу васъ, княжна Катерина Денисовна, извинить мнѣ то, чему вы были свидѣтельницей... вы меня понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю, — отвѣтила Кэтъ, вся выпрямилась и въ упоръ глядѣла на него холодными глазами.

— Какъ не понимаете? Значитъ, у васъ есть двойникъ?

И онъ поглядѣлъ на нее въ упоръ, только въ его глазахъ зажглось опять чувство острой боли.

— Прекрасно! — глухо воскликнулъ онъ. — Я не буду настаивать. Вы не сидѣли въ каретѣ тогда на Невскомъ... извините.

И, не выдержавъ тона, онъ горячо, однимъ духомъ, сказалъ:

— Я не хочу считаться съ вами и не имѣю на это права. Но Бога ради! Пожалѣйте вы самоё себя... Не губите себя такимъ бракомъ...

Дальше онъ не могъ говорить; еще двѣ секунды—и онъ разрыдался бы.

Стремительно онъ вышелъ изъ гостиной.

Кэтъ не двигалась и простояла съ минуту въ полъ-оборота къ выходной двери.

Щеки стали совсѣмъ блѣдны. Послѣдняя „выходка“ Таманцева рѣзнула ее больнѣе, чѣмъ она ожидала. Въ его неумѣстныхъ словахъ „психопата“ задрожали звуки человѣка съ настоящей любовью—она впервые это почуяла такъ ясно.

Чуть двигаясь, отошла она къ диванчику у атласныхъ ширмъ и, все еще съ опущенной головой, присѣла.

Она невѣста. Но развѣ Лушковъ сдѣлалъ бы ей предложеніе, если бъ не скандалъ, если бъ княгиня не заставила его такъ поступить? Что такъ было, и не дальше, какъ вчера — она не сомнѣвалась. И когда онъ, ровно сутки назадъ, не фатовато, а полушутливо, съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ спросилъ ее: „Voulez-vous être ma femme?“ — ничего у ней не дрогнуло въ груди. На одну минуту она ощутила радость, что вотъ „исторія“ кончилась, что не будетъ дуэли, прекратятся толки и сплетни.

Только на одну, много на двѣ минуты ей стало легко, и она, ничего не отвѣчая, протянула ему руку.

Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ она поняла, что Лушковъ наполовину вынужденъ такъ поступить. Можетъ-быть, она ему и нравится. И все-таки безъ исторіи онъ врядъ ли былъ бы сегодня ея женихомъ. Такого человѣка толкнуть къ женитьбѣ можетъ или „un béguin“ и упорное желаніе обладать той, кто ему „безумно“ нравится, или богатство. Она давно знаетъ, что онъ прожилъ половину своего состоянія, а нѣкоторые изъ ея кавалеровъ на вечерахъ прямо говорили, что онъ живетъ „Богъ знаетъ на какія средства“ и даже дѣлали какіе-то намеки.

Если это вѣрно, а она ничего фактически не знаетъ, то Лушковъ могъ сказать себѣ: „il faut prendre femme“— Кэтъ мнѣ немножко нравится, elle est chic, внука княгини Брянской, съ хорошимъ приданымъ и послѣ старухи будетъ еще богаче.

Вчера ей некогда было разобраться во всемъ этомъ. Лушковъ увелъ ее къ княгинѣ и повторилъ свое предложеніе. Ею овладѣла тревога этого быстраго поворота ея судьбы. Она была невѣста, и когда они прошли въ гостиную, вотъ на этомъ же диванѣ, Лушковъ сумѣлъ вызвать въ ней что-то опять похожее на радость. Онъ взялъ ее за обѣ руки и поглядѣлъ на нее такъ, что она покраснѣла и даже отвернула голову. Тогда онъ слегка привлекъ ее къ себѣ и два-три раза поцѣловалъ, маленькими поцѣлуями, въ шею и за ухомъ. Она высвободила руки и сказала ему почти строго: „assez“.

И, кажется, тогда еще они оба почувствовали, что имъ не о чемъ *особенномъ* говорить другъ другу.

Вотъ и теперь... Она ждала его, но эта встрѣча съ Таманцевымъ — она не знала, что онъ былъ тутъ—всколыхнула ей душу. Говорить о своихъ чувствахъ жениху она не будетъ. Конечно, онъ долженъ узнать, что Таманцевъ отказался отъ дуэли. Стало-быть, ея женихъ долженъ „просить у него прощенія“,—подумала она почему-то по-русски и въ этихъ именно словахъ.

Таманцевъ „бѣшеный“, невозможный, но онъ вызвалъ и упорно хотѣлъ драться на-смерть. На него произвели давленіе, и онъ бросилъ, въ видѣ милости, свой отказъ, если Лушковъ еще разъ извинится передъ нимъ. Въ томъ, что было уже послано извиненіе, женихъ ея вчера долженъ былъ признаться, когда она, вернувшись съ нимъ отъ княгини, спросила его въ полушутливой формѣ: —

„какіе же они будутъ женихъ и невѣста, если жениху нужно сейчасъ же выходить на дуэль?“

Неужели Лушковъ „трусъ“? У него не такая репутація. Кажется, бывали и дуэли. Но гдѣ и когда — она не знала.

И все-таки Таманцевъ точно *позволилъ* имъ обвѣнчаться, чтобы скандальная исторія разрѣшилась свадьбой. Изъ жалости къ ней?

Ей стало до боли обидно.

Легкіе шаги по ковру не сразу заставили ее повернуть голову къ двери изъ передней.

Въ длинной визиткѣ, въ родѣ полуфрака, входилъ Лушковъ. Онъ не смотрѣлъ женихомъ. Даже его особенная, вызывающая усмѣшка не поднимала угловъ его рта. И галстукъ былъ темный.

Кэтъ встала, но не бросилась къ нему. Онъ подошелъ довольно быстро, взялъ ее за руку и вполголоса спросилъ:

— La princesse est seule?

Въ глазахъ его промелькнула тревога, точно онъ боялся натолкнуться на Таманцева.

— Il vient de partir!—почти сухо выговорила Кэтъ.

— Qui—il?

— Le comte.

И разговоръ ихъ оборвался. Лушковъ быстро пожалъ плечами и, не выпуская ея руки, сталъ говорить вполголоса уже гораздо нервнѣе.

— Cette intervention de la princesse m'est particulièrement désagréable,—сказалъ онъ, щелкнувъ языкомъ.

— Mais puisqu'il ne démordait pas?—спросила такъ же сухо Кэтъ, и глаза ихъ встрѣтились.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Est-ce que vous me prenez pour un lâche?—спросилъ онъ глухо, почти злобно.

Чего она никогда не видала — даже брови его поднялись.

— Comme tireur je suis de la force de mon témoin Barantzeff,—выговорилъ онъ, отчеканивая концы словъ, точно актеръ Михайловскаго театра.

— Pourquoi me le dites-vous?—спросила Кэтъ.

Изъ комнаты княгини раздался хриплый басъ генерала.

— Est-ce le vieux birbe qui a amené son butor de neveu?

Вмѣсто отвѣта, Кэтъ указала ему на дверь туда и проговорила:

— On vous attend. On va vous dicter vos conditions.

Она выговорила это съ явной иронiей вслѣдъ ему, но когда его фигура исчезла за портьерой, ей стало гадко за самоё себя.

Все это выходило такъ жестко и тяжело. Какое, наконецъ, ей дѣло до ихъ дуэли? Пускай ихъ стрѣляются! Неужели такая благодать быть женой Лушкова? И кто же знаетъ про самый „скандалъ“ что-нибудь вѣрное? Таманцевъ неспособенъ разболтать. Стоитъ только пойти за Лушковымъ къ княгинѣ и при генералѣ сказать:

„Я беру свое слово назадъ. Я не хочу, чтобы мнѣ, какъ милостыню, оставляли цѣлымъ и невредимымъ моего жениха“.

Но она сѣла къ піанино и съ глухой педалью что-то заиграла.

XXXI.

Во второмъ этажѣ того самаго ресторана, гдѣ Таманцевъ завтракалъ разъ съ фельетонистомъ Луцкимъ, въ очень большой комнатѣ, которая ходила подъ заказные обѣды, они сидѣли у одного изъ столовъ.

Никого не было, кромѣ нихъ.

Отъ мебели въ чехлахъ, отъ бѣлыхъ столовъ и отъ сѣровато-бѣлыхъ же обоевъ шелъ унылый отблескъ. Хмурая погода держала комнату въ сумеркахъ въ самомъ началѣ перваго часа.

И опять, какъ тогда, сегодня у нихъ было дѣловое свиданіе. Луцкій за два дня передъ тѣмъ заѣхалъ къ Таманцеву, чтобы предложить ему познакомиться съ однимъ дѣлопроизводителемъ, который будетъ ему полезнѣе всякаго адвоката. Вездѣ бывающій журналистъ развѣдалъ, что этотъ „юркій чинушъ“—онъ такъ его опредѣлилъ—будетъ составлять докладную записку по претензіи крестьянъ Муражкинской волости.

Онъ обѣщалъ тогда же Таманцеву позондировать еще почву и дать ему указаніе и насчетъ высшихъ сферъ.

Визитъ его былъ такой краткій, что они ни о чемъ другомъ не успѣли поговорить. Но Таманцевъ, по выраженію глазъ Луцкаго, когда тотъ прощался, понялъ, что ему „исторія“ дуэли извѣстна, хотя онъ ничѣмъ себя не выдалъ; только спросилъ, уходя:

— Вы вѣдь засиживаться здѣсь не будете? Достаточно вкусили прелестей Петербурга?

Теперь, сидя за столомъ, одинъ противъ другого, было бы такъ кстати передъ такимъ чуткимъ малымъ вылить все, что́ у него, точно нарывъ, назрѣло внутри.

Прошло три дня съ той минуты, когда онъ вернулся домой изъ дома княгини Брянской, послѣ разговора съ Кэтъ.

И всего возмутительнѣе, пошлѣе, нелѣпѣе и безумнѣе кажется ему свое собственное поведеніе. Какъ могъ онъ уступить? Какъ могъ онъ и затѣять эту дикую исторію? Неужели въ этомъ отвратительномъ городѣ можетъ живой, мыслящій человѣкъ превратиться въ какого-то шута-психопата?

— Графъ, — спросилъ Луцкій, — вы, стало, скоро изволите ѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Но я не могу же отправиться домой съ пустыми руками.

— Зачѣмъ? Если позволите, я вамъ именно сегодня могу сообщить нѣчто...

Онъ наклонился, положилъ руки на столъ и заговорилъ тише:

— Тотъ юркій чинушъ... Вамъ къ нему надо бы заѣхать, графъ. Завтра не угодно ли завернуть въ нашъ клубъ—я и его добуду. Онъ вѣдь изъ народолюбцевъ — на нынѣшній фасонъ. Казна казной, а мужичка обижать не надо: таковъ пароль, и пароль, право, не плохой, что́ тамъ ни говори! Такъ вотъ-съ, отъ него я узналъ, что главная сила можетъ очутиться въ одномъ изъ директоровъ — на линіи товарища... вы понимаете, а можетъ и подымай выше—нѣкоего Овчинина. Не изволили слыхать?

— Это мой товарищъ, — выговорилъ Таманцевъ, и его кольнуло.

И тутъ онъ испортилъ все дѣло своими выходками у Овчининыхъ, къ которымъ съ того обѣда и глазъ не казалъ.

— Товарищъ?—повторилъ Луцкій.

— Да... по школѣ... Но старше меня.

— Чего же лучше?

— Вотъ видите ли...

Ему стало совѣстно признаваться, но онъ пересилилъ свое малодушіе и разсказалъ Луцкому, какъ онъ повелъ себя и въ кабинетѣ, и въ столовой, гдѣ тонъ хозяйки только подлилъ масла.

— Горяченьки, графъ!—Луцкій прикоснулся двумя пальцами до его руки.—Горяченьки! Вѣдь вы—ходокъ!

— Ради Бога!—почти закричалъ Таманцевъ.—Не произносите вы этого слова! Мнѣ гадко дѣлается!

— Прямолинейностью ничего не добьешься, графъ. Извините за это невольное менторство. Прямолинейнымъ полагается быть теперь только имъ — всѣмъ тѣмъ убѣжденнымъ чинушамъ, которые такъ быстро выскакиваютъ изъ рядовыхъ въ маршалы. А мы должны надѣть сурдинку на наши хотя бы и законные порывы... Но вѣдь это для того, чтобы на нихъ же играть, коли удастся. Ха-ха!..

По большой комнатѣ разнесся его дробный смѣхъ.

— Вы правы, — съ невольнымъ вздохомъ вымолвилъ Таманцевъ.

Когда имъ подали десертъ и они закурили, Луцкій заговорилъ еще тише:

— Стало-быть, этотъ Овчининъ съ вами на „ты“?

— Да, на „ты“.

— Онъ, какъ слышно, человѣкъ, въ сущности, хорошій. Серьезно дуться на васъ не будетъ. И, наконецъ, графъ, вы, если захотите, можете въ двѣ недѣли все загладить. Чего же бы откладывать? Вотъ отсюда прямо къ нему — пока онъ еще дома; а въ министерствѣ — и того лучше. Я замѣчалъ, что у этихъ господъ больше свободнаго времени въ канцеляріяхъ, чѣмъ въ своихъ кабинетахъ.

Черезъ полчаса Таманцевъ ѣхалъ къ Овчинину, на его квартиру. Швейцаръ доложилъ ему, что „генералъ въ должности“.

Выходило такъ, какъ ему говорилъ Луцкій, съ которымъ онъ еще болѣе сошелся въ этотъ разъ. Они условились встрѣтиться вечеромъ въ клубѣ и передъ отъѣздомъ Таманцева выработать „весь планъ кампаніи“. Онъ было заикнулся о гонорарѣ, но фельетонистъ—очень умно и мило—отклонилъ, сказавъ, что если понадобится взять особаго ходатая, тогда онъ обо всемъ извѣститъ графа въ деревню.

Въ министерствѣ его сейчасъ же провели къ Овчинину. Онъ нашелъ его въ кабинетѣ съ казенной отдѣлкой — темно-зелеными обоями и гардинами, за столомъ краснаго дерева тридцатыхъ годовъ, съ бронзовой инкрустаціей.

На лицѣ Виктора Степановича онъ не замѣтилъ никакого особеннаго выраженія.

Овчининъ, со звѣздой и въ вицмундирѣ, принялъ его совершенно такъ же, какъ въ первый разъ у себя, съ довольно доброй усмѣшкой въ глазахъ, — усмѣшкой превосходства и снисхожденія.

— Я къ тебѣ на минутку, — сказалъ Таманцевъ, чувствуя какую-то неловкость.

— Очень радъ тебя видѣть; садись, кури.

И съ жестомъ правой руки Овчининъ откинулся на ручку кресла и сказалъ вполголоса:

— Что за исторія у тебя вышла? Правда это?

На переносицѣ у него обозначилась морщинка.

— Ты понимаешь... у меня нѣтъ никакой охоты быть нескромнымъ, но въ городѣ болтаютъ всякій вздоръ. Съ кѣмъ это? Лушковъ какой-то? И охота тебѣ!

Онъ махнулъ рукой сдержаннымъ жестомъ.

— По крайней мѣрѣ, уладилось? А? La jeune personne en question—невѣста?

— Если ты знаешь,—отвѣтилъ Таманцевъ не совсѣмъ спокойно,—то я тебѣ новаго ничего не могу сообщить.

— Ахъ, милый мой! — Овчининъ положилъ ему руку на колѣно.—Сдерживай ты немного свой пылъ. За тебя обидно. Столько ты тутъ набурлилъ въ какой-нибудь мѣсяцъ. Право, лучше бы тебѣ въ деревню вернуться.

— Я и ѣду.

— Въ добрый часъ! Тебя все возмущаетъ здѣсь: и мы—люди дѣла, и свѣтъ, и разговоры, и идеи,—все. Ты вѣдь всѣхъ не передѣлаешь...

— Что объ этомъ толковать! — перебилъ его Таманцевъ. — Я не за этимъ. Ты знаешь, съ какимъ я дѣломъ собственно пріѣхалъ въ Петербургъ. Помнишь? Претензія крестьянъ Муражкинской волости. Имъ приходится тягаться и съ казной, и съ частнымъ владѣльцемъ. Это пройдетъ черезъ твои руки.

— Очень вѣроятно, — выговорилъ Овчининъ и отнялъ руку.

— Да ты, можетъ-быть, уже ознакомился съ дѣломъ, какъ слѣдуетъ, и дашь мнѣ добрый совѣтъ?

— Совѣтъ этотъ, милый другъ, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: до поры до времени не вмѣшивайся ты лично и не порти. Сколько я могу предполагать—домо-

гательство крестьянъ къ казнѣ, вѣроятно, будетъ уважено... Если не полностью, то въ значительной мѣрѣ.

— Неужели, голубчикъ?

Таманцевъ всталъ и чуть не обнялъ Овчинина.

— Я ничего не говорю безусловно. Рѣшать окончательно не я буду.

— Да ты, говорятъ, наканунѣ назначенія въ товарищи?

— Не знаю, — отвѣтилъ съ чуть замѣтной улыбкой Овчининъ и поправилъ галстукъ.

— Спасибо! Я сдѣлаю такъ, какъ ты говоришь. Меня будутъ извѣщать обо всемъ.

— И пожалуйста, — болѣе авторитетно сказалъ Овчининъ, поднимаясь съ кресла, — пожалуйста, — повторилъ онъ, — не бери ты адвокатовъ безъ надобности. Все сдѣлается само собою. Мужика мы теперь не любимъ обижать — прошу тебя вѣрить, хоть ты и считаешь всѣхъ насъ какими-то башибузуками чиновничьяго произвола.

Таманцевъ протянулъ ему руку. Овчининъ, мѣняя тонъ, положилъ обѣ руки на его плечи.

— Прощай! Обѣдать я бы тебя позвалъ, да ты моей жены не долюбливаешь.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Она сама догадалась—и этого достаточно. Тебя не передѣлаешь. Мы понимаемъ — были и особенныя причины. Скажи—ты серьезно любишь эту особу?

Вопросъ Овчининъ сдѣлалъ вполголоса.

Не дожидаясь отвѣта, онъ прибавилъ:

— Благодари своего соперника. Я мало наблюдалъ эту особу. Но жена моя рѣдко ошибается. Такая дѣвушка создана не для домашняго очага. Съ Богомъ! Въ добрый путь! Если нужно что—напиши.

Во всѣхъ словахъ Овчинина слышались очень искреннія ноты. Таманцевъ былъ тронутъ, и будь передъ нимъ не крупный чиновникъ въ звѣздѣ, онъ не выдержалъ бы и сталъ бы ему изливаться.

Пришлось сейчасъ же проститься. Вошелъ курьеръ и доложилъ о какомъ-то посѣтителѣ.

XXXII.

Все было уложено у Таманцева. Онъ обѣдалъ въ ресторанѣ и вернулся домой въ началѣ восьмого.

До отхода поѣзда осталось еще три часа.

По ковру кабинета валялись неприбранными — всѣ на-

дорванные — листки писемъ, черновыя бумаги, конверты, нумера и обрывки газетъ.

Его камердинеръ, когда онъ самъ началъ укладывать свои книги въ особый чемоданчикъ, подалъ ему письмо, извинившись, что не сразу вспомнилъ про него, когда баринъ вернулся.

Съ недовольнымъ чувствомъ взялъ Таманцевъ письмо изъ рукъ камердинера. Оно было большого формата и довольно толстое.

Вдругъ это какая-нибудь новая „петербургская гадость“? Или досадная задержка?

Онъ подошелъ къ камину, гдѣ пукъ свѣчей былъ зажженъ въ одномъ изъ канделябровъ.

Руку онъ сразу не узналъ. Крупная; печать съ какой-то монограммой. Но его успокоилъ штемпель. Письмо пришло изъ уѣзда.

Разрывая конвертъ, изнутри подклеенный марлей для прочности, онъ сообразилъ, что это писала одна изъ его сосѣдокъ—сестеръ Колчановыхъ. Ихъ почерки такъ смахивали одинъ на другой, что онъ съ трудомъ умѣлъ различать ихъ.

По первымъ строкамъ онъ узналъ тонъ и даже почеркъ младшей сестры своей пріятельницы Глафиры Спиридоновны.

Въ тотъ же конвертъ вложена была записка на имя пріятеля Домашнева, Малышева — отъ доктора. Онъ ее отложилъ и принялся читать письмо Глафиры Спиридоновны, все еще съ тревожнымъ чувствомъ — вдругъ она о чемъ-нибудь его проситъ, что̀ можетъ задержать его въ Петербургѣ хотя бы на лишніе два дня.

Сосѣдка и пріятельница просто „соскучились“ о немъ, вмѣстѣ съ сестрой своей Клавдіей, и даже надумала-было „провѣдать его въ Питерѣ“.

Это слово „Питеръ“ онъ до сихъ поръ не любитъ, особенно на языкѣ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Сообщала она, что у нихъ уже пошли толки, будто онъ изъ-за муражкинскихъ мужиковъ имѣлъ съ какимъ-то „генераломъ“ столкновеніе, гдѣ-то на засѣданіи, и въ уѣздѣ боятся — тѣ, кто стоитъ за муражкинцевъ — какъ бы это имъ не повредило.

Читая эти строки, Таманцевъ почувствовалъ смущеніе. И тамъ уже считаютъ его слишкомъ „бѣшенымъ“, чтобы вести такое дѣло. Въ тонѣ Глафиры Колчановой сквозила

тревога за него, а быть можетъ, и недовольство тѣмъ, что про него могутъ *такъ* толковать.

Эта умная и милая дѣвушка — настоящій его другъ. Пишетъ она ему уже во второй разъ, а онъ и забылъ, отвѣтилъ ли на первое письмо. Если онъ и отвѣчалъ, то навѣрно не скоро, а теперь совсѣмъ забылъ—писалъ или нѣтъ.

Непорядочность въ перепискѣ онъ считалъ самой возмутительной слабостью русскихъ. Но Петербургъ настолько „сшибъ его съ рельсовъ", что онъ сталъ терять свои лучшія привычки, которыя пріобрѣлъ на Западѣ.

Подъ конецъ письма была очень искренняя просьба отвѣтить имъ поскорѣе съ сестрой, какъ онъ думаетъ распорядиться своимъ временемъ, и застанутъ ли онѣ его, если пріѣдутъ недѣли черезъ двѣ.

Вложенную въ пакетъ записку докторъ Домашневъ просилъ его передать Малышеву лично и „перетолковать, если удосужится, о томъ, что̀ въ ней заключается".

Вотъ она—задержка. Но онъ сейчасъ же рѣшилъ изъ-за этого не оставаться. Можно по дорогѣ на вокзалъ заѣхать къ Малышеву.

И отъ этого онъ уклонился. Пріятеля доктора Домашнева онъ какъ-то не понимаетъ. Даровитый беллетристъ и безъ того, отъ одного свиданія, сталъ для него менѣе близкимъ. Выйдетъ еще, пожалуй, споръ или онъ услышитъ отъ писателя что-нибудь, что̀ на всю дорогу оставитъ въ немъ осадокъ. И онъ долженъ будетъ подѣлиться своимъ окончательнымъ впечатлѣніемъ съ докторомъ.

Ничего особенно важнаго не могло быть въ запискѣ; иначе Домашневъ самъ бы написалъ ему. Онъ попроситъ доставить записку Петю Долгова. Тотъ навѣрно явится сейчасъ проститься.

Въ каминѣ пылалъ коксъ. Таманцевъ бросилъ туда пакетъ, вмѣстѣ съ другими рваными бумагами, которыя валялись на письменномъ столѣ, и, докончивъ укладку чемоданчика, опустился въ большое кресло, немного утомленный.

Его неудержимо гнало изъ Петербурга. Это уже не блажь и не одна горечь послѣ исторіи съ Кэтъ и Лушковымъ. Онъ больше не допытывался у себя: дѣйствительно ли онъ любитъ эту дѣвушку и легко ли онъ переживаетъ ея потерю? Не хотѣлъ онъ и разстраивать себя вопросомъ: неужели она обречена на безпробудное

бездушіе того свѣта, гдѣ красуется господинъ Лушковъ? Быть-можетъ, она и лучше того, какъ ее понимаетъ чета Овчининыхъ; но довольно донкихотствовать. Въ пору самому вырваться изъ этого зачумленнаго города.

Не дальше, какъ полтора часа тому назадъ, у Донона, въ общей комнатѣ деревяннаго домика, онъ опять проходилъ черезъ ощущеніе чего-то нестерпимо надсаднаго отъ одного того, какъ трое мужчинъ говорили и держали себя за обѣдомъ въ этой общей комнатѣ. Только у русскихъ баръ такія замашки, во всемъ мірѣ. И дома, и за границей, куда бы они ни появились — въ ресторанъ, на прогулку, въ театръ,—въ Парижѣ, въ Ниццѣ, на нѣмецкихъ водахъ или на итальянскихъ озерахъ, — все та же безцеремонность, громкій, вызывающій разговоръ, капризы, окрики на прислугу, франтовство бульварными словечками, гримасы, ломанье.

И нигдѣ люди его происхожденія и воспитанія такъ не щеголяютъ всѣми этими невыносимыми замашками, какъ именно здѣсь, откуда они разносятъ ихъ по всему свѣту, точно каноны какой-то религіи.

„Петюня!“—выговорилъ онъ про себя, заслышавъ, какъ всегда, скромный звонокъ въ передней.

Къ „барышнѣ въ панталонахъ“ онъ во всемъ мужскомъ Петербургѣ только и сохранилъ настоящее доброе чувство.

И Петя, и его товарищъ Костроминъ, выдержали съ необыкновеннымъ гономъ свою роль „сурьезныхъ“ секундантовъ. Когда Лушковъ доставилъ свое второе извиненіе, они вотъ тутъ, въ кабинетѣ, читали его нѣсколько разъ вслухъ, взвѣшивали каждое слово, даже всматривались въ почеркъ, точно они эксперты въ уголовномъ дѣлѣ. Ему показалось это забавнымъ, и онъ невольно разсмѣялся, чѣмъ они оба какъ бы немного обидѣлись.

Костроминъ, подавая ему письмо Лушкова, съ важностью сказалъ:

— Бо̀льшаго безусловно нельзя требовать.

— Да, — замѣтилъ Долговъ, — но ты повѣрь мнѣ, что его пріятели, да и онъ самъ, пустятъ слухъ, что извинялся не онъ, а графъ Андрей Павловичъ.

— Пускай ихъ! Есть подлинный документъ.

— Графъ не будетъ его печатать. Да и какъ доказать, что вздорная болтовня пущена? И кѣмъ?

Весь этотъ разговоръ выплылъ у него въ памяти, когда онъ услыхалъ звонокъ Долгова.

— Сегодня ѣдете, графъ, это рѣшено? — спрашиваетъ Петя, подсаживаясь къ камину.

— Ты видишь.

— Конечно, конечно. Что̀ вамъ здѣсь дѣлать! Ужасный городъ!.. Ужасный!

— И ты находишь?

— Какая пошлость во всѣхъ... Безстыдныя враки...

— Петюня! Да ты, кажется, начинаешь употреблять нецензурныя слова?

По лицу Долгова Таманцевъ замѣтилъ, что у него есть какая-то затаенная мысль... Или хочется ему что-то разсказать, да онъ не смѣетъ.

— Петюня!—окликнулъ онъ.

— Что̀ угодно, графъ?

— Ты сидишь точно въ классѣ, когда ученикъ давно собирается сказать: „позвольте выйти“, да духу не хватаетъ.

— Ахъ, графъ!

Петя застыдился и повелъ головой дѣтскимъ жестомъ.

— Видите, графъ,—заговорилъ онъ скоро и рѣшительно. — Мнѣ дано судьбой все, какъ бы это сказать, доносить вамъ. Вѣдь это не мое дѣло. Вотъ тогда—кто вызвалъ исторію? Я! Она могла кончиться, жутко сказать, вашей смертью. А я не могъ не сообщить... Не могъ, по чести! Вы живы, но лишились...

Онъ запнулся.

— Можетъ-быть, и къ лучшему. Право, они другъ друга сто̀ятъ—женихъ и невѣста, ха-ха!

— Оставимъ это,—перебилъ его Таманцевъ.

— Ахъ, Господи! Вотъ и теперь, я не могу же не возмущаться...

— Чѣмъ еще?

— Сегодня одинъ мой товарищъ, еще студентъ и хлыщеватый малый, знаете, изъ тѣхъ, что̀ фуражки прусскаго образца носятъ, встрѣчается со мной у Доминика и сейчасъ: „Слышалъ ты скандалецъ у графа Таманцева съ Лушковымъ? Тотъ у него невѣсту отбилъ и вызвалъ на дуэль, да графъ благоразумно уклонился“... Вѣдь это же гадость! Я его чуть не побилъ.

— Ты-то?

— Нельзя же такъ! Графъ, простите. Я не долженъ

былъ говорить вамъ, но скрывать—значитъ потакать такой чудовищной сплетнѣ. А я имѣлъ честь быть вашимъ секундантомъ. Я ему это и заявилъ—этой прусской фуражкѣ.

— Полно! Не ссорься ты изъ-за меня ни съ кѣмъ, Петюня! Спасибо тебѣ за добрыя чувства, а теперь помоги мнѣ уложить въ дорожный мѣшокъ мои *sieben Sachen*,— выразился Таманцевъ, вспомнивъ свое житье у нѣмцевъ.— Есть до тебя и другое порученіе.

— Я съ радостью!

Долговъ возбужденно всталъ, и Таманцевъ съ доброй улыбкой глядѣлъ на Петюню. „Чудовищная сплетня“ не возмутила его. Эта послѣдняя капля петербургскаго яда уже не дѣйствовала.

Часть вторая.

I.

На веселомъ солнцѣ, въ теплое апрѣльское утро, усадьба Колчановскаго хутора стояла вся розовая отъ свѣжей тесовой обшивки стѣнъ. Одна только крыша ярко зеленѣла. Подъ навѣсомъ длиннаго балкона сгущалась тѣнь.

Передъ домомъ шелъ пологій спускъ къ рѣкѣ. Справа и слѣва еще обнаженныя липы и клены тѣснились неправильными купами. Вдали, за рѣкой, сизо-зеленоватой полосой лежали поемные луга, наполовину подъ водой.

Бодрящая струя воздуха тянула съ востока, и надъ рѣкой рѣдѣла лиловатая дымка.

Дробное щебетаніе пташекъ и рѣзкій крикъ большихъ птицъ доносились изъ сада.

Еще не пробило девяти, когда Клавдія Спиридоновна Колчанова, въ сѣромъ фланелевомъ капотѣ и съ головой, повязанной краснымъ фуляромъ, вышла на балконъ одна.

Ея рослая и плотная фигура свободно двигалась въ капотѣ, сшитомъ въ видѣ рубашки съ наплечьями. Лицо подъ-стать фигурѣ было съ крупными чертами, большіе круглые глаза, голубовато-сѣрые, со строгимъ и пытливымъ взглядомъ, нѣсколько утолщенный книзу носъ, ротъ съ рѣзковатымъ рядомъ очень бѣлыхъ зубовъ, загорѣлость, двѣ-три морщины на лбу. Въ общемъ наружность женщины далеко за тридцать, а она была дѣвушка всего по тридцать второму году.

Ходила она увѣренной, властной походкой, немного поводя правой рукой.

Клавдія Спиридоновна воззрилась въ дымчатую даль за

рѣкой, сдвинула свои очень густыя рѣсницы и повела такими же густыми темнорусыми бровями.

Углы широко разрѣзаннаго рта поднялись слегка, и двѣ чуть замѣтныя ямочки смягчили выраженіе ея мужественнаго лица.

Она любила деревню и деревенскую природу, безъ фразъ, глубоко и преданно, съ тѣмъ чувствомъ, какое даетъ отвѣтственная роль хозяйки; любила ихъ „по-мужицки", какъ она часто выражалась. Въ разговорахъ съ сестрой и съ близкими знакомыми она давала поводъ къ остротамъ и шуткамъ. Она въ полномъ смыслѣ евангельская Марѳа, прежде всего, съ заботой о томъ, чтобы накормить, уладить, распорядиться добромъ, сдѣлать такъ, чтобы все шло толково и складно. Но и она была долго „Маріей"—не такой страстно взыскующей „благой вѣсти", какъ евангельская Марія; однакоже, много лѣтъ и она искала пути и просвѣта, училась упорно наукамъ, доступнымъ женской головѣ только при особыхъ склонностяхъ натуры: слушала физико-математическія и естественныя науки и дома, и за границей, уходила съ чисто мужскимъ интересомъ въ психо-физику, въ физіологію, въ книги по исторіи культуры и соціологіи. Она не боится и теперь никакихъ идей и вопросовъ, но вотъ уже пять лѣтъ, какъ она осѣлась, нашла свое коренное дѣло.

Тутъ, вотъ на этомъ самомъ хуторѣ, гдѣ она все, начиная съ усадьбы, выстроила сама по своимъ планамъ, съ простымъ нарядчикомъ, — ей пригодилось то, что она выслушала и вычитала у русскихъ профессоровъ, у нѣмцевъ и французовъ.

Клавдія Спиридоновна нѣсколько разъ прошлась по балкону и спустилась внизъ, на площадку передъ продолговатой куртиной, куда будутъ посажены ея любимые цвѣты—тоже не очень изящные—георгины, мальвы и оранжевыя лиліи.

По дорожкамъ уже просохло. Вчера ихъ посыпали краснымъ пескомъ.

На краю склона, гдѣ начинается спускъ къ рѣкѣ, Клавдія Спиридоновна остановилась въ позѣ, какая часто замѣчалась у нея, съ головой, приподнятой немного влѣво, и съ кистями рукъ на бедрахъ.

Птицы стали перекликаться все чаще. Изъ-за дома, со стороны птичника, раздавался задорный перебой двухъ нѣтуховъ и кудахтанье. И эти звуки любила Клавдія

Спиридоновна. Они вливали ей въ душу бодрость, усиленное чувство вездѣсущей природы, сгущенной во всѣхъ этихъ проявленіяхъ животной жизни. Тамъ, позади усадьбы, начиналось ея царство. Обо всемъ она думала: о каждомъ цыпленкѣ, о каждой „цыцаркѣ“, о ихъ уходѣ, о разныхъ породахъ, какія можно бы было завести и пріучить къ условіямъ климата.

Хозяйничать привелось ей въ довольно суровой полосѣ сѣверо-востока. Она могла бы купить имѣніе на крайнемъ югѣ или въ благословенной пшеничной полосѣ великорусскихъ окраинъ, гдѣ-нибудь въ Воронежской, Тамбовской, Орловской губерніи. Но родной край дорогъ ей. На берегахъ вотъ этой рѣки, впадающей въ Волгу, она родилась, въ ближнемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ еще стоитъ ихъ домъ — каменныя палаты съ бельведеромъ. Осенью она иногда живетъ тамъ съ сестрой мѣсяцъ-другой. Въ немъ онѣ обѣ родились и росли въ строгой купеческой семьѣ, гдѣ все отзывалось старымъ „закономъ“, гдѣ въ верхнемъ этажѣ комнаты стояли по мѣсяцамъ запертыя, съ штофной мебелью и паркетомъ, а жилымъ оставался нижній этажъ, гдѣ все дышало порядкомъ, дѣловитостью, повиновеніемъ хозяйскому глазу и слову. Мать ихъ, Евфимія Макаровна, была характеромъ не ниже своего мужа, пережила его и, хоть и держалась старины, не стала „перечить“ дочерямъ, отдала ихъ въ гимназію, жила по зимамъ въ губернскомъ городѣ и продолжала вести торговое дѣло мужа до самой смерти.

Дѣло это было рѣчное — крупный торгъ рыбой и рыбныя ловли на устьяхъ Волги. Тамъ были у нихъ обширныя „воды“, какъ говорятъ астраханцы.

Клавдія, когда осталась нàбольшой,—братьевъ у нихъ не было,—„перевела“ это дѣло, выгодно уступила родственнику съ отцовской стороны. Ее влекло къ землѣ, къ полеводству, къ лѣсу, къ лугамъ, ко всему, что̀ можно завести и развить на своихъ земельныхъ угодьяхъ.

Большая пустошь была куплена еще отцомъ, съ лѣсомъ и поемными лугами. Въ ней она выбрала вотъ это урочище, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ заворотъ, который виденъ изъ оконъ мезонина.

Личной жизни—женской, съ исканіемъ любви, счастья, захватовъ страсти — у ней нѣтъ. Можетъ, и бывало это, но раньше, въ ея учебные годы. Про это никто не зналъ.

Если сестра Глафира и догадывалась, то, навѣрно, и она ничего опредѣленно не знала.

Ей такъ лучше! Она не сестра „Гланѣ“, хотя всего на пять лѣтъ старше ея, а мать, на которую она такъ похожа лицомъ и станомъ, выраженіемъ глазъ и властной линіей своего крупнаго рта съ бѣлыми-бѣлыми зубами.

И Глафира похожа на нее во многомъ, въ твердости правилъ, въ вѣрности своимъ привязанностямъ и сужденіямъ; только она понервнѣе, хотя тонъ гораздо мягче и голосъ нѣжнѣе, безъ слащавости. Она въ болѣе отвлеченныхъ идеяхъ и чувствахъ. Деревней она не тяготится, потому что мечтаетъ о разныхъ „интеллигентныхъ затѣяхъ“, какъ иногда Клавдія называетъ ея мечты о школѣ, съѣздахъ, семинаріяхъ, „общеніи мѣстныхъ силъ“. Сама она еще ничего пока не завела, потому что у нея все выходитъ въ проектѣ слишкомъ грандіозно. Но Глафира уже порядочно знаетъ жизнь уѣзда, больше видитъ уѣздное общество, чѣмъ Клавдія, тѣхъ, безъ кого ничего здѣсь не устроишь. Можетъ-быть, она уже начала бы дѣйствовать, если бъ старшая сестра не охлаждала ее своимъ трезвымъ скептицизмомъ. Глафира—словесница. Она исполнена общихъ идей и литературныхъ образовъ. Ей врядъ ли удастся уйти отъ властнаго призыва къ любимому мужчинѣ. И, кажется, онъ уже раздался, этотъ призывъ. Клавдія не съ вчерашняго дня чуетъ это...

II.

Въ стеклянную дверь балкона Клавдія, обернувшись, увидала въ гостиной сестру, подошла къ двери и, пріотворивъ ее, окликнула:

— Гланя!.. Здравствуй!

Младшая сестра неторопливымъ шагомъ приблизилась къ порогу и подставила лобъ. Клавдія звучно поцѣловала ее.

— Такъ рано?

Своими круглыми пытливыми глазами она оглядѣла сестру.

Глафира была немного повыше ея и стройнѣе. Высокая грудь дѣлала ея гибкую талію еще тоньше. Сильная брюнетка. Волосы съ мягкимъ блескомъ лежали вдоль висковъ густыми прядями, и проборъ она носила нѣсколько вбокъ, безъ взъерошенной модной чолки. Сходство съ сестрой сквозило въ общемъ обликѣ, въ овалѣ

лица, въ рисункѣ рта, менѣе широкаго, и въ разрѣзѣ глазъ, не сѣрыхъ, а темно-карихъ. У обѣихъ сестеръ рѣсницы и брови придавали лицу особую выразительность. Только у Глафиры онѣ не дѣлали его строгимъ. Ямочки на довольно полныхъ, матово-бѣлыхъ щекахъ были двойныя, и лицо ея, даже съ закрытымъ ртомъ, сохраняло привѣтливый тонъ.

Обыкновенно Глафира вставала гораздо позднѣе старшей сестры. На ночь она всегда читала часовъ до двухъ. По утрамъ ходила она въ блузѣ, но всегда въ корсетѣ. А нынче и она вышла въ туалетѣ: суконное свѣтло-песочное платье, шитое въ Москвѣ, у Шумской, съ кружевной отдѣлкой на высокихъ рукавахъ. Узкая „вѣста“ обвивала ея корсажъ съ небольшимъ вырѣзомъ на груди. Она была близорука и носила черепаховый лорнетъ на широкой черной лентѣ.

— И какая нарядная!

Клавдія еще разъ оглядѣла сестру, и ея сочныя губы сложились въ усмѣшку, глаза блеснули. Она почти съ материнской лаской взяла сестру за подбородокъ.

— Что же это обозначаетъ?—спросила она своимъ особеннымъ тономъ, гдѣ юморъ прикрывалъ серьезность мягкимъ звукомъ голоса.

Глафира опустила густыя рѣсницы и немного отвернула голову.

— Такъ... Пожалуй, ранніе гости будутъ.

— А-а!—протянула Клавдія, взявъ сестру за гибкую талію, и онѣ стали тихо прохаживаться по террасѣ.

— Мы, значитъ, кое-кого ждемъ?—спросила Клавдія и заглянула въ лицо Глафирѣ.

— Да вѣдь я тебѣ говорила вчера...

— Ахъ! У меня совсѣмъ изъ головы вылетѣло... Проснулась, и сейчасъ у меня одна комбинація. Надо было заглянуть въ книжку,—она выговорила эти слова съ шутливой интонаціей,—а потомъ вотъ здѣсь поблагодушничала. Такое утро чудесное! Прости, Гланя, пора распорядиться завтракомъ.

— Я уже говорила Викентію.

— Успѣла? Сегодня?

— Да.

— Вотъ оно что.

И Клавдія во второй разъ заглянула въ лицо сестрѣ и явственно усмѣхнулась.

— Ахъ, Клавдинька! Что ты все меня подсиживаешь?!..

Матовыя щеки Глафиры начали розовѣть, и она опять отвела голову вбокъ.

— Нѣчего! Нѣчего!

Клавдія остановилась, положила обѣ руки на плечи сестры, поглядѣла ей прямо въ глаза и поцѣловала въ лобъ.

— Только смотри, Гланя,—сказала она замедленнымъ, задушевнымъ тономъ, — не очень зарывайся! Мужчинъ надо дразнить — они рѣдко цѣнятъ прямолинейность чувства.

Въ этихъ словахъ зазвучала личная нота. Глафира знала, что такія замѣчанія какъ бы невольно вырывались у Клавдіи.

— Можетъ-быть,—тихо и вдумчиво промолвила она.

— То-то!

Онѣ часто говорили о своемъ сосѣдѣ и пріятелѣ, графѣ Таманцевѣ, но изліяній Клавдія не вызывала въ сестрѣ, точно боялась этого, чтобы не волновать ее, не держать ее „въ воздухѣ экзальтаціи“, какъ она про себя выражалась, думая о томъ, что она замѣтила въ Глафирѣ уже около года, и что особенно ярко выступало въ тѣ мѣсяцы, когда Таманцевъ жилъ въ Петербургѣ.

Съ ними онъ былъ на короткой ногѣ, безъ всякой рисовки и „аристократничанья“, откровенно говорилъ обо всемъ и часто о себѣ. Но про *то*, *что* его погнало изъ Петербурга, онъ еще ни разу не заикнулся ни ей, ни Глафирѣ. Та еще зимой стала догадываться, что у него есть тамъ „интересъ“—ихъ любимое слово, когда онѣ говорили о чувствахъ. Но Глафира была слишкомъ сдержанна и деликатна, чтобы наводить его на такой разговоръ.

Третьяго дня Глафира вернулась изъ гостей, гдѣ ночевала, отъ землевладѣльца изъ купцовъ, Кувшинкова, играющаго въ уѣздѣ роль. Съ женой его она пріятельница. И Клавдія замѣтила, что она возбуждена. Вчера, за вечернимъ чаемъ, Глафира вдругъ сказала:

— Что это за гадость—сплетни! И какой этотъ интеллигентный купчикъ Кувшинковъ интриганъ!

— Есть грѣшокъ! — замѣтила Клавдія, но разспрашивать не стала—по вечерамъ онѣ мало говорили и даже за чаемъ читали, почти всегда каждая отдѣльно.

— Да развѣ Андрей Павловичъ навѣрно обѣщался

быть? — спросила Клавдія тономъ хозяйки, которая не любитъ, чтобы ее заставали врасплохъ.

— Ты точно забыла, Клавдинька. Онъ долженъ ночевать въ городѣ и по дорогѣ попадетъ къ намъ какъ разъ въ полдень.

— Ну, прекрасно.

Глафира подвела сестру къ периламъ террасы и стала смотрѣть вдаль, за рѣку, въ черепаховый лорнетъ, что̀ необыкновенно шло къ ней, хотя она и боялась всегда, какъ бы кто не принялъ этотъ лорнетъ за претензію.

— Удивительно,—заговорила она, точно думая вслухъ,— какъ онъ—Клавдія поняла, кто этотъ „онъ“—довѣрчивъ... Что̀ твое малое дитя! Ко всѣмъ здѣсь относится, точно къ роднымъ братьямъ. А между тѣмъ,—она запнулась,— всѣ съ такимъ злорадствомъ...

— У Кувшинкова небось?—спросила увѣренно Клавдія.

— Я вчера не хотѣла говорить,—Глафира обернулась лицомъ къ сестрѣ и, съ жестомъ свободной руки, продолжала менѣе сдержанно.—Вдругъ этотъ Кувшинковъ— ты знаешь его краснобайство при постороннихъ—начинаетъ всласть разсказывать про цѣлый скандалъ... Какъ, видишь ли, Андрей Павловичъ—ея плечи дрогнули—подрался съ какимъ-то хлыщомъ чуть не на кулачки и былъ выгнанъ изъ дома княгини, гдѣ воспитывается предметъ его страсти... — эти слова Глафира выговорила съ усиліемъ, — а тотъ господинъ женился на княжнѣ. Точно будто онъ самъ видѣлъ это своими глазами. Я, разумѣется, его осадила. И все-то онъ съ своими прибаутками и шуточками. Такое безобразіе!

— Небось выдала себя?—совсѣмъ тихо спросила Клавдія и прижала рукой талію сестры.—Напрасно, Гланя!

— Нельзя же не протестовать.

— И безъ того, я думаю, не мало глупой болтовни по уѣзду.

Глафира сжала ротъ и помолчала.

— Мнѣ это абсолютно все равно, — начала она опять съ движеніемъ головы. — Разумѣется, такой хитроумный Улиссъ, какъ этотъ Кувшинковъ, ведетъ свою траншею. Андрей Павловичъ—ему бѣльмо на глазу. Кому же не извѣстно, что онъ мѣтитъ въ предсѣдатели управы?

— Тотъ можетъ въ предводители попасть, если захочетъ.

— Ты знаешь, что онъ—не сословный человѣкъ.

— Можно на предводительскую должность и пошире взглянуть,—вѣско замѣтила Клавдія.—Сила и вліяніе—большія.

— Словомъ,—перебила Глафира, продолжая сдерживать волненіе,—интрига ясна.

— Что же пріятельница-то твоя? Какъ себя держала въ этомъ разговорѣ?

— Она была въ сущности на моей сторонѣ. Она и умнѣе, и тоньше, по натурѣ, своего мужа. А часто прыгаетъ передъ нимъ. Это своего рода кокетство.

— Пожалуй. Хочетъ сохранить престижъ изящной женщины и показывать при этомъ, что мужъ для нея—первый номеръ... какъ у хорошихъ господъ дѣлается,—прибавила Клавдія съ болѣе злобной усмѣшкой.

— Именно.

— На всякое чиханье не наздравствуешься, Гланя. Да и Андрею Павловичу пора начать смотрѣть прямо въ глаза всему, что въ уѣздѣ накопилось такого, изъ-за чего многіе хорошіе люди бѣгутъ бѣгомъ изъ провинціи. У насъ кто не винтитъ или водки не придерживается, тотъ—интриганъ или пошлый сплетникъ. Это только вы съ madame Кувшинковой мечтаете водворить здѣсь Эльдорадо. Если у Андрея Павловича найдется настоящій характеръ, а не одни порывы—онъ не сегодня-завтра очутится съ-глазу-на-глазъ со всей уѣздной пакостью и долженъ будетъ бороться не на животъ, а на смерть, коли у него хватитъ на это охоты.

Протянулось молчаніе.

III.

Дорога по красному лѣсу, позади усадьбы, шла стрѣлой. Глафирѣ не сидѣлось дома. Сестра ея пошла распорядиться по хозяйству въ контору. Завтракали онѣ въ началѣ перваго. Оставалось еще около часа.

Она захватила съ собою книгу въ цвѣтномъ англійскомъ переплетѣ, надѣла шляпку и накинула короткую темно-пунцовую мантилью съ чернымъ кружевомъ.

Книга, по исторіи культуры, заинтересовала ее еще третьяго дня, когда ей прислали цѣлый ящикъ изъ Петербурга, отъ Воткинса. Она любила англійскихъ авторовъ серьезныхъ сочиненій, на ночь читала иногда и романы изданія *Таухница*, надъ чѣмъ Клавдія трунила,

находя, что всѣ романы „пекутся старыми дѣвками, какъ блины“.

Но сегодня Глафира шла по дорогѣ, не заглядывая въ книгу съ цвѣтнымъ переплетомъ. Разговоръ съ сестрой на террасѣ не облегчилъ ея волненія по пріѣздѣ изъ гостей.

Въ Клавдіи нѣтъ-нѣтъ да и всплыветъ не то чтобы враждебность къ графу, а какое-то „подсиживанье“ человѣка, которому нельзя не сочувствовать. И всякій разъ, когда онѣ заговорятъ о немъ, Клавдія держится совсѣмъ не такого тона, какой бы ей хотѣлось слышать.

Вотъ и полчаса назадъ, Клавдія, конечно, не защищала пошлаго сплетничанья въ домѣ Кувшинкова, но недостаточно возмутилась. Точно будто въ ней самой таится то же, что̀ Глафира видитъ въ „интеллигентномъ“ купчикѣ Кувшинковѣ: недоброе чувство къ барину, къ титулованному дворянину, желаніе всегда и вездѣ подрываться подъ сословный авторитетъ.

Все это низменно. Подъ всѣмъ этимъ кроется честолюбіе и тщеславіе разночинцевъ.

Сестру она нѣжно любитъ, ставитъ выше себя по натурѣ, и ей было бы слишкомъ тяжело заподозрить въ ней и чувство дѣвушки безъ всякой личной радости, быть-можетъ, съ подавленной неудачной любовью. Графъ слишкомъ ясенъ и правдивъ, чтобы не понимать его и не цѣнить. Но Клавдія считаетъ его вообще „дилетантомъ“ и какъ бы не всегда вѣритъ полной искренности его отношенія къ народу, къ задачамъ людей развитыхъ, къ своему долгу гражданина, его горячему протесту противъ всего, что̀ онъ считаетъ вреднымъ, глупымъ, пустымъ, отжившимъ или возмутительнымъ, и въ общихъ порядкахъ, и въ нравахъ, идеяхъ, замашкахъ и претензіяхъ *своего* сословія.

Какъ же это не цѣнить?

Каждый день она задаетъ себѣ этотъ вопросъ, и отвѣчаетъ неизмѣнно:

„Нельзя не цѣнить“.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Петербурга, — изъ „Питера“, какъ она привыкла выражаться,—для нея точно каждый день праздникъ. Изъ Петербурга онъ убѣжалъ, навѣрно, не изъ-за какой-то скандальной исторіи, какъ сплетничаетъ Кувшинковъ, а потому, что чаша пе-

реполнилась. Не можетъ онъ дышать въ этомъ городѣ, и ничто уже его не потянетъ туда.

Она не позволяетъ себѣ разспрашивать его, но сердце ея чуетъ, что въ Петербургѣ что-то у него оборвалось, и это ее какъ будто радуетъ.

Быть-можетъ, такое чувство не хорошо? Но если онъ пережилъ тамъ сердечный ударъ, стало-быть, та, кого онъ полюбилъ, не стоила и не стоитъ его.

„Его душа должна искать отклика... хотя бы только дружескаго...“—думаетъ она каждый день, и утромъ, просыпаясь, и ночью, когда закроетъ глаза.

Если имъ обѣимъ не понять его, не отвѣтить тепло и преданно на его чудесные запросы, то кому же? Одинъ только ихъ общій пріятель, докторъ Домашневъ, во всемъ уѣздѣ и способенъ поддержать графа въ его великодушныхъ идеяхъ и стремленіяхъ, да и докторъ, хоть и добрякъ, все-таки смотритъ на него немного во вкусѣ Клавдіи—съ чувствомъ неизбѣжнаго превосходства надъ „барчонкомъ“ человѣка „пострадавшаго“, съ извѣстнымъ прошедшимъ, съ ореоломъ. И у него, когда они говорятъ о графѣ, это прорывается и въ словахъ, и въ выраженіи лица, и въ тонѣ. И онъ привыкъ шутливо называть его: „нашъ графъ Эгмонтъ“, или: „его сіятельство“.

Глафира скорымъ шагомъ сдѣлала болѣе версты и даже не замѣтила, что дошла до поляны, гдѣ лѣсныя дороги пересѣкались.

Она оглянулась и стала. И ей вдругъ сдѣлалось стыдно, зачѣмъ она побѣжала къ нему навстрѣчу? Добро бы еще вдвоемъ или съ кѣмъ-нибудь, а то одна.

И безъ того, когда они остаются съ-глазу-на-глазъ, а это бываетъ часто, онъ не можетъ не замѣчать, какъ она „млѣетъ“—Глафира сама употребила мысленно это именно „Клавдинькино“ слово. Но въ его присутствіи она уже не можетъ вполнѣ владѣть собою, хотя снаружи она какъ будто и спокойна, слушаетъ его, не перебиваетъ и говоритъ складно, быть-можетъ, слишкомъ уже хорошимъ слогомъ. Клавдія ей намекала на это, недавно даже подъ сердитую руку сказала:

— Ты ужъ его своимъ развитіемъ не очень донимай. Такіе господа этого не любятъ.

„Развитіе!“

Какую это слово играло всегда роль въ ея внутренней

жизни и во всемъ, съ тѣхъ поръ, какъ она попала во второй классъ гимназіи, послѣ жизни дома.

Да, „развитіе“ влекло ее всегда, страсть учиться и читать, перебирать вопросы, развивать подругъ, искать даровитыхъ людей, отъ которыхъ съ каѳедры можно услыхать то, чего однѣ книги не дадутъ тебѣ.

И она была вѣрна этой привычкѣ. Не вышло изъ нея ни ученой, ни писательницы. Она и не мечтала. Таланта, вотъ хоть такого, какъ у Клавдіи къ хозяйству, она въ себѣ не находитъ. Что жъ дѣлать! И безъ таланта міръ идей, образовъ, поэтическаго творчества и благородныхъ упованій доступенъ душѣ, если она сумѣла открыть себя всѣмъ откровеніямъ жизни и правды.

Не зря была она русской „курсисткой“, не зря сдавала экзамены, писала рефераты, а потомъ за границей такъ же страстно и честно развивала себя, не разбрасывалась, а только расширяла рамки своей программы. Выучилась по-англійски, выучилась по-итальянски. Можетъ и писать, и говорить на обоихъ языкахъ. Еще курсисткой прошла латынь. Годъ тому назадъ, стала потихоньку отъ Клавдіи учиться по-гречески. Она—„убѣжденная словесница“, какъ сестра остритъ надъ нею, и предсказываетъ, что она „доберется и до санскрита“.

Это правда: она чувствуетъ себя словесницей, и ей дорого все то, что̀ связано съ „гуманизмомъ“. Клавдія, по-своему, начитана, любитъ иногда щегольнуть знаніемъ психологіи и потолковать о „соціологическихъ законахъ“, но она черезчуръ „естественница“. Ей недостаетъ знанія того, какъ шла человѣческая мысль въ своихъ поискахъ „мірового бытія“, она хорошенько незнакома съ исторіей мышленія, на многое—и въ идеяхъ, и въ людяхъ—смотритъ свысока. Для нея слишкомъ многое кажется „метафизикой“. Прочти она ей вслухъ переводъ самаго глубокаго изъ діалоговъ Платона, она скажетъ, навѣрно:

„Сладко пѣлъ старичокъ, да больно ужъ туманенъ“.

И развѣ это было не лестно и не отрадно для нея, когда графъ, съ первыхъ дней знакомства, сталъ говорить ей, что онъ живо чувствуетъ разницу между тѣмъ, какъ *она* подготовлена и какъ *онъ*. Безъ фразы, искренно и смѣло жалѣетъ онъ о томъ, что учился скачками, не привыкъ систематически думать, слишкомъ много времени потратилъ на „безпорядочные“ опыты жизни.

Это не хитрый подходъ барина; онъ просто готовъ

„поступить къ ней въ обученіе“, какъ онъ еще на той недѣлѣ выразился.

Справа чуть слышнымъ звяканьемъ сталъ доноситься колокольчикъ. Глафира повернула назадъ, ускоряя шагъ. Ею опять овладѣло смущеніе. Но оно было мгновенно. Что за малодушіе! Чего ей скрывать? Что выгораживать? Онъ—самый близкій ей человѣкъ послѣ сестры. Нагонитъ онъ ее черезъ пять минутъ—она даже скажетъ ему, что отправилась гулять въ эту сторону, въ надеждѣ, что онъ заѣдетъ къ нимъ къ часу завтрака.

Она пошла медленнѣе. Вотъ звякъ колокольчика перешелъ въ слитый гулъ сильнѣе, сильнѣе. Тройка повернула на перекрестокъ и на полныхъ рысяхъ катила, настигая ее. Глафира закрыла глаза и шла такъ минуты двѣ-три.

Звонъ сразу оборвался. Тройка стала. Вздрагивающій, дорогой ей голосъ крикнулъ:

— Глафира Спиридоновна! Здравствуйте! Хотите, подвезу?

IV.

Завтракъ былъ поданъ на террасѣ.

Таманцевъ, очень загорѣлый и замѣтно пополнѣвшій въ лицѣ, сидѣлъ противъ Глафиры. Старшая сестра помѣщалась сбоку. И она, къ пріѣзду графа, перемѣнила туалетъ—надѣла синюю жакетку мужского покроя, со стоячимъ воротникомъ рубашки и галстукомъ.

Подали кофе — служила горничная — и разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ. Глафира порозовѣла, и ямочки на щекахъ давно уже играли. Клавдія улыбалась широкой улыбкой своего крупнаго рта, откуда глядѣли такіе же крупные зубы.

— Стало-быть, — оживленно спросила Клавдія, закуривая папиросу, — муражкинскіе крестьяне добьются своего съ казной?

— Овчининъ такъ пишетъ, — отвѣтилъ Таманцевъ, отхлебывая изъ чашки. — Но вѣдь тутъ дѣло осложняется претензіей крестьянъ на пустошь князей Опричиныхъ. А тѣ, въ свою очередь, тягаются съ казной.

— Какъ въ Москвѣ говорятъ: „самъ квартальный не разбери!“—вскричала Клавдія.

Всѣ засмѣялись. Но Глафира невольно подумала:

„Зачѣмъ это Клавдинька всегда при немъ пускаетъ свой жаргонъ?“

— Именно, самъ квартальный не разбери!—повторилъ Таманцевъ и повелъ большой курчавой головой.

Такая неизящная московская прибаутка, когда *онъ* ее произнесъ, получила совсѣмъ иную окраску. Голосъ его ласкалъ слухъ Глафиры, и самыя слова отзывались тонкимъ юморомъ, звучали мягко и благородно.

— Во всякомъ случаѣ,—заговорила она, повернувъ къ нему голову, — вся волость должна за васъ Бога молить, графъ.

Она рѣдко называла его по титулу, Клавдія гораздо чаще.

— Не въ этомъ дѣло, Глафира Спиридоновна. Съ міромъ до сихъ поръ я ладилъ. Они сразу тогда очень благодарили меня, даже посланіе я получилъ еще въ Петербургѣ, сочиненное ихъ писаремъ Квасовымъ, малымъ плутоватымъ и тайной пьянчугой. Но вѣдь вы знаете,— онъ обратился жестомъ головы къ старшей сестрѣ, — вы знаете, какъ наши православные туги на довѣріе. Да и понятно,—Таманцевъ откинулся на спинку стула,—у мужика всякій грошъ на счету. Дѣлать одолженіе внѣ своего міра, семьи, прихода—онъ не привыкъ, да ему и не на что великодушничать.

— Какъ вы говорите, Андрей Павловичъ, — вырвалось у Глафиры, — великодушничать? У васъ это было просто и искренно, я надѣюсь?

— Погоди, дай графу докончить!—остановила ее Клавдія, приложивъ два пальца къ ея правой рукѣ.

— Вы понимаете,—продолжалъ Таманцевъ, уже въ сторону младшей сестры,— надо взять въ расчетъ душу мужика и крестьянскій міръ. Даромъ ничто не дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Съ него постоянно берутъ и даже дерутъ. Вотъ онъ и разсуждаетъ такъ: „не ведетъ ли, молъ, его сіятельство и свою линію?“

— Правильно! — выговорила Клавдія, кивнувъ головой по-мужски.

— Развѣ вы уже замѣтили признаки недовѣрія? — спросила Глафира тревожно.

— У нихъ теперь новый старшина. Вы о немъ должны были слышать, Клавдія Спиридоновна. Фамилія его— Сусловъ.

— Какъ же. Знаю, знаю!.. Даже была съ нимъ въ дѣ-

лахъ. Онъ — кирпичный заводчикъ, и у него въ городѣ винный складъ.

— Онъ, онъ.

— Да развѣ онъ старшина?

— Съ послѣднихъ выборовъ.

— Изъ-за чего же онъ пошелъ? Вѣдь его считаютъ въ стахъ тысячахъ.

— Изъ-за чего? — переспросилъ Таманцевъ и усмѣхнулся.—Аглицкія чувства имѣетъ.

— Какъ вы говорите? — спросила Глафира, переглянувшись съ сестрой.

Таманцевъ всегда употреблялъ дворянское слово: „аглицкій“, а обѣ сестры говорили, какъ большинство бывшихъ гимназистокъ: „англійскій“, и ему даже хотѣлось иногда остановить Глафиру и спросить: зачѣмъ она такъ произноситъ съ удареніемъ на первомъ „ій“?

— Аглицкія чувства у него вотъ въ какомъ смыслѣ: желаетъ участвовать въ дѣлахъ общины, играть роль не какъ купчикъ, не какъ кабатчикъ, а какъ *ольдермэнъ*. Отецъ его былъ, какъ слышно, настоящій прасолъ, а онъ— съ образованіемъ, носитъ модную чолку и синіе сьюты, и говоритъ не на „онъ“, а по-московски акаетъ. C'est quelqu'un,—выговорилъ Таманцевъ вдумчиво и отставилъ допитый кофе.

— Честолюбецъ, значитъ?—спросила Клавдія.

— Имѣетъ полное право,—сказалъ Таманцевъ другимъ, болѣе серьезнымъ тономъ.

— И что же? Онъ мудритъ развѣ?

— Что-то въ немъ есть такое, какая-то двойственность. Ему, кажется, весьма непріятно, что я поддержалъ ходатайство крестьянъ его волости. И даже—между нами— въ разговорѣ со мной на той недѣлѣ онъ точно хотѣлъ мнѣ дать понять, что теперь это его дѣло, и онъ намѣренъ выяснить, какъ слѣдуетъ, правильно ли оно было до сихъ поръ ведено. Даже забавно, какія у него при этомъ были интонаціи.

Клавдія взглянула очень быстро на сестру. Ямочки исчезли со щекъ Глафиры, вокругъ рта пошла игра. Она начала волноваться.

— Скажите на милость!—вылетѣло у нея восклицаніе, и она стала сейчасъ же блѣднѣть.

„Прорвется! — подумала Клавдія. — Прорвется! Не выдержитъ!“

— Вамъ-то что же? — заговорила Клавдія, желая сама направить разговоръ.—Коли муражкинскіе мужики больше будутъ вѣрить своему старшинѣ — и Богъ съ ними! Изъ-за чего же вамъ, графъ, еще на непріятности идти? Это забавно!..

— Не въ томъ только дѣло, Клавдинька, — перебила ее Глафира, — что такой вотъ — честолюбецъ-кабатчикъ, или такой—интеллигентный коммерсантъ; во всѣхъ одно и то же—духъ интриги.

— Какой коммерсантъ? — совсѣмъ просто и беззаботно спросилъ Таманцевъ.

Глафира, не оборачивая головы къ сестрѣ, почувствовала ея взглядъ на себѣ.

— Я такъ, къ примѣру говорю, — поправилась она и про себя сказала ей спасибо за предостереженіе: она готова была въ возмущенномъ тонѣ намекнуть на то, что говорилось третьяго дня въ усадьбѣ Кувшинкова.

— На это надо идти, — начала опять Клавдія, положивъ обѣ руки на столъ.—Народъ нельзя не жалѣть, но обсахаривать его тоже не слѣдуетъ.

— Развѣ графъ?..—прервала было Глафира.

— Про графа я не говорю, а вообще. Графъ самъ сейчасъ сказалъ, что такъ выходитъ по крестьянской психологіи. А такіе экземпляры, какъ этотъ богачъ-старшина, тоже знаменіе времени. Нашъ братъ купецъ — Клавдія любила говорить въ такомъ тонѣ о своемъ сословіи—почувствовалъ силу, и ему вездѣ и во всемъ хочется потягаться съ господами дворянами.

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ Таманцевъ. — Они въ полномъ правѣ.

— А купеческія замашки, графъ, — продолжала Клавдія,—извѣстны. Все съ подходцемъ и съ подковыркой.

Таманцевъ засмѣялся молодымъ смѣхомъ. Лицо Глафиры продолжало быть серьезно-возбужденнымъ.

— Все это прекрасно, — замѣтила она въ сторону сестры,—но развѣ это не печально, что у насъ если кто-нибудь дѣлаетъ добро прямо, безъ малѣйшей задней мысли, на виду у всѣхъ—сейчасъ же поползутъ изъ разныхъ щелей всякія гадости... точно изъ ящика Пандоры.

— Графъ! Наша словесница сейчасъ примѣръ изъ миѳологіи.

Глафира немного смутилась.

— Ну, прибери другой примѣръ,—возразила она, и ея высокая грудь заколыхалась.

— Что жъ, Глафира Спиридоновна, — борьба! Лучше пускай такіе Сусловы поднимаютъ голову, чѣмъ рабски поддакиваютъ.

— Ну, такіе Сусловы, — замѣтила Клавдія, — къ кому нужно сумѣютъ забѣжать, сдѣлайте одолженіе!

И точно опять подумавъ о томъ, что сестра можетъ „закусить удила", встала и положила окурокъ своей папиросы на блюдечко.

— Не перейти ли въ комнаты, графъ? Мнѣ хочется кое-о-чемъ съ вами помечтать.

— Насчетъ хозяйства? — спросилъ Таманцевъ и также поднялся. — Да вѣдь я могу только слушать. Вѣдь вы у насъ первый ученый агрономъ въ уѣздѣ, а я — дилетантъ. У меня еще никакого путнаго хозяйства и нѣтъ.

— Очень ужъ прибѣдниваетесь. Мнѣ хочется узнать, какъ вамъ сразу моя идея покажется.

Глафира поняла, что сестра хочетъ ее сегодня отстранить отъ разговора по душѣ съ графомъ, и не разсердилась на нее. Можетъ, такъ и лучше. Да и зря она ничего не выдумаетъ, — значитъ, въ самомъ дѣлѣ, ей пришла какая-нибудь мысль, и она хочетъ изложить ее передъ „стоящимъ мужчиной".

V.

Тарантасъ гостя уже стоялъ у крыльца, и коренникъ позвякивалъ колокольчикомъ. Въ гостиной раздавались еще голоса Клавдіи и Таманцева.

Глафира, какъ бы нарочно, чтобы не мѣшать имъ, поднималась къ себѣ въ мезонинъ и сошла внизъ, когда Таманцевъ уже взялся за шляпу.

— Такъ хотите библейскаго звѣря къ намъ перетащить? — спросилъ Таманцевъ, пожимая руку старшей сестры.

Глафира сейчасъ поняла, о чемъ идетъ рѣчь.

— Вы о верблюдахъ? — весело спросила она. — Клавденька вотъ уже вторую недѣлю поглощена этой идеей.

— Идея прекрасная. Если ихъ уже приспособили къ полевымъ работамъ въ Самарской и даже въ Орловской губерніяхъ—почему имъ у насъ не быть?

— Именно! — вскричала раскраснѣвшаяся Клавдія.—И главное, Андрей Павловичъ, насчетъ скотскихъ падежей

отлично. Они рѣже подпадаютъ чумѣ, а вы знаете, какая теперь возня съ господами казенными ветеринарами?

И она, на особый ладъ, повела ртомъ.

— И вы думаете, что ихъ можно, на кругъ, пріобрѣсти рублей по пятидесяти?—спросилъ Таманцевъ заинтересованнымъ голосомъ.

— Теперь уже понабили цѣну. Но подальше въ степи — навѣрное. Пожалуй, и дешевле — рублей на сорокъ на пять.

— Что жъ! Дѣйствуйте!

Таманцевъ замолчалъ и, обратившись къ Глафирѣ, сказалъ ласково:

— А вы отъ насъ убѣжали.

— Я не хотѣла мѣшать совѣщанію агрономовъ. Вѣдь сестра меня по этой части совсѣмъ блаженненькой считаетъ.

— А я долженъ торопиться. Хочется захватить послѣ обѣда земскаго начальника.

— И долго васъ не увидимъ?—спросила Глафира, идя за гостемъ въ переднюю.

Клавдія остановилась на порогѣ гостиной.

— На будущей недѣлѣ заѣдете, Андрей Павловичъ? И мнѣ хочется съ вами потолковать, только не о верблюдахъ. Книгу одну я теперь читаю... англійскую.

Она произнесла, какъ всегда: „англійскую“, съ удареніемъ на „ій“. И Таманцевъ опять подумалъ: „зачѣмъ она такъ произноситъ?“

— Съ радостью, Глафира Спиридоновна! Постойте... дня черезъ два собираюсь отдать визитъ Кувшинкову. Онъ у меня былъ два раза.

— Вы какъ себя тамъ чувствуете, Андрей Павловичъ?

Глафира подняла свои густыя рѣсницы и пристальнѣе поглядѣла на него.

— Они очень милые люди. Въ особенности она. Вы вѣдь съ ней хороши?

— Да... Она симпатичная. А онъ? Какъ вы его находите?

— Провъ Провычъ, — медленнѣе выговорилъ Таманцевъ, — пытливый интеллигентъ. И, кажется, желаетъ быть полезнымъ. Если онъ будетъ баллотироваться по земскимъ выборамъ, я ему положу бѣлый шаръ.

— Вотъ вы какой!..

Глафира порозовѣла въ лицѣ.

— Какой же?—повторилъ Таманцевъ.

Подошла Клавдія.

— Вотъ сестра все боится, Андрей Павловичъ, что я проговорюсь... Я ничего лишняго не скажу, но, право, вы такъ добры и довѣрчивы... вы и не предполагаете, что многіе этого совсѣмъ не заслуживаютъ.

— И вы съ сестрой также?—спросилъ Таманцевъ и засмѣялся.

— Мы не въ счетъ,—отозвалась Клавдія въ тонъ ему.

— Если милѣйшій Провъ Провычъ прохаживается насчетъ меня,—замѣтилъ Таманцевъ,—такъ вѣдь и я не безгрѣшенъ на его счетъ. Я его прозвалъ „raseur“ за его манеру безконечно долго разсказывать.

— Raseur!—подхватила Клавдія.—Это превосходно!

— Да, онъ raseur!—выговорила Глафира. А все-таки... это не причина... Клавдинька! не смотри ты на меня!.. Не проговорюсь!

Она еще разъ протянула руку гостю и крѣпко пожала.

— Когда мы съ ней о васъ говоримъ,—добавила Клавдія,—я всегда повторяю простую поговорку: на всякое чиханье не наздравствуешься!

— И вы совершенно правы, Клавдія Спиридоновна. И вамъ спасибо за дружбу,—сказалъ Таманцевъ и еще разъ пожалъ руку Глафирѣ.

Онѣ обѣ вышли на крыльцо.

Тарантасъ на рессорахъ былъ запряженъ тройкой бурыхъ лошадей въ хомутахъ съ мѣднымъ наборомъ. Пристяжныя потряхивали бубенчиками и длинными ремнями въ бляхахъ по бокамъ. Кучеръ въ поддевкѣ—молодой, слегка рябоватый малый — молодцовато сидѣлъ немного вбокъ и заломивъ назадъ поярковую шляпу съ павлиньимъ перомъ.

Коренникъ широкой грудью выпятился впередъ и поводилъ сердитымъ правымъ глазомъ.

— Какой онъ у васъ страшный!—замѣтила Клавдія.

— Я бы не поѣхала!—вырвался возгласъ у Глафиры.

— Вы лошадей не любите, не то что сестра ваша,—сказалъ, усаживаясь, Таманцевъ: онъ намекалъ на то, что Клавдія съ третьяго года завела себѣ небольшой заводъ рабочихъ лошадей, битюковъ, и выписала изъ Франціи чару „першероновъ“.

— Коньковъ моихъ посмотрите какъ-нибудь!—крикнула

Клавдія, когда тарантасъ поворачивалъ отъ крыльца къ воротамъ.

Таманцевъ снялъ шляпу и еще разъ поклонился имъ. Клавдія наклонила по-мужски голову, Глафира махнула платкомъ.

— Трогай!—приказалъ Таманцевъ кучеру, и тотъ пустилъ доброй рысью, какъ только они выѣхали изъ-за околицы хутора.

Деревенскія строенія у Колчановыхъ стояли новыя и розовѣли на солнцѣ свѣжимъ деревомъ. Рига, казармы для рабочихъ, амбары и подвалы были кирпичные, красиво обшитые по гранямъ стѣнъ тесовымъ камнемъ—всѣ съ зелеными крышами.

Хозяйство Клавдіи вызывало въ Таманцевѣ чувство пріятельской зависти. Дѣвица, одна, съ двумя нарядчиками, ведетъ крупное дѣло и справляется съ нимъ прекрасно. Подготовка у нея серьезная. Она „естественница", много знаетъ, натура мужская, смѣла и въ то же время разсчетлива, не зарывается, вѣритъ въ науку, не мечтательна и къ „мужичку" относится трезво и даже немножко какъ бы суховато.

По натурѣ она интересуетъ его больше, чѣмъ Глафира; но у той есть складъ идей и настроеній, которыя согрѣваютъ и поддерживаютъ его здѣсь—въ усадьбѣ, въ уѣздѣ, куда онъ вернулся съ такимъ рѣшительнымъ намѣреніемъ „сѣсть на землѣ" и работать, какъ только сумѣетъ, и для народа, и для людей всѣхъ классовъ, кто не хищникъ и не тунеядецъ.

Глафира трогаетъ его своей преданностью. Она сдержала себя сегодня, но ясно было, какъ сильно ее возмутила какая-нибудь глупая или злая выходка, направленная противъ него въ домѣ Кувшинкова или у другихъ сосѣдей.

По пріѣздѣ изъ Петербурга онъ еще чаще сталъ бывать у сестеръ. Про свою любовь онъ и прежде ничего не говорилъ Глафирѣ, а теперь ему было бы еще тяжелѣе изливаться. Задушевный тонъ этой дѣвушки, ея чуткая отзывчивость на все, что́ его интересовало, ея серьезность и образованіе помогали ему забыть испытанія Петербурга, найти самого себя, отдаваться благодушно-бодрому чувству, которое онъ, какъ самъ выражается, „воздѣлываетъ" въ себѣ.

Какая важность въ томъ, что „raseur" Кувшинковъ за

глаза прохаживается на его счетъ!.. Купчикъ этотъ очень честолюбивъ и мѣтитъ въ предсѣдатели управы, считаетъ его соперникомъ. И напрасно!

Отъ общественной службы онъ, въ принципѣ, отказываться не станетъ, но идти, на ближайшихъ выборахъ, въ предсѣдатели, даже если бъ его и стали упрашивать, чего не будетъ, ему еще рано. Слишкомъ мало въѣлся онъ въ нужды уѣзда; порядочно знаетъ онъ только свою „округу“, т. е. много-много двѣ-три волости. А уѣздъ огромный—на обоихъ берегахъ великой рѣки, и заволжская часть, совсѣмъ съ другимъ пошибомъ населенія, даже съ другой расой, наполовину инородческой, съ расколомъ, который и по-сю сторону держится кое-гдѣ, съ первобытнымъ лѣснымъ хозяйствомъ, съ преобладаніемъ казенныхъ угодій,—край темный и суровый. Предсѣдатель управы долженъ все знать въ уѣздѣ.

„Raseur можетъ спать спокойно“,— шутливо подумалъ Таманцевъ, покачиваясь въ тарантасѣ.

VI.

Та же рѣка, что и въ Колчановкѣ, протекала передъ фасадомъ барскаго дома въ усадьбѣ Таманцева.

Вернувшись отъ сосѣдокъ, онъ прошелъ на балконъ, немного встряхнуться послѣ сидѣнья въ тарантасѣ. Онъ любилъ этотъ тѣнистый и просторный балконъ съ колоннами стариннаго родового дома, выстроеннаго въ началѣ вѣка изъ дубоваго лѣса.

Балконъ выстилали плиты, въ скважинахъ между ними давно проросла трава, и онъ не приказывалъ ее вырывать.

День стоялъ очень теплый, почти жаркій. Млечный налетъ покрывалъ мелкую чешую рѣки. Немного вправо отъ усадьбы Таманцева она загибала подъ косымъ угломъ такъ, что съ балкона виденъ былъ и ея заворотъ съ клиномъ поемныхъ луговъ въ этомъ загибѣ. За рѣкой, въ полверстѣ вдоль опушки сосноваго бора, бурѣли деревенскія постройки и цѣлые ряды свѣже-порубленныхъ дровъ и пирамиды бревенъ.

Каждый разъ, какъ Таманцевъ заглядится на зарѣчье, ему становится жаль лѣса, проданнаго на срубъ купцу или барышнику изъ мужиковъ.

Продалъ его недавно его сосѣдъ, старикъ Балахнинъ, и какъ разъ тому старшинѣ Суслову, съ которымъ онъ

теперь долженъ водиться по дѣламъ Муражкинской волости.

Новый законъ не позволяетъ, къ счастью, истреблять лѣсъ совсѣмъ хищнически, какъ это дѣлали еще такъ недавно, но вся полоса этого чудеснаго бора вдоль рѣки исчезнетъ къ концу лѣта подъ топорами сусловскихъ рабочихъ.

Купецъ выкуриваетъ дворянина—вотъ что онъ видитъ все яснѣе и яснѣе. Нужды нѣтъ, что въ уѣздѣ есть сотни тысячъ помѣщичьей земли, и по-сю сторону Волги, и по ту. Какія фамиліи значатся въ спискѣ здѣшнихъ землевладѣльцевъ? Князья, графы, столбовые дворяне временъ Симеона Гордаго, рядомъ съ потомками татарскихъ мурзъ и финскихъ инородцевъ. Но въ уѣздѣ не живетъ по зимамъ почти ни одного крупнаго владѣльца-дворянина. Онъ—единственный титулованный помѣщикъ, если не считать старухи-княгини Охлестиной съ дочерью, старой дѣвой, обѣднѣвшей и выживающей изъ ума; да и тѣ пріѣзжали сюда только лѣтомъ.

А купецъ захватываетъ уѣздъ; за нимъ тянется и прасолъ, скупщикъ, богатый мужикъ, какъ все тотъ же старшина Сусловъ, который не желаетъ выписываться въ купцы, а съ особымъ удареніемъ называетъ себя „хлѣбопашцемъ“, хотя у него заводъ и винные склады и онъ покупаетъ дворянскіе лѣса на срубъ.

Вотъ сегодня предстоитъ ему разговоръ съ земскимъ начальникомъ Сурепинымъ, его ближайшимъ сосѣдомъ. Тотъ любитъ говорить на ту же, дѣйствительно первенствующую для всей страны, тему: въ чьи руки идетъ земля? Когда онъ слушаетъ господъ съ такимъ оттѣнкомъ дворянской скорби, какъ этотъ въ сущности умный, честный и образованный молодой человѣкъ,—ему становится не по себѣ. Онъ готовъ всегда крикнуть: „туда имъ и дорога, тѣмъ дворянамъ, кто спускаетъ свои родовыя угодья!“ Но вѣдь такимъ возгласомъ не рѣшишь вопроса и не населишь уѣздъ настоящими друзьями народа и преданными дѣтьми своей отчизны. Земля идетъ скупщику и кое-когда крестьянской общинѣ. Мужикъ, покупающій у разорившагося барина его вотчину,—всегда самъ кулакъ, оторвавшійся отъ общины, мѣтитъ въ купцы, и у него батракамъ живется хуже, чѣмъ у господъ,—каждый мужикъ вамъ это скажетъ. Но онъ умѣетъ подладиться, когда ему нужно, къ волостному правленію или сельскому

сходу гораздо ловчѣе всякаго барина. Навѣрно, когда Сусловъ купитъ у старика Балахнина и его пустошь за лѣсомъ, мужики бывшей таманцевской экономіи станутъ на него смотрѣть иначе, чѣмъ они до сихъ поръ смотрятъ на „графчика“, хотя они всѣ низко ему кланяются и называютъ „осударь“ и „нашъ кормилецъ“.

Вонъ вправо за службами, на холмѣ, раскинулось Таманцево. Смотритъ оно зажиточнымъ селеніемъ, а давно ли онъ нашелъ здѣсь самую жестокую безхлѣбицу, ни у кого ни единаго рубля въ кошелѣ, ни скота, ни ржи въ закромахъ, ни овса, ни картофеля—ничего!

Кормилъ онъ ихъ круглый годъ. Теперь они поправляются, но сдѣлать ихъ исправными, домовитыми мужиками — значитъ подарить еще на каждую избу по нѣскольку головъ скота и прирѣзать, даромъ, на каждую душу по нѣскольку десятинъ земли. Онъ и на это бы пошелъ, особенно тогда, подъ острымъ впечатлѣніемъ голодовки. И теперь онъ за полцѣны сдаетъ имъ пахатную землю и поемные луга. Но развѣ это было бы радикальное средство?

Ихъ сосѣди—крестьяне Муражкинской волости—были отпущены на волю еще до „объявленія воли“, и владѣлецъ подарилъ имъ, по духовному завѣщанію, всю землю. Приходилось чуть не по двѣнадцати десятинъ на душу, былъ и лѣсъ, была и водяная мельница, три огромныхъ пчельника. А теперь они—два захудалыхъ сельскихъ общества, гдѣ на три двора приходится по одной лошади, коровы далеко не у всѣхъ, лѣса давно и въ поминѣ нѣтъ, и даже десятины подъ вырубленнымъ лѣсомъ они, до сихъ поръ, хорошенько не выкорчевали.

Вотъ факты — и съ каждымъ днемъ ихъ все больше и больше.

Таманцевъ вспомнилъ, что ему надо распорядиться—снарядить подводу въ городъ за ежемѣсячнымъ заборомъ въ колоніальной лавкѣ. Обѣдать онъ дома не будетъ и попадетъ къ земскому начальнику часу въ седьмомъ; если засидится, то его оставятъ ночевать.

Второй годъ живетъ онъ одинъ въ запущенномъ домѣ, гдѣ половина комнатъ не отопляется, а обширный мезонинъ зимой стоитъ заколоченнымъ. Лѣтомъ тамъ кладутъ спать гостей.

Онъ живетъ въ четырехъ парадныхъ комнатахъ, расположенныхъ вдоль фасада на рѣку. Зала служила ему

столовой; въ гостиной почти никогда онъ не сидѣлъ. Кабинетъ и спальня составляли его настоящее жилье.

Кабинетъ былъ вдоль двухъ стѣнъ обставленъ широкими шкапами краснаго дерева съ бронзой. Они хранили еще прадѣдовскую библіотеку — всю въ кожаныхъ переплетахъ, съ золотымъ обрѣзомъ и тисненіемъ на обѣихъ доскахъ. Всего больше было французскихъ книгъ XVIII столѣтія. Мальчикомъ онъ впервые добылъ оттуда „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“ аббата Бартелеми, Вольтерова „Кандида“ и сокращеннаго Плутарха съ портретами.

Прадѣдъ былъ масонъ, пріятель Муравьева-Апостола и Лунина, и нѣкоторыя масонскія сочиненія остались въ рукописныхъ экземплярахъ; одинъ — отлично переписанный собственной рукой прадѣда: „изъ твореній Іоанна-Масона“. Помнилъ онъ и книжку: „Апологія или защищеніе свободныхъ каменщиковъ“, доставшуюся прадѣду отъ извѣстнаго сенатора Лопухина. Этой книжки онъ уже не нашелъ теперь, но рукописное мистическое твореніе Іоанна-Масона осталось нетронутымъ, только еще больше пожелтѣло и страницы слиплись во многихъ мѣстахъ.

Готовилъ ему поваренокъ, привезенный изъ Москвы. Штатъ, кромѣ камердинера, сводился къ ключницѣ и судомойкѣ,—ключница на-дняхъ заболѣла,—кучеру и рабочему, который посылался съ „оказіей“. Нарядчика держалъ онъ для маленькой запашки; фруктовымъ садомъ и цвѣтникомъ завѣдывалъ малый изъ земледѣльческаго училища.

Камердинеръ Лаврентій сохранялъ точно такой же видъ и тонъ, какъ и въ Петербургѣ. Онъ былъ „закоренѣлый холостякъ“, какъ самъ себя называлъ, и любилъ читать газеты. Не всегда онъ сразу слышалъ звонокъ изъ кабинета, хотя и не былъ тугъ на ухо.

На этотъ разъ Лаврентій, въ синемъ пиджакѣ съ графскаго плеча, явился сейчасъ же и, выслушавъ распоряженіе барина насчетъ подводы въ городъ, доложилъ, что поваръ написалъ въ запискѣ еще нѣсколько „продуктовъ“, какихъ въ „прежній разъ“ не спрашивалъ.

Таманцевъ посмотрѣлъ записку повара и сказалъ:

— Что жъ! Это все можно.

Лаврентій, вообще экономный, ничего не возразилъ, отошелъ къ двери и кашлянулъ въ руку.

Таманцевъ не любилъ, чтобы его часто величали „ваше сіятельство“, и Лаврентій говорилъ ему просто „графъ“.

— Нужно что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Женщина пришла изъ деревни... къ вамъ, графъ... просить.

Такія обращенія бывали почти ежедневно.

— О чемъ? На бѣдность?

— Мужики ее обижаютъ тамъ, что ли. Она на сходъ жалуется и на старосту. Цѣлая выходитъ исторія.

Лаврентій значительно повелъ губами.

— Сосипатрова она прозывается... бобылка, вдова... И такая, графъ, характерная старуха. Говоритъ складно, и языкъ точно бритва.

— Позови!—сказалъ заинтересованно Таманцевъ и прошелъ въ залу.

VII.

Половинку двери осторожно отворили изъ передней и на порогѣ стала женщина высокаго роста, опрятно одѣтая въ потертый кафтанъ синяго сукна, съ платкомъ, которымъ и шея была обернута; верхній его край на головѣ выдвигался надъ лицомъ, и оттуда глядѣли два большихъ впалыхъ глаза.

Таманцеву лицо этой крестьянки показалось знакомымъ—испитое, бурое, когда-то навѣрно красивое, совсѣмъ библейское, какъ у многихъ бабъ въ его округѣ.

Таманцевъ подался впередъ. Авдотья, беззвучно и не сгибая спины, опустилась на колѣни. Онъ очень не любилъ этого. Всегда мужицкіе земные поклоны наполняли его чувствомъ стыда и жуткой неловкости.

— Пожалуйста, матушка!—нервно окликнулъ онъ ее.— Встань! Не надо такъ!

Авдотья все-таки прикоснулась кистью правой руки къ полу и такъ же медленно поднялась.

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— Что надо?—спросилъ онъ участливо.

Лицо и вся повадка Авдотьи подѣйствовали на него.

Деревенскимъ онъ говорилъ всѣмъ „ты“ послѣ того, какъ самъ убѣдился, что „вы“ часто выходитъ просто смѣшно,—особенно когда мужикъ или баба говорятъ вамъ: „ты, батюшка“,—и на „вы“ нѣтъ возможности сбить.

Авдотья припала-было къ рукѣ. Онъ отвелъ ее.

Двѣ крупныхъ слезы потекли по ея впалымъ и бурымъ щекамъ.

— Къ вашему сіятельству, — начала она, сдерживая слезы. — Коли у васъ суда не найду, надо въ кусочки идти.

Голосъ у нея былъ еще замѣчательно молодой, низкій, говоръ ясный и менѣе крестьянскій, чѣмъ въ ихъ мѣстности, но съ чистымъ звукомъ „о“, какъ окалъ весь уѣздъ.

— Въ чемъ же дѣло, матушка?

— Ежели все разсказывать, ваше сіятельство, вамъ будетъ нудно. Отъ стариковъ мнѣ житья нѣтъ, отъ здѣшнихъ. А теперь и совсѣмъ по міру гонятъ наши горлопаны.

Авдотья такъ выговорила это слово „горлопаны“, что Таманцевъ тотчасъ же подумалъ: „съ характеромъ баба“.

Передъ нимъ стояла старая женщина, онъ это увидалъ по глубокимъ морщинамъ.

— Присядь, матушка, — сказалъ онъ ей, указывая на стулъ около окна.

— Постою, ваше сіятельство.

— Садись, — повторилъ онъ и самъ сѣлъ у того же окна.

Авдотья не стала ломаться и, подобравъ полы кафтана крестьянскимъ жестомъ, присѣла на край стула.

— Разскажи. Только ты меня извини... Я долженъ скоро ѣхать.

Сѣрые, еще не потухшіе глаза Авдотьи блеснули, и все лицо стало какъ бы моложе и красивѣе.

— Не обезсудьте, Христа ради, ваше сіятельство!..

Она начала разсказывать складно, безъ бабьей болтовни, причитаній и всхлипываній. У нея, уже больше двадцати лѣтъ, идутъ пелады съ селомъ, съ сельскимъ сходомъ, со стариками и старостами. Вышла она замужъ за зажиточнаго мужика, промышлявшаго извозомъ. Жили хорошо. Стряслась бѣда. Мужа зарѣзали. Обвинили, по наговору мужиковъ, „въ первую голову“ ее, судили и оправдали. Ея дѣло было одно изъ первыхъ громкихъ уголовныхъ дѣлъ тогдашняго времени, и Таманцевъ вспомнилъ про это дѣло, о которомъ много толковали и въ барскомъ обществѣ, когда онъ еще ходилъ въ курточкѣ. Адвокатъ, защищавшій ее, сразу прославился и теперь „въ большихъ капиталахъ“. При ней остался сынъ, маль-

чикъ лѣтъ семи-восьми. Вернулась она въ деревню, и тутъ началась ея распря съ односельчанами. Никто не хотѣлъ вѣрить въ ея невиновность; по надѣлу обидѣли ее, тѣснили всячески. Занималась она немножко лѣченіемъ—барышня одна научила, когда она жила дѣвушкой въ работницахъ въ одной господской усадьбѣ. Прославили колдуньей и два раза били „до полусмерти“. Сына она сама обучила грамотѣ, отдала въ ученье. Вернулся онъ въ деревню и завелъ „кузню“. И сына на нее науськивать стали, наговаривать, что она, молъ, доподлинно отправила на тотъ свѣтъ его отца. Такъ она „промаячила“ до его смерти. Онъ выпивалъ и ранней весной, въ прошломъ году, провалился въ „зажòру“. И тутъ ее мужики „охаяли“, пошли „гуторить“ — сынъ, молъ, нарочно утопился, не могъ вынести того, что мать — „душегубка“, зарѣзала его отца. Надѣлъ у нея сельскимъ сходомъ отняли и теперь гонятъ изъ избенки. „Стройся, молъ, гдѣ хочешь, а мы тея, — кончила Авдотья, вставъ, — больше держать не станемъ на обчественной землѣ. Ты лиходѣйка и всему нашему обчеству одинъ сорòмъ“,—протянула она съ явной ироніей.

Голосъ ея вздрогнулъ и лицо стало глубоко-скорбное.

— Вотъ, ваше сіятельство, какое мое житье. Не думала я васъ безпокоить. Идти жалиться къ земскому — горлопаны со старостой оговорятъ. Вашу добрую душу достаточно видѣла въ голодовку. Ежели не вы—надѣвай котомку и ступай побираться съ клюкой.

Онъ собирался къ Сурепину. Очень кстати было попросить о ней.

— Я поговорю съ земскимъ начальникомъ. Онъ войдетъ въ это.

— Онъ извѣстенъ объ этомъ, ваше сіятельство. Противъ схода и онъ не пойдетъ.

— Все-таки я поговорю,—сказалъ Таманцевъ, отпуская ее.—Приходи послѣзавтра, поутру.

Авдотья опять порывалась приложиться рукой къ полу. Онъ не допустилъ, и она поцѣловала его въ плечо и вышла медленно, съ низкимъ поклономъ.

Вернувшись въ кабинетъ, Таманцевъ взялъ съ письменнаго стола нумеръ газеты, сорвалъ бандероль и вышелъ съ газетой на балконъ.

Получалъ онъ одну московскую газету — направленія симпатичнаго ему—и двѣ французскихъ. Толстыхъ жур-

наловъ выписывалъ онъ нѣсколько; съ новаго года былъ подписанъ и на два земледѣльческихъ.

Просмотрѣлъ онъ телеграммы и читать передовую статью не захотѣлось. Онъ прислонился къ одной изъ колоннъ и задумался.

Ему все еще слышался низкій, отчетливый говоръ Авдотьи. И впалые глаза, съ расширенными зрачками, глядѣли на него. Вся ея значительная повадка, съ платкомъ, надвинутымъ на лобъ, оставила въ немъ яркій слѣдъ.

Личность говорила въ ней, настоящая личность сильной и несчастной женщины, не плаксы, не подхалимки, не побирушки и не обманщицы. Онъ готовъ былъ поручиться, что она ни въ одномъ словѣ не солгала ему.

Судьба ея не заурядная, но что же вытекало изъ этой судьбы? Во-первыхъ, то, что у народа „свой“ судъ. Ее оправдали, но оправдали „господа“. А на селѣ ее не перестаютъ и до сихъ поръ считать „душегубкой“. И двадцать пять лѣтъ „православные“ тыкали ее этимъ въ глаза, тѣснили назойливо, создали ей славу знахарки, знающейся съ нечистой силой, возстановляли сына, который, быть-можетъ, такъ и умеръ, подозрѣвая въ своей матери убійцу отца.

И все это дѣлали „горлопаны“, т.-е. старѣйшіе члены сельскаго схода, и очень вѣроятно, что сходъ, по-своему, правъ, даже выживая ее совсѣмъ, толкая на большую дорогу съ сумой и клюкой.

Но какой звукъ убѣжденія и накопившейся горечи и силы въ этой бабѣ! Она, небось, отлично знаетъ, что такое самосудъ „однообчественниковъ“, какъ здѣшніе крестьяне любятъ выражаться на своемъ жаргонѣ. Она имѣетъ право глубоко презирать и ненавидѣть своихъ родичей и односельчанъ. Нигдѣ въ городѣ: ни у господъ, ни у купцовъ, ни у чиновниковъ, ни у актеровъ, живи она въ работницахъ или няпькахъ, не стали бы вымещать на ней подозрѣнія въ томъ, что она „убивица“, нигдѣ бы не стали „до полусмерти“ бить, сочинивъ, въ своей дремучей дикости, что она знается съ „шайтаномъ“, тогда какъ она давала „присыпочки“, сухой звѣробой или многомного гулярдову воду.

Онъ—графъ Таманцевъ, „добрый баринъ“—можетъ подарить ей нѣсколько саженъ земли и лѣсу на избушку, но противъ „горлопановъ“ онъ безсиленъ.

„Однако, если такъ разсуждать,—подумалъ онъ,— дойдешь, пожалуй, и до того, что станешь оплакивать вотчинное право и рабовладѣльчество". Вѣдь тогда Авдотья у такихъ помѣщиковъ, какъ онъ, давнымъ-давно нашла бы судъ и правду.

VIII.

Тройка, успѣвшая выстояться, повезла Таманцева въ томъ же рессорномъ тарантасѣ. Пришлось ѣхать лѣсомъ и болотцами, гдѣ то и дѣло попадались „гати" и песчаныя колеи, размытыя ранней водой.

Покачиваясь на своемъ сидѣньѣ, Таманцевъ находилъ, что онъ, въ послѣднія недѣли, слишкомъ много разъѣзжаетъ: „точно Чичиковъ въ своей бричкѣ",—назвалъ онъ мысленно. Не оттого ли, что ему въ его старыхъ барскихъ палатахъ не сидится? Или оттого, что нѣтъ у него дома настоящаго хозяйскаго дѣла?

Угодья его не требуютъ ежедневнаго присмотра. Лѣсъ стоитъ себѣ, порученъ нарядчику; въ немъ производятся правильныя порубки, онъ давно подвергнутъ надзору и разбитъ на участки. Луга и десятины пахатной земли почти всѣ въ арендѣ. У него крошечная запашка, больше игрушка, нѣтъ даже особаго хуторка, а рабочіе живутъ въ одной изъ обширныхъ людскихъ. Фруктовый садъ въ толковыхъ рукахъ. Его можно было бы расширить, но при суровости климата врядъ ли стоитъ. Да и вообще чисто хозяйскіе замыслы не тѣшатъ его. Того, что онъ получаетъ съ имѣнья и дома въ Петербургѣ, очень довольно и за уплатой долга въ банкъ. Мечтаетъ онъ пока о двухъ вещахъ: завести образцовую мызу съ тѣмъ, чтобы окрестные мужики могли улучшать породу своего скота, да небольшой конскій заводъ въ родѣ того, какой есть у Колчановыхъ, исключительно для ломовиковъ, но съ тою же цѣлью. И то, и другое дѣло требуетъ подготовки. Учиться надо у Клавдіи Спиридоновны. На это уйдетъ все лѣто. Затраты будутъ не малыя; придется съѣздить не одинъ разъ въ Москву и въ Орловскую губернію или на ту ярмарку въ Воронежской, гдѣ продаются знаменитые „битюки".

До сихъ поръ онъ еще не можетъ смотрѣть на себя какъ на „вотчинника", на человѣка, желающаго извлекать изъ своего имѣнія наибольшій доходъ. Да врядъ ли онъ когда-нибудь и будетъ такимъ землевладѣльцемъ. Его

сильно притягиваетъ жизнь „уѣзда“ — этой единицы, о которой прежде никто не говорилъ,—народъ, его нужда, безпомощность, темнота, пороки, умъ, душевный складъ, его затаенныя мечты, надежды, тоска, его чудесныя свойства и его распущенность, коренные пороки—загулъ, неряшество, равнодушіе ко всему, что̀ не хлѣбъ насущный, его порыванія въ надземный міръ. А потомъ всякіе вопросы крестьянскаго и земскаго представительства: куда вся эта машина движется, на кого надѣется въ ближайшемъ будущемъ; кто въ уѣздѣ дѣйствительно дѣлаетъ дѣло и честно думаетъ; на что должны бы идти „побо̀ры“; въ чемъ есть настоятельная надобность, въ какихъ матеріальныхъ и духовныхъ начинаніяхъ?

Къ „своему брату дворянину“ у него очень лежитъ сердце. Изъ тѣхъ помѣщиковъ, кого онъ знаетъ по уѣзду, ни одинъ человѣкъ не вызвалъ въ немъ, до сей поры, чувства, похожаго на готовность пристать къ нему, идти съ нимъ въ ногу. Его друзья—разночинцы: докторъ Домашневъ и Колчановы; да и въ Клавдіи не находитъ онъ вполнѣ великодушнаго отношенія къ народу и къ общему дѣлу, какое хочетъ воспитывать въ себѣ. Но она все-таки настоящій мѣстный дѣятель, и ею кормится не мало народа. Она готова поддержать все полезное для жизни уѣзда. Изъ ближайшихъ сосѣдей интересуютъ его два: Кувшинковъ — интеллигентъ изъ купцовъ, и земскій начальникъ Суренинъ, къ которому онъ теперь ѣдетъ.

Въ ихъ уѣздѣ четыре земскихъ начальника, и губернаторъ хвалится ихъ подборомъ, постоянно повторяетъ, что лучше у него уѣзда нѣтъ: Суренинъ — университетскій кандидатъ; есть двое бывшихъ мировыхъ судей, а четвертый—изъ отставныхъ артиллерійскихъ офицеровъ, учившійся въ академіи.

Новому учрежденію онъ еще до пріѣзда не сочувствовалъ. И въ немъ все еще кроется протестъ противъ „захвата власти“, какъ называетъ его пріятель, докторъ Домашневъ. Быть-можетъ, не сиди его сосѣдъ Суренинъ на *такомъ* мѣстѣ, онъ бы давно былъ съ нимъ на болѣе короткой ногѣ. Впрочемъ, врядъ ли!..

Этотъ Суренинъ попалъ въ начальники по женѣ; въ имѣніи ея онъ и живетъ. Своего состоянія у него, какъ слышно, нѣтъ. Онъ учился на словесномъ факультетѣ; кажется, историкъ по спеціальности, много знаетъ, человѣкъ далеко не заурядnаго ума, любитъ отвлеченные разго-

воры, отстаиваетъ упорно свои взгляды и вѣрованія. Но и отъ него немного „отшибаетъ“ нынѣшнимъ сословнымъ „душкòмъ“. Чистый онъ славянофилъ, или только консерваторъ въ новѣйшемъ духѣ—Таманцевъ не разглядѣлъ еще. Онъ считается въ уѣздѣ „ханжей“, постится, бываетъ на всѣхъ службахъ, къ своей должности ретивъ, не дерется, не любитъ розогъ, держитъ себя тихо и съ достоинствомъ, въ гости ѣздитъ рѣдко, въ карты не играетъ. Его вообще не любятъ въ уѣздѣ.

Раза два Таманцевъ спорилъ съ нимъ и находилъ всегда въ Сурепинѣ складъ мнѣній и оцѣнокъ, отзывавшійся чѣмъ-то довольно чуждымъ ему, хотя и не прямо враждебнымъ тому, что̀ онъ считаетъ честнымъ и порядочнымъ. На роль дворянства, на школу, на церковь, на „ходячій радикализмъ“—его выраженіе — Сурепинъ смотритъ по-своему. Тонъ у него тихій и скептическій, съ нѣкоторымъ юморомъ, когда рѣчь идетъ о мужикѣ, общинѣ, сходкахъ, волостныхъ дѣлахъ. Въ процессѣ Муражкинской волости онъ скорѣе склоняется на сторону крестьянъ, но когда онъ говоритъ объ этомъ съ Таманцевымъ, то у него въ глазахъ вспыхиваетъ полунасмѣшливый огонекъ. Точно онъ хочетъ сказать: „Какой вы дилетантъ народничества! Но вы сами себя тѣшите и вамъ нравится воображать себя римскимъ трибуномъ“.

Почти навѣрное можно сказать, что онъ не заступится за Авдотью Сосипатрову такъ, какъ бы заступился Таманцевъ, будь онъ самъ земскимъ начальникомъ. Въ дѣла общины онъ не любитъ вмѣшиваться, когда „старики“ что-нибудь рѣшили. Онъ стоитъ за „общѝну“ и слово это произноситъ по-московски, съ удареніемъ на букву „и“. Кажется, его главная забота: поднимать чистоту нравовъ, не допускать частыхъ дѣлежей, искоренять пьянство и подходы посредствомъ водки. Сословнаго задора и чванства въ немъ нѣтъ, но о себѣ лично онъ, кажется, высокаго мнѣнія, о своемъ образованіи и честности. На свою „миссію“ онъ смотритъ все-таки не такъ, какъ интеллигентъ-разночинецъ, а какъ человѣкъ избраннаго меньшинства, если не сословія, которое призвано выполнять высшую патріотическую задачу.

Часамъ къ шести тарантасъ Таманцева подъѣзжалъ къ усадьбѣ земскаго начальника. Она стояла во впадинѣ, между двумя пригорками. Домъ былъ выстроенъ года съ два назадъ, въ стилѣ подгородныхъ дачъ, съ башенкой.

Жидкій цвѣтникъ темнѣлъ передъ фасадомъ. Вся мѣстность смотрѣла уныло и голо.

Въ двухъ верстахъ за пригоркомъ расползлось село съ волостнымъ правленіемъ, самое большое изо всѣхъ селъ участка.

Жуткая тишина стояла вокругъ, когда Таманцевъ въѣхалъ на дворъ. Не видно было никого — ни людей, ни животныхъ. На крыльцо тоже никто не выбѣжалъ на колокольчикъ.

Въ передней разсыльный, одѣтый въ сѣрый казакинъ, расторопный малый съ рѣдкой бородкой, доложилъ ему, что Иванъ Ивановичъ „сейчасъ будутъ изъ волости", и что „они еще не кушали". Барыни не было дома — она уѣхала „въ губернію", какъ сообщилъ гостю тотъ же разсыльный.

Приходилось ждать. Таманцевъ прилегъ на кушетку въ кабинетѣ хозяина. Его сильно растрясло по гатямъ и лѣснымъ колеямъ.

Домикъ былъ отдѣланъ уютно, но внутреннія стѣны стояли еще въ деревѣ. Въ кабинетѣ — узкой комнатѣ съ однимъ шкапомъ и письменнымъ столомъ — почему-то стоялъ запахъ мяты. На одной изъ стѣнъ Таманцевъ разглядѣлъ портретъ графа Толстого, но тотчасъ же про себя замѣтилъ, что Сурепинъ не смахиваетъ на настоящаго толстовца. Шкапчикъ съ книгами — дубовый, подъ воскъ, рыночной работы—изнутри былъ завѣшенъ свѣтлозеленой тафтой. Весь кабинетъ смотрѣлъ комнатой холостяка. Нигдѣ ни папиросныхъ окурковъ, ни пепельницы—Сурепинъ не курилъ. Въ углу, надъ соломеннымъ кресломъ, большой образъ, въ позолоченной ризѣ, съ лампадкой. За женой Сурепинъ взялъ имѣньице; но все тутъ смотрѣло только что безбѣдной жизнью. Вѣроятно, жалованье въ двѣ съ половиной тысячи—большое имъ подспорье, какъ почти всѣмъ тѣмъ, кто идетъ въ земскіе начальники.

„А ты пошелъ бы?" — вдругъ спросилъ себя Таманцевъ, лежа на кушеткѣ, съ закинутыми за голову руками. Этотъ вопросъ еще ни разу не представлялся ему. Такую должность онъ взялъ бы только по принципу, а онъ съ ней еще не помирился, хотя и считалъ ее чрезвычайно важной — особенно по нынѣшнему времени. Въ рукахъ четырехъ дворянъ въ уѣздѣ — вся жизнь крестьянскаго населенія въ полтораста тысячъ человѣкъ,— шутка! Нѣтъ ни одного крупнаго момента въ судьбѣ любого мужика, гдѣ

бы онъ въ великорусской деревнѣ не чуялъ своей связи съ „обществомъ“, а надъ этимъ „обществомъ“ возвышается вотъ такой набольшій, руководитъ совѣстью, правдой, волей и думой каждаго схода и въ селѣ, и въ волости.

„Шутка!“—еще разъ вырвалось у Таманцева въ ту минуту, когда по голосамъ въ передней онъ услыхалъ, что Суренинъ вернулся.

IX.

Въ маленькой столовой самоваръ сталъ уже погасать. Хозяинъ и гость давно сидѣли тутъ, и разговоръ ихъ затянулся.

Суренинъ смотрѣлъ моложаво. Худое лицо съ длиннымъ неправильнымъ обликомъ уходило въ рамку бѣлокурыхъ волосъ, выступавшихъ надъ блѣднымъ лбомъ въ видѣ густого вихра. Брови и вѣки придавали взгляду голубыхъ глазъ мечтательный оттѣнокъ. Борода была раздвоена и темнѣе волосъ на головѣ. Во всей посадкѣ его сухопараго тѣла, въ движеніяхъ, въ поворотахъ головы и въ голосѣ чувствовался еще студентъ.

На немъ широко сидѣла домашняя темная куртка съ стоячимъ воротникомъ.

Таманцевъ пообѣдалъ съ нимъ и болѣе трехъ часовъ они за тѣмъ же столомъ распивали чай. Хозяинъ предложилъ ему переночевать, если они засидятся. Ночь стояла безлунная, а дороги—изъ рукъ вонъ плохія.

— Еще стаканъ?—предложилъ хозяинъ.

— Не довольно ли? Мы и такъ выпили вдвоемъ цѣлый самоваръ,—откликнулся Таманцевъ.

Суренинъ налилъ ему и себѣ.

— Повѣрьте, графъ,—продолжалъ онъ своимъ нервнымъ и слабоватымъ голосомъ,—тамъ, гдѣ, какъ здѣсь, еще силенъ общинный духъ, намъ очень трудно бороться съ крестьянскимъ міромъ.

— Будто? — перебилъ Таманцевъ, прищуривъ одинъ глазъ.

— Увѣряю васъ. На первыхъ порахъ я думалъ, что можно будетъ по-своему вести жизнь волости.

— Да вѣдь вы, Иванъ Ивановичъ, кажется, народникъ и стойте за древніе устои.

Земскій начальникъ весь передернулся.

— Я — совсѣмъ не народникъ въ новѣйшемъ вкусѣ... знаете, какъ у нашихъ радикаловъ. Прошу васъ освобо-

дить меня отъ этой клички, — прибавилъ онъ полушутя, полусерьезно.—Общину я уважаю въ принципѣ, но вовсе не преклоняюсь передъ тѣмъ, что творилось въ деревнѣ подъ прикрытіемъ принципа крестьянскаго самосуда. И до сихъ поръ, ежедневно, я прихожу въ коренное противорѣчіе съ тѣмъ, что сходъ и волостной судъ считаютъ правдой и завѣтомъ отцовъ, ихъ мудростью.

— Вы человѣкъ вѣрующій,— замѣтилъ Таманцевъ, понижая тонъ и наклонивъ голову надъ своимъ стаканомъ.— Стало, вы должны быть заодно съ правдой народа.

— Для меня, графъ,—нервнѣе продолжалъ Суренинъ,— общность вѣры и есть тотъ грунтъ, безъ котораго не было бы никакой связи съ крестьянствомъ. Но его вѣра — хоть и глубокая по чувству — до сихъ поръ двоевѣріе. Христіанская правда затемняется въ его жизни ежечасно, ежеминутно. Въ православныхъ— вы сами знаете — вѣковая принадлежность къ церкви не вошла въ душу каждаго, какъ твердый, вполнѣ выясненный складъ нравственныхъ началъ.

— Господа славянофилы всегда утверждали противное.

— Господа славянофилы,—повторилъ Суренинъ,—ошибались. Вотъ здѣсь водятся духоборцы. Я съ ними бесѣдовалъ. Они отпали отъ вселенской церкви, — Суренинъ выговорилъ эти два слова какъ-то особенно,—но они выработали себѣ твердый кодексъ нравовъ, и нравовъ христіанскихъ, — рядомъ, разумѣется, съ общими догматическими заблужденіями. У нашихъ церковныхъ этого нѣтъ. Евангеліе они не читали совсѣмъ, особенно тѣ, кто теперь значится въ старикахъ. Мужикъ — во многомъ коренной язычникъ. Онъ—рабъ своей нужды, своего вѣкового труда. Онъ—большой матеріалистъ, и не можетъ имъ не быть. Вотъ хоть бы въ дѣлѣ той Авдотьи Сосипатровой, за которую вы меня просили.

— Ну и что же?—рѣзче отозвался Таманцевъ, которому отвѣтъ Суренина, еще во время обѣда, показался слегка уклончивымъ.

— Вы думаете, я защищаю сельскій сходъ? Нимало! Тутъ всѣ характерныя свойства мужицкой души на-лицо: высокомѣрный и враждебный взглядъ на бабу вообще — это первое. А потомъ протестъ противъ слабаго приговора господскаго суда, хотя, быть-можетъ, въ числѣ присяжныхъ были и мужики, или мѣщане, вышедшіе изъ мужиковъ. По этой части я, признаюсь, раздѣляю ихъ чувство.

— Врядъ ли оно христіанское!—возразилъ Таманцевъ.— Христіане всѣхъ миловали.

— Да, но кого? Тѣхъ, кто самъ каялся. А эта Авдотья— я ее знаю немножко,—она стояла и стоитъ на своей невиновности.

— Какъ же иначе?—вскричалъ задорнѣе Таманцевъ.— Коли она была оклеветана своими же односельчанами.

— Кто за это можетъ поручиться, графъ? — спросилъ протяжно Сурепинъ, и его глаза какъ бы затуманились.— Вы развѣ забыли, какъ тогда— въ концѣ шестидесятыхъ годовъ—всѣ увлекались гласнымъ судомъ и какая царила мода всѣхъ оправдывать? Да и до сихъ поръ мы, сплошь и рядомъ, бываемъ возмущены непростительной потачкой присяжныхъ...

— Эту ноту достаточно тянутъ наши ретрограды! — вырвалось у Таманцева.

— Если кто-нибудь изъ тѣхъ, кого вы, графъ, называете ретроградами, возмущенъ тѣмъ, что завѣдомаго мошенника, а иногда и злодѣя, оправдали, — я стану на сторону этого господина въ данномъ случаѣ, и ни передъ кѣмъ не буду стыдиться, ни передъ какимъ радикаломъ.

И, смягчая свою фразу, Сурепинъ прибавилъ:

— Я это говорю помимо всякихъ личныхъ соображеній. Почемъ мы съ вами знаемъ, графъ, какія улики тяготѣли надъ этой самой Авдотьей? Вѣдь между мужиками всегда найдется неглупый народъ, по-своему очень наблюдательный.

— Вы сами знаете, что̀ такое бываютъ приговоры сходокъ. Ведро или два вина — вотъ вамъ крестьянская совѣсть и омрачена!

— Конечно! Но тутъ дѣло идетъ о душегубствѣ... Довольно того, что Авдотья, вернувшись оправданной, осталась для нихъ убійцей мужа... И въ двадцать слишкомъ лѣтъ сложилась легенда. Бороться съ легендой еще труднѣе, да къ тому же и ея знахарство только подливало масла въ огонь. Сходъ формально ее не обидѣлъ, и теперь даже поступаетъ такъ, что мнѣ, какъ земскому начальнику, придется убѣждать ихъ, а не приказывать...

— Выгонять старуху изъ ея избенки! — вскричалъ Таманцевъ.

— Она вамъ всего не сказала. Ея сынъ отъ надѣла своего отказался. Онъ былъ кузнецъ. Свой прежній дворъ они давно продали. Избенку они выстроили съ матерью

совсѣмъ на другомъ мѣстѣ. Въ селѣ—вамъ это извѣстно—уже очень большая недохватка земли. Изъ-за этого и пошли жестокія распри, а съ прошлаго года идетъ и переселенческое броженіе. Словомъ, — закончилъ Суренинъ, допивая свой чай, — и тутъ я, если не хочу насиловать совѣсть схода, не могу дѣйствовать властью, мнѣ данной, во что бы то ни стало.

Онъ отодвинулъ стулъ и поправилъ рукой волосы на лѣвой щекѣ.

— Такъ же точно, графъ,—медленнѣе и менѣе горячо продолжалъ онъ,—и въ вопросѣ о муражкинскомъ обществѣ. Тамъ мужики все-таки побогаче и общинный духъ сильнѣе. Вы приняли въ нихъ участіе во время голодовки, и ваше великодушіе они на первыхъ порахъ цѣнили, а теперь, съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ старшиной господинъ Сусловъ,—онъ выговорилъ эту фамилію съ особой усмѣшкой, — съ ними справу нѣтъ, въ буквальномъ смыслѣ!

— Если вы такъ говорите,—вскричалъ Таманцевъ, вставая изъ-за стола,—то каково намъ-то, простымъ обывателямъ, тягаться съ такимъ милостивымъ государемъ?

— Онъ силенъ и тѣмъ, что состоитъ въ сотнѣ тысячъ; стало, служитъ изъ того, что держитъ сходъ. Вы съ нимъ изволили уже бесѣдовать?

— Всего разъ. Это плутъ, играющій роль защитника и благодѣтеля волости.

— Вы видите, каковъ онъ, и знаете, какой у него языкъ. Этакой Сусловъ превосходно раскусилъ, въ чемъ заключается сила позиціи. Къ начальству отмѣнно почтителенъ, волостными дѣлами занимается въ сущности плутовато, но все-таки лучше другихъ, помогаетъ мнѣ, какъ начальнику, во всемъ, что нужно для обузданія явнаго безобразія нравовъ, но въ дѣлахъ обчественныхъ,—выговорилъ по-мужицки Суренинъ, — онъ горой за сходъ, и старики на него смотрятъ какъ на милостивца и считаютъ его сильнѣйшимъ человѣкомъ въ губерніи,—шутливо добавилъ Суренинъ.—Вѣдь онъ къ волостной-то избѣ подъѣзжаетъ на четверкѣ. Да-съ! Не въ телѣжкѣ парой, какъ заурядный старшина, а на четверкѣ въ рядъ. Нынче во всемъ уѣздѣ никто такъ не ѣздитъ. Мы всѣ—мразь рядомъ съ нимъ, въ глазахъ православнаго „хрестьянства“. Вдобавокъ, на церковь жертвуетъ. На свой счетъ и пожарную часть улучшилъ, за что даже у губернатора на

отличнѣйшемъ счету. Вы понимаете, у такого новѣйшаго буржуа-честолюбца кошки на сердцѣ скребли, оттого что вы стали, по доброй волѣ, хлопотать по претензіи крестьянъ его волости. Онъ долженъ держать это въ своихъ рукахъ, а когда имъ отойдутъ спорныя пустоши,— хотя бы только отъ казны,—онъ ихъ приспособитъ себѣ и сдѣлается тогда уже полнымъ властителемъ всей округи.

Слушая Суренина, Таманцевъ чувствовалъ правду и дѣльность этого заключенія. И вообще земскій начальникъ въ эту бесѣду выяснялся передъ нимъ другимъ человѣкомъ. Онъ не находилъ въ немъ ни изувѣра, ни „дворянчика“ съ высокомѣрнымъ взглядомъ на себя и на крестьянство, ни сентиментальнаго народника съ мистическимъ оттѣнкомъ. Между ними лежала, однако, какая-то черта. Но она уже не мѣшала Таманцеву выслушивать его безъ предубѣжденія и соглашаться почти со всѣмъ, что̀ тотъ говорилъ ему за чаемъ.

— Вы, Иванъ Ивановичъ, все-таки поддержите бѣдную старуху Сосипатрову. Она, право, жалка̀ и выноситъ свое горе-злосчастье съ большимъ достоинствомъ.

— Поддержу, графъ, но не ручаюсь за добрый исходъ. И я—рабъ своей совѣсти, и рѣзкаго вмѣшательства во внутренніе распорядки сельской общины я не допускаю въ себѣ.

„И я бы такъ поступалъ“, — подумалъ Таманцевъ, и ничего не возразилъ.

X.

Часу въ двѣнадцатомъ самоваръ смѣнила закуска. Прислуживалъ все тотъ же разсыльный. И опять они засидѣлись. Таманцеву разговоръ съ земскимъ начальникомъ, когда они перешли на общія темы, казался сначала чѣмъ-то страннымъ. Онъ зналъ, что Суренинъ учился въ университетѣ, но онъ не ожидалъ отъ него такой развитости, такихъ разнообразныхъ знаній и, главное, такой искренней вдумчивости во все, о чемъ онъ размышлялъ и что̀ видѣлъ, и такой же смѣлости сужденій.

Они принадлежали одному и тому же поколѣнію. Но Суренинъ былъ выученикъ русской гимназіи, прожилъ въ Москвѣ около десяти лѣтъ и никогда еще за границу не ѣздилъ. Всѣ его мысли, испытанія, итоги, приговоры были свои, русскіе, и Таманцевъ все яснѣе распознавалъ,

что Сурепинъ учился гораздо основательнѣе, чѣмъ онъ, съ бо̀льшей критикой принималъ идей и воззрѣнія, обязательныя для тѣхъ, кто, какъ самъ Таманцевъ, считаетъ себя передовымъ и свободомыслящимъ, кто любитъ „фрондировать“.

Въ добродушной формѣ, но съ внутреннимъ протестомъ началъ ему разсказывать Сурепинъ, какъ онъ, когда кончалъ курсъ въ гимназіи, много страдалъ отъ „тиранніи“ того направленія, котораго держались товарищи.

— Да вѣдь вы кончали, когда прежній радикальный духъ искоренялся?—спросилъ Таманцевъ съ легкимъ налетомъ ироніи въ тонѣ вопроса.

— Это такъ только кажется, заднимъ числомъ, графъ. По греческому насъ усердно муштровали, но духъ былъ еще изъ семидесятыхъ годовъ. И Боже сохрани, если ты выскажешь что-нибудь свое. Меня воспитала очень вѣрующая мать, святая женщина, — произнесъ онъ сдержанно. — Замѣтили, что я люблю ходить въ церковь:— „Ханжа, идіотъ, Тартюфъ, гасильникъ!“ Сталъ я читать хваленыхъ критиковъ Писаревскаго типа и находить, что они ничего хорошенько не знаютъ и не даютъ мнѣ одни никакого вѣрнаго понятія о тѣхъ писателяхъ, кого ругаютъ: „пошлякъ, ретроградъ, мы тебѣ рожу горчицей вымажемъ!“

— Будто?—усомнился Таманцевъ.

— Увѣряю васъ. И къ концу ученія я въ себѣ замкнулся и никакихъ мнѣній вслухъ не высказывалъ. То же почти продолжалось и въ университетѣ. Тонъ давалъ кто? Краснобаи, брехуны или тупицы, повторяющіе, какъ попугаи, то, что̀ считалось самымъ зажигательнымъ и архи-радикальнымъ. Тутъ я пересталъ стѣсняться и кончилъ тѣмъ, что ни съ кѣмъ дружбы не водилъ, жилъ одиноко. На меня постоянно косились, можетъ-быть, считали даже наушникомъ. Меня сначала возмущала, а потомъ глубоко печалила стадность умовъ и натуръ, полное отсутствіе своего критерія, пошлое франтовство кличками и выдохшимися жалкими словами. И на каѳедрахъ замѣчалось то же поддѣлываніе къ аудиторіи, та же игра въ дешевый либерализмъ. А кто посмѣлѣе, у кого свои взгляды и оцѣнки, кто не ищетъ рукоплесканій, тотъ, разумѣется, обскурантъ, или іезуитъ, или защитникъ Домостроя.

Таманцеву не очень были по душѣ такія рѣчи, но онъ не могъ фактически спорить съ нимъ. Русской аудиторіи

онъ почти что не зналъ и не имѣлъ товарищей въ студенческихъ кружкахъ Петербурга и Москвы.

— Однако, Иванъ Ивановичъ,—остановилъ онъ его,—вы все-таки не станете отрицать того, что теперь мы видимъ вездѣ въ молодыхъ людяхъ отсутствіе всякихъ принциповъ, циническое отношеніе ко всему: ни любви къ родинѣ, ни преклоненія передъ наукой, ни готовности жертвы во имя идеи. Развѣ это не такъ?

— Не знаю-съ,—оттянулъ Суренинъ.—Обобщать трудно. Можетъ-быть, матерія стала заѣдать духъ. Но и тѣ, кто считаетъ себя идеалистами,—панургово стадо. Своего тоже нѣтъ. Вѣчно на буксирѣ первой попавшейся иностранной книжки.

— Эту ноту тянули и блаженной памяти славянофилы!—порѣзче воскликнулъ Таманцевъ и поднялся.

— Не хотите ли перейти въ кабинетъ? Вамъ уже приготовили постель. Если вамъ угодно, мы докончимъ тамъ нашу дискуссію. А здѣсь приберутъ.

Они перешли въ кабинетъ, гдѣ на кушеткѣ постлано было гостю.

— Славянофилы, изволите вы говорить?—началъ Суренинъ, опускаясь въ кресло передъ письменнымъ столомъ.—Да вѣдь они тоже на нѣмецкихъ книжкахъ высидѣли свое ученіе.

— Стало, вы ихъ отрицаете?

— Зачѣмъ? Многое изъ ихъ положеній готовъ повторить. Но вѣдь не одни московскіе мудрецы указывали на то, что наша великая, исконная бѣда въ отсутствіи настоящей исторической культуры. Вы вѣдь, конечно, читали или слышали про барина двадцатыхъ годовъ, ультразападника, да еще впавшаго въ папизмъ, который, набравшись смѣлости, пустилъ въ лицо тогдашней уваровской формулѣ свою глубоко-патріотическую исповѣдь.

Таманцевъ спросилъ про себя: „Кто это такой?“ — и тотчасъ же не могъ отвѣтить.

— Вы не забыли также, что его приказано было офиціально объявить безумнымъ. И въ своей „Апологіи сумасшедшаго“ онъ остался такимъ же убѣжденнымъ, яко бы, клеветникомъ своей націи.

Суренинъ пододвинулъ кресло къ столу и взялъ книгу большого формата.

— Представьте,—продолжалъ онъ, дѣлаясь нервнѣе въ тонѣ, — я какъ разъ перечитывалъ вчера страницы, гдѣ

есть выдержки изъ этого яко бы безумнаго обличителя... Вы позволите пару цитатъ?

— Сдѣлайте милость! — заинтересованно откликнулся Таманцевъ и присѣлъ на постель.

— Вотъ, вотъ: „Мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, мы не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ западу, ни къ востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого...“

— Онъ такъ писалъ по-русски... уже въ Пушкинское время?

— Это переводъ съ французскаго. Я продолжаю: „Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ“.

— Какой парадоксъ!—почти крикнулъ Таманцевъ.

— Настоящимъ образомъ,—вдумчиво выговорилъ Суренинъ, — не коснулось. Прослушайте еще: „Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ...“

— Это, пожалуй, вѣрно!—вырвалось у Таманцева.

— Глубоко вѣрно, графъ. И не только для господъ вѣрно, но и для мужиковъ, для народной массы. А вотъ еще: „Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства“. Поэтому, прибавлю я отъ себя, у насъ или обезьянство, или осмѣяніе всего и вся.

— Кто же этотъ обличитель?

Таманцевъ поборолъ въ себѣ ложный стыдъ, признаваясь, что ему неизвѣстны были строки, прочитанныя Сурениным.

— Вы развѣ не припомнили, графъ? Чаадаевъ! Тотъ баринъ, вернувшійся домой сторонникомъ тогдашнихъ легитимистовъ — де-Мэстровъ и Шатобріановъ. Онъ былъ папистъ, онъ впалъ въ жалкую односторонность, въ ложное толкованіе хода всемірной исторіи; но въ одномъ онъ глубоко правъ и до сихъ поръ: у нашего общества нѣтъ за душой никакого духовнаго наслѣдства. Оно — „безъ вчерашняго дня“! Это тоже Чаадаевское выраженіе.

Хозяинъ поднялся съ кресла.

— Простите, графъ!.. Я васъ совсѣмъ заговорилъ и зачиталъ. Покойной ночи! Завтра и я двинусь. Къ вамъ въ волость попаду послѣзавтра непремѣнно.

— Спасибо, Иванъ Ивановичъ. Сколько интереснаго выслушалъ я.

Таманцевъ крѣпко пожалъ ему руку и проводилъ до дверей.

Когда онъ, раздѣвшись и потушивъ свѣчу, покрывался одѣяломъ, ему пришло на память заглавіе: „Апологія сумасшедшаго“.

„Вотъ и меня, пожалуй, объявили бы сумасшедшимъ, будь это въ Чаадаевское время“.

Для его дяди—генерала Дергунова, для княгини Брянской, для Кэтъ и ея теперешняго мужа Лушкова, для „презрѣнной“ Лилишки Фризенъ, даже для Овчинина и его кислосладкой супруги, онъ тоже сумасшедшій, или „психопатъ“, выражаясь помягче.

Но у того барина двадцатыхъ годовъ была твердая вѣра западника-паписта. А у него? Вотъ уже два года, какъ онъ всей душой льнетъ къ народу, а развѣ его соединяетъ съ этимъ народомъ что-нибудь коренное, кровное, такое, что̀ проникаетъ все существо? У Суренина, хоть онъ и не очень обсахариваетъ мужика, есть такая связь. Вѣра! Онъ не только вѣрующій, но и православный. Суренинъ можетъ показывать примѣръ крестьянству во всемъ, что̀ составляетъ суть Христовой вѣры.

Прошелъ голодъ — и точно порвалась привязка между нимъ самимъ и народомъ. Входить ежедневно въ его жизнь — надо идти въ земскіе начальники, а онъ на это врядъ ли рѣшится по доброй волѣ: есть какая-то задержка. Онъ считаетъ себя слишкомъ независимымъ, чтобы добиваться у губернатора назначенія на такую должность. Въ мужика онъ тоже не превратится; да и какое добро онъ принесетъ волости и уѣзду, если начнетъ жить по-мужицки, пахать и скородить?

Припомнился ему недавній возгласъ его пріятеля доктора Домашнева: „всего проще, Андрей Павловичъ, было бы возвратить всѣ свои угодья крестьянской общинѣ“,— вмѣсто того, чтобы дѣлаться ходокомъ посторонних крестьянъ. Домашневъ этого не добавилъ, но, навѣрное, подумалъ.

„Ну, хорошо, отдать все, а связи-то все-таки не будетъ. И ты самъ останешься „незаконнымъ сыномъ“ общемировой культуры, отродьемъ общества, у котораго „нѣтъ вчерашняго дня“!

Таманцевъ долго лежалъ съ полузакрытыми глазами, и передъ нимъ начала выясняться—сначала въ расплывчатыхъ очертаніяхъ—голова русскаго барина, объявленнаго

сумасшедшимъ, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, за правду, какую и сегодня приходится, въ минуты просвѣтленія, повторять себѣ.

XI.

Май стоялъ уже на дворѣ. Дни плыли за днями незамѣтно для Таманцева въ разъѣздахъ и въ разговорахъ.

Больше двухъ недѣль не видался онъ съ докторомъ Домашневымъ. Тотъ наѣзжалъ аккуратно въ амбулаторію, устроенную Таманцевымъ „у себя“, какъ онъ привыкъ называть, говоря о селѣ, носившемъ его родовое имя. Но въ другомъ концѣ уѣзда объявилась у взрослыхъ диссентерія, а у дѣтей оспа.

Сегодня онъ ждалъ доктора къ завтраку, и столъ уже былъ накрытъ на балконѣ. Утро выдалось особенное: въ палисадникѣ, передъ балкономъ, уже распустились кусты бузины и сирени. И вокругъ баллюстрады вилась каприфолія, готовая уже раскрыть усики своихъ цвѣтовъ.

Таманцевъ жаждалъ „обширной“ бесѣды съ Домашневымъ. Въ послѣдніе десять дней случилось много коечего, что́ хотѣлось обсудить съ пріятелемъ. Только доктора да Глафиру Спиридоновну считалъ онъ людьми, понимающими его.

У себя „на порядкѣ“, какъ онъ называлъ по-крестьянски, и въ волости у него пошли нелады. И земскій начальникъ, и онъ самъ просили таманцевскихъ стариковъ оставить въ покоѣ Авдотью Сосипатрову. Сходъ уступилъ, и плутоватый староста Терентій Малыгинъ два раза являлся къ нему въ усадьбу съ выраженіемъ своей готовности—„въ кажнемъ разѣ отстоять старуху“. Но причину его яко бы усердія не трудно было распознать: онъ нанималъ у барина всего больше земли и хотѣлъ задобрить его, чтобы по осени начать „канючить“ насчетъ сбавочки. Не прошло и двухъ дней, какъ Авдотья опять пришла просить о защитѣ. Изъ избенки старики прямо ее не гонятъ, но какіе-то „охальники“ ночью выбили у нея всѣ стекла и на дворикѣ разнесли сарайчикъ, гдѣ, по счастью, ничего не хранилось. Старуха повторяла, что коли на то пошло, и ни земскаго, ни барина горлопаны не слушаютъ—лучше ей пойти „въ кусочки“.

Ея благородный тонъ и какая-то трагическая безпомощность снова взволновали его. Онъ тутъ же предложилъ Авдотьѣ поступить къ нему „во дворъ“, чтобы

ходить „въ ключахъ“. Ключницы у него какъ разъ не было, и Лаврентій уже поговаривалъ, что надо бы взять женщину для присмотра. Авдотья оговорилась — очень умно и съ достоинствомъ, — что она простая крестьянка и вокругъ барскаго добра давно не обращалась. Однако, согласилась и опять хотѣла отдать барину земной поклонъ, до чего онъ ее не допустилъ. Она уже съ недѣлю живетъ въ людской, оказалась очень толковой и вызвалась даже помогать черной кухаркѣ. Лаврентію Таманцевъ внушилъ, для передачи всѣмъ дворовымъ и работникамъ, чтобы старуху ни въ чемъ не обижать. Мужики, желая себя выгородить и передъ бариномъ, и передъ начальствомъ, избенку Авдотьи заколотили и никому ее не отдали: „Сама, молъ, ушла, да никто и не позарится жить тамъ, гдѣ она съ *шайтаномъ* водилась“; эти деревенскіе разговоры дошли и до Таманцева.

Гораздо чувствительнѣе для него было то, что́ онъ нашелъ въ волости. Новый старшина Сусловъ пригласилъ въ правленіе главныхъ стариковъ и сталъ, въ ихъ присутствіи, говорить „отъ имени всего общества“. Говорилъ онъ по формѣ, почтительно, но съ разными ужимками и усмѣшками переглядываясь съ двумя стариками, которыхъ Таманцевъ и прежде подозрѣвалъ въ непріязни къ себѣ: они сами мѣтили въ ходоки, и онъ у нихъ отнялъ возможность на этомъ хожденіи поживиться. Старшина сначала отблагодарилъ его, а потомъ сталъ уже явно обвинять въ томъ, что онъ не такъ повелъ дѣло „столь великой важности“, и хотя казна теперь и соглашается уступить имъ часть пустошей, но два владѣльца вывернулись, потому что у нихъ были „настоящіе ходатаи“. Двое стариковъ, враждебныхъ Таманцеву, уже довольно безцеремонно загалдѣли послѣ старшины, — что, молъ, „обчество“ и въ тѣ поры не пожалѣло бы ничего, чтобы нанять адвоката, тогда какъ годъ тому назадъ они еще голодали и „всѣмъ міромъ“ пришли ему „бить челомъ“, и даже писарь прочиталъ ему вслухъ сочиненное имъ просительное обращеніе всей волости.

Изъ-за этого писаря, по фамиліи Квасовъ, вышло тоже нѣчто весьма неловкое и для Таманцева прямо обидное. Писарь былъ пьянчужка и плутоватый, но не глупый и отлично знакомый съ подробностями тяжебнаго дѣла волости. Его часто приглашалъ къ себѣ Таманцевъ; разумѣется, давалъ ему закусить и угощалъ водкой. Но-

вый старшина вытурилъ Квасова на первыхъ порахъ, найдя серьезныя неисправности и даже кое-какія растраты, по которымъ писарь могъ попасть и подъ судъ.

Въ концѣ засѣданія старшина Сусловъ сдѣлалъ намекъ на то, что „его сіятельство слишкомъ довѣрялъ такому жулику, какъ Петька Квасовъ“,—и мужики, настроенные старшиной, загалдѣли въ томъ же духѣ, иные шуточками, а иные и довольно язвительно.

Чтобы прекратить такіе обидные для себя „дебаты“, онъ заявилъ, что если старики находятъ ненужнымъ его дальнѣйшее ходатайство,— они могутъ уничтожить свою довѣренность, но что онъ хлопоталъ, насколько умѣлъ, и желаетъ господину Суслову всякаго успѣха, какъ ихъ новому ходоку. Старшина хотѣлъ-было смазать все это благодарностью, отъ имени всей волости, но Таманцевъ не далъ ему договорить возгласомъ: „Довольно, любезнѣйшій! Безъ васъ Муражкинская волость цѣпила то, что я, по доброй волѣ, вызвался помочь ей. Никто не мѣшалъ вамъ, два года тому назадъ, принять участіе въ бѣдѣ вашихъ земляковъ“.

Старшина озлился, но не посмѣлъ ничего возразить. Черезъ нѣсколько минутъ, возвращаясь домой, Таманцевъ уже искренно жалѣлъ о томъ, что вспылилъ и сталъ считаться съ такимъ ловкачомъ, какъ Сусловъ, — и передъ стариками.

Конечно, по уѣзду уже разнеслась его „осѣчка“, и всѣ, кто его недолюбливаетъ, смѣются надъ игрой въ благодѣтели скучающаго барина-выскочки. Ходатайство велъ онъ, пожалуй, какъ „дилетантъ“, но ничего не напортилъ. Напротивъ, благодаря участію его товарища Овчинина, дѣло приняло другой оборотъ, благопріятный крестьянамъ. А претензіи волости противъ двухъ частныхъ владѣльцевъ—особая статья, и эти два дѣла получили бы другое направленіе, разъ казна, хотя и на половину, признала бы претензіи крестьянъ серьезными.

Для него прискорбно было то, что онъ оттѣсненъ отъ муражкинцевъ такимъ „жохомъ“, какъ Сусловъ. Онъ не удостоился даже простого мужицкаго спасибо. Настроеніе стариковъ было недовѣрчивое, больше того—полунасмѣшливое, безцеремонное, за которое стоило бы, будь онъ человѣкъ другихъ нравовъ, разругать ихъ ругательски и швырнуть имъ ихъ довѣренность.

Поджидая сегодня доктора Домашнева, онъ почти на-

вѣрное зналъ, что тому уже разсказали про его „асажé“,— какъ уѣздные остряки называли всякое такое столкновеніе,—и разсказали навѣрное у Кувшинковыхъ, куда докторъ могъ заѣхать по дорогѣ.

Скрывать онъ ничего не станетъ, и первый заговоритъ о муражкинцахъ, хотя это будетъ ему очень непріятно. Ни обвинять, ни оправдываться онъ не желаетъ, но и молчать не намѣренъ передъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ Домашневъ.

На балконѣ столъ былъ уже совсѣмъ накрытъ, и Лаврентій, бросивъ на него послѣдній взглядъ, пододвинулъ графинъ къ срединѣ и переставилъ горчичницу. Къ доктору онъ благоволилъ, но вообще, по его мнѣнію, баринъ живетъ въ деревнѣ „зря“, не по своему „сану“, и слишкомъ много „якшается съ мужичьемъ“.

— Лаврентій! — окликнулъ его Таманцевъ въ отворенное окно кабинета.—Иди встрѣчать Илью Ефимовича!

— Слушаю!—пѣвуче отвѣтилъ Лаврентій, и неторопливо пошелъ черезъ гостиную и залу.

Колокольчикъ заливался уже позади надворныхъ строеній, внизу, на спускѣ къ оврагу, гдѣ довольно длинный мостъ почти каждый годъ срывали весеннія воды. Таманцевъ подумывалъ построить каменный. Это было на его, а не на крестьянской землѣ.

Таманцевъ любилъ бодрый и благодушный тонъ Домашнева; ему нравился и его мягкій басокъ. Въ его дикціи была какая-то музыка. Возражалъ онъ охотно, нерѣдко горячился. Да у нихъ и не случалось почти никогда принципіальныхъ преній. Все, что Домашневъ находилъ „неладнымъ“ и „свинскимъ“ въ уѣздѣ — то возмущало или огорчало и Таманцева. И когда ему приходила какая-нибудь „идея“ на пользу крестьянству, онъ сейчасъ же дѣлился ею съ Домашневымъ. Передъ докторомъ привыкъ онъ изливаться и когда рѣчь заходила о Петербургѣ. Тотъ зналъ, въ общихъ чертахъ, и про его неудачную любовь, но самъ никогда ни о чемъ не допытывался. Его тактъ Таманцевъ считалъ рѣдкимъ даже и въ болѣе воспитанныхъ людяхъ.

XII.

— Илья Ефимовичъ! Наконецъ-то!

Таманцевъ встрѣтилъ доктора въ дверяхъ гостиной и протянулъ ему обѣ руки.

Домашневъ, на видъ гораздо старше его, ростомъ приходился ему повыше бровей, довольно полный, съ широкой грудью, уже лысый. Лицо было загорѣлое, русая борода подстрижена, свѣтло-каріе глаза полузакрыты; въ толстоватомъ носѣ и губахъ что-то милое; зубы еще сохранились.

На немъ свободно сидѣла парусинная пара и воротничокъ рубашки онъ носилъ отложной.

— Совсѣмъ пропали! Идемте на балконъ. Завтракъ готовъ. Лаврентій, подавай! — крикнулъ Таманцевъ, беря Домашнева за талію.

— Все путался по уѣзду, — говорилъ докторъ уже за столомъ, пропуская рюмку водки.

Онъ произносилъ слова не на *онъ*, а московскимъ мягкимъ говоромъ.

Таманцевъ поглядѣлъ на него и подумалъ:

„Знаетъ онъ про мое прощаніе съ муражкинскими мужиками?“

Спросить тутъ же онъ не разсудилъ, хотя ему очень захотѣлось сейчасъ же перейти къ пріятельскимъ изліяніямъ.

— У васъ не звенѣло въ ушахъ, графъ, вчера къ вечеру?—спросилъ Домашневъ и подмигнулъ.

„Графомъ“ онъ обыкновенно не звалъ Таманцева, и это того немного удивило.

— Нѣтъ, а что? Мои косточки перебирали?

— Ночевалъ я у Кувшинковыхъ. И туда пожаловалъ нашъ многоуважаемый и святѣйшій Иванъ Ивановичъ.

Губы доктора сложились въ гримасу.

— Не ожидалъ я, что вы съ нимъ такъ ладите, Андрей Павловичъ. Онъ такой вамъ диѳирамбъ произнесъ. И, Боже мой! Мы всѣ диву дались.

— А интеллигентный коммерсантъ, разумѣется, прохаживался на мой счетъ?

— Не скажу, чтобы очень. А впрочемъ, сора изъ избы не буду выносить. Только меня удивило, какъ вы можете съ этимъ святошей хлѣбъ-соль водить. Онъ разсказывалъ, что вы у него ночевали, и у васъ разговоръ тянулся съ обѣда до поздней ночи. Правда это?

— Правда,—отвѣтилъ Таманцевъ,—и что же въ этомъ такого невозможнаго? Онъ гораздо интереснѣе, чѣмъ я думалъ прежде.

— Ну, батенька! — перебилъ Домашневъ и щелкнулъ

языкомъ. — Самая промозглая смѣсь ханжества, классицизма и умничанья на славянскій аршинъ.

— Подождите, Илья Ефимовичъ!—горячѣе откликнулся Таманцевъ.—Ханжества я въ немъ не вижу, по крайней мѣрѣ, въ разговорѣ.

— Помилуйте! Онъ началъ такое благочестіе по всѣмъ волостямъ вводить и цѣломудріе, что̀ твой блаженной памяти Руничъ или Магницкій и другіе гасильники земли русской.

— Можетъ-быть! Славянофильства я въ немъ не нашелъ. У него есть своеобразный взглядъ и на всю нашу культуру, и на народъ. Ужъ коли пошло на откровенности, Илья Ефимовичъ, то вы—гораздо болѣе мистическій народникъ, чѣмъ Суренинъ.

— Я мистикъ? — закричалъ докторъ и расхохотался.

— Въ томъ-то и дѣло, — продолжалъ настаивать Таманцевъ, — что въ васъ, какъ во всѣхъ людяхъ вашей генераціи, вѣра въ науку, отрицаніе всякаго откровенія и всякой метафизики уживаются съ чувствомъ къ народу, въ которомъ есть много мистическаго. Я называю мистическимъ все, что̀ не отвѣчаетъ неподкрашенной правдѣ. А Суренинъ смотритъ на народъ трезво, да вдобавокъ у него съ нимъ есть прямая связь, бо̀льшая, чѣмъ у насъ съ вами.

— Вотъ тебѣ разъ! Хватили!

Возгласъ доктора показался Таманцеву, едва ли не въ первый разъ, слишкомъ безцеремоннымъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія!—выговорилъ онъ твердо, и лицо его стало хмуриться.—Онъ—вѣрующій.

— Экая сласть!

— Не въ этомъ вопросъ, милѣйшій Илья Ефимовичъ. Предоставимъ каждому имѣть свой символъ вѣры. Не въ этомъ сила! А въ томъ, что мы съ вами можемъ полагать всю душу на православное „хрестьянство“, — произнесъ онъ съ удареніемъ, — но мы съ нимъ держимся разной вѣры. А для народа вся его мораль и философія сводятся къ тому, что̀ и земскій начальникъ Суренинъ считаетъ высшимъ закономъ.

— Это не суть важно, Андрей Павловичъ!—вскричалъ докторъ, и брови его, въ первый разъ, сдвинулись.—То, что̀ для насъ съ вами добро и правда, то должно быть добромъ и правдой и для него. Небось, крестьянинъ

отлично понимаетъ, кто его друзья, и кто — только мудритъ и изувѣрствуетъ.

— Не думаю, чтобы Сурепинъ, какъ вы говорите, изувѣрствовалъ. Онъ, кажется мнѣ, натура скорѣе мягкая и, по принципу, очень терпимая.

— Да что вы его какъ медомъ обмазываете! Это даже смѣху подобно. Право! Стóитъ съ нимъ два слова перемолвить, чтобы почуять, какимъ онъ ликейскимъ классицизмомъ пропахъ.

— Что жъ!—такъ же горячо возразилъ Таманцевъ.—И прекрасно, что онъ цѣнитъ свою классическую выучку. Я начинаю искренно жалѣть о томъ, что кое-какъ учился древнимъ языкамъ. Сколько бы я себѣ чудесныхъ минутъ доставилъ на деревенскомъ досугѣ, если бъ свободно понималъ въ подлинникѣ Софокла или Аристотеля, или любезнаго сердцу всѣхъ научниковъ, какъ вы, Лукреція, автора поэмы о природѣ.

— Вотъ не было печали! — тряхнувъ головой, вскричалъ Домашневъ и громко расхохотался. — Это гнилой дилетантизмъ! Тутъ повсюду невѣжество, безурядица, кулачество, эпидеміи, полнѣйшая безпомощность, а вы предлагаете ходить по комнатамъ и вслухъ валять, съ надлежащей скандировкой, изъ „Иліады“! Что вы, ваше сіятельство! Въ самомъ дѣлѣ, въ васъ нашъ ханжа елея своего влилъ малую толику!

Въ возгласахъ и тонѣ пріятеля Таманцевъ впервые заслышалъ раздраженіе и слишкомъ явную нетерпимость. Причина была на ладони: какъ могъ онъ, графъ Таманцевъ, считающійся „радикаломъ“, находить, что земскій начальникъ Сурепинъ — совсѣмъ не такой изувѣръ и гасильникъ, какимъ доктору желательно считать его?

Домашневъ—добрый и честный малый, преданный дѣлу, безкорыстный и жалостливый къ народу, — все это такъ. Но онъ, хоть и не кичится тѣмъ, что когда-то „пострадалъ“, однако считаетъ себя непогрѣшимымъ и смотритъ на такихъ людей, какъ Таманцевъ, какъ на „барчатъ“, которыхъ надо контролировать, не позволять имъ никакихъ отклоненій отъ извѣстнаго „credo“.

Чувствовалось и то, что Домашневъ знаетъ про его „осѣчку“ съ муражкинскими мужиками. Въ глазахъ у него два-три раза что-то мелькнуло особенное.

И чтобы разрѣшить это подозрѣніе, Таманцевъ, мѣняя тонъ разговора, спросилъ его:

— Слышали, конечно, и про то, какъ обошлись со мной муражкинцы?

Докторъ не сразу отвѣтилъ, даже сжалъ губы.

— Слышалъ, — выговорилъ онъ, поводя головой вбокъ.

— И что̀ скажете, Илья Ефимовичъ?

— Новый старшина—порядочная каналья и большой честолюбецъ. Онъ мѣтитъ въ члены управы и непремѣнно попадетъ. Это, конечно, его каверзы. Но вамъ-то что же изъ того? И наплевать! Вѣдь вы не изъ-за того были добровольнымъ ходокомъ, чтобы они вамъ адреса̀ подносили и молебны за васъ служили? И пущай ихъ!

Все это Домашневъ выговорилъ въ пріятельскомъ, добродушномъ тонѣ, но Таманцевъ распознавалъ что-то недосказанное.

— Плакать не буду... Но это хорошенькая иллюстрація къ вопросу о крестьянской душѣ.

— Вотъ вы сейчасъ и по-господски запѣли, ваше сіятельство!

Появленіе Лаврентія съ новымъ блюдомъ прервало разговоръ на нѣсколько минутъ. Возгласъ доктора кольнулъ Таманцева сильнѣе, чѣмъ, быть-можетъ, онъ самъ ожидалъ.

— Къ чему тутъ приплетать то, что я дворянинъ? — началъ онъ, когда они остались вдвоемъ.—Будь я разночинецъ или даже мужикъ—самый фактъ остался бы все такимъ же...

Онъ искалъ менѣе рѣзкаго слова.

— Поучительнымъ,—добавилъ отъ себя Домашневъ.

— Для кого?—вскричалъ Таманцевъ, и въ эту минуту внутри у него вздрогнуло, какъ всегда, когда онъ былъ близокъ къ „разносу“.

XIII.

Стало такъ тепло, что они сошли въ палисадникъ послѣ завтрака. Домашневъ, безъ картуза, раскраснѣлся отъ ѣды, вина и разговора и прилежно затягивался крѣпчайшей папиросой. Таманцевъ повелъ его въ старую бесѣдку, въ формѣ дернового грота, куда Лаврентій подалъ имъ кофе.

За завтракомъ не вышло особенно рѣзкаго спора, но что-то какъ бы надорвалось. Никогда раньше такъ ясно не всплывало въ тонѣ Домашнева сознаніе коренной разницы между собою и „радикальнымъ бариномъ“, какъ

называютъ въ уѣздѣ графа Андрея Павловича. Приходилось раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, испытывать то, на что жаловался ему земскій начальникъ, когда говорилъ о нетерпимости своихъ товарищей, гимназистовъ и студентовъ-однокурсниковъ.

Развѣ это не то же самое? Стòило вамъ найти, что земскій начальникъ — человѣкъ далеко не заурядный и очень убѣжденный, и вашъ демократическій пріятель уже взбѣшенъ: онъ не можетъ вамъ простить такой оцѣнки; она для него—точно личное оскорбленіе. Помилуйте! Богомоленъ, классикъ, не признаетъ авторитета такихъ-то журналовъ и газетъ, не ругаетъ того, чтò каждый „порядочный человѣкъ“ обязанъ пòходя ругать!..

Возвращаться къ этой темѣ Таманцевъ боялся, но въ немъ бродило жуткое чувство не то огорченія, не то обиды.

Докторъ, довольно некстати, заговорилъ опять о муражкинскихъ крестьянахъ и ихъ новомъ старшинѣ, и сталъ доказывать, что такой Сусловъ, будь онъ хоть „протоканалья“, все-таки ближе къ интересамъ волости, особенно, если онъ честолюбивъ и мѣтитъ выше должности волостного старшины.

Согласиться съ этимъ Таманцевъ не могъ, но въ споръ не вдавался.

— Однако, Илья Ефимовичъ, — возразилъ онъ, наконецъ, доктору,—нельзя же ставить рядомъ *кошатниковъ*, пробравшихся въ мужицкіе заправилы, и людей, которые не имѣютъ никакихъ личныхъ замысловъ—ни денежныхъ, ни тщеславныхъ?

Вопросъ вырвался невольно, и онъ тотчасъ же пожалѣлъ, что сказалъ это. Докторъ отпилъ изъ чашки и, выйдя на дорожку изъ-подъ грота, широко разставилъ ноги и заговорилъ рѣзче обыкновеннаго.

— Въ томъ-то и бѣда для людей вашего сословія, Андрей Павловичъ, что нѣтъ у нихъ собственной настоящей жизни. Вы знаете, я не толстовецъ, а все-таки вмѣстѣ съ сіятельнымъ вѣроучителемъ укажу на то, какъ высшій классъ вездѣ, въ столицѣ и въ провинціи, точно замаливаетъ свои грѣхи разными затѣями въ пользу меньшей братіи... Спектакли, балы, лотереи, подписки, ясли, пріюты. У насъ, молъ, самихъ нѣтъ никакого своего коренного дѣла, такъ, молъ, хоть этимъ позабавимся! Явное признаніе своего нравственнаго банкротства... А?!

Домашневъ вскинулъ головой и задорно посмотрѣлъ на Таманцева.

Тотъ сразу покраснѣлъ и также вышелъ на дорожку.

— Вы это вообще, или тутъ прямой намекъ на меня?— полушутя спросилъ Таманцевъ.

— Зачѣмъ сейчасъ и на личности переходить, графъ? Но если позволите быть вполнѣ откровеннымъ — и ваша трагедія заключается въ томъ же.

— Почему же трагедія?

— Не будемъ придираться къ словамъ. Не можетъ быть, чтобы вы сами не начинали сознавать это. Въ васъ и великодушіе, и доброта, и желаніе помогать народу,— а все какъ-то не ладится. Вотъ вы считаете себя обиженнымъ муражкинскими мужиками. А разберите хорошенько—отчего все это? Оттого, что вы, какъ человѣкъ, принадлежащій къ высшему сословію, стойте надъ міромъ заботъ, нуждъ и треклятыхъ вопросовъ. Вы — благодѣтель. Или добровольный ходокъ! Но тутъ и выползаетъ скорпіонъ...

— Я знаю, какой!—перебилъ его взволнованно Таманцевъ. — Вы уже проговаривались: вмѣсто того, чтобы за чужихъ мужиковъ хлопотать — отдайте свои угодья бывшимъ крѣпостнымъ. Не такъ ли, Домашневъ?

— Коли угодно, графъ, — въ родѣ этого. Но я не на этомъ настаиваю. По доброй волѣ никто не станетъ разоряться, да и врядъ ли этимъ однимъ достигнешь цѣли. Главная суть не въ этомъ. Вы сами, какъ человѣкъ, сѣвшій на землю, будь вы даже не столбовой дворянинъ, а разночинецъ, получившій земельное состояніе по наслѣдству, должны самому себѣ создать кровное дѣло. И такое, чтобы безъ него ни деревнѣ, ни уѣзду нельзя было жить. Вотъ гдѣ загвоздка!

— И такого дѣла у меня нѣтъ, хотите вы сказать?— спросилъ Таманцевъ.

— Я вѣдь не сбирался вамъ нотаціи читать, Андрей Павловичъ!—докторъ протянулъ ему руку.—Такъ вышло по разговору. Не можетъ быть, чтобы вы сами не чувствовали этого. И вы кончите тѣмъ, что найдете себѣ коренное дѣло, если вы дѣйствительно облюбили наши палестины.

Эти слова Домашневъ выговорилъ добродушно и тепло. Таманцевъ готовъ былъ простить ему такое учительство и, помолчавъ, сказалъ вдумчиво и тихо:

— Можетъ-быть, я и какъ просто человѣкъ не придусь въ нашемъ уѣздѣ ко двору, даже если и выберу себѣ коренное дѣло, какъ вы называете, Илья Ефимовичъ. Хозяина такого заправскаго,—произнесъ онъ съ усмѣшкой,—вотъ какъ сосѣдка моя Клавдія Спиридоновна,—изъ меня не выйдетъ.

— Это вѣрно,—подтвердилъ, весело подмигнувъ, Домашневъ.

— А въ земскіе начальники меня не пустятъ.

— Да вамъ и не полагается, ваше сіятельство, руки марать.

— Что же остается? Отдать землю, лѣсъ и луга крестьянскому обчеству села Таманцева и начать по-мужицки пахать землю?

— Что жъ? Право, послѣднее не глупо. И не будь я врачъ—гляди, самъ бы сталъ пахаремъ!

— И изъ дѣльнаго, любимаго всѣмъ уѣздомъ, врача превратились бы въ ординарнаго народника-сектанта!—вскричалъ Таманцевъ.

Докторъ посмотрѣлъ на часы и неодобрительно тряхнулъ головой.

— Батюшки! Пора и на село. Заболтались мы здòрово! Эхъ, ваше сіятельство!—вскричалъ онъ, хлопнувъ Таманцева по плечу. — Какъ тамъ ни ковыряйте свою дворянскую душу, а быть вамъ предводителемъ!.. И разлюбезное будетъ дѣло!

Онъ пожалъ ему руку и ускореннымъ шагомъ пошелъ къ балкону. На село онъ отправился пѣшкомъ. Тамъ его ждала таратайка у крыльца домика, гдѣ, на средства графа, была устроена амбулаторія.

Что-то напѣвая, Домашневъ повторялъ про себя:

„Такъ-то, братъ, не прогнѣвайся. Я тебѣ правду-матку отрѣзалъ. Съ мужикомъ надо умѣючи въ покровители играть. Да и ханжу Суренина нечего обмазывать медомъ. Такъ-то!“

Онъ уже поднялся вверхъ по крутому спуску на порядокъ села, а Таманцевъ все еще сидѣлъ въ гротѣ на дерновой скамьѣ, опустивъ голову, и смотрѣлъ, какъ у него подъ ногами муравьи копошатся около какого-то комòчка, который они хотятъ доставить на себѣ до своей кочки.

Голосъ доктора, его возгласы, смѣхъ, мораль, какую онъ прочелъ ему, оставили въ немъ жуткое недомоганіе.

Развѣ тотъ не правъ? Не слѣдовало бы брать такой безцеремонный тонъ, но правды тутъ много. Такъ сидѣть въ деревнѣ „съ боку припеку“—нельзя.

А давно ли, всего полтора года назадъ, какая выдалась чудесная полоса жизни! Минуты не было свободной, недѣли и мѣсяцы проходили въ постоянной заботѣ, объѣздахъ, распоряженіяхъ, надзорѣ за столовыми и ихъ хозяйствомъ, въ перепискѣ и сношеніяхъ съ должностными лицами уѣзда и губернскаго города.

„Неужели, — съ горечью подумалъ онъ, — только что-нибудь роковое, въ родѣ голода или мора, и можетъ связать тебя съ землей?“

Но вѣдь и тогда онъ не выходилъ изъ роли благодѣтеля, добровольнаго „кормильца“, какъ называютъ мужики. Вѣдь и на это можно посмотрѣть, какъ на доказательство того, что у баръ нѣтъ своего кровнаго дѣла. Мужикъ походилъ въ даровую столовую, перетерпѣлъ бѣду, обсѣялся, вздохнулъ—и опять онъ охваченъ все той же деревенской страдой. И опять онъ дѣлается первымъ „кормильцемъ“ всей русской земли.

Полная тишина въ палисадникѣ и вокругъ дома стала смущать Таманцева, когда онъ проходилъ изъ грота на террасу. Одиночество и досугъ пугали его.

XIV.

Свѣтло-рыжая лошадка бѣжала дробной рысью, помахивая то короткимъ хвостомъ, то подстриженной гривой. Упряжь на ней была венгерская, съ бубенчиками и двумя шелковыми хвостами по бокамъ узды. Тильбюри, низкое и широкое, катилось по довольно ровной дорогѣ въ перелѣскѣ, гдѣ по обѣ стороны шли пестрыя полосы крестьянскихъ хлѣбовъ, ячменя, овса, кое-гдѣ льна. На солнцѣ разные хлѣба отливали то сизымъ колеромъ, то свѣтло-зеленымъ, то дымчато-желтоватымъ, съ головками мака, васильковъ, куриной слѣпоты и кое-гдѣ кашки. Кругомъ стояла полуденная тишь; только откуда-то, съ низины, доносился одинъ рѣжущій звукъ всего одной птицы.

Глафира Спиридоновна правила рыжей лошадкой, подавшись немного впередъ. Она ѣхала одна къ Кувшинковымъ. До нихъ считалось не больше двѣнадцати верстъ, и она всегда дѣлала этотъ конецъ на своемъ пони въ часъ съ небольшимъ.

Ея высокую грудь и гибкую талію обтягивало свѣтлое

платье съ узоромъ цвѣточками и кружевной отдѣлкой на плечахъ. Все лицо уходило въ кружева большой шляпки, спускавшіяся ободкомъ вокругъ всего борта, и оттуда ея бархатные глаза смотрѣли точно изъ-подъ балдахина.

Сегодня Клавдія, когда она сошла отъ себя проститься съ нею, оглядѣвъ ея туалетъ и поведя своими толстоватыми губами, выговорила вопросительно:

— Небось, *онъ* будетъ?

— Ахъ, Клавдинька! — откликнулась Глафира и чуть не покраснѣла.

„Его“ она дѣйствительно разсчитывала увидѣть у Кувшинковыхъ. Она помнила, что онъ сбирался къ нимъ и все еще у нихъ не былъ, на что и мужъ, и жена начинали дуться. Почему-то она была увѣрена, что сегодня—воскресенье—онъ непремѣнно будетъ у сосѣдей.

До нея дошли слухи о размолвкѣ Таманцева съ муражкинцами. Вѣсть занесъ къ нимъ становой. Онъ поносилъ мужиковъ и Суслова, такъ что ей было сначала даже пріятно, но когда становой уѣхалъ и она все сообразила, обида за любимаго человѣка кольнула ее прямо въ сердце. То-то пойдетъ теперь злорадное шипѣніе по всему уѣзду! Къ Кувшинковымъ она медлила ѣхать — не хотѣла рисковать рацеями Прова Провыча. Онъ, конечно, земли подъ собой не чуетъ отъ затаенной радости, что его „конкурентъ“ потерпѣлъ фіаско въ своей „графской фанаберіи“, въ желаніи играть роль „непрошеннаго благодѣтеля“. Ея пріятельница, Ксенія Ефремовна, уже присылала къ ней записку съ нарочнымъ и пеняла на то, что они ее такъ давно не видятъ у себя, а сама отговаривалась тѣмъ, что у ея Манички „зубки“ и она очень тревожна.

Цѣлые два дня Глафира была подавлена. Клавдія стала ее успокаивать, просидѣвъ у нея за полночь на кровати.

— Это его отрезвитъ,—говорила ей Клавдія.—Теперь онъ не будетъ такъ усердствовать. Надо, чтобы къ нему приходили на поклонъ. Дворянскіе выборы не за горами. И пожелай онъ, навѣрно попадетъ въ предводители, а эта должность теперь не шуточная.

Сегодня она проснулась радостная. За него больше не щемитъ на сердцѣ. Экая важность, что мужики, въ своей „черствой неблагодарности“, не умѣли оцѣнить его великодушіе и прямо поступили „какъ чушки“ — припомнилось ей выраженіе станового.

Она миновала перелѣсокъ и выѣхала опять въ сосновый боръ. Оставалась всего одна верста до усадьбы Кувшинковыхъ. Тутъ уже начинались владѣнія „интеллигентнаго купчишки“.

Цѣлый уголъ уѣзда принадлежалъ теперь купцамъ: Кувшинковы, онѣ съ сестрой владѣли двумя бывшими дворянскими угодьями. Надо бы ей радоваться этому, а она совсѣмъ иначе настроена. Если земля, по праву, принадлежитъ тому, кто на нее сѣлъ и распахалъ ее, то купцы—такіе же узурпаторы, какъ и дворяне. Но коренные вотчинники, предки такихъ дворянъ, какъ графъ Андрей Павловичъ, были служилые люди. Тѣ ходили на войну, получали помѣстья за ратное дѣло. У ихъ потомковъ все-таки есть больше правъ на земельныя угодья, чѣмъ у такого вотъ Кувшинкова, „тятенька“ котораго былъ извѣстный ростовщикъ. Или Сусловъ, сынъ кабатчика, самъ барышникъ и винный складчикъ, скупщикъ лѣса на срубъ, стало-быть, коренной врагъ народнаго богатства.

И чѣмъ ближе подъѣзжала Глафира Спиридоновна къ усадьбѣ Кувшинкова, тѣмъ все непріязненнѣе она себя чувствовала противъ этого „выскочки“ и „интригана“. Въ послѣднее время и жена его, Ксенія Ефремовна, стала казаться ей гораздо суетнѣе и тщеславнѣе. Ея передовыя стремленія не прикрываютъ ли постояннаго желанія казаться настоящей барыней? И безъ того она любитъ „французить“, слишкомъ старательно избѣгаетъ всего, что́ могло бы напомнить о купеческомъ происхожденіи.

При самомъ выѣздѣ изъ лѣса, на плоскомъ пригоркѣ показалась усадьба Кувшинковыхъ — барскій домъ, перестроенный новымъ владѣльцемъ, со старой липовой аллеей, ведущей прямо къ крыльцу. На нѣсколькихъ десятинахъ раскинулись службы, скотный дворъ, казармы для рабочихъ, рига, конюшни, амбары. Все было каменное, новое, а деревянныя строенія всѣ крытыя желѣзомъ: настоящая барская усадьба съ образцовымъ хозяйствомъ, самая эффектная, по виду, во всемъ уѣздѣ. Сестра ея Клавдія находитъ, что Провъ Провычъ—болѣе „франтъ“, чѣмъ настоящій хозяинъ, что онъ всадилъ больше ста тысячъ въ свое обзаведеніе затѣмъ только, чтобы заткнуть за поясъ всѣхъ дворянъ, занимающихся агрономіей, и говорить съ пренебреженіемъ о своемъ сосѣдѣ, графѣ Таманцевѣ, и его „сиротскомъ хозяйствѣ“.

По утрамбованному щебню аллеи подкатила Глафира Спиридоновна къ крыльцу съ парусиннымъ навѣсомъ. Встрѣчать ее выбѣжалъ мальчикъ въ сѣромъ фракѣ. Домъ у нихъ былъ совершенно на господскую ногу. Они завтракали въ часъ и обѣдали очень поздно для деревни, въ седьмомъ часу.

— Господа внизу? — спросила Глафира Спиридоновна, входя въ переднюю.

— Барыня у себя, наверху... а баринъ въ кабинетѣ,— отвѣтилъ мальчикъ Ваня жидкимъ голоскомъ.

— Одинъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Господинъ Сусловъ у нихъ.

„Господинъ Сусловъ!—повторила она про себя.—Вотъ какъ!“

— Я пройду наверхъ.

Изъ обширной передней, съ зеркаломъ, цвѣтами и двумя японскими вазами, широкая лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ помѣщался кабинетъ хозяйки, спальня и двѣ дѣтскихъ.

Мальчикъ почистилъ ее вѣникомъ и побѣжалъ впередъ докладывать.

Во всемъ домѣ стоялъ чудесный воздухъ съ запахомъ цвѣтовъ и какой-то ароматической воды. Все блестѣло и щеголяло чистотой, удобствомъ и новизной. По ступенямъ лѣстницы съ дубовыми перилами шелъ коверъ на металлическихъ спицахъ, съ чистѣйшимъ половикомъ. Глафирѣ всегда было пріятно бывать въ этомъ домѣ, но сегодня все казалось ей слишкомъ нарядным, отовсюду выглядывала претензія „выскочекъ“.

— Ахъ, милая! Наконецъ-то!

Хозяйка шла къ ней навстрѣчу, и онѣ поцѣловались на порогѣ ея кабинета.

Кувшинкова смотрѣла не старше своей гостьи—небольшого роста, подвижная въ манерахъ и въ игрѣ лица, маленькаго и миловиднаго. Свѣтлорусые волосы, взбитые на лбу и на вискахъ, дѣлали лицо интереснымъ. Она часто мигала и смѣялась короткимъ, высокимъ смѣхомъ, къ которому ея пріятельница до сихъ поръ еще не совсѣмъ привыкла.

Одѣта и причесана была она совсѣмъ по-городски, съ полуобнаженными руками и шеей, въ платьѣ-пеньюарѣ, въ желтыхъ башмакахъ и въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ.

— Какъ Маня?—спросила Глафира.—Все мучится зубками?

— Сегодня гораздо лучше. Я услала ее съ мамкой въ садъ.

Въ разговорѣ Ксенія Ефремовна частила и немного картавила.

Кабинетъ, куда она ввела гостью, выходилъ на широкій балконъ съ маркизой изъ полосатаго тика, стоявшій въ тѣни.

— Вы одна? Или съ сестрой?

— Одна.

— А отчего же не привезли сосѣда? Ха-ха!

Кувшинкова заглянула въ глаза Глафирѣ и еще разъ пустила въ ходъ свой нервный смѣхъ.

— Вы о графѣ?—суховато откликнулась Глафира.—Мы его давно не видали.

— И насъ онъ еще не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Хотите, здѣсь посидимъ или спустимся внизъ. У Прова кто-то сидитъ. Кажется, муражкинскій старшина. Вы его, голубчикъ, не видали? Это—типъ!

Глафира такъ и ждала, что Ксенія Ефремовна спроситъ ее:

„А слышали про то, какъ муражкинскіе мужики отблагодарили графа?“

XV.

Завтракъ подходилъ къ концу. Противъ Глафиры Спиридоновны сидѣлъ хозяинъ, справа старшина Сусловъ.

Прова Провыча Кувшинкова, въ домашней синей тужуркѣ военнаго покроя, никто бы не принялъ за купца. Продолговатое, очень бѣлое лицо съ темнорусой бородой, расчесанной на двѣ стороны, было скорѣе красиво. Если бъ не начинающаяся лысина, онъ былъ бы еще моложавѣе. Въ глазахъ то и дѣло появлялась усмѣшка человѣка очень довольнаго собой. Говорилъ онъ сильно а́кая по-московски, протяжно и пространно. Въ его языкѣ сказывалось сейчасъ же, что онъ вышелъ изъ гимназіи. Безпрестанно онъ вставлялъ въ свою рѣчь „такъ сказать“ и въ особенности „изволили замѣтить“; употреблялъ часто и нѣмецкія выраженія, потому что учился у нѣмцевъ и живалъ подо́лгу въ Германіи, всего больше въ агрономической школѣ, въ Гогенгеймѣ.

Колчанова хорошо знала всѣ его „финты“ и „рацеи“ и съ трудомъ выносила, когда онъ о чемъ-нибудь начиналъ пространно „размазывать“, но „изъ высшей порядочности“ никогда его не перебивала.

Старшину Суслова—звали его Трифонъ Сергѣевичъ—Глафира видѣла поближе въ первый разъ, и чувство къ нему дѣлалось въ ней все враждебнѣе съ каждой минутой. По внѣшности онъ похожъ былъ на франтоватаго приказчика въ бакалейной лавкѣ. Курчавые, льняного цвѣта волосы онъ расчесывалъ среднимъ проборомъ, бородку подстригалъ, носилъ цвѣтной галстукъ и свѣтло-сѣрую пару, совсѣмъ по-господски. Веснушки и желтыя рѣсницы дѣлали его, для Глафиры, еще противнѣе. Онъ былъ большого роста и грудастый. Усы, широкіе и густые, закручивалъ. Говорилъ онъ фистулой, немного на „онъ“, скоро и мягко, съ плутоватыми и часто язвительными переливами голоса.

Съ самаго начала завтрака заговорили о графѣ Таманцевѣ.

Съ своей тщеславной усмѣшкой Кувшинковъ спросилъ Глафиру: „давно ли она имѣла случай лицезрѣть его сіятельство?“ Видно было, что онъ долго ждетъ визита Таманцева, почему и ехидствуетъ.

— И какъ же его сіятельство,—началъ опять Кувшинковъ допрашивать старшину, съ которымъ онъ обращался какъ съ равнымъ себѣ,—очень обидѣлся на вашихъ стариковъ?

Щеки Глафиры стали замѣтно блѣднѣть. Она предчувствовала, что до конца завтрака не выдержитъ.

— Не безъ того-съ, — откликнулся Сусловъ, и его желтыя рѣсницы замигали. — А между прочимъ, я, отъ лица всей волости, выразилъ ему благодарность.

— За что же благодарить, если онъ все напуталъ?

— Не то чтобы окончательно, — поправилъ Сусловъ, бросивъ почему-то косвенный взглядъ на Колчанову,— но теперь уже нельзя такъ поставить ходатайство, какъ оно стояло годъ тому назадъ.

— Однако,—возразила она,—до ходатайства графа у васъ никакихъ не было надеждъ хоть клочокъ земли оттянуть отъ казны, а теперь вы надѣетесь получить двѣ пустоши изъ трехъ.

— Да кто же, сударыня, сперваначалу займался этимъ?— спросилъ Сусловъ.

Глафира про себя повторила мужицкое слово: „займàлся“, и прибавила: „а въ образованные лѣзетъ“.

— Вся волость обнищала. Да къ тому же и голодъ подошелъ.

— И тотъ же графъ Андрей Павловичъ половину волости кормилъ! — воскликнула Глафира и нервно отхлебнула изъ стакана.

— Послушайте, барышня! — началъ тянуть Кувшинковъ, — вѣдь Трифонъ Сергѣевичъ, такъ сказать, фактически излагаетъ; онъ не можетъ измѣнить того, какъ крестьяне Муражкинской волости поглядѣли на ходатайство его сіятельства. Вы извольте вникнуть.

И онъ, по своей несносной привычкѣ, протянулъ звукъ „э-э“ и, наливъ себѣ краснаго вина, сталъ продолжать въ томъ же тонѣ.

— Напрасно вы, Провъ Провычъ, думаете, что я не понимаю. Я прекрасно все разумѣю, — глухо сказала Глафира.

Ея пріятельница Ксенія Ефремовна заволновалась и, положа ей ладонь руки на плечо, тихонько выговорила:

— Полноте, милая... Зачѣмъ такъ!

— Никто здѣсь вашего графа не обижаетъ, — сказалъ Кувшинковъ, поведя своими тонкими недобрыми губами.

— Почему же онъ „мой“?—уже вспыхнувъ, подхватила Глафира и выпрямила свою грудь.

— Насчетъ васъ мы уже не въ первый разъ замѣчаемъ,—хе-хе!—нельзя слова сказать про его сіятельство, вы, какъ порохъ, вспыхнете.

Онъ перемигнулся съ Сусловымъ, и это ее еще сильнѣе взорвало.

— Провъ Провычъ!—начала она перехваченнымъ звукомъ,—графъ Андрей Павловичъ не нуждается въ защитникахъ, особенно въ женской защитѣ.

— Глафира Спиридоновна! — остановила Кувшинкова съ просительнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Позвольте, — замѣтила ей Глафира. — Намедни... у васъ же графъ былъ предметомъ особаго интереса. Пустили возмутительную сплетню и раздуваютъ ее по всему уѣзду.

— Кто же это раздуваетъ? — не мѣняя полушутливой манеры, вставилъ Кувшинковъ.

— Вамъ, Провъ Провычъ, это должно быть лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. „Графъ отказался отъ дуэли. Онъ повелъ себя какъ трусъ!..“ Какъ это на него похоже, не

правда ли? — спросила Глафира, круто повернувъ голову къ хозяйкѣ.—Ха-ха!

— Никто, изволите припомнить, не утверждалъ этого. А что у него была скандальная исторія изъ-за невѣсты— про это во всемъ Петербургѣ былъ толкъ, и еще не дальше какъ на прошлой недѣлѣ судебный слѣдователь передавалъ подробности, какъ именно было дѣло. А онъ прямо оттуда и въ свѣтскіе дома вхожъ.

— Было что-то, доподлинно,—съ игрой въ глазахъ замѣтилъ Сусловъ. — По тому случаю,—онъ выговорилъ: „случáю“,—они оттудова и удалились скоропостижно и ходатайство за нашу волость бросили въ самую нужную минуту.

Глафира замѣтила сама, что кончики пальцевъ у нея вздрагиваютъ. Какъ неудержимо захотѣлось ей бросить имъ, въ ихъ фальшивыя и злобныя „физіи“, свое негодующее чувство! Вотъ она, народная и земская правда! За добро, за чистѣйшее великодушіе—и такая презрѣнная зависть, отвратительное шипѣніе „хамовъ“. Это слово: „хамовъ“ раздалось внутри ея, хотя она его вслухъ не выговорила. Что жъ изъ того, что она одного званія съ этимъ Провомъ Провычемъ—„почетная гражданка“? И онъ, и этотъ Сусловъ—болѣе народъ, чѣмъ графъ Таманцевъ, предки котораго вышли не то изъ Венгріи, не то изъ Шотландіи. Но она всей душой, всѣмъ складомъ натуры, понятій, чувствъ, привычекъ — одного съ нимъ круга, нужды нѣтъ, что не-дворянка! И можно ли промѣнять такихъ „господъ“, какъ онъ, на такихъ „мужичковъ“, какъ этотъ кабатчикъ-прасолъ Трифонъ Сергѣевичъ Сусловъ съ Провомъ Кувшинковымъ въ придачу?

Она насилу подавила въ себѣ этотъ взрывъ.

— Графъ Андрей Павловичъ, — заговорила она, опять отпивъ изъ стакана,—конечно, не предполагаетъ, съ какимъ достойнымъ чувствомъ относятся къ нему въ уѣздѣ. Право, хочется сказать ему: „Бросьте вы насъ, уѣзжайте! Кромѣ сплетенъ и подвоховъ вы ничего не дождетесь“.

Кувшинковъ сжалъ губы, переглянулся съ старшиной и выговорилъ, пожавъ плечами:

— Что жъ! Никто насильно милъ не бываетъ, барышня. Скатертью дорога, ежели его сіятельство изволитъ окончательно разгнѣваться на всѣхъ насъ. Всякаго благополучія желаемъ графу Андрею Павловичу. Угодно здоровье его выпить?

Онъ протянулъ ей рюмку. Эта выходка показалась ей слишкомъ пошлой. Поняла это и Ксенія Ефремовна и сказала, обращаясь къ мужу:

— Можно бы, Провъ, и перемѣнить разговоръ.

— Съ моимъ удовольствіемъ,—отозвался Кувшинковъ совсѣмъ купеческимъ звукомъ.

— Что тебѣ? — быстро окликнула Ксенія Ефремовна, увидавъ въ дверяхъ столовой мальчика.

— Изъ Таманцева баринъ подъѣхали.

Кувшинковъ хотѣлъ сказать: „легокъ на поминѣ“,— но не рѣшился. Глафира могла опять вспыхнуть, и не на шутку. Онъ отодвинулъ свой стулъ, собираясь привстать. Жена его смущенно оправила рукава и прическу. Старшина опустилъ желтыя рѣсницы и тоже началъ поправлять булавку на своемъ цвѣтномъ галстукѣ.

Въ Глафирѣ все еще „ходило ходуномъ“, какъ сказала бы навѣрно сестра ея.

Она досадовала на то, что графъ не вошелъ тихонько въ столовую пятью минутами раньше. Зачѣмъ онъ только ѣздитъ сюда?!

Кувшинковъ, услышавъ, какъ дверь отворилась въ передней, поспѣшно всталъ, обтянулъ свою тужурку и сказалъ женѣ и гостямъ:

— Перейдемте, господа, на балконъ или въ гостиную.

Хозяинъ встрѣтилъ Таманцева еще въ дверяхъ столовой возгласомъ:

— Вашему сіятельству!

Глафира хотѣла крикнуть черезъ его голову:

„Не давайте ему руки, Андрей Павловичъ. Онъ этого не стоитъ!“

Старшина почему-то застегнулъ свою визитку на двѣ пуговицы и тотчасъ потомъ заложилъ, стоя въ сторонѣ, обѣ руки назадъ.

XVI.

Визитъ Таманцева продолжался не больше часа. Онъ завернулъ по дорогѣ и приглашенія остаться обѣдать не принялъ.

Все время хозяйка старательно занимала гостя. Ей было досадно, что онъ засталъ ее по-домашнему, хотя и въ нарядномъ пеньюарѣ. Она начала вставлять французскія слова, чего не дѣлала въ разговорѣ съ мужемъ и Глафирой.

Таманцевъ держалъ себя просто и слишкомъ „добро“ на оцѣнку Глафиры. Когда онъ еще въ столовой подалъ руку старшинѣ, она нашла, что такъ не слѣдуетъ великодушничать. Надо было много-много отвѣтить кивкомъ головы на поклонъ Суслова. Въ гостиной старшина оправился и вступилъ въ разговоръ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ такой же гость, какъ и графъ Андрей Павловичъ.

Заигрыванье съ графомъ Ксеніи Ефремовны казалось Глафирѣ фальшивымъ, и она находила, что ея пріятельница слишкомъ щеголяетъ своими „стремленіями“. Кувшинкова пространно начала разсказывать про свой планъ особой профессіональной школы для дѣвочекъ, гдѣ онѣ будутъ обучаться болѣе искусному тканью ручниковъ, скатертей и шерстяныхъ крестьянскихъ одѣялъ, и какъ она мечтаетъ завести склады въ губернскомъ городѣ, потомъ и въ столицахъ.

Провъ Провычъ одобрительно вставлялъ свои сентенціи, и Сусловъ нѣсколько разъ повторилъ: „дѣло хорошее“. Глафира, въ другой разъ, приняла бы участіе въ такомъ разговорѣ, но тутъ все ей казалось неискреннимъ и суетно-тщеславнымъ; подъ всѣмъ этимъ „заниманьемъ“ она чуяла фальшь „разночинцевъ“, ненавидящихъ графа потому только, что онъ баринъ.

— Въ нашемъ уѣздѣ, — сказалъ графъ, — вообще надо бы поднять кустарные промыслы. Задача прекрасная. Вотъ вы,—обратился онъ къ Кувшинкову,—получили техническое образованіе. Школа хорошихъ нарядчиковъ была бы въ высшей степени полезна.

— Хозяйничать-то не на чемъ, ваше сіятельство!—замѣтилъ съ кислой улыбочкой Сусловъ. — Сами изволите знать.

— Почему же? — возразилъ Таманцевъ. — Если здѣсь казна и крупные владѣльцы преобладаютъ, крестьянскія общества арендуютъ тысячи десятинъ. Не земли не хватаетъ, а знанія, выучки. Примѣръ Прова Провыча налицо: земля что у него, что у мужиковъ кругомъ одна и та же, а развѣ она одно и то же даетъ?

Кувшинковъ выпрямился и на его тонкихъ губахъ появилась усмѣшка.

Въ его взглядѣ Глафира прочла: „его сіятельство подъѣзжаетъ съ любезностями, но насъ не перехитришь“.

— Вотъ вамъ бы, графъ,—заговорилъ Кувшинковъ, поглядѣвъ на жену и на Суслова, — взять у насъ бразды

правленія. Вы изволите такъ великодушно относиться ко всѣмъ нуждамъ уѣзда.

— То-есть, какія же это бразды правленія? — повторилъ гость.

— Управой у насъ всѣ недовольны. А выборы уже не за горами.

„Ловкій подходъ!“—подумала Глафира и съ дурно скрываемой тревогой поглядѣла на Таманцева.

— Вы хотите сказать, чтобы я баллотировался?—спросилъ Таманцевъ.

— А почему же нѣтъ, ваше сіятельство? — спросилъ Сусловъ.

Глафирѣ показалось, что они съ Кувшинковымъ переглянулись.

— Если бъ мнѣ и предлагали,—заговорилъ Таманцевъ, замедляя темпъ рѣчи,—то и тогда я бы не взялъ на себя отвѣтственной должности по хозяйству уѣзда. Я еще недостаточно знаю его.

— Помилуйте, графъ! Сколько вы возились съ православнымъ хрестьянствомъ. Всѣ наши язвы и болячки должны быть вамъ превосходно извѣстны.

Сусловъ сталъ кивать головой.

— Вы, графъ,—сказала манерно Ксенія Ефремовна,— настоящій народолюбецъ... La providence des paysans, — прибавила она, старательно выговаривая по-французски, и эта фраза покоробила всего сильнѣе Глафиру Спиридоновну.

„Они точно издѣваются надъ нимъ! — вспылила она про себя.— Неужели онъ не понимаетъ всей этой гадкой игры?“

— Я бы не порадовалась за графа, — заговорила она, сдерживая свою тревогу,—если бъ его выбрали въ предсѣдатели. Ему, я думаю, довольно и тѣхъ опытовъ, какіе онъ до сихъ поръ дѣлалъ.

— Какіе же это такіе опыты?—спросилъ Кувшинковъ и подался впередъ, уперевъ ладони въ колѣна.

— И вы, Провъ Провычъ, и вотъ господинъ Сусловъ отлично знаете, какіе.

Таманцевъ быстро взглянулъ на нее и, поднимаясь, сказалъ:

— Не безпокойтесь, Глафира Спиридоновна, у меня натура отходчивая. Жить—значитъ тратить себя, и особенно въ нашемъ отечествѣ. У насъ кто-то сказалъ, что

только въ ранней юности идетъ жизнь, а потомъ начинается житіе.

Кувшинковъ и Сусловъ засмѣялись и разомъ встали.

— Куда же вы, графъ? Право, вы насъ обидите! — заговорила хозяйка.—И Глафира Спиридоновна у насъ посидѣла бы.

— Да вѣдь я собрался въ Колчановку, — сказалъ Таманцевъ, совершенно неожиданно для Глафиры.

Всѣ замѣтили, что она измѣнилась въ лицѣ: глаза блеснули и матовыя ея щеки быстро порозовѣли.

— Къ намъ, графъ? Вотъ это чудесно!

— Да вѣдь вы къ намъ на цѣлый день, барышня?— сказалъ, качая головой, Кувшинковъ.

— Нѣтъ, Провъ Провычъ, я обѣщала Клавдіи быть назадъ къ обѣду. Я и лошадь не велѣла откладывать.

Мужъ и жена переглянулись. Таманцевъ замѣтилъ это, но не смутился. Онъ исполнилъ долгъ вѣжливости и видѣлъ теперь яснѣе, что „интеллигентный купчикъ“ считаетъ его своимъ первымъ соперникомъ. Ему даже захотѣлось сказать ему, уходя:

„Милѣйшій Провъ Провычъ, интригуйте противъ кого угодно, только не противъ меня. Напрасно порохъ потратите“.

Сусловъ, стоявшій ближе къ двери, низко поклонился ему и остановилъ возгласомъ:

— Ваше сіятельство!

— Что вамъ угодно? — спросилъ Таманцевъ, и тонъ этого вопроса очень утѣшилъ Глафиру.

— Почтительнѣйше прошу не посѣтовать на меня за то, что наши мужички не сумѣли намедни какъ слѣдуетъ выразить вашему сіятельству признательность за ваше...

Таманцевъ остановилъ его.

— Довольно, господинъ Сусловъ. Желаю вашей волости полнаго успѣха.

Протянулось молчаніе.

— Такъ мы вмѣстѣ?—спросилъ Таманцевъ Глафиру.

— Хотите, подвезу на моемъ пони?

— Прекрасно!

Черезъ четверть часа тильбюри Глафиры Спиридоновны подъѣзжало къ опушкѣ лѣса. Позади на мелкихъ рысяхъ катился тарантасъ Таманцева съ легкимъ позвякиваньемъ колокольчика.

Они оба смолкли, когда въѣхали въ лѣсъ.

Таманцевъ попросилъ вожжи у Глафиры и сдержалъ лошадку. Она пошла шагомъ.

— Андрей Павловичъ!—тихо окликнула Глафира и изъподъ кружевъ живописной шляпки поглядѣла на него.— Вы мною, пожалуй, недовольны?

— За что, Глафира Спиридоновна?

— Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало вмѣшиваться въ вашъ разговоръ. Но я не могла...

Она обернулась къ нему станомъ.

— Знаете... мы съ Ксеніей Ефремовной были всегда хороши. Но сегодня все у нихъ мнѣ стало невыносимо. Она отъ мужа своего заражается... фальшью и пошлостью.

— Не слишкомъ ли строго, Глафира Спиридоновна?

— Слово... не салонное, но я другого не знаю. И какъ этотъ хитроумный Провъ выдалъ себя. Ха-ха!.. Вотъ ужъ подлинно, знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Моимъ словамъ онъ, конечно, не повѣрилъ, — сказалъ, усмѣхаясь, Таманцевъ.

— Захотѣли чего!—вырвалось у Глафиры восклицаніе, которое ее самоё задѣло: оно отзывалось дѣвичьей.—Купецъ никогда ничему не вѣритъ ни въ какихъ дѣлахъ: ни въ торговлѣ, ни въ мѣстной политикѣ. Душонка у него осталась все такая же рядская.

Ей стоило не мало усилія надъ собою, чтобы не разсказать ему о томъ, что̀ вышло за завтракомъ, за нѣсколько минутъ до его пріѣзда.

— Это вездѣ такъ... въ каждомъ обществѣ. У дворянъ не рѣже, чѣмъ у купцовъ,—заговорилъ Таманцевъ, подобравъ вожжи.—Что жъ!—болѣе искреннимъ звукомъ продолжалъ онъ,—я вамъ признаюсь, Глафира Спиридоновна, меня огорчили муражкинскіе мужики, и я съ нашимъ пріятелемъ Домашневымъ имѣлъ довольно горячій разговоръ. Но это улеглось, увѣряю васъ. Жить—значитъ тратить свои силы. Это и мудрецъ какой-то сказалъ. Мы всѣ, господа дворяне, любимъ красивую обстановку своихъ поступковъ. Служба чтобы непремѣнно была съ эффектной декораціей. Или чтобы благодарные пейзане приносили намъ хлѣбъ-соль и цѣловали намъ ручки. А пейзане гнутъ свою линію и по-своему правы. Мы должны имъ служить, потому что у насъ нѣтъ своего коренного дѣла. Такъ доказываетъ Домашневъ и, пожалуй, онъ правъ.

— Права Клавдинька, а не Илья Ефимовичъ. Она го-

воритъ, что вы бисеръ кидаете передъ кое-какими животными.

— Глафира Спиридоновна! Вы ли это?

Онъ остановилъ даже лошадку.

— И я сентиментальничала. А сегодня, когда я увидала, какъ вы этому кошатнику Суслову подали руку, меня до боли кольнуло. Вѣдь вы, Андрей Павловичъ, не изъ дипломатіи это сдѣлали, а по вашей черезчуръ большой порядочности.

Красивые глаза дѣвушки глядѣли на него впервые съ такимъ явнымъ выраженіемъ беззавѣтнаго сочувствія, почти преклоненія. Онъ, держа лѣвой рукой вожжи, протянулъ ей правую.

Рука Глафиры, пожимая его руку, вздрогнула.

— А, можетъ-быть, и я правъ,—тихо вымолвилъ онъ,— что я здѣсь не ко двору.

— Гдѣ здѣсь, графъ? Гдѣ? Неужели и въ Колчановкѣ?

Слова застыли на ея яркихъ губахъ. Она какъ будто застыдилась.

Какъ бы она ни была полна чувства къ нему, пылкаго и самоотверженнаго, нельзя навязывать себя, особенно ей, Глафирѣ Колчановой. И никогда ея имя „Глафира“ не язвило ее такъ своей вульгарностью.

— Колчановка не въ счетъ! — воскликнулъ Таманцевъ и ударилъ лошадку вожжей.

XVII.

На круглой полянкѣ, обставленной молодымъ березникомъ, въ глубинѣ дворика, обнесеннаго низкимъ заборомъ, размѣстились два просторныхъ сарайчика. Это было отдѣленіе для жеребятъ завода Колчановыхъ.

Осень доживала свои послѣдніе свѣтлые дни. Но въ этомъ году — особенно. На дворѣ былъ октябрь, а трава еще не поблекла, и на солнцѣ случалось до пятнадцати градусовъ тепла и больше. Листва березы переливалась золотомъ и багрянцемъ. Легкій вѣтерокъ тянулъ съ юго-востока и предвѣщалъ еще цѣлую недѣлю такихъ же ядрёныхъ дней. Полоса бѣлѣющихъ стволовъ подъ стѣной золотистаго багрянца радовала взглядъ посѣтителей.

Клавдія Спиридоновна пріѣхала съ сестрой и Таманцевымъ. Ихъ долгуша стояла въ сторонѣ, у опушки.

Часу въ одиннадцатомъ всѣ трое подошли къ дверямъ

темнаго „мшенника“, гдѣ содержались „коньки“, т. е. жеребчики, отдѣльно отъ кобылокъ.

Конюхъ Веденей, здоровенный молодой парень, съ обросшими точно пухомъ щеками, въ синей поддевкѣ и высокихъ сапогахъ, растворилъ пока одну половинку низкихъ воротецъ, и господа вошли въ самый сарайчикъ, довольно просторный, безъ стойлъ, съ одной общей колодой. Жеребчики ходили безъ уздъ. Были тутъ и однолѣтки, и двухлѣтки, одни посвѣтлѣе, другіе потемнѣе.

Таманцевъ ни разу не попадалъ сюда въ теченіе лѣта, и Клавдія предложила ему воспользоваться послѣдними яркими днями осени.

Глафира сама напросилась съ ними. Сестра ея считала ее „абсолютно равнодушной“ къ такому чудесному „звѣрю“, какъ лошадь, и въ особенности къ жеребятамъ „обоего пола“, какъ Клавдія шутливо выражалась. Сегодня у Глафиры на душѣ „порхали птички“. Ей казалось, что въ тонѣ Таманцева есть что-то особенно теплое; дома онъ ей замѣтилъ вскользь, что ему хотѣлось бы поговорить съ ней одной.

Клавдія носила фуражку съ большимъ околышемъ, высокіе полусапожки и мужского покроя визитку. Глафира одѣлась во все синее и голову окутала пуховымъ платкомъ, что̀ къ ней чрезвычайно шло. Таманцевъ былъ въ короткомъ пальтецѣ и въ охотничьихъ сапогахъ; на головѣ—низкая поярковая шляпа.

Молодой конюхъ, растворяя воротца, окликнулъ коньковъ особымъ звукомъ, въ родѣ: „ого-го-го!“ Они встрепенулись и стали полегоньку пододвигаться къ свѣту. Впереди всѣхъ стоялъ годовалый конёкъ, совсѣмъ еще маленькій. Свою слишкомъ крупную по росту голову, съ умными и ласковыми глазами, повернулъ онъ красивымъ поворотомъ и потянулся къ барынѣ. Это былъ любимецъ Клавдіи.

— Каковъ онъ у меня, Андрей Павловичъ?—радостно спросила Клавдія и рукой приласкала его, взявъ за морду въ томъ мѣстѣ, гдѣ у него обозначилась звѣздочка.

— Какъ вы его назвали, Клавдія Спиридоновна? Чудесный жеребенокъ! Шеняша, шеняша!—позвалъ его Таманцевъ мѣстнымъ мужицкимъ словомъ.

— Куманекъ, вотъ какъ назвала.

И Глафира его приласкала. Остальные жеребята стали подходить ближе. Одинъ былъ уже съ добрую лошадь.

— Клавдинька, — весело заговорила Глафира, — никакихъ скачекъ не пропускала въ газетахъ. Записывала даже имена.

— Ну ужъ, сударыня, — остановила Клавдія, — у тебя не стану больше брать именъ. Представьте, Андрей Павловичъ, разъ я ей предоставила. И она назвала вонъ того верзилу,—она указала на рослаго жеребенка,— какъ бы вы думали?.. Тигранъ.

— Почему?—спросилъ Таманцевъ Глафиру.

— Ха-ха! Попалось слово въ одной книгѣ, по римской исторіи. Такъ звали армянскаго царя, который воевалъ съ римлянами. Звукъ очень хорошъ.

— То ли дѣло мои имена! — продолжала Клавдія. — Вотъ тотъ, совсѣмъ еще черненькій — Боецъ. Это вотъ Байбакъ — настоящій будетъ першеронъ. А тотъ Погромъ.

— И всѣ они окажутся сѣрыми въ яблокахъ? — обратился Таманцевъ къ конюху.

— Всѣ какъ есть, ваше сіятельство,—доложилъ тотъ.— Изволите видѣть, вонъ тотъ, Тиграшка, началъ сѣрѣть. Яблоко-то явственнѣе у него.

Одногодки походили „рубашкой" на караковыхъ, и темная шерсть, почти черная, переливалась, обозначая рисунокъ, какой у нихъ будетъ на бедрахъ и спинахъ, когда они посвѣтлѣютъ. Тиграна можно было уже назвать темносѣрымъ.

— Выпусти ихъ, Веденей!—хозяйскимъ звукомъ распорядилась Клавдія.

Сестры и ихъ гость отошли въ сторону. Жеребята потянулись изъ конюшни вереницей, помахивая своими чолками и хвостами; потомъ, очутившись на волѣ, разбрелись во всѣ стороны. Одинъ любимецъ Клавдіи Спиридоновны, Куманекъ, сталъ бѣгать, забавно вскидывая головой.

— Какая прелесть! — вырвалось восклицаніе у его барыни.

— Мнѣ завидно стало,—сказалъ ей Таманцевъ.—Пора и мнѣ завести такой заводецъ... для мужицкихъ битюковъ.

— Мало вы на нихъ тратитесь!—выговорила Клавдія.— Пускай казна объ этомъ позаботится... или земство! Веденей!—крикнула она. — Выпусти и кобылокъ!

Конюхъ пошелъ къ воротцамъ второй конюшни и растворилъ ихъ. Кобылокъ оказалось ровно столько, сколько

и коньковъ—пять штукъ. Сейчасъ можно было распознать ихъ—и ростомъ онѣ были меньше, и головы тоньше, и складъ шире, и „рубашка“ посвѣтлѣе.

— Отгони коньковъ къ сторонѣ!—скомандовала Клавдія.

Кобылки стали въ кучу, и только одна сейчасъ же потянулась.

— Андрей Павловичъ! — окликнула Клавдія. — Какова красота! Голова-то какая! Я ее Кралей прозвала, а Гланя находитъ, что это лакейское имя.

— Почему же?—возразилъ Таманцевъ.—Народно!

— Утѣшься, Клавдинька! — сказала Глафира. — Ни одного имени я тебѣ не предлагала — всѣ твоего производства.

— Что жъ! Чѣмъ же плохи? Графъ одобритъ: вонъ та крайняя бѣлоножка — Наина.

— Ты вычитала въ репортерскихъ отчетахъ о скачкахъ.

— А то какъ же! Прекрасное имя! А вонъ видите, какъ эта на насъ сердито смотритъ. Я ее назвала Рогнѣдой. Она преревнивая. Чуть которую приласкай — она сейчасъ норовитъ куснуть ее. Остальныя двѣ — Гусыня и Трусиха.

— Тоже по ихъ свойствамъ даны?—спросилъ Таманцевъ.

— Конечно. Гусыня оттого, что она ходитъ съ перевальцемъ, въ родѣ йноходи. А та—настоящая трусиха.

— Дѣйствительно, — отозвался Веденей. — И ежели не отогнать отъ нея прочихъ, она и корма травить не станетъ.

— Хоть на выставку! — вскрикнулъ Таманцевъ.—И въ какихъ-нибудь два-три года.

— Да вѣдь это, самая легкая штука, Андрей Павловичъ, если позволяетъ мѣсто. У васъ тоже довольно земли и луга есть.

— Въ собственномъ пользованіи—самая малость.

— Разумѣется, что получше, то все у мужиковъ въ арендѣ,—съ веселой ироніей выговорила Клавдія.—Такъ вѣдь не на вѣчныя же времена вы ихъ закабалили?

Глафира боялась, что у нихъ завяжется хозяйственный разговоръ. Они и дорогой, въ долгушѣ, безъ устали толковали о посѣвахъ образцовой ржи, которую Клавдія выписала съ Бутырскаго хутора, изъ-подъ Москвы. Въ ушахъ ея еще звенѣли названія сортовъ. Сначала все говорили о какой-то „пробштейнской“, потомъ чуть ли не о „маш-

панской". Довольнѣе оставалась Клавдія „кустовкой" и рекомендовала ее Таманцеву.

— Тебѣ надо Веденею приказать? — спросила ее Глафира вполголоса: — такъ мы прогулялись бы немного въ лѣсу.

— Хорошо, Гланя!

Глаза Клавдіи ярче блеснули. Она что-то подумала, но ничего больше не сказала сестрѣ.

— Графъ! — окликнула она Таманцева.— Загляните въ мой лѣсокъ! Тамъ славно. А я тутъ кое-чѣмъ распоряжусь.

XVIII.

Золотистый багрянецъ смотрѣлъ на нихъ и сверху, и съ боковъ.

Они двигались замедленнымъ шагомъ по тропкѣ, которая вела къ пчельнику, но до пчельника они не дошли и вернулись, боясь, что Клавдія должна будетъ ждать ихъ.

Глафира тихо улыбалась, и двойныя ямочки играли на ея еще загорѣлыхъ щекахъ. Все, что̀ ей говорилъ Таманцевъ, съ первыхъ шаговъ по лѣсу, наполняло ее довольнымъ чувствомъ за него и дѣлало его личность еще дороже и ближе.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, чудесная натура въ этомъ человѣкѣ! Другой бы — не то что титулованный баринъ, а первый попавшійся обыватель — затаилъ въ себѣ раздраженіе на весь уѣздъ, гдѣ его такъ мало цѣнятъ. А онъ себя же, если не винитъ, то разбираетъ. Вмѣсто гордыни и презрительной обидчивости, въ немъ душевная потребность—„найти равновѣсіе".

— Слишкомъ мы, господа,—говорилъ онъ ей вдумчиво и кротко, — носимся съ своей драгоцѣнной особой, Глафира Спиридоновна.

— Будто и вы?—проронила она.

— И я также. Насильно милъ не будешь. Но я вовсе не сожалѣю, что былъ хоть и неумѣлымъ ходокомъ Муражкинской волости. Все перемелется. Если любить хоть немного свою землю, народъ, уѣздъ, какъ земскую единицу—дѣло найдется. Вотъ лѣто прошло. Ничего особеннаго я не произвелъ; но и зря не жилъ, учился у вашей сестры толковому обращенію съ угодьями, присматривался къ общимъ нуждамъ, къ барину и къ разночинцу.

— Значитъ, и къ намъ грѣшнымъ? — шутливо вымолвила Глафира.

— Какіе же вы разночинцы? — серьезно переспросилъ онъ ее.

— А какъ же? Купчихи первой гильдіи. Я это заявляю не изъ ложной гордости. Ничего въ нашемъ сословіи нѣтъ такого, чтобы я его черезчуръ высоко ставила. Да оно совсѣмъ и не сословіе. Кто купитъ товару на два рубля, а продастъ его за пять, тотъ и купецъ.

— Но вы дѣлаетесь силой,—проговорилъ Таманцевъ.— Клавдія Спиридоновна — будь она мужчиной — была бы давно предсѣдателемъ управы и ворочала бы всѣмъ уѣздомъ.

— Можетъ-быть... Только я, грѣшный человѣкъ, не могла бы удовлетвориться однимъ ея дѣломъ.

— Въ этомъ сила. И всего остального легче достигнуть, у кого есть она.

— Остальное, Андрей Павловичъ, это—духовная пища. Съ нея надо начать. Мое убѣжденіе такое,—начала Глафира, опуская свои густыя рѣсницы,—что народъ не потому бѣденъ и безпомощенъ, что у него земли мало, а оттого, что онъ въ темнотѣ живетъ—вотъ почему. Знаю, это—буки-азъ-ба; но темнота его почти такая же, какая была, когда императоръ Траянъ воевалъ съ нами и привозилъ насъ плѣнными въ вѣчный городъ.

— Будто бы и насъ? — заинтересованно спросилъ Таманцевъ.

— А Траянову колонну въ Римѣ видѣли?

— Видѣлъ.

— Если вглядѣлись въ барельефъ... плѣнные — это наши мужички: тѣ же въ кружало стриженные волосы, тѣ же лапти и онучи, тотъ же покрой одёжи.

— Пожалуй, вы и правы!

„Какъ она мила и умна!“—подумалъ Таманцевъ, испытывая на себѣ пріятное ощущеніе отъ самаго голоса этой красивой и статной дѣвушки.

— Вотъ я и надумала, Андрей Павловичъ, одну вещь. Клавдія мнѣ мѣшать не станетъ. Жалѣю, что пропустила лѣто для стройки.

— Школу?

— Простыхъ школъ въ нашей округѣ цѣлыхъ три. У васъ въ Таманцевѣ школа прекрасная, благодаря вамъ же.

— Отчего же мнѣ?—оговорился онъ.

— А то кому же? Не знаете? Вы помогли построить новый домъ, вы прибавили жалованье учителю; да и учителя-то сами выбрали.

— Положимъ, положимъ.

— Я разсуждаю такъ: вся будущность нашего крестьянства—въ бабѣ или, лучше, въ дѣвушкѣ. Простой школы мало. Дѣвчонки много черезъ три-четыре года забываютъ грамоту. Это, дѣло дознанное. А есть удивительно способныя и, главное, склонныя къ духовной жизни. Не даромъ же онѣ идутъ въ чернички и монашки... Мнѣ хочется недалеко отъ насъ, между тремя селами, устроить школу для грамотныхъ дѣвочекъ, съ обученіемъ и кустарному дѣлу, чтобы онѣ выходили хорошими начетчицами, чтобы у себя въ избѣ онѣ учили кого можно и пріохочивали къ книгѣ и разумной бесѣдѣ и отцовъ, и братьевъ, и мужей.

— Идея прекрасная!—горячо отозвался Таманцевъ.

Они остановились недалеко отъ опушки, около купы березъ.

— Клавдинька утверждаетъ, что по моей милости въ деревняхъ заведутся „синіе чулки“... И въ каждой избѣ у насъ будетъ отель Рамбулье.

Глафира весело разсмѣялась.

— Нужды нѣтъ! Зачѣмъ же откладывать въ долгій ящикъ?

— Можетъ-быть, я и въ усадьбѣ временно начну уроки. Помѣщеніе найдется.

Она смолкла. Таманцевъ, взявшись за сучокъ дерева, глядѣлъ на нее ласковымъ и пытливымъ взглядомъ. Что-то вдругъ заискрилось въ его глазахъ, и онъ другимъ голосомъ окликнулъ:

— Глафира Спиридоновна!

— Что угодно?

— На-дняхъ получилъ я письмо отъ очень милаго петербургскаго юнца изъ-за границы. И то, что онъ мнѣ сообщаетъ объ одной женщинѣ, вызвало сначала наплывъ горечи...—онъ не досказалъ и сдѣлалъ характерный жестъ свободной рукой.

„Вотъ о чемъ ему хотѣлось говорить!“ — тотчасъ же подумала Глафира, и у нея сладко-тревожно ёкнуло въ груди.

— А потомъ, — продолжалъ онъ спокойнѣе, — пришло и сознаніе, что все это уже было и не повторится. И

мнѣ жалко стало чувства, когда-то такъ неудачно потраченнаго...

„Это про ту... петербургскую княжну“,—пояснила себѣ Глафира.

Сердце у нея забилось замѣтно для нея самой. Ей было ново и радостно слушать начало этой нежданной исповѣди. Если бъ онъ до сихъ поръ любилъ — онъ не сталъ бы растравлять своей раны. Не такая это натура. Ни разу, въ первыя недѣли по пріѣздѣ изъ Петербурга, онъ не изливался ей, даже ни однимъ словомъ не обмолвился о дуэли, почему она, до сихъ поръ, и не знала ничего вѣрнаго о томъ, черезъ что̀ собственно прошелъ онъ въ Петербургѣ.

— Стало, Андрей Павловичъ, — тихо спросила она, — подведенъ итогъ?

— Да, итогъ: это вы отлично назвали. Итогъ не радостный, но здоровый. Душа подвержена такимъ же заразамъ, какъ и тѣло.

— Вы развѣ такъ смотрите на любовь? — набравшись смѣлости, выговорила Глафира и изъ-подъ рѣсницъ поглядѣла на него.

— Не всякую... Но въ томъ міркѣ, откуда я вырвался окончательно, она — или зараза, или жалкій самообманъ, если и не похуже того.

— Вамъ пишутъ?..

Глафира не договорила. Ей стало стыдно: точно она выспрашиваетъ.

— Пойдемте,—начала она поспѣшно,—Клавдинька навѣрно уже покончила давать инструкціи Веденею.

— Печальная это исторія — не для меня, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту,—прибавилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— А для той стороны,—чуть слышно подсказала Глафира.

— Тамъ, кажется, и никакого увлеченія не было, ни съ той, ни съ другой стороны... И что̀ меня иногда смущаетъ — это то, что, быть-можетъ, я былъ виною такого печальнаго брака... Простите... Это васъ не можетъ особенно интересовать.

— Что вы! Помилуйте!—воскликнула Глафира.—Ваша задушевная жизнь?

Ея глаза глядѣли на него съ радостнымъ удивленіемъ.

Онъ понялъ впервые, чѣмъ онъ дѣлается для этой дѣвушки.

— Теперь все это сдано въ архивъ,—выговорилъ онъ, идя около нея съ опущенной головой.—Прежде мнѣ было бы слишкомъ больно говорить объ этомъ, даже съ такимъ близкимъ человѣкомъ, какъ вы... Теперь не то.

„Близкій человѣкъ!“ — повторила она, чувствуя, какъ у ней начинаютъ горѣть уши. Онъ не можетъ же не замѣчать.

„Пусть замѣтитъ! Мнѣ не зачѣмъ скрывать, что̀ онъ для меня“,—твердо выговорила она мысленно.

Ее точно несла волна куда-то, гдѣ будетъ такъ свѣтло и радостно. Все остальное—ничто въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, что онъ уже можетъ говорить о своей „заразѣ“, какъ человѣкъ совсѣмъ здоровый.

То уже „было“—и не вернется.

— Ау! — крикнула она всей грудью, увидавъ сквозь опушку Клавдію.

XIX.

Въ передней Таманцевской усадьбы, въ сумрачный ноябрьскій день, тихо потрескивали дрова въ большой изразцовой печи.

Лаврентій пилъ чай у столика и поглядывалъ бокомъ, хорошо ли горятъ дрова. На немъ, по-деревенски, надѣтъ былъ короткій тулупчикъ; на ногахъ—валенки. Онъ хмурился, и даже чай—его любимое времяпровожденіе—не тѣшилъ его.

Вотъ уже съ недѣлю, какъ графъ Андрей Павловичъ не выходитъ изъ своихъ комнатъ и долженъ лежать, и днемъ, на кушеткѣ. Простудился на земскихъ выборахъ; по ночамъ у него сильнѣйшія боли въ колѣнѣ и въ правомъ плечѣ, и жаръ бываетъ. Докторъ ѣздитъ, а толку мало.

За барина Лаврентій сильно огорченъ и обиженъ. И никогда онъ не любилъ деревни и „мужичья“. А ужъ въ послѣднее время и совсѣмъ ему деревня претитъ.

По природѣ молчаливый и очень сдержанный, онъ никогда не позволяетъ себѣ дѣлать какія-нибудь замѣчанія вслухъ.

Но доволенъ онъ быть не можетъ. Графъ, на его оцѣнку, совсѣмъ себя „истреплетъ“, или будетъ такъ жить и по̀ходя давать себя дурачить.

Съ чѣмъ сообразно: молодой еще человѣкъ, важнаго рода, собой красивый, свободный и съ хорошимъ имѣніемъ—и вести себя такъ „малодушно“!

Довольно и того, что онъ бросилъ службу и сталъ здѣсь мужичье кормить, а потомъ чуть не задаромъ роздалъ имъ землю, за чужую волость въ ходоки пошелъ—и какъ они его отблагодарили? Всю исторію Лаврентій превосходно знаетъ. Развѣ возможно снести это отъ „хамовъ“? А этого мало, что графъ цѣлыхъ два года потерялъ—ни по имѣнію, ни по службѣ ничего не добился, да и не желаетъ добиваться?

Лаврентій цѣнилъ „благородную душу“ графа и самъ считалъ себя человѣкомъ съ правилами. Онъ любилъ читать духовныя книжки, съ женщинами не зналъ, никогда не употреблялъ бранныхъ словъ, всякое доброе дѣло уважалъ.

Однако, всему есть предѣлъ.

То, что̀ случилось на земскихъ выборахъ, переполнило чашу. Графъ ни въ какія должности не желалъ идти по земству. Его начали упрашивать: земскій начальникъ, кандидатъ въ предводители, еще старикъ—сосѣдъ Балахнинъ, да почти всѣ дворяне. И вдругъ купчишка Кувшинковъ притворился, что баллотироваться онъ не желаетъ, а, между прочимъ, мужичье, черезъ старшину Суслова, такъ настроилъ, что его выбрали, послѣ того, какъ графа „прокатили на вороныхъ“. И гласные какой волости всѣ поголовно черныхъ ему наклали?—Муражкинской, которымъ онъ у казны пустошь оттягалъ!

Простуда простудой, а главное обида. И было бы изъ-за чего! Этакая сласть валандаться съ тѣмъ же мужичьемъ на земской службѣ, мосты чинить, да фельдшеровъ пьяныхъ надзирать по больницамъ! Хорошо быть благодѣтелемъ края, коли тебя цѣнятъ и ставятъ на первое мѣсто, а такъ?..

Дрова въ печи жарко разгорѣлись. Лаврентій налилъ себѣ третью чашку, всталъ и прислушался—не стонетъ ли баринъ. Онъ хоть и крѣпится, да вдругъ и застонетъ.

Дверь изъ сѣней стали тихонько отворять. Просунулась сначала голова въ темномъ платкѣ, потомъ и вся женская фигура.

Вошла Авдотья и, осторожно затворивъ за собою дверь, встала и тотчасъ же оглянулась на дверь въ кабинетъ барина.

— Какъ баринъ, Лаврентій Ѳомичъ?—спросила Авдотья съ низкимъ поклономъ.

Она была, какъ всегда, въ кафтанѣ и увязана платкомъ.

— Сегодня не жалуется; однако, не очень хорошъ.

Авдотья только на его пригласительный жестъ присѣла къ столу.

— Чайку хотите?

— Покорно благодарствую.

Противъ этой женщины онъ ничего не имѣлъ, даже съ тѣхъ поръ, какъ она „въ ключахъ“, обращался съ ней вѣжливо, на „вы“, и звалъ часто Авдотья Лукинишна. Но въ немъ сидѣло какое-то смутное недовѣріе къ Авдотьѣ. Онъ, разумѣется, не станетъ, какъ „темное мужичье“, считать ее колдуньей. Но насчетъ убійства мужа— кто ее знаетъ? И то ему не очень нравилось, что она знахарствомъ занималась. Про себя онъ звалъ ее „хлыстовкой“, хотя отлично зналъ, что она не раскольница.

Когда барину, на второй день болѣзни, сильно недужилось ночью, онъ позвалъ Авдотью самъ, и она двѣ ночи сряду дежурила. Графъ былъ очень доволенъ ею и все повторялъ:

— Какая умная баба!

Что-то она ему во вторую ночь разсказывала. Ему не спалось, и онъ самъ съ нею заговорилъ. На третій день она принесла съ собой склянку съ какимъ-то масломъ и стала просить Лаврентія, чтобы онъ барину растеръ этимъ ногу. Онъ не рѣшился. Тогда Авдотья улучила минуту и сама сказала графу: тотъ разсмѣялся, понюхалъ и позволилъ растереть. Боли стали на слѣдующую ночь гораздо легче. Авдотья зоветъ его болѣзнь „пострѣлъ“ и говоритъ, что это „самый пустякъ“, если бъ баринъ сходилъ въ баню и позволилъ растереть себя всего. Докторъ на это сказалъ, что баня — хорошее дѣло, да только не по времени, можно еще пуще простудиться. Но доктору Лаврентій не особенно довѣрялъ и считалъ его „сицилистомъ“, придавая этому слову широкое толкованіе.

Тихо подувала Авдотья на блюдечко и губы ея вбирали чай съ легкимъ присвистомъ.

— Лаврентій Ѳомичъ!—вполголоса окликнула она камердинера.—Докладывать ли графу? Въ людской сидитъ Квасовъ муражкинскій, бывшій писарь, и еще одинъ мужикъ... по старой вѣрѣ онъ, — прибавила она, поведя ртомъ, — прозывается Данило Пареный... въ волостномъ

судѣ допрежъ того сидѣлъ, а теперь Сусловъ-то, старшина, его больно обижаетъ. Тоже и писарь жалится.

— Кляузы какія-нибудь? — довольно строго отозвался Лаврентій.

— Извѣстно... лѣзутъ... знамши графскую доброту.

— Теперь съ какой же стати?

— Я имъ и сказывала. А они просительно просятъ. Одна, молъ, защита у насъ — графъ Андрей Павловичъ. И батюшка тутъ причйненъ...

— Отецъ Ермилъ?

— Онъ. Данило-то... по старой вѣрѣ, значитъ. Что-то насчетъ дѣтей вышло — у него пропасть ихъ. Попъ-отъ дошлый... до всего касается.

— Нечего графу вмѣшиваться во всѣ эти дрязги.

Авдотья помолчала.

— А можетъ... коли барину полегче, онъ и приметъ ихъ... отъ скуки? Знаете, Лаврентій Ѳомичъ, коли недужится этакимъ манеромъ, одному-то лежать — сейчасъ и прильетъ къ больному мѣсту.

„Умная ты, точно,—думалъ Лаврентій,—а кто тебя вѣдаетъ? Поди, тѣ попрошайки ужъ всунули тебѣ двѣ семитки“.

Плутоватой онъ ее не имѣлъ права считать. Съ тѣхъ поръ, какъ она ходитъ въ „ключахъ“ — никакихъ неисправностей за ней не водилось. Она сама вызвалась помогать и стряпухѣ. Умѣетъ и бѣлье мыть. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, это доставитъ барину развлеченіе. Пускай покажутъ ему лишній разъ, что со всѣми этими „подлецами“ ему не пристало возиться, а давно пора „плюнуть на всю округу“ и жить, какъ ему полагается, „по всѣмъ резонамъ“.

Изъ кабинета раздался звонокъ.

— А ежели недужится, такъ, извѣстное дѣло, не безпокойте,—поторопилась прибавить Авдотья, когда Лаврентій пошелъ къ двери.

Онъ побылъ у барина недолго.

— Графъ спрашиваютъ—не Авдотья ли пришла.

— Войти мнѣ?

— Войдите. Онъ хвалитъ ваше снадобье.

— Растирался нешто?

— Я вчера на ночь натеръ ногу.

— Слава тебѣ, Господи. А насчетъ Квасова съ Данилой не докладывали?

— Такъ, косвенно, доложилъ.

— Что жъ онъ?

— Графъ говоритъ, что сегодня отъ ноги совсѣмъ отошло и жару нѣтъ въ головѣ.

Авдотья поднялась, поправила платокъ, поблагодарила Лаврентія за чай-сахаръ истовымъ поклономъ и протяжно прошептала:

— Господи Іисусе Христе!

Послѣ чего перекрестилась, прежде чѣмъ взяться за ручку двери.

„Хлыстовка какъ есть! — подумалъ ей вслѣдъ Лаврентій.—Небось, сейчасъ готова порадѣть раскольнику, нужды нѣтъ, что у службы бываетъ".

Онъ самъ ходилъ каждое воскресенье на село и всякій разъ видѣлъ, какъ Авдотья усердно молится, но ему не очень нравилось то, что она закидываетъ „по-старовѣрски" руку, осѣняя себя крестомъ. Этотъ „заносъ" для него отзывался „хлыстовкой", хотя онъ имѣлъ самое смутное понятіе о хлыстовой вѣрѣ.

XX.

На кушеткѣ, съ ногами, укутанными въ плэдъ, лежалъ Таманцевъ и голова его опиралась о высоко взбитую подушку. Онъ читалъ новую книжку журнала, полученную наканунѣ изъ Петербурга.

Вошелъ Лаврентій и доложилъ:

— Здѣсь они; прикажете позвать?

— Позови.

Отъ Авдотьи Таманцевъ зналъ, въ чемъ, приблизительно, будетъ состоять разговоръ съ Данилой Паренымъ, котораго онъ хорошо помнилъ изъ того времени, когда часто ѣздилъ въ Муражкино. Не особенно пріятно ему появленіе Квасова. Навѣрно будетъ что-нибудь клянчить или наушничать. Теперь, послѣ выборовъ, всякій разговоръ о старшинѣ Сусловѣ былъ бы нежелательнымъ.

Обоихъ просителей Лаврентій сначала обогрѣлъ у печки, чтобы они не нанесли съ собою холоднаго воздуха и не простудили графа.

И бывшій писарь, и бывшій волостной судья сняли свои тулупы и явились—одинъ въ пиджакѣ, съ вязанымъ шарфомъ, другой въ новой поддевкѣ, оба въ валенкахъ.

Квасовъ, маленькаго роста брюнетъ, смотрѣлъ деревенскимъ псаломщикомъ. Данило Пареный былъ сухой, узко-

плечій мужикъ, немного сутуловатый. Рыжіе плоскіе волосы падали вдоль щекъ и бородка двоилась. Глаза смотрѣли изъ глубокихъ впадинъ и пристально, и тревожно. Ему могло быть лѣтъ за-сорокъ. Писарь казался гораздо моложе.

— Здравствуйте, господа!— окликнулъ ихъ Таманцевъ, приподнялъ голову и сѣлъ на кушеткѣ.

Оба низко поклонились. Пареный кашлянулъ вбокъ и въ руку.

— Къ вашему сіятельству, — заговорилъ Квасовъ, выступивъ немного впередъ.—Вотъ благопріятель мой, Данило Вонифатьевъ, вамъ не безызвѣстный, проситъ, значитъ, предстательства передъ вами. Я собственно по его дѣлу. А самъ, хотя и лишенъ, можно сказать, всякой поддержки и пребываю въ ничтожествѣ, однако, ничѣмъ ваше сіятельство утруждать не буду, тѣмъ паче, какъ вы изволите быть не въ полномъ здоровьѣ.

По блеску глазъ Квасова съ красными вѣками можно было предположить, что онъ выпилъ. Говорилъ онъ высокимъ теноркомъ и безъ мѣстнаго упиранья на „онъ“.

— Къ вашей милости, — глухо вымолвилъ Пареный и низко мотнулъ головой.

Таманцевъ увидалъ на маковкѣ его выстриженный кругъ, обязательный для старовѣра. Въ этой мѣстности и многимъ даже „церковнымъ“ уже дѣтьми выстригаютъ маковку.

— Садитесь,—указалъ Таманцевъ на два стула, въ углу кабинета, около окна.

— И такъ постоимъ,—отвѣтилъ Пареный.

Таманцевъ замѣтилъ, что, входя, Пареный не крестился. Въ селѣ Таманцевѣ и въ другихъ деревняхъ водились раскольники по австрійской митрополіи и безпоповцы. Онъ хорошо помнилъ, какъ, во время голода, и тѣ, и другіе приходили за варевомъ со своей посудой и не желали ѣсть съ церковными, особенно безпоповцы. Пареный былъ, кажется, ѳедосѣевецъ. Прежде, въ николаевское время, они всѣ значились православными; потомъ ихъ перестали безпокоить; теперь опять принялись за нихъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Таманцевъ, заинтересованный тѣмъ, какой видъ „рвенія“ выказываетъ священникъ его села, отецъ Ѳаворскій.

— Да вотъ онъ, батюшка ваше сіятельство,—Пареный

указалъ рукой на Квасова, — доложитъ. Потому онъ въ законѣ твердъ... и всякую статью, и все прочее...

Старообрядецъ былъ не рѣчистъ, только его глубоковдавленные глаза говорили, что онъ находится въ сильномъ волненіи.

Квасовъ откашлялся въ руку и крякнулъ.

— Ежели теперь вамъ не безызвѣстно, ваше сіятельство, что по законоположенію третьяго мая именуемые раскольниками обыватели, особливо по нѣкоторымъ сектамъ, ограничены въ мѣстѣ жительства и по общественнымъ должностямъ...

Таманцевъ кивнулъ головой.

— Слѣдственно, претекстъ всегда есть у тѣхъ, кто по нынѣшнему времени отличиться желаетъ или свою механику подстраиваетъ. Благопріятель мой, Данило Вонифатьевъ, состоитъ по безпоповскому согласію. И супротивникъ мой, старшина Сусловъ, первымъ дѣломъ постарался его изъ волостныхъ судей устранить. И ежели противъ вашего сіятельства муражкинцы такъ, съ позволенія сказать, наневѣжничали, то оттого именно, что Сусловъ свою кабальную гольтепу насажалъ. И въ должностныхъ людяхъ такіе лодыри и жулики очутились, какъ Ермолай Ягодкинъ, Иванъ Косица, аль опять Малюгинъ, аль Тимошка, аль Анкиндинъ Сигóвъ?

Данило при каждомъ имени поддакивалъ движеніемъ головы.

— Объ этомъ зачѣмъ же?—остановилъ Таманцевъ Квасова, уже вошедшаго въ роль обличителя своего „супротивника“.

— Я это къ слову, ваше сіятельство. Старшина поддѣлывается къ отцу Ермилу, а тотъ, послѣ небезызвѣстнаго вамъ съѣзда, противъ раскольниковъ распаляемъ нарочитымъ усердіемъ, — ротъ Квасова повела ѣдкая усмѣшка,—и по своему такому направленію онъ толкуетъ статьи Уложенія о наказаніяхъ...

Квасовъ остановился и приложилъ указательный палецъ ко лбу.

— Дай Богъ памяти... Статья стодевятидесятая Уложенія гласитъ, что ежели родители дѣтей, рожденныхъ въ православіи, совращаютъ въ свою вѣру, то дѣтей у оныхъ родителей отнимать.

Раскольникъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

— А у благопріятеля моего, — продолжалъ Квасовъ,—

дѣти были крещены, потому какъ тогда построже было, нечѣмъ впослѣдствіи, и вся округа числилась въ церковныхъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, весьма многіе придерживались старой вѣры. У васъ, на селѣ, водятся и молокане, а пожалуй и хлысты,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Что же я-то могу тутъ сдѣлать?—спросилъ Таманцевъ, немного наморщивъ правую бровь: нога у него заныла.

— Отецъ Ермилъ дѣйствуетъ сугубо на Ивана Ивановича, господина земскаго начальника. Тѣ отличаются благочестіемъ. Противъ нихъ я претензіи не заявляю. Онѣ, по навѣтамъ Суслова, дали согласіе на мое удаленіе отъ должности. Теперь отецъ Ермилъ грозитъ моему благопріятелю насильственнымъ отторженіемъ дѣтей, такъ сказать, отъ дома родительскаго. И по духу нынѣшняго времени оная опасность можетъ легко осуществиться. На васъ только и надежда, на ваше сіятельство.

Пареный безъ словъ бухнулся на полъ съ земнымъ поклономъ.

Кровь прилила къ щекамъ Таманцева. Онъ сдѣлалъ движеніе больной ногой и чуть не застоналъ.

— Не надо этого!—крикнулъ онъ.

Квасовъ быстро шепнулъ раскольнику:

— Вставай! Его сіятельство не желаютъ.

Пареный поднялся и уставилъ на Таманцева просительный взглядъ своихъ глубокихъ и совсѣмъ сухихъ глазъ.

— Теперь, братцы, вы видите, я никуда не выѣзжаю и даже не выхожу... Если Иванъ Ивановичъ заѣдетъ ко мнѣ, я поговорю, а съ отцомъ Ермиломъ я не считаю удобнымъ вступать въ переговоры.

Острая боль въ ногѣ не позволила ему докончить фразу. Онъ вытянулся и сдѣлалъ знакъ, что дольше ему трудно говорить.

— Не обезсудьте, ваше сіятельство! — вполголоса сказалъ Данило.

Квасовъ, еще разъ кашлянувъ въ руку, подвинулся шага на два впередъ.

— Про свою обиду не буду утруждать ваше сіятельство. Можно сказать, всего лишенъ; но, по волѣ Создателя, держусь, такъ сказать, на поверхности и снискиваю свое пропитаніе. Скорблю, и не я одинъ, что такой именитой особѣ, какъ графъ Андрей Павловичъ, и вдругъ господа земскіе гласные предпочли господина Кувшин-

кова, такого же разночинца, какъ и я грѣшный! Прощенья просимъ.

Онъ потянулъ Паренаго за рукавъ, и оба, мягко ступая валенками, выдвинулись въ полуотворенную дверь.

Таманцеву хотѣлось прикрикнуть на льстиваго и велерѣчиваго Квасова. Даже и этотъ плутъ, изъ усердія, напомнилъ ему про недавнюю незаслуженную обиду. Но онъ радъ былъ и тому, что просители убрались.

Внезапное колотье и нытье въ ногѣ грозили усиленіемъ болѣзни.

Лаврентій, точно догадавшись, что ему опять нехорошо, вошелъ въ кабинетъ и заботливо оглянулъ барина.

— Не прикажете ли растереть?—спросилъ онъ. — Или лѣкарство подать?

— Лучше позови Авдотью, — упавшимъ голосомъ проговорилъ Таманцевъ.

— И я сумѣю, графъ!—полуобидчиво сказалъ Лаврентій, начинавшій не на шутку ревновать барина къ „хлыстовкѣ“

XXI.

Послѣ короткаго сна, не больше часа, Таманцевъ проснулся отъ нытья въ ногѣ. Онъ предвидѣлъ, что не заснетъ до утра; когда онъ, при свѣтѣ ночника, посмотрѣлъ на часы, было всего четверть третьяго.

Болѣзнь затягивалась. Вотъ слишкомъ двѣ недѣли, какъ онъ не выѣзжаетъ изъ дому. Ему уже дѣлалось гораздо лучше, и докторъ увѣрялъ, что „живой рукой“ поставитъ его на ноги. Вышло, однако, не такъ.

Къ нему пожаловалъ отецъ Ѳаворскій, провѣдавъ, что онъ желаетъ заступиться за раскольника Данилу Паренаго. Въ тотъ день Таманцевъ чувствовалъ себя хорошо. Но этотъ священникъ „новой формаціи“, какъ его зоветъ Домашневъ, съ его дѣлечески-чиновнымъ тономъ и официальнымъ усердіемъ, вызвалъ въ немъ такое настроеніе, что разговоръ кончился „разносомъ“. Отецъ Ермилъ сначала сказался подневольнымъ человѣкомъ, котораго власти заставляютъ дѣйствовать „по закону“, но кончилъ тѣмъ, что тутъ же осерчалъ, и сталъ говорить такимъ тономъ, какого никогда прежде Таманцевъ не слыхалъ. И когда отецъ Ѳаворскій удалился, графу ясно стало, что теперь и „онъ“ съ нимъ не церемонится. Еще съ третьяго года онъ замѣчалъ, что тотъ что-то противъ него имѣлъ. Ему

его нарядчикъ тогда же объяснилъ, въ чемъ дѣло. Это человѣкъ скупой и постоянный вкладчикъ въ мѣстный банкъ. У него, кромѣ церковной, и своей земли десятинъ пятьдесятъ, и снимаетъ онъ столько же. Подъѣзжалъ онъ насчетъ аренды одной пустоши... Таманцевъ отдалъ и ее мужикамъ.

Въ ту же ночь его опять мучилъ припадокъ ревматической лихорадки, и цѣлыхъ трое сутокъ онъ сильно страдалъ. Докторъ былъ въ объѣздѣ и не могъ пріѣхать во-время. Его лѣчила Авдотья и по ночамъ безсмѣнно сидѣла около двери въ спальню. Когда боли немного стихали, чтобы какъ-нибудь облегчить безсонницу,—наркотическихъ лѣкарствъ онъ боялся,—Таманцевъ заставлялъ Авдотью разсказывать про свою судьбу, про время содержанія въ острогѣ, про судъ, а главное—про деревенскую жизнь, семейный побытъ, мужицкій судъ и расправу.

Она его удивляла и привлекала большимъ умомъ и трезвымъ взглядомъ на все, что видѣла и испытала на своемъ вѣку. Авдотья не наушничала, не желала намѣренно возстановлять его противъ мужиковъ, но изъ всего того, что она разсказывала ему, выходилъ одинъ главный итогъ: тѣ самые таманцевцы, которыхъ онъ кормилъ цѣлый годъ и которымъ отдалъ за полцѣны двѣ трети своей земли, „и рвутъ, и мечутъ“ на него же. И за что? За то, видите ли, что онъ принялъ участіе въ сосѣдней волости, по доброй волѣ „пошелъ въ ходоки“ за муражкинцевъ. А съ ними у здѣшнихъ мужиковъ бывали всегда нелады.

Такъ ему сдѣлалось горько, что онъ, на четвертую ночь, спросилъ Авдотью, не умѣетъ ли она сказывать сказки. Она не отказалась, и подъ ея низкій, пѣвучій говоръ ему удавалось забыться. И сказки ея были умныя и не безъ ехидства насчетъ „богатѣевъ“. Въ головѣ его удержалось нѣсколько выраженій и образовъ. Какъ Василій царевичъ увидалъ на берегу „гуляющую нѣкоторую мамзель“, „собою недурна и одѣта прекрасно“; какъ къ мачихѣ того же царевича ѣздилъ полюбовникъ „енаралъ“, и оба они хотѣли извести его. И генералъ спрашивалъ ее: „а что, молъ, онъ любитъ насчетъ изъ *хлѣбеннаго*, чтобы подмѣшать къ кушанью ядъ“, на что мачиха отвѣчала: „яблочный пирогъ“. И какъ „Арина да Марина принесли въ рукахъ перину. И выходятъ къ палаткѣ барыня да протопопъ“...

Безмолвіе дома охватило его жуткимъ чувствомъ. Ни одного звука! Хоть бы мышь гдѣ-нибудь заскреблась. Авдотья уже больше не дежуритъ по ночамъ. Лаврентій спитъ въ уборной, за площадкой коридора. Его соннаго дыханія тоже не слышно.

Голова возбужденно заработала. Боль въ ногѣ перешла въ еле-ощутимое нытье.

Впервые такъ осязательно стало для него то, что онъ, графъ Андрей Павловичъ Таманцевъ, столбовой титулованный дворянинъ, внукъ посланника и сына княжны Рюрикова рода, образованный европеецъ, преисполненный любви къ своей родинѣ, способный на всякую жертву, не суетный, не честолюбивый, ищущій правды, общаго блага и знанія,—а самъ-то кто же онъ въ сущности?

Бобыль! Ничтожный неслужащій дворянинъ, безъ дѣла, безъ вліянія, безъ почвы, безъ прямой, твердо намѣченной цѣли. Этого мало, что онъ въ собственныхъ глазахъ какая-то „ничевушка“, но въ той округѣ, за которую онъ хотѣлъ положить всю душу, его ни въ грошъ не ставятъ. Всякій Кувшинковъ значитъ гораздо больше. Кабатчикъ Сусловъ пересилилъ его во всемъ. Муражкинскіе мужики считаютъ его „балалайкой“; свои таманцевцы „и рвутъ, и мечутъ“ на него же; отецъ Ѳаворскій будетъ допекать раскольниковъ на зло ему.

Зачѣмъ онъ киснетъ въ этой дырѣ? Чего ждетъ? Чтобы его скрючило отъ плохого лѣченья и ухода.

Рядъ этихъ горькихъ вопросовъ слился въ одинъ главный. За кого же онъ самъ себя считаетъ? За радикала-народника или за толстовца, за демократа или за аристократа? Во что онъ самъ вѣритъ? Чему поклоняется? Что признаетъ своимъ верховнымъ судилищемъ?

Не дальше, какъ на той недѣлѣ, когда докторъ обѣдалъ у него,— ему было въ тотъ день особенно легко,— они опять заспорили на темы—„почвы“, „народа“ и „руководящаго класса“. Онъ не можетъ уже смотрѣть на Илью Ефимовича, какъ смотрѣлъ еще полгода назадъ. Теперь ему особенно ясно припомнилась оцѣнка его, сдѣланная петербургскимъ беллетристомъ Малышевымъ, его „благопріятелемъ“, — любимое выраженіе Домашнева, — а также и бывшаго писаря Квасова. Развѣ эта оцѣнка не вѣрна? Илья Ефимовичъ носитъ „мундиръ“. Онъ добрый малый, получившій въ юности зарядъ радикальнаго народничества. Но въ немъ явное двоевѣріе. Онъ стоитъ за

западную науку и свободомысліе, онъ считаетъ себя „интеллигентомъ“, онъ не прочь пройтись насчетъ „дремучаго невѣжества“ и „нравственной дикости мужичья“, и въ то же время его ultima ratio — все тотъ же народъ; онъ способенъ проповѣдывать всеобщую нивеллировку, у него, на каждомъ шагу, замашки опростѣлаго студента, воображающаго, что какъ только рухнутъ извѣстные „запреты“, то настанетъ Эльдорадо. И пріятель Домашнева отлично раскусилъ это...

А Эльдорадо не будетъ, хоть сдѣлай сію минуту всѣхъ крестьянъ никандровскаго уѣзда собственниками по десяти десятинъ на душу — больше-то и не хватитъ земли. Что у нихъ будетъ — про то знаетъ превосходно каждый трезвый и честный „старикъ“ на селѣ, про то знаетъ Авдотья Сосипатрова и писарь Квасовъ, и отецъ Ѳаворскій, и умная и „дотошная“ — такъ вѣдь называютъ ее мужики—Клавдія Колчанова.

Вотъ съ кого слѣдовало бы ему брать примѣръ, не въ скопидомствѣ, не въ дѣлечествѣ, а въ ясности цѣлей, въ увѣренности чувства своего „я“, своего культурнаго превосходства. Если ужъ возиться съ народомъ для его же блага, то надо это дѣлать, прежде всего, путемъ полнаго развитія *своей личности*, не забывая, что ты не захудалый ярыжка разночинецъ, а человѣкъ, призванный къ высшему типу жизни.

Но развѣ среди его „народа“ тѣ, кто хочетъ смѣло поднимать голову, кто хочетъ оздоровлять гнилыя болота, могутъ надѣяться на иной исходъ, кромѣ исковерканной личной жизни? Еще такіе, какъ Домашневъ—удачники. Даже и тѣ, кто посильнѣе „пострадалъ“. Тѣ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на себя какъ на мучениковъ и предтечей. А они—просто люди обиходнаго дѣла, рожденные въ странѣ или занесенные въ нее мачихой-судьбой?

Какъ разъ послѣ горячаго спора съ докторомъ, онъ, подъ-вечеръ, велѣлъ Лаврентію достать изъ шкапа томъ Соловьева и читалъ до поздней ночи: захотѣлось уйти въ старину, въ шестнадцатый вѣкъ, въ ту эпоху, когда московско-русскій духъ уже проявлялъ себя во всей своей красѣ. Вмѣсто религіи—изувѣрство, обрядъ, заматерѣлая буква, вотъ то самое, что до сихъ поръ сидитъ въ каждомъ раскольникѣ Данилѣ Пареномъ. Дай ты ему власть—и онъ будетъ всѣхъ церковныхъ жечь и заключать въ кандалы. И въ тѣ времена, на одного Нила Сорскаго —

сотни такихъ изувѣровъ, какъ Іосифъ Волоцкой и архіерей Геннадій. Несчастный Максимъ Грекъ, ученый, тонко развитый, убѣжденный, съ высокими идеалами христіанина, слушатель и почитатель Савонаролы, другъ итальянскихъ и французскихъ гуманистовъ, читавшій Петрарку, Данте, Боккачіо, Бруни, Салютàти, съ горячимъ рвеніемъ наставить и просвѣтить варваровъ „московитовъ“, вызванный для исправленія книгъ этихъ самыхъ московитовъ—чѣмъ онъ кончилъ? Попалъ въ ловушку, въ чисто московскую западню, гдѣ его предательски держали, не внемля его частымъ мольбамъ отпустить его домой. А потомъ розыскъ, судъ, быть-можетъ, пытка, долгіе годы заключенія въ вонючихъ монастырскихъ застѣнкахъ, въ кандалахъ. Чуть не казнь на кострѣ! Савонаролу тоже сожгли. Сожгли и Гуса, сожгли и Джордано Бруно. Но тѣ сознательно подрывались подъ царство „вавилонской блудницы“. А онъ отъ всего разумѣнія своего переводилъ московитамъ съ греческаго текстъ священнаго писанія. Вотъ и вся его вина!

Такъ это далеко и вмѣстѣ такъ близко! Развѣ каждый просвѣщенный человѣкъ, считающій себя къ чему-либо призваннымъ, не можетъ и теперь попасть въ своего рода ловушку, подставленную когда-то Максиму Греку московскими людьми, признававшими за собою полное право обличать его и мучить?

И крупная, чисто московская фигура князя Курбскаго вставала передъ нимъ. Этотъ Рюриковичъ догадался, наконецъ, что нельзя дышать тамъ, гдѣ ни доблесть, ни порода, ни благочестіе, ничто не высвободитъ тебя изъ вѣчной кабалы и пресмыкательства. Убѣжалъ—и на чужбинѣ, снѣдаемый горечью тоски по родному краю, отводилъ душу въ уличеніяхъ полубезумнаго властелина, обдававшаго его, въ своихъ отповѣдяхъ, безсильной яростью. Какой поражающій примѣръ!

Мысли, образы, вопросы, восклицанія такъ и роились пестрыми кругами въ головѣ Таманцева. Онъ совсѣмъ забылъ о боли. Не безпокоилъ уже его и страхъ пролежать съ открытыми глазами до самаго утра. Мозговая лихорадка перешла подъ конецъ въ новый наплывъ тоски одиночества.

Сердце его точно замерло, а ему всего тридцать лѣтъ. Тамъ, въ Петербургѣ, женщина, выбравшая въ мужья Лушкова. И она уже раскаивается... Петя Долговъ пи-

шетъ объ этомъ подробно. Но развѣ ему легче? Злобы и мстительнаго чувства въ немъ нѣтъ. Гадко было бы питаться имъ, да и не такая у него натура.

Образъ красивой и симпатичной его пріятельницы не могъ не придти ему подъ самый конецъ. Младшая Колчанова полна сочувствія его личности, всему, что̀ для него дорого. Въ эти двѣ недѣли дня не проходило, чтобы она не присылала узнать о его здоровьѣ, пріѣзжала съ сестрой нѣсколько разъ, вызывалась быть его чтицей. Неужели въ немъ все еще сидитъ баричъ съ нездоровымъ влеченіемъ къ такимъ изломаннымъ существамъ, какъ Кэтъ? Неужели его сосѣдка виновата въ томъ, что ее зовутъ „Глафирой“? И что же его согрѣетъ, какъ не пылкое чувство такой дѣвушки? Кто, какъ не она, освободитъ его отъ тяжкаго чувства своего душевнаго бобыльства?

На разсвѣтѣ онъ забылся.

XXII.

Въ концѣ той же недѣли къ Таманцеву съѣхались въ дообѣденное время докторъ и новое лицо въ уѣздѣ—кандидатъ въ предводители.

Хозяину было уже гораздо лучше; онъ могъ съ палкой ходить по комнатамъ.

Всѣ трое разсѣлись въ кабинетѣ: докторъ — полулежа на кушеткѣ, кандидатъ — противъ Таманцева, въ широкомъ креслѣ.

Этого „кандидата“ звали Николай Алексѣевичъ Томилинъ. Въ уѣздѣ его мало знали. Выбрали его какъ-то экспромптомъ, и онъ исправлялъ теперь должность предводителя, проживавшаго по болѣзни за границей.

Къ нему Таманцевъ немного ближе присмотрѣлся на земскихъ выборахъ, гдѣ Томилинъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто его искренно уговаривалъ и такъ же искренно возмутился, когда „купецкій интеллигентъ“—онъ такъ назвалъ Кувшинкова—прошелъ въ предсѣдатели. Вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ Сурепинымъ онъ, за обѣдомъ въ тотъ же день, извинялся передъ Таманцевымъ и повторялъ:

— Мы словно нарочно подвели васъ, графъ!

Наружность и тонъ Томилина нравились Таманцеву. Уже не молодыхъ лѣтъ, сѣдой, курчавый, бородатый, невысокаго роста—онъ мало смахивалъ на помѣщика. Умные каріе глаза глядѣли добродушно и немного строго, мор-

щинистый лобъ часто хмурился, но по лицу скользила пріятная усмѣшка бывалаго и мыслящаго человѣка.

Про его прошедшее Таманцевъ зналъ, что Томилинъ служилъ „по ученой части", какъ говорили въ уѣздѣ, т.-е. занималъ профессорскую каѳедру, давно вышелъ въ отставку изъ-за столкновенія съ начальствомъ и до сихъ поръ работаетъ въ одномъ изъ столичныхъ изданій. Въ деревнѣ онъ живетъ больше по лѣтамъ. Жена его умерла здѣсь въ прошломъ году. Его считали „краснымъ", и многіе удивлялись — одни тому, что его выбрали, другіе тому, что онъ пошелъ въ кандидаты на сословную должность.

Разговоръ коснулся управы и новаго предсѣдателя Кувшинкова.

Томилинъ очень тактично хотѣлъ избѣжать такой темы, невзначай задѣтой докторомъ, но Таманцевъ сейчасъ же показалъ, что для него это совсѣмъ не деликатный вопросъ.

— Я получилъ второе предостереженіе, — съ тихимъ юморомъ сказалъ онъ.—И оба отъ господъ землевладѣльцевъ первенствующаго сословія.

— Это какого?—громко окликнулъ докторъ и завозился на кушеткѣ.

— Отъ православнаго хрестьянства, — выговорилъ Томилинъ своимъ пріятнымъ баритономъ.—Вы вѣдь его разумѣли, графъ?

— Конечно... Дѣло прошлое, но мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало баллотироваться.

— Почему же, графъ?—возразилъ Томилинъ и перемѣнилъ позу.—Съ какой стати такимъ убѣжденнымъ и свѣжимъ людямъ, какъ вы, сторониться передъ всѣми этими якобы культурными коммерсантами?

Докторъ вбокъ взглянулъ на Томилина.

— Николай Алексѣевичъ! Вы, батенька, что-то ужъ очень строги стали!

Доктора и кандидата Таманцевъ считалъ людьми одного лагеря, хотя они и не были особенно близки. Вѣроятно, Домашневъ, зная прошедшее Томилина и его участіе въ журналѣ „съ хорошимъ направленіемъ", недоумѣвалъ, зачѣмъ онъ пошелъ на *сословную* должность.

Сегодня Таманцеву, съ самаго начала ихъ бесѣды, безпрестанно припоминались опять фразы писателя Малышева о докторѣ. Томилинъ долженъ быть во многомъ такой же

прямолинейности. Но въ немъ есть нѣчто болѣе своеобычное и смѣлое.

— Строгъ? — послѣ маленькой паузы отозвался кандидатъ, повернувъ голову въ сторону кушетки. — И радъ былъ бы, Илья Ефимовичъ, быть строгимъ съ нашимъ братомъ-дворяниномъ, да теперь уже и строгость не поможетъ.

— Вы точно и въ самомъ дѣлѣ сокрушаетесь объ этомъ?—спросилъ, тряхнувъ головой, Домашневъ.—Ваши взгляды, Николай Алексѣевичъ, мы знаемъ. Да и графъ не станетъ впадать въ сословную обиженность изъ-за того только, что ему предпочли коммерсанта Кувшинкова.

— Мы не о томъ съ вами толкуемъ, — остановилъ его Томилинъ и пристально поглядѣлъ на него. — Ничего въ томъ нѣтъ хорошаго, что теперь помѣщичій классъ въ уѣздѣ такъ опустился и захудалъ.

— Вотъ хватились!

Возгласъ доктора не смутилъ Томилина.

— Тѣмъ хуже, что теперь и заново-то нельзя начинать. Разберите вы, гдѣ, въ былое время, ютилась культура? Въ помѣщичьей усадьбѣ. Не у грандовъ, не у магнатовъ, они и тогда рѣдко осѣдали въ уѣздѣ, а у средняго помѣщика. Помню, юнцомъ, гимназистомъ, пріѣдешь, бывало, къ сосѣдямъ, войдешь въ зальцу — клавикорды стоятъ старинные, шкапъ съ книгами, картины, иногда очень недурныя. А нынче? Мерзость запустѣнія—въ полномъ смыслѣ! Знаю, что невкусно жить теперь въ деревнѣ, особливо семейнымъ, особливо барышнямъ. Часто и жить-то не на что и не зачѣмъ! Голыя стѣны, топятъ у насъ, въ лѣсномъ краю, соломой; клавикорды давно на дрова пошли; книги на вѣсъ лавочнику проданы.

— Что жъ тутъ сокрушаться?—перебилъ Домашневъ и вышелъ на средину комнаты. — Это неизбѣжный ходъ! Эволюція! Сословіе держалось за вотчинное и рабовладѣльческое право. Значитъ, мало у него было собственнаго пороха, коли оно такъ быстро впало въ полную мизерію. Таковъ культурный ходъ, господа! Возьмите вы индустрію, капиталистическое производство. Тираннія капитала! Всемогущая мошна царитъ вездѣ. А въ сущности господа капиталисты, сами того не понимая, работаютъ надъ разрѣшеніемъ великаго рабочаго вопроса.

Томилинъ сдѣлалъ жестъ рукой и прервалъ имъ горячую тираду доктора.

— Это вы все по Марксу валяете, Илья Ефимовичъ,— сказалъ онъ тономъ человѣка, которому слишкомъ хорошо все это извѣстно, какъ бывшему профессору.—Comparaison n'est pas raison, — выговорилъ онъ, взглянувъ на Таманцева.—То, что было лучшаго въ помѣщичьемъ классѣ — культура,—протянулъ онъ,—идеи, знанія, книжки, вотъ эти самые клавикорды,—все это можно было бы сохранить и безъ рабовладѣльчества. И все это пошло на такую убыль, что страшно становится.

— За кого?—задорно крикнулъ докторъ.

— За всю страну, батюшка мой, за всю страну!—уже горячѣе выговорилъ Томилинъ, и его смуглыя щеки стали краснѣть.—Вотъ за кого!—повторилъ онъ значительно и поднялъ голову.

— Почему же, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, вы сводите всю россійскую культуру къ вашему сословію?

— Почему же, — ласково осадилъ его Томилинъ, — оно мое сословіе? Это классъ, имѣвшій огромное значеніе для всей страны. Изъ него вышли Пушкинъ и Лермонтовъ, Тургеневъ и графъ Толстой, Грибоѣдовъ и Гоголь.

— И такъ далѣе, и такъ далѣе. Мы слыхали этотъ акаѳистъ!

— Да; и такъ далѣе! И Радищевъ, и Чаадаевъ, и Николай Милютинъ, и Кавелинъ, и князь Васильчиковъ, и сотни ученыхъ, публицистовъ и людей всѣхъ эпохъ, до настоящей минуты, истинно любившихъ и любящихъ свою родину. И не слѣдуетъ этого забывать! А культура—не такая вещь, что ее можно заказать тульскому мастеру, чтобы онъ ее смастерилъ въ двое сутокъ. Ее надо хранить, передавать! И не господамъ Кувшинковымъ вобрать въ себя это преемство.

— Въ васъ человѣкъ бѣлой кости заговорилъ, Илья Ефимовичъ!

— Вовсе нѣтъ!—спокойно и твердо выговорилъ Томилинъ и тоже поднялся съ кресла. — Мнѣ, впрочемъ, все едино, какъ вы перетолкуете мои слова.

— Почему же культура сытыхъ землевладѣльцевъ особенно драгоцѣнна?—крикнулъ докторъ.

— Потому что въ нихъ было духовное начало, идеи были, вкусы, стремленія высшаго порядка. Не вѣрю я этимъ интеллигентнымъ купчикамъ, въ родѣ господина

Кувшинкова. Своего за душой у нихъ нѣтъ ровно ничего! Все наворовано. У кого? У дворянъ же. По-моему, господа, гораздо достолюбезнѣе были ихъ тятеньки, которые въ трехъ каретахъ ѣздили и вѣрили, что есть на землѣ бѣлая Арапія. У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, хоть прорывалось нутро! Бога знали! Способны были, въ минуту душевнаго сокрушенія, отвалить полмилліона на богадѣльни. А въ этихъ скаредное честолюбіе и смѣхотворное обезьянство! Порода ихъ идетъ вся отъ мужика, а они мужика презираютъ, хотя и разжились на тотъ же мужицкій трудъ, да еще какой! На фабричной каторгѣ, которая почти вездѣ вдвое тяжелѣе и унизительнѣе полевой работы, даже изъ временъ нашей барщины. А дворяне, которые создали русскую интеллигенцію, сами, по доброй волѣ, поклонялись мужику и стали у него открывать высшую правду! И не со вчерашняго дня, Илья Ефимовичъ, а уже больше полвѣка, съ первыхъ славянофиловъ, а они сплошь были баре, да еще богатые и родовитые баре! Одинъ Хомяковъ чего стоитъ!

Томилинъ бросилъ окурокъ и, обернувшись къ хозяину, спросилъ:

— Такъ ли, графъ?

— Кажется, какъ будто и такъ, — вдумчиво отвѣтилъ Таманцевъ.

— Ну, нѣтъ-съ! — крикнулъ докторъ, собираясь возражать.

Въ дверяхъ стоялъ Лаврентій и докладывалъ:

— Барышни Колчановы. Прикажете просить въ гостиную?

Опираясь на палку, хозяинъ быстро поднялся.

XXIII.

Въ гостиной оказалось очень свѣжо, и хозяинъ попросилъ дамъ въ кабинетъ, извиняясь за нѣкоторый безпорядокъ.

— Мы, графъ, посидимъ здѣсь на кушеткѣ, мы съ холода,—говорила Клавдія, снимая съ шеи мѣховое боа.

Глафира была въ атласномъ капорѣ съ мѣхомъ. Ей показалось, что Таманцевъ слишкомъ возбужденъ разговоромъ. Но радовало то, что онъ уже на ногахъ.

— У васъ, господа,—бойко спросила Клавдія, осматривая мужчинъ,—большой диспутъ, кажется, происходилъ? Мы его прервали.

— Да вотъ господа дворяне, — полушутливо откликнулся докторъ,—совсѣмъ меня заклевали.

— Что такъ?

Клавдія подмигнула доктору. Она съ нимъ тоже всегда спорила, когда онъ заѣзжалъ къ нимъ.

— Вотъ Николай Алексѣевичъ,—онъ указалъ на кандидата,—сверхъ всякаго ожиданія, объявился какъ защитникъ сословной культуры.

— Позвольте-съ! — остановилъ Томилинъ. — Почему же сословной? Я этого не говорю. Культура одна. И если она держалась въ помѣщичьихъ усадьбахъ, о которыхъ я упомянулъ, то таковъ былъ фактъ. И нечего радоваться тому, что теперь въ этихъ усадьбахъ мерзость запустѣнія.

— Разумѣется, нечего!—вскричала Клавдія.—Мы знаемъ доктора. Ему бы всѣхъ подвести къ одному знаменателю и обсахаривать мужичка.

— А вы, Глафира Спиридоновна? — обратился Домашневъ къ младшей сестрѣ. — Неужели и вы меня не поддержите?

Глафира повела глазами въ сторону кресла, въ которомъ сидѣлъ Таманцевъ, опять съ пледомъ на ногахъ.

Съ докторомъ она однихъ взглядовъ на многое, въ томъ числѣ и на „служеніе народу“; но она не можетъ же не признавать того, что такіе дворяне, какъ графъ Андрей Павловичъ,—представители высшей культуры. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ она сейчасъ же бы увлеклась этой темой; но въ ту минуту ее безпокоило то, что Таманцевъ можетъ взволноваться и опять сляжетъ.

— Неужели,—продолжалъ докторъ уже въ полушутливомъ тонѣ, — и вы, какъ его сіятельство, ограничитесь двойственнымъ мнѣніемъ? Вотъ передъ вашимъ приходомъ Андрей Павловичъ на категорическій вопросъ Николая Алексѣевича: „такъ ли, молъ, графъ?“ — изволилъ отвѣтить: „кажется, какъ-будто и такъ“. Въ родѣ какъ знаете... въ семидесятыхъ годахъ умѣренные либералы печатали въ передовицахъ: „трудно не сознаться, однако, надо признаться“... Ха-ха!

Таманцевъ посмотрѣлъ пристально на Глафиру, и они улыбнулись другъ другу. Глаза его заискрились. Онъ сдѣлалъ такой жестъ головой, что-де я и теперь то же скажу.

— Илья Ефимовичъ не клевещетъ на васъ, графъ?— спросила Клавдія, поднялась съ мѣста и присѣла къ письменному столу.

— Нѣтъ, не клевещетъ,—отвѣтилъ Таманцевъ кротко, но съ блескомъ въ глазахъ,—только онъ желаетъ придать моимъ словамъ особенную окраску. Что же! Вы мои друзья,—вы, Глафира Спиридоновна, докторъ. И вамъ образъ моихъ мыслей былъ извѣстенъ. Я не хитрилъ, ни къ кому и ни къ чему не поддѣлывался.

— Еще бы!

Этотъ возгласъ вылетѣлъ изъ груди Глафиры. Всѣ на нее оглянулись въ разъ. Она замѣтно покраснѣла.

— Благодарю васъ, Глафира Спиридоновна. — Таманцевъ привѣтствовалъ ее ладонью руки. — Если угодно, я вамъ скажу откровенно, что̀ во мнѣ происходитъ въ послѣднее время. Это не разладъ, а какъ бы сказать... подведеніе итоговъ.

— И прекрасно!—замѣтилъ вполголоса Томилинъ.

— Андрей Павловичъ! Батюшка! — вскричалъ докторъ, занявшій позицію у шкапа, въ простѣнкѣ.—Не торопитесь вы подводить итоги. Развѣ не правда, что вы и три года назадъ, и въ прошломъ году, когда вернулись изъ Питера, повторяли на разные лады, что высшій классъ, считающій себя солью земли, другими словами, ваше сословіе, не имѣетъ себѣ никакого оправданія въ томъ, что̀ оно изъ себя представляетъ? Ни идеи, ни труда, ни доблести, ни любви къ родинѣ, ни уваженія къ народу, ни жалости къ нему.

— Позвольте,—остановилъ Таманцевъ и выпрямился.— Всѣмъ этимъ пораженъ только извѣстный слой дворянства. Петербургъ полонъ такихъ баръ. Разные заграничные курорты—также. Свѣтъ, считающійся высшимъ,—сполна пустякъ и обезьянство, постыдное ренегатство передъ родиной. Я и теперь то же скажу.

— Гдѣ же провести демаркаціонную линію? — не сдавался докторъ.—Какой свѣтъ высшій и который средній? Есть классъ лицъ, воспитанныхъ въ томъ, что они — избранныя существа, а все остальное—мразь.

— Полноте!—вскричалъ Томилинъ. — Это шаблонъ. Во всей нашей губерніи вы теперь такихъ баръ не найдете и дюжины. Изъ-за своихъ животишекъ бьются, какъ бы продышать только.

— Ну, да. Только изъ-за своихъ животишекъ и бьются. Цѣна ему грошъ, его нельзя въ сторожа̀ взять, а онъ бѣжитъ къ губернатору — мѣсто ему давайте. Онъ не можетъ пустыхъ щей хлебать. Ему подайте сардинокъ на

закуску и голландскаго полотна рубашки носить, и въ винтъ по копейкѣ играть.

— Я ихъ не защищаю, — горячѣе возразилъ Таманцевъ.—Ни за ними, ни за собою я никакихъ особыхъ кастовыхъ правъ не признаю. Но Николай Алексѣевичъ не о томъ говорилъ. Надо брать то, что̀ жизнь даетъ. Есть въ уѣздѣ люди со средствами, съ образованіемъ, съ желаніемъ служить общему дѣлу. Они, такъ или иначе, представляютъ собою руководящій классъ. Да или нѣтъ?

— Въ абстракціи!—крикнулъ докторъ.

— Нѣтъ, не въ абстракціи,—осадилъ его Томилинъ,— а на самомъ дѣлѣ. И уступать чумазому ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, хотя бы онъ былъ и мужицкаго рода. Я и самъ прежде впадалъ въ ложную сентиментальность. Вотъ изволите видѣть,—Томилинъ поднялся,—я вѣдь совсѣмъ не на хорошемъ счету: безпокойный профессоръ, пожалуй еще красный, непріятный публицистъ, а я очутился въ кандидатахъ на дворянскую должность. И сознательно! Потому что должность эта теперь самая вліятельная и важная. Только, — прибавилъ онъ, поведя головой, — предводителемъ меня ни въ жизнь не утвердятъ. Умри нашъ предводитель,—чего я ему, конечно, въ скорости не желаю,— я искренно огорчусь, если меня не утвердятъ. И способенъ буду на цѣлое трехлѣтіе оставить мое журнальное дѣло. Извините, графъ! — сдержалъ онъ себя.—Я васъ перебилъ, а послѣднее слово принадлежитъ вамъ. Илья Ефимовичъ, ради Бога, не перебивайте и вы!

Обѣ сестры напряженно слушали: Клавдія—съ довольнымъ выраженіемъ; Глафира — съ полуопущенными рѣсницами и серьезнымъ лицомъ. Внутренно она была въ волненіи.

— Илья Ефимовичъ, — началъ Таманцевъ, — да и вы всѣ, — провелъ онъ въ воздухѣ рукой, — не заподозрите меня въ личномъ раздраженіи. Что жъ! Два раза потерпѣлъ фіаско, и въ оба раза мужички нельзя сказать, чтобы особенно симпатично отнеслись ко мнѣ. Но я во всемъ этомъ виню только самого себя.

— Съ какой стати! — воскликнула Глафира. — Вы виноваты?..

— Я, Глафира Спиридоновна, никто больше. Оттого, что у меня все еще нѣтъ, здѣсь, въ уѣздѣ, на своей землѣ, никакого прямого, кровнаго дѣла. Мнѣ это, вотъ

тамъ, въ палисадникѣ, разъ, весной, развилъ Илья Ефимовичъ, и онъ правъ!

— Слава Богу!—откликнулся докторъ.

— Только онъ,—продолжалъ съ тихимъ волненіемъ Таманцевъ, указывая на Домашнева,—не то понималъ подъ этимъ кровнымъ дѣломъ, что я теперь думаю.

Глафира подалась впередъ всѣмъ корпусомъ и уже не сводила глазъ съ Таманцева.

— Что же, что же, графъ?—своей дробной скороговоркой спросила Клавдія.

— А вотъ что, господа! Прежде всего—быть самимъ собою. Ни отъ чего не отказываться: ни отъ породы своей, ни отъ положенія, ни отъ власти, ни отъ чего. Сознать себя самого и дать своему „я“ полный ходъ. Вотъ—живой примѣръ! — обернулся онъ къ Клавдіи, и въ ту же минуту Глафира измѣнилась въ лицѣ.

— Чего?—спросила ея сестра.

— Того, какъ личность сама себѣ довлѣетъ, выражаясь философски. Вы ни къ чему не поддѣлываетесь, никому насильно не благодѣтельствуете, и благо вамъ будетъ! То, что вы дѣлаете съ вашей землей и капиталомъ, то и мнѣ надо дѣлать съ тѣмъ, въ чемъ я могу быть...

— Первымъ номеромъ! — вскричала Клавдія, вся раскраснѣвшаяся. Ей чрезвычайно польстили неожиданныя слова Таманцева.

— Истину глаголете!—громко выговорилъ Томилинъ.

— Какъ сказать!—замѣтилъ докторъ.

XXIV.

Въ столовой—ее сегодня протопили съ утра—засидѣлись Таманцевъ и сестры Колчановы.

Мужчины уѣхали. За обѣдомъ много говорили и спорили. Клавдія гораздо больше сестры участвовала въ разговорѣ, и всѣ трое—она, Таманцевъ и Томилинъ—выступали противъ Домашнева. Тотъ, въ началѣ обѣда, нѣсколько разъ обращался къ Глафирѣ за „подкрѣпленіемъ“. Она кое-въ-чемъ съ нимъ соглашалась, но въ общемъ держала себя только слушательницей, что было очень мало похоже на нее.

Клавдія встала и посмотрѣла на свои часы.

— Гланя!—окликнула она.—И намъ пора во-свояси.

— Посидите,—сказалъ Таманцевъ.—Еще не поздно. Да и ночь будетъ свѣтлая. Вы духомъ доѣдете.

— У васъ тамъ одна статейка меня заинтересовала, графъ. Въ послѣдней книжкѣ...

Она назвала журналъ.

— Угодно взять съ собою?

— Нѣтъ. Я ее просмотрю... на четверть часа чтенія...

— А мы здѣсь еще посидимъ, не правда ли, Глафира Спиридоновна, чтобы не мѣшать.

— Вамъ не свѣжо ли здѣсь?—спросила Глафира.

— Нѣтъ. Тутъ надлежащая температура, — шутливо отвѣтилъ Таманцевъ.

Клавдія вышла. Сестра поглядѣла ей вслѣдъ и не сразу обернула голову къ Таманцеву. Ее немного смутило то, что Клавдія точно нарочно отыскала предлогъ удалиться и оставить ихъ съ-глазу-на-глазъ.

Вѣроятно, она поступила по́просту, какъ всегда дѣлала, но графъ могъ подумать...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Глафира была тронута поведеніемъ сестры, съ умысломъ она удалилась или нѣтъ. Графъ такъ „возвеличилъ“ Клавдію тамъ, въ кабинетѣ, въ началѣ общаго разговора, что другая бы на ея мѣстѣ о себѣ „возмечтала“. И въ самомъ дѣлѣ, почему она, съ ея умомъ и характеромъ, не могла, не заботясь объ этомъ, привлечь его, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, когда онъ переходилъ, въ уѣздѣ, отъ одной обиды къ другой? Онъ жаждетъ дѣла, а Клавдія очутилась его „идеаломъ“. Но такъ ли это? Можетъ ли онъ ограничиться тѣмъ, какъ она живетъ и дѣйствуетъ?

Во весь обѣдъ въ головѣ Глафиры неотступно стоялъ этотъ вопросъ и на сердцѣ щемило.

Они сидѣли рядомъ — онъ въ креслѣ, перенесенномъ изъ кабинета, она—на стулѣ.

— Андрей Павловичъ! — тихо окликнула она его, не поднимая на него глазъ,—позвольте мнѣ одинъ вопросъ.

— Хоть десять, Глафира Спиридоновна.

Онъ протянулъ руку, лежавшую на столѣ, и его пальцы дотронулись до ея руки.

— Вы видѣли... я больше молчала за обѣдомъ.

— И это на васъ не похоже.

— Да. Я большая спорщица. И Клавдинька постоянно язвитъ меня... находитъ, что я слишкомъ много разглагольствую.

— Будто бы?—возразилъ Таманцевъ и ласково взглянулъ на нее.

— Вы сами знаете, графъ.

— Что же такъ церемонно, Глафира Спиридоновна? Или я чѣмъ-нибудь провинился передъ вами?

— Съ какой стати?

— Вы сегодня... плохо поддерживали добрѣйшаго Илью Ефимовича, а вѣдь онъ—вашъ союзникъ.

— И я вашъ союзникъ, — съ удареніемъ вымолвила Глафира и нагнула голову.—Только...

— Только — что? — протянулъ Таманцевъ и положилъ ладонь на ея руку.

Она не отнимала.

— Вѣдь не правда ли, Андрей Павловичъ, — Глафира застыла въ одной позѣ и все еще не поднимала на него глазъ, — то, что вы высказали тамъ, въ кабинетѣ, и потомъ развивали за обѣдомъ—это желаніе быть самимъ собою—оно не пойдетъ въ ущербъ всему, что въ васъ есть самаго дорогого и привлекательнаго?..

Голосъ ея дрогнулъ.

— Скажите попроще, Глафира Спиридоновна. У васъ выходитъ такъ торжественно.

— Простите. Я знаю. Это все во мнѣ книжка. Слишкомъ еще во мнѣ много осталось курсистки. Но вы меня понимаете?

Глаза Глафиры, въ эту минуту очень красивые, обратились къ нему.

Все въ этой дѣвушкѣ трепетало страстнымъ чувствомъ къ нему. И такая она была милая и привлекательная, съ ея чудеснымъ лицомъ и величавымъ станомъ.

— Вы боитесь, — искренно откликнулся Таманцевъ,— какъ бы я не ударился во что-нибудь для васъ несимпатичное?

— Теорія личности растяжима, Андрей Павловичъ.

— Оставимъ отвлеченные термины. Положимъ, что во мнѣ теперь переломъ. Да, я не могу вторить во всемъ Домашневу. Не смущайтесь этимъ. Вы сами видите, что если каждому изъ насъ, и вамъ въ томъ числѣ, отрѣшиться отъ своего „я“—мы и для народа не будемъ ни на что годны. Не жертвы надо приносить, а быть нужнымъ, необходимымъ. Это совсѣмъ не одно и то же. И безъ того придется стоять одному.

Онъ не докончилъ и опустилъ голову.

— Да, вы слишкомъ настрадались отъ непониманія,— заговорила Глафира, охваченная внезапнымъ волненіемъ.—

Другой бы на вашемъ мѣстѣ давно бросилъ деревню. У васъ нѣтъ никакой личной жизни, никакой радости. И никто не хочетъ понять въ васъ человѣка. Для всѣхъ—ширма: ваше положеніе... то, что вы—графъ Таманцевъ. Домашневъ не можетъ также отрѣшиться отъ такого чувства. Я уже не говорю о такихъ выскочкахъ, какъ Кувшинковъ.

— Вы ужъ очень... Забудьте, что онъ меня, какъ говорятъ въ картахъ, подсидѣлъ на выборахъ. Это прекрасный урокъ! Я ему очень благодаренъ. Вы вѣдь съ его женой попрежнему въ хорошихъ отношеніяхъ?—спросилъ просто Таманцевъ.

— Я у нихъ не бываю,—суше выговорила Глафира и повернула голову къ двери.

— Неужели... изъ-за меня?—невольно вырвалось у него, и онъ движеніемъ руки придвинулъ свое кресло.

— Я не могла, Андрей Павловичъ, играть двойственную роль. Съ его женой я была хороша. Но я въ ней разочаровалась... Она позволяла ему такія выходки... Словомъ,—съ усиліемъ кончила она,—у насъ вышло объясненіе, послѣ котораго я не желаю бывать у нихъ.

— Мнѣ, право, совѣстно...—проронилъ Таманцевъ.

— Рано или поздно это должно было случиться... Клавдинька со мной часто споритъ; но я нахожу, что такіе помѣщики, какъ Кувшинковъ—лисы въ овчинныхъ шкурахъ, и на мѣстѣ дворянъ я бы всячески ихъ выкуривала. Томилинъ тысячу разъ правъ: надо хранить традиціи, прирожденное благородство души. Онъ и тонко воспитаннымъ, и ученымъ себя считаетъ, а душа-то у него рядская.

— Оставимъ его,—выговорилъ Таманцевъ, взялъ руку Глафиры и поцѣловалъ ее.

Она вся встрепенулась и замерла. Ея рука вздрагивала.

Что-то теплое зашевелилось и въ его груди.

— Вы—настоящій другъ,—началъ онъ, замедляя тэмпъ своей рѣчи,—настоящій,—протяжно повторилъ онъ.—Я не смѣю жаловаться на одиночество... на то, что меня не понимаютъ. Чего же мнѣ еще?

И онъ еще разъ поднесъ ея бѣлую и нѣсколько полную руку къ губамъ.

Потребность въ ласкѣ заговорила въ немъ впервые около этой дѣвушки.

„Въ самомъ дѣлѣ,—мелькнуло у него въ душѣ,—чего же

еще тебѣ? Если ты покончилъ съ Петербургомъ и хочешь сидѣть здѣсь, на землѣ, какой же тебѣ еще подруги? Неужели отойдешь отъ нея оттого только, что она купчиха?“

Онъ устыдился этого вопроса, взялъ Глафиру за обѣ руки и, пожимая ихъ крѣпко, выговорилъ:

— Да, ваша сестра—Марѳа, а вы—Марія. Такой сочувственницы нигдѣ не найдешь. Вы—не тѣ изломанныя существа, которыми я когда-то увлекался.

Щеки ея стали ровно розовѣть. Она дышала глубоко и нервно. Скажи онъ еще одно слово, произнеси одинъ нѣжный звукъ—она перестала бы владѣть собою.

— Вотъ я и готова!—раздался громкій голосъ Клавдіи.

Она стояла уже въ дверяхъ. Глафира отняла руки. Таманцевъ остался въ той же позѣ. Но Клавдія замѣтила, какъ ихъ головы были близки одна къ другой.

— Неужели прочли? — спросилъ Таманцевъ и отодвинулся слегка отъ края стола.

— Пробѣжала. И знаете, графъ, очень меня порадовало то, что теперь и господа радикалы очухались: не стукаютъ лбомъ передъ своимъ идоломъ—сермягой. Пора и честь знать! И они нападаютъ на мистическихъ народниковъ. Только, между нами говоря, они сами себя бьютъ. Лѣтъ десять-пятнадцать назадъ, они сами въ то же изувѣрство впадали. Ну, да спасибо и за то, что за умъ взялись, хоть и заднимъ числомъ.

Глаза Клавдіи весело оглядывали ихъ обоихъ. Она была безкорыстно счастлива за сестру. Что-то такое у нихъ вышло сейчасъ передъ ея приходомъ. Бѣдная Гланя совсѣмъ изведется, если ея страстное чувство не найдетъ отклика.

— Ѣдемъ? — быстро спросила Глафира, поднимаясь со стула.

— „Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ!“ — отвѣтила Клавдія возгласомъ изъ „Ревизора“. Она была охотница цитировать изъ Гоголя.

Таманцевъ поднялся, опираясь на палку.

— Пріѣзжайте ко мнѣ на цѣлый день. Будемъ читать!— сказалъ онъ, пожимая имъ руки.

— Ваши гости! Ваши гости!—весело откликнулась Клавдія чисто по-купечески, — только вы, графъ, извольте-ка идти къ себѣ, а въ коридорѣ не стоять.

Рукопожатіе Глафиры и Таманцева затянулось.

XXV.

Кибитка Таманцева, совсѣмъ покрытая снѣгомъ, въѣхала въ ворота темно-сѣраго дома, стоявшаго въ лощинѣ, въ глухой, унылой мѣстности.

Онъ возвращался отъ кандидата, съ которымъ въ послѣдніе два мѣсяца видался чаще и все больше находилъ интереса въ его бесѣдѣ. Уже болѣе недѣли какъ онъ получилъ съ нарочнымъ письмо отъ княгини Охлёстиной, когда-то знакомой его матери въ ея заграничномъ скитаньѣ больной женщины. Этихъ Охлёстиныхъ онъ помнилъ: мать, прожившаяся Богъ знаетъ какъ и на что барыня, съ единственной дочерью, теперь уже дѣвушкой лѣтъ за-тридцать. Въ письмѣ княгиня „умоляла“ навѣстить ее и помочь ей въ хлопотахъ по уѣзду, называя его „le digne fils de ma défunte amie“, хотя мать его никогда не была съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ; но, кажется, ихъ въ одно время вывозили въ свѣтъ.

Дворянская „мерзость запустѣнія“—Таманцевъ вспомнилъ любимый терминъ Томилина — глядѣла изъ всѣхъ щелей Охлёстинской усадьбы. Домъ почернѣлъ и покосился. Службы наполовину были заколочены. Плетеный заборъ съ двухъ сторонъ давно растащили.

Старинное крыльцо съ длиннымъ навѣсомъ настолько занесло, что Таманцевъ съ трудомъ могъ отворить наружную дверь.

Онъ нашелъ въ лакейской съ ларями малаго въ родѣ истопника, въ полушубкѣ, съ шеей, увязанной ситцевымъ платкомъ.

Его ждали. Малый бросился отряхивать его шубу и снимать дорожные мѣховые сапоги.

Безъ шубы Таманцевъ почувствовалъ въ передней большую свѣжесть.

Въ залу, почти безъ мебели, выбѣжала собачонка—черный шпицъ—и стала неистово лаять и прыгать.

На лай показалась изъ гостиной княгиня.

Онъ ее не узналъ сразу. Вся она какъ-то облѣзла, лицо пошло пятнами, на головѣ что-то въ родѣ подзавитой мездры съ чернымъ кружевомъ. Ротъ съ гнилыми зубами свело немного вбокъ. Она куталась въ плюшевую мантилью; на ногахъ были плисовыя ботинки.

— Ah, cher comte!—запѣла она съ русской дворянской интонаціей, немного въ носъ.—Que je suis heureuse!

Это обязательное „парлѐ-франсѐ“ зазвучало для него странно и почти смѣшно: цѣлый годъ онъ, въ деревнѣ, не велъ ни съ кѣмъ французскаго разговора, и только жена Кувшинкова порывалась иногда пускать въ ходъ отдѣльныя слова и возгласы.

Красные глаза княгини слезились, точно у старой болонки. Узловатые пальцы ея руки жали его руку, и она силилась пріятно улыбнуться, показывая свои десны съ рѣдкими желтыми зубами.

„Хоть бы ты себѣ за границей челюсть вставила“,—подумалъ Таманцевъ, чувствуя приступъ брезгливо-тошнаго ощущенія отъ этого обломка того „монда“, гдѣ его самого воспитали.

— Entrez, entrez par ici... У насъ такой холодъ. Une vraie cave.

Она пригласила его жестомъ своей костлявой руки войти въ гостиную, гдѣ стояло немножко больше мебели, чѣмъ въ залѣ. Но и эта комната смотрѣла запущенной, съ темными пятнами по угламъ, съ полинялой обивкой диванов и креселъ.

— Ma fille, Marie,—указала княгиня на особу, поднявшуюся медленно и какъ бы нехотя съ одного изъ двухъ диванов.—Vous la connaissez donc?

Княжна встряхнула ему руку по-американски и сейчасъ же характернымъ жестомъ повела плечами и выпрямила грудь, довольно плоскую. Она вся, сухая и костлявая, представляла собою что-то до крайности изломанное, прямо выскочившее изъ одного изъ курортовъ Ривьеры. Голова у ней была съ приподнятымъ затылкомъ, и модная кучка рыжеватыхъ волосъ торчала задорно, приколотая узкой гребенкой. Лицомъ она смахивала на мать, но съ болѣе рѣзкими и вытянутыми чертами, точно застывшая маска, какія продаются въ Ниццѣ во время карнавала. Ему и припомнился сейчасъ же этотъ городъ, съ его тысячной толпой „растакуэровъ“, съ безпардонной хлыщеватостью русскихъ, съ ежедневнымъ шляньемъ по Promenade des Anglais, отъ десяти до завтрака. Непомѣрные свѣтло-зеленые рукава, точно пузыри, топорщились на ея приподнятыхъ плечахъ; вэста была персиковаго цвѣта, юбка опять другая—все это нестерпимо модное и пестрое. Сильнѣйшій запахъ икзòры наполнялъ всю гостиную. Пальцы были покрыты кольцами и въ ушахъ блестѣли два брильянта.

„Ѣсть нечего,—подумалъ Таманцевъ,—а такой пшютъ!“ И ему жутко стало отъ мысли, что вѣдь другая княжна, теперь жена Лушкова, того же толка, какъ и эта высохшая дѣва. Когда она съ нимъ заговорила, сходство тона было поразительное, если не съ самой Кэтъ, то съ ея пріятельницей, но еще рѣзче, отрывистѣе, исковерканнѣе, на парижско-американскій манеръ. Голосъ былъ умышленно низкій и рѣзкій, совсѣмъ мужской.

Мать только что усѣлась на диванъ, какъ сейчасъ же начала въ шутливо-жалобномъ тонѣ пускать свои шпильки. Она точно помѣшалась на томъ, что вотъ у всѣхъ есть деньги, а у нея нѣтъ. Всѣ дѣлаютъ блестящія партіи, а ея Marie сидитъ „въ дѣвкахъ“. Разъ десять она пускала возгласы въ родѣ:

— Vous, cher comte, vous êtes un richard! Vous nourrissez les paysans! Значитъ, деньги куры не клюютъ.

Это такъ дѣлалось несносно, что онъ сталъ морщиться, и дочь раза два останавливала мать. Но когда старуха заковыляла въ спальню, принести оттуда бумаги и письма по ея дѣламъ, разговоръ дочери показался ему еще тошнѣе. Она выпустила весь арсеналъ своего заграничнаго „bagoût chic“, заговорила о жизни вообще и о своей собственной въ циническомъ тонѣ безшабашнаго и фыркающаго, чисто русскаго жуирства, и обезьянство никогда еще не выставлялось передъ Таманцевымъ въ такой красѣ. Даже Лушковъ былъ менѣе изломанъ и уродливо-жалокъ, чѣмъ эта обнищалая княжна, нахально убѣжденная въ томъ, что иначе нельзя жить, думать и чувствовать, какъ она.

Она успѣла пустить нѣсколько дѣланныхъ фразъ и о литературѣ, признавала только „экзотистовъ“ и „декадентовъ“ и не скрывала своего знакомства съ порнографіей, отъ „Vie Parisienne“ до тайныхъ изданій брюссельской книжной торговли. Ничего болѣе безобразнаго и извращеннаго Таманцевъ рѣшительно не встрѣчалъ, даже въ тѣхъ салонахъ, гдѣ выросли и развились бабёнки въ родѣ „презрѣнной Лилишки“, развратительницы княжны Брянской. Онъ просто ужаснулся тѣмъ, что̀ теперешняя „заграница“ надѣлала съ такими русскими въ послѣднія десять лѣтъ.

Вернулась старуха съ портфелемъ и начала выкладывать на столъ бумаги, планы и письма—все это въ безпорядкѣ. Таманцевъ присѣлъ также къ столу и молча

выслушивалъ ея безтолковую французскую рѣчь вперемежку съ русскими охами и восклицаніями. Дѣло было самое обычное: получить добавочную ссуду подъ залогъ въ дворянскомъ банкѣ. Насколько онъ могъ понять, ей ни по какому праву не слѣдовало такой добавочной суммы. Старуха стала рѣзко возражать, раза два просто зло, потомъ опять пошли шпильки насчетъ его богатства и прозрачные намеки на то, что онъ могъ бы ей, какъ „сынъ ея друга", помочь. Онъ пропускалъ это мимо ушей. Его наполняло, совершенно отчетливо, чувство возмущенія безъ малѣйшей жалости къ такимъ вотъ образчикамъ дворянскаго вырожденія. Чѣмъ скорѣе ихъ „приберутъ", тѣмъ будетъ лучше. Докторъ Домашневъ сказалъ бы точно то же. Если бъ еще онѣ просили „на бѣдность", а то онѣ „пыжатся", шипятъ, воображаютъ, что ихъ циническибезпутную жизнь всѣ должны поддерживать съ такимъ годовымъ доходомъ, къ какому онѣ привыкли.

Дальше пошло еще хуже. Княгиня стала задорно жаловаться на то, что ея просьбу о пенсіи оставили безъ послѣдствій. Она показывала ему бумагу, держа ее дрожащими отъ злости и нервности руками, и восклицала:

— Mais mon mari était un prince Aklëstin! Mais il a servi comme un autre!

Оказалось, что онъ былъ всего капитанъ въ отставкѣ, и ей и безъ того удалось выклянчить, въ два пріема, денежныя выдачи.

— Чѣмъ же я могу быть вамъ полезнымъ?—сухо спросилъ Таманцевъ и посмотрѣлъ на часы.

Онъ видѣлъ, что ему здѣсь не предложатъ даже рюмки водки съ холода, и ему хотѣлось къ ночи попасть домой.

Полился потокъ просьбъ, одна другой несбыточнѣе. Онъ долженъ написать губернатору и губернскому предводителю; онъ долженъ попросить за нихъ въ мѣстномъ отдѣленіи дворянскаго банка; онъ долженъ, наконецъ, дать имъ денегъ подъ третью закладную.

Онъ слушалъ-слушалъ и чуть не разсмѣялся. Въ приличной, но не уклончивой формѣ сказалъ онъ, что свободныхъ денегъ у него нѣтъ, а про себя прибавилъ, что такимъ, какъ онѣ, счелъ бы преступленіемъ дарить, а возвращать долгъ имъ не изъ чего.

Дочь не принимала прямого участія въ этомъ задорномъ попрошайствѣ. Она только выпрямляла свою талію, брезгливо щелкала сухими пальцами, иногда пускала

одинъ звукъ въ родѣ: „Ah bah!“ или „Pardine!“ И разъ окликнула: „Nous crêverons dans ce trou!“

Изъ этихъ двухъ титулованныхъ госпожъ безпробудное распутство модничанья выѣло рѣшительно все. Кромѣ жажды денегъ на житье за границей, у нихъ ничего не было за душой. Онѣ, вѣроятно, готовы бы были продать себя всѣмъ духамъ тьмы, только бы заполучить тысченку рублей. И пестрый костюмъ дочери, ея жаргонъ, ея голосъ и манеры дѣлали впечатлѣніе еще страшнѣе.

Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться, Таманцевъ обѣщалъ поговорить съ кандидатомъ въ предводители, котораго старуха знала только по слухамъ и три раза назвала его „анархистомъ“.

— Maman!—сказала дочь, когда Таманцевъ сталъ прощаться. — Je te dis carrément: plus d'une quinzaine je ne tiendrai pas dans cette taniàre! Bazardons tout et filons!

„Bazardons tout!“—повторилъ Таманцевъ почти съ ужасомъ, сидя въ своей кибиткѣ на возвратномъ пути.

Эта княжна во-очію показывала ему, отъ какихъ русскихъ „подругъ жизни“ онъ спасся.

„Навсегда ли?“—невольно мелькнуло въ его головѣ.

XXVI.

Часа черезъ полтора, не больше, по пути въ свою усадьбу, Таманцевъ заѣхалъ къ Леониду Антоновичу Балахнину, одному изъ старожиловъ уѣзда, самому старому дворянину въ его „округѣ“.

Онъ встрѣчалъ его на съѣздахъ и въ послѣдній разъ на земскихъ выборахъ. Балахнинъ былъ также въ числѣ тѣхъ, кто уговаривалъ его баллотироваться въ предсѣдатели.

У него онъ никогда не бывалъ. Говорили ему, что старикъ, когда-то съ хорошимъ состояніемъ, совсѣмъ обѣднѣлъ и почти никуда не выѣзжалъ, особенно зимой. Дѣти у него не задались; на нихъ, кажется, и пошли его средства. Теперь у него осталась кое-какая землица. Хозяйство онъ давно не велъ.

Черезъ заѣзжаго торговца-туляка передалъ онъ надняхъ Таманцеву просьбу завернуть къ нему при „оказіи“. И тулякъ, торгующій по усадьбамъ книжками и галантерейнымъ товаромъ, отъ себя разсказалъ ему, что Леонидъ Антоновичъ „оченно нуждаются“ и „желали бы продать благородному дворянину“ свою тройку лошадей.

— А между прочимъ,—добавилъ тулякъ,—есть у нихъ и вещицы двѣ-три—антики, но нашему брату не подходящія, потому какъ цѣны настоящей по нынѣшнему времени дать нельзя, до и прогадаешь какъ разъ. И эти самые антики, по ихъ крайности въ деньгахъ, имъ оченно желательно продать стоющему человѣку, такому вотъ, какъ вы, ваше сіятельство.

Балахнинъ доживалъ въ отцовскомъ домѣ изъ почернѣлаго сосноваго лѣса, съ высокимъ мезониномъ. Позади, въ саду, четыре аллеи вѣковыхъ липъ были давно проданы на срубъ. Одиноко торчали когда-то оштукатуренныя конюшня, людская и кухня—прямо противъ крыльца. Ни одной жердочки не осталось изъ плетня вокругъ обширнаго двора, совсѣмъ слившагося съ снѣжной пеленой задворковъ. Всѣ комнаты низа и верха давно были заколочены, кромѣ двухъ—кабинета и крохотной спаленки съ забитымъ окномъ. Наверху, въ мезонинѣ, полы прогнили и развалились

Изъ передней мальчикъ, въ нагольномъ полушубкѣ, провелъ гостя черезъ темный и узкій коридоръ къ барину.

Передъ Таманцевымъ, черезъ комнату, сбоку облѣзлаго письменнаго стола, въ креслѣ, обитомъ темнымъ сукномъ, сидѣлъ старикъ лѣтъ семидесяти, въ бухарскомъ халатѣ, отъ времени совсѣмъ побурѣломъ.

Длинная, закругленная борода, изжелта-бѣлая, дѣлала румяное лицо еще величавѣе и яснѣе. Волосы сохранились гладкіе и также желтѣющіе, причесанные съ боковымъ проборомъ и висками. Золотые очки, въ толстой оправѣ, мѣшали разглядѣть выраженіе широко разрѣзанныхъ свѣтло-карихъ глазъ. Сохранились и зубы. Усмѣшка рта была тонкая, тихо-шутливая. Говорилъ онъ слабымъ, немного хриповатымъ голосомъ, съ чуть слышной пріятной картавостью.

— Вамъ не холодно, графъ? — спросилъ хозяинъ тономъ когда-то свѣтскаго человѣка, десятки лѣтъ просидѣвшаго въ деревнѣ.—Я прикажу протопить.

— Не безпокойтесь, Леонидъ Антоновичъ.

— Все равно... надо второй разъ топить. Только вы извините... У меня соломой топятъ. Душокъ даетъ! — шутливо прибавилъ онъ, и повелъ своимъ красивымъ ртомъ.

Онъ сильно позвонилъ.

— Угостить васъ, дорогой гость, ужъ и не знаю чѣмъ.

Стряпуха у меня—жестокая. Яичницу смастеритъ... Знаете, однодворческую. Наливка есть... терновка.

Таманцевъ не отказался. Мальчикъ сначала принесъ охапку соломы и затопилъ печь съ потрескавшими кафелями, потомъ сталъ накрывать на столикѣ, въ глубинѣ кабинета.

Комната была невысокая, закоптѣлая отъ табачнаго дыма. Старикъ каждыя десять минутъ закуривалъ папиросу. По стѣнамъ висѣло множество портретовъ, фотографій, силуэтовъ. Надъ кожаной кушеткой—охотничьи вещи и два лисьи хвоста, запыленные. Въ углу, у окна, на пьедесталѣ изъ краснаго дерева съ бронзой—статуэтка изъ почернѣвшей бронзы. Старинное бюро „Jacob“ занимало простѣнокъ.

Яичница, изготовленная „стряпухой“, съ голода показалась Таманцеву чрезвычайно вкусной. И двѣ рюмки терновки согрѣли его больше, чѣмъ топка соломой; отъ печки пошелъ дымокъ, какъ предсказывалъ Балахнинъ. Самъ онъ съѣлъ кусокъ глазуньи и выпилъ рюмку наливки.

Говорилъ онъ медленно, съ своеобразнымъ растягиваньемъ нѣкоторыхъ словъ: такая помѣщичья дикція пропадаетъ теперь и только сохранилась у старыхъ актеровъ, хорошо подражавшихъ барскому тону.

Медленно разжевывая кусокъ ржаного хлѣба, Балахнинъ взглядывалъ на своего гостя съ видомъ человѣка, которому совѣстно за то, о чемъ этотъ гость, вѣроятно, какъ благовоспитанный человѣкъ, заговоритъ сейчасъ.

Таманцева остатокъ барскихъ повадокъ тона и манеръ нисколько не возмущалъ въ немъ. Изрѣдка онъ пускалъ какую-нибудь французскую поговорку своего времени въ родѣ: „midi à quatorze heures“, или „par dessus le marché“. Но какая была разница съ нестерпимымъ жаргономъ княжны Охлёстиной, точно застрявшимъ въ его ушахъ!

Жалость чувствовалъ онъ къ этому старику, обнищалому и одинокому, видя его покорность своей судьбѣ — кроткую резиньяцію дворянина, который жилъ, какъ и всѣ другіе жили въ его время, и не сумѣлъ застраховать себя отъ того, что̀ неизбѣжно нагрянуло.

— Нынче вѣдь всѣ ропщутъ,—сказалъ онъ Таманцеву, закуривая чуть не десятую папиросу. — А я, графъ, не ропщу—считаю это ниже себя. Чего же роптать? Другія

времена. Какъ насъ воспитывали, такъ мы и жили. Спросите на деревнѣ: — что Леонидъ Антоновичъ, когда барщина была, морилъ васъ въ рабочую пору? — Кто еще помнитъ — скажетъ. Обойдите вы оба порядка. Двѣсти семьдесятъ душъ было — теперь за триста. Что вы найдете? На пять дворовъ одна лошадь, да и то одры и стервецы! Полная эмансипація—отъ всего!—съ горькимъ юморомъ выговорилъ онъ. — Вы вѣдь и ихъ кормили, графъ, въ третьемъ году. А они опять нищіе и наполовину пропойцы. И такъ вездѣ, такъ вездѣ. А насъ даромъ никто не будетъ кормить, да и рука не протянется.

Онъ отвернулъ голову, точно боясь, что слеза прошибетъ его.

— И вы совершенно одни? — спросилъ Таманцевъ, чувствуя, какъ ему дѣлается жутко за старика.

— Яко перстъ!.. Сынъ мой всего одинъ остался... Я отъ васъ, графъ, не скрою, — вы все поймете и не осудите, — забываетъ онъ, что его отецъ перебивается съ хлѣба на квасъ. — Vous savez, — вдругъ заговорилъ онъ по-французски, увидавъ голову мальчика, просунувшуюся въ дверь,—les enfants d'aujourd'hui... Развѣ у нихъ наше сердце, наши правила?

И Таманцеву стало почему-то ясно, что старикъ продаетъ лошадей и ищетъ покупщиковъ на свои „àнтики“ для этого сына. Кто знаетъ, — можетъ, тотъ офицеръ — проигралъ полковыя деньги, а штатскій—поддѣлалъ вексель или что-нибудь въ такомъ родѣ?

Ему совѣстно стало спросить, гдѣ служитъ его сынъ.

Уже смеркалось, — старикъ сказалъ ему, что обѣдаетъ въ двѣнадцать, и засиживаться ему не хотѣлось. Онъ прямо перешелъ къ покупкѣ лошадей.

Особенной нужды въ нихъ не было, но имѣть перемѣнную тройку не мѣшало. Онъ много ѣздилъ по уѣзду и продолжалъ называть себя „Чичиковымъ“.

— Лошади добрыя, — говорилъ старикъ, перейдя на свое обдерганное суконное кресло.—Коренная съ побѣжкой; но не скрою—осьми годовъ. Пристяжныя—посвѣтлѣе мастью.

— И какія онѣ?

— Бурыя.

— И у меня такихъ же тройка.

— Вотъ и кстати,—съ тихимъ смѣхомъ замѣтилъ Ба-

лахнинъ. — Мнѣ онѣ въ тягость. Кормить не на что. Да и куда я ѣзжу? Зимой — ровно никуда. И въ гостяхъ-то у меня бываетъ одинъ отецъ Антонъ. Да и отъ того всегда такъ лукомъ несетъ, что я ему сейчасъ же папиросу: „кури, батюшка, только не воняй!“

Оба они разсмѣялись.

— И цѣна?—спросилъ Таманцевъ конфузливо.

— Вотъ посмотрите... мальчикъ проводитъ васъ. Прикажете—можно запрячь.

— Зачѣмъ...

— Цѣну не стану самъ назначать. Полагаюсь на васъ, графъ. Entre gens d'honneur... Вы давненько уже нашъ—деревенскій. Цѣны вамъ извѣстны...

Таманцевъ пододвинулся къ бюро и оглядѣлъ его.

— Какая чудесная вещь! И какъ я люблю эти старинныя бюро! Теперь уже такихъ не дѣлаютъ, — замѣтилъ онъ, проводя рукой по карнизу шкапа.

— Нѣтъ, не дѣлаютъ!

Старикъ, запахивая свой халатъ, тоже подошелъ къ шкапу и любовно оглядывалъ его.

— Покойный батюшка купилъ въ Москвѣ... на аукціонѣ. По-тогдашнему, сто рублей на ассигнаціи дадено. Вся моя жизнь, графъ, прошла около этого шкапа. А что̀ дѣлать! И съ нимъ бы разстался. Вы такъ добры... Вотъ вещь... вамъ тулякъ Сергѣевъ говорилъ, быть-можетъ?

— Какъ же!

Бронзовая статуэтка—Меркурій на глобусѣ—была цѣнная вещь. Таманцевъ прошелся по ней рукою, нащупывая волнистыя выпуклости.

— Вамъ только и можно предложить.

— Почему же? А Кувшинковъ?—весело замѣтилъ Таманцевъ.

— Кошатники все это! — горячѣе выговорилъ Балахнинъ.—Кошатники, ей-Богу! Мы теперь—заживо погребенные. Но горше всего то, что черезъ пять-десять лѣтъ во всемъ уѣздѣ будетъ командовать одинъ кошатникъ, да еще съ французскимъ языкомъ. Ха-ха!

— Я готовъ пріобрѣсти эту вещь, — не безъ смущенія сказалъ Таманцевъ: въ немъ было такое чувство, точно онъ подаетъ этому старику милостыню.

Пока мальчикъ ходилъ съ приказомъ насчетъ выводки лошадей, старикъ, по поводу бронзовой статуэтки, вспо-

мнилъ ту зиму, когда онъ, еще молодымъ вдовцомъ, возилъ въ собственномъ „дормёзѣ“ дочь въ институтъ. Имена содержателей дорогихъ французскихъ отелей Москвы и Петербурга, теперь не существующихъ, Шевальѐ, Морель, Кулѝнъ, имена пѣвцовъ, актеровъ, актрисъ, танцовщицъ звучали точно погребальныя причитанья: Ма́ріо, Лабла́шъ, Віардо́, Бресса́нъ, Плессѝ, Ирка-Матьѣсъ, Санковская...

Таманцеву сдѣлалось еще жутче за старика.

XXVII.

Морозы стояли здоровые. Санный путь исправился. Открытая повозка опять уносила Таманцева по большой дорогѣ въ уѣздный городъ.

Купленная у Балахнина тройка бурыхъ оказалась весьма не лишней. Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ то и дѣло ѣздитъ по уѣзду, а дома просиживаетъ цѣлыми днями за разными мѣстными матеріалами.

Поглядѣть со стороны, онъ — скучающій петербургскій баринъ, застрявшій, безъ постоянныхъ занятій, безъ настоящаго хозяйства, въ своей усадьбѣ. А на дѣлѣ онъ, послѣ болѣзни, сталъ работать по ясно намѣченному плану. Онъ уходилъ въ жизнь *уѣзда*, собиралъ данныя всякаго рода, толковалъ съ земскимъ начальникомъ, съ Томилинымъ, съ полицейскими чиновниками, со старшинами, выписывалъ изданія по экономическому быту края, по всѣмъ частямъ той „статистики“, которая въ сухихъ, но краснорѣчивыхъ цифрахъ показываетъ, чѣмъ все держится въ волости и сельской общинѣ, какъ кормится народъ, велико ли число грамотныхъ, сколько осталось послѣ голода скота—крупнаго и мелкаго.

И прекрасно, что „интеллигентный купчикъ“ Кувшинковъ попалъ вмѣсто него въ предсѣдатели. Развѣ у него была, передъ тѣми выборами, подготовка для такой должности? Въ другой разъ онъ и не далъ бы себя уговорить, да и не желаетъ пока занимать никакого поста; но онъ искренно желаетъ знать, лучше всякаго другого землевладѣльца, всю подноготную уѣзда — этой великой единицы русской территоріи.

Вотъ теперь, вызванный въ городъ депешей губернатора, очень любезно пригласившаго его отобѣдать—тотъ объѣзжалъ два уѣзда по пути въ Петербургъ,—Таманцевъ

чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ давно небывалую въ немъ бодрость и подвинченность.

Онъ только что вернулся отъ Колчановыхъ. Глафира серьезно принялась за свой „питомникъ начетчицъ“, какъ называетъ въ шутку ея новую школу здравомыслящая Клавдія. Дѣло идетъ прекрасно. Оно и его заинтересовало. И у него готовъ проектъ небольшой профессіональной школы. Но онъ ничего еще не говорилъ своимъ таманцевцамъ. Въ нихъ онъ замѣчаетъ поворотъ: засылали къ нему старосту, значитъ, будутъ просить о чемъ-нибудь. Но онъ теперь не станетъ напрашиваться въ благодѣтели. Что̀ найдетъ самъ онъ дѣломъ первой важности, тому только согласенъ помогать, то̀ и готовъ призывать къ жизни, съ оглядкой, поступая съ уѣздомъ такъ, какъ Клавдія Колчанова поступаетъ со своимъ хозяйствомъ.

Съ обѣими сестрами онъ еще болѣе сблизился. Но съ того вечера, когда что-то какъ будто дрогнуло между нимъ и Глафирой, ничего не боясь и ни отъ чего не уклоняясь, онъ ни единаго раза не воспользовался деревенской свободой и случаемъ и не искалъ болѣе интимнаго сближенія. Такъ выходило... Они оба слишкомъ отданы все тому же уѣзду.

Вчера они вдвоемъ, вотъ въ этихъ самыхъ саняхъ, ѣздили за двадцать верстъ, въ имѣніе князя N., самаго богатаго владѣльца во всей губерніи, не живущаго въ этомъ имѣніи. Тамъ есть большое двухклассное училище и больница съ лѣчебницей для приходящихъ. Товарка Глафиры по курсамъ, впослѣдствіи „медичка“, завѣдуетъ всѣмъ этимъ врачебнымъ дѣломъ. Они тамъ провели весь день. Пришли и двѣ учительницы. За обѣдомъ онъ былъ охваченъ воздухомъ молодой женской преданности „дѣлу“. Ничего для этихъ дѣвушекъ не существуетъ на свѣтѣ выше ихъ „призванія“, кромѣ чумазыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, мужиковъ и бабъ, съ ихъ часто неизлѣчимыми „бо̀лѣстями“. Вотъ кого надо поддерживать въ уѣздѣ вѣрой и правдой, а для этого надо все знать, пріобрѣтать вѣсъ, пользоваться и властью...

Въ такихъ думахъ въѣзжалъ онъ въ городъ, гдѣ съ самыхъ земскихъ выборовъ былъ всего одинъ разъ.

Губернаторъ остановился въ помѣщеніи, извѣстномъ подъ именемъ „генеральской квартиры“. Въ этомъ же домѣ происходили и всякіе съѣзды. Два урядника встрѣ-

тили Таманцева въ передней. Было три часа. На дворѣ стояли обывательскія сани.

Въ залѣ молоденькій чиновникъ, въ вицмундирѣ, пошелъ докладывать генералу. И только что Таманцевъ немного оправилъ волосы и бороду, какъ изъ кабинета, гдѣ принималъ начальникъ губерніи, вышелъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ Кувшинковъ.

Сейчасъ же при видѣ Таманцева онъ ухмыльнулся и подошелъ съ особенно почтительнымъ поклономъ.

— Вашему сіятельству!—сладко выговорилъ онъ.

Но въ глазахъ заблестѣли искорки самодовольства. И съ двойственнымъ благодушіемъ онъ выговорилъ:

— Все еще въ нашихъ палестинахъ остаетесь?

— И останусь, Провъ Провычъ, и останусь,—отвѣтилъ ему Таманцевъ тономъ человѣка, которому рѣшительно все равно, какъ разговариваетъ съ нимъ Кувшинковъ, искренно или съ купеческимъ „подходомъ".

— Добраго здоровья! Его превосходительство о васъ уже спрашивалъ. Всего хорошаго!

Чиновникъ показался въ дверяхъ и пригласилъ его жестомъ войти.

Съ губернаторомъ онъ былъ знакомъ больше двухъ лѣтъ. Генералъ немного постарѣлъ, но все такъ же моложавъ для своихъ лѣтъ, съ темными волосами, искусно зачесанными на лысину, и сѣдѣющей бородой, въ бѣломъ жилетѣ и свѣтло-сѣромъ военномъ пальтецѣ, все такъ же бодро держится и тѣ же у него тонкіе духи и дорогія папиросы изъ „оттоманскаго" табаку.

Онъ славился своимъ необыкновенно пріятнымъ тономъ и мягкостью манеръ. И теперь онъ встрѣтилъ Таманцева пожиманіемъ обѣихъ рукъ и сейчасъ же усадилъ его на диванъ рядомъ съ собою и долго держалъ его руку въ своей мягкой и бѣлой рукѣ. Его игривые глазки, съ мелкими морщинами на углахъ, глядѣли на него сквозь черепаховое pince-nez почти съ нѣжностью.

— Votre rival?—на-ухо спросилъ губернаторъ, кивнувъ въ сторону залы.

Таманцевъ только повелъ головой.

— Между нами, дорогой графъ,—продолжалъ губернаторъ, — эта побѣда господина Кувшинкова меня совсѣмъ не восхитила. Управа—въ рукахъ разночинцевъ. Я того и жду, что вашъ знаменитый старшина, кабатчикъ Сусловъ, проберется въ предсѣдатели. C'est très mal vu... là-bas!

Генералъ поднялъ вѣки и повелъ ладонью лѣвой руки.

— Чрезвычайно радъ васъ видѣть,—началъ онъ съ новымъ наплывомъ радушія и опять взялъ Таманцева за руку.— Вы знаете, я на пути въ Петербургъ. Мнѣ будетъ особенно пріятно представить его высокопревосходительству—это слово генералъ выговорилъ медленно и полушутливо,— какими землевладѣльцами можетъ гордиться наша губернія и спеціально никандровскій уѣздъ. Еще въ третьемъ году, графъ, я дѣлалъ особенное представленіе о вашихъ... можно сказать, благодѣяніяхъ...

„Что-то онъ уже очень меня ублажаетъ! — подумалъ Таманцевъ.—Изъ-за чего? Для него я — не женихъ: онъ бездѣтный вдовецъ; взаймы онъ врядъ ли попроситъ, за нимъ это не водится. У высшаго начальства онъ, и безъ того, на хорошемъ счету".

— Я сталъ умнѣе,— сказалъ Таманцевъ. — Отъ ненужныхъ благодѣяній я воздержусь. Но думаю жить теперь здѣсь частнымъ человѣкомъ. Готовъ всячески послужить уѣзду.

— Душевно радъ... и признателенъ. Я знаю, графъ, что вы... enfin... vous êtes un pur!.. И я не желаю дѣлать вамъ губернаторскихъ посуловъ. Но, право, я былъ бы истинно счастливъ, если бъ вы позволили мнѣ... Не угодно ли вамъ...—началъ-было губернаторъ.

— Ничего, ничего, генералъ, увѣряю васъ.

— Почему же?..

Генералъ откинулся на спинку дивана и закурилъ.

— Никакихъ я за собою заслугъ не признаю, генералъ!—искренно воскликнулъ Таманцевъ.

— Униженіе паче гордости, какъ любятъ говорить наши губернскія дамы. Но позвольте, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что на ближайшихъ сословныхъ выборахъ вы получите постъ, который принадлежитъ вамъ по праву. Теперешній предводитель—человѣкъ больной... Онъ врядъ ли и вернется изъ-за границы.

— У него есть замѣститель, — откликнулся такъ же искренно Таманцевъ.

— Томилинъ?—спросилъ вполголоса генералъ. — Николай Алексѣевичъ? Лично противъ него я ничего не имѣю... Вы какъ съ нимъ?

— Мнѣ онъ очень нравится. Мы, въ послѣднее время, сошлись съ нимъ.

— Онъ честной человѣкъ, — генералъ ударилъ на

слогъ: „ой“,—безусловно. И ученый, и прекраснаго рода, могъ бы быть вполнѣ на мѣстѣ. Mais il est très mal vu...

— Là-bas?—досказалъ Таманцевъ.

— Oui, mon cher comte, — поддакнулъ губернаторъ: — là-bas. Если бъ его и выбрали,—а я не думаю, чтобы онъ сталъ рисковать, — то исходъ былъ бы все-таки отрицательный.

— Вѣдь его утвердили же въ кандидатахъ.

— Это другое дѣло. Да и то, entre nous, cela m'a couté énormément de diplomatie! Увѣряю васъ, графъ. А предводителемъ его не утвердятъ, — отчеканилъ губернаторъ раздѣльно и съ нѣжной усмѣшкой.

— Очень жаль, генералъ.

— Намъ нужны такіе, какъ вы, графъ. Въ первую голову! И я вмѣню себѣ въ пріятный долгъ представить, какъ это было бы желательно.

Таманцевъ хотѣлъ что-то возразить, но человѣкъ доложилъ:

— Господинъ Томилинъ!

Губернаторъ быстро поднялся, поправилъ тужурку, и черезъ двѣ минуты обѣ его руки протянулись къ входившему кандидату, и Таманцевъ не могъ сдержать улыбки при возгласѣ генерала:

— Дорогой Николай Алексѣевичъ! Безмѣрно радъ васъ видѣть!

XXVIII.

Тройка бурыхъ опять стояла подъ навѣсомъ сарая, дожидаясь выхода баринова камердинера и его оклика:

— Перфилъ! Подавай!

Кучеръ Перфилъ, сынъ бывшаго дворовaго, еще молодой, рябоватый въ лицѣ малый, считался лихимъ наѣзднико̀мъ. Онъ жилъ два года у исправника и привыкъ къ частой и бойкой ѣздѣ. Новую покупку графа онъ одобрилъ и пожалѣлъ только, что обѣ пристяжныя „бѣлоножки“.

Ему сказалъ Лаврентій, что сегодня поѣдутъ къ колчановскимъ барышнямъ. Стало-быть, пробудутъ тамъ до поздней ночи. Ѣзда пріятная, недалеко, и угощенье, каждый разъ, особенное. Тамъ въ людской поговариваютъ, что младшая сестра, Глафира Спиридоновна, „понравилась“ барину. Того гляди, женится. Не больно ли онѣ широко шагаютъ, эти барышни? Спору нѣтъ, богатѣйки,

поди богаче графа, однако — купчихи. А купецъ не далеко ушелъ отъ мѣщанина.

Перфилъ затянулъ ремень своего синяго кафтана и поправилъ шлею на одной изъ пристяжныхъ; потомъ закурилъ трубочку нѣжинскихъ корешковъ, сплюнулъ и сталъ похаживать передъ тройкой, слегка посвистывая.

Баринъ что-то замѣшкался.

Въ кабинетѣ Таманцевъ былъ одинъ. Онъ совсѣмъ собрался, положилъ въ карманъ бумажникъ и оглядѣлся, не забыть бы чего.

Рука его невольно потянулась еще разъ къ бумажнику и вынула оттуда письмо на свѣтло-сѣрой бумагѣ, продольнаго формата, съ бѣлой монограммой.

Вчера получилъ онъ его, объ эту же пору, и цѣлыя сутки не можетъ еще вполнѣ овладѣть собою.

Письмо было отъ Пети Долгова уже не первое.

И то, которое онъ писалъ ему изъ-за границы, передъ возвращеніемъ въ Петербургъ, взволновало его. Но тогда онъ поборолъ эту тревогу и въ разговорѣ съ Глафирой далъ понять, что петербургская полоса его жизни уже не вернется.

Петя писалъ ему и тогда про Лушковыхъ. Кэтъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ замужъ, уже начала убѣждаться въ томъ, за кого она вышла. Лушковъ сильно проигрывался и не думалъ разрывать со своей „тужуркой“ — такъ называлъ Петя довольно извѣстную танцовщицу.

Злорадства онъ не ощутилъ тогда, читая то письмо, и ему долго казалось, что судьба Кэтъ уже не должна его волновать ни въ какомъ смыслѣ.

Отчего же со вчерашняго утра онъ не можетъ успокоиться? Ему надо передъ кѣмъ-нибудь излиться. Передъ кѣмъ же ближе, какъ не передъ Колчановыми? Съ Клавдіей это было бы легко и въ ней онъ нашелъ бы отличную совѣтчицу. Но Глафира?..

Они сближались все больше и больше. Не можетъ же онъ не замѣчать, что эта дѣвушка его любитъ. Онъ ее не завлекаетъ, не хочетъ обижать легкимъ „флиртомъ“, она ему очень симпатична. Изъ нея выйдетъ прекрасная жена. Но онъ слишкомъ слѣдитъ за собой. А развѣ это не прямой признакъ того, что чувство не забираетъ его?

Говорить по поводу вчерашняго письма Пети Долгова о Кэтъ было бы, пожалуй, рѣшительнымъ шагомъ. Если

говорить, значитъ, не бояться за себя, показать этой дѣвушкѣ, что у него нѣтъ отъ нея тайнъ. Это можетъ повести къ такой сценѣ, послѣ которой надо идти подъ вѣнецъ.

А не рискуетъ ли онъ тѣмъ, что изъ его изліяній выйдетъ смертная обида для Глафиры Спиридоновны? Ужъ и теперь, въ эту минуту, когда онъ перечитываетъ съ новымъ волненіемъ письмо „Петюни“, онъ не въ состояніи поручиться за себя.

Какую фатальную роль играетъ въ его жизни „барышня въ панталонахъ!“ Вотъ и теперь. Это письмо, написанное изъ Петербурга, уже не то, что то, первое, заграничное.

Петюня видится часто съ Катериной Денисовной Лушковой. Онъ считаетъ себя ея пріятелемъ. Кэтъ повѣряетъ ему свои тайны.

Что жъ! Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Она побита жизнью. Ея бракъ принесъ ей полное банкротство.

Глаза Таманцева съ жадностью пробѣгали эти строки.

„Вы знаете, графъ,—выводилъ Петя своимъ удивительнымъ англійскимъ почеркомъ, — до какой степени Катерина Денисовна горда. Но она теперь не та, совсѣмъ не та... Вы для нея теперь только выяснились въ настоящемъ свѣтѣ. Или, лучше, она сознала, что годъ тому назадъ на нее нашло какое-то облако. Многаго она просто понять не можетъ. Ея положеніе самое ужасное... Быть жертвой господина Лушкова! И если бъ еще она его любила! Но никакой любви нѣтъ, и полная невозможность продолжать такую невыносимую жизнь“...

И дальше:

„Судьбѣ угодно было, дорогой Андрей Павловичъ, сдѣлать васъ въ нѣкоторомъ родѣ deus ex machina этого брака, хотя вы, конечно, ни на іоту не виноваты. Но знаете, это рокъ... *велѣніе Зевса*, какъ говорится въ вступленіи къ Иліадѣ, въ стихахъ, которые насъ заставляли зубрить въ гимназіи. Вы помните?..“

Эти строки всего больше всколыхнули Таманцева и при первомъ чтеніи письма, а онъ прочелъ его едва ли не шесть разъ.

Да, онъ былъ „deus ex machina“. Безъ его бѣшеной выходки не было бы вызова; Лушкова старуха Брянская не заставила бы просить руки своей внучки. И каково Кэтъ, при ея гордости, сознавать, что господинъ Лушковъ

бросилъ ей это предложеніе въ видѣ милости, теперь, когда она пришла къ выводу, что ей надо развестись съ мужемъ?!

И она совсѣмъ одна. Старуха за границей, откуда не вернется. Тутъ есть и денежная подкладка. Лушковъ уже проигралъ половину ея состоянія, „если не двѣ трети“,— прибавляетъ аккуратный Петя.

Въ концѣ письма онъ передаетъ съ разными оговорками, такъ на него похожими, что Катерина Денисовна „страстно желаетъ писать ему, но не рѣшается“, а онъ, Петя, увѣренъ, что графъ „и тутъ выкажетъ, какая у него великодушная и нѣжная душа“.

Логика чувства подсказывала ему, что для человѣка, поставленнаго въ его положеніе, могутъ быть только два мотива: если у него все замерло—всякая горечь и обида— онъ *обязанъ* протянуть руку бѣдной женщинѣ, попавшей въ западню, наполовину по *его же винѣ*. А чувствуетъ онъ, что Кэтъ, та прежняя, когда-то любимая, еще не умерла для него, — тѣмъ паче не въ силахъ будетъ онъ не откликнуться на ея зовъ.

Ѣхать надо; сестры ждутъ его къ завтраку, онъ обѣщалъ.

Тутъ только Таманцевъ замѣтилъ, что еще не надѣлъ часовъ. Онъ быстро подошелъ къ письменному столу и взялся за часы. Было уже около одиннадцати; ѣзды больше часа.

Онъ надѣлъ шапку, лежавшую въ углу, на столикѣ, и еще разъ прошелся по комнатѣ, точно продолжая осматриваться, не забылъ ли чего.

Но ничего съ собою онъ не бралъ,—ни книги, ни новаго журнала. Въ немъ не стихала тревога.

Дорогой, на холодѣ, будетъ лучше все обдумать.

Первое движеніе вчера — было написать Кэтъ сейчасъ же. Онъ, въ полномъ смыслѣ, не спохватился, когда это душевное движеніе овладѣло имъ. Ему стало даже жутко, почти страшно. Значитъ, онъ, до сихъ поръ, еще тайный рабъ этой несчастной страсти, въ родѣ пьяницы, послѣ зарока и тяжкаго лѣченья отъ запоя? Вдругъ случай, рюмка, выпитая на станціи, съ холода... И опять ужасный порокъ держитъ бѣднягу въ жадныхъ и злобныхъ когтяхъ.

Торопливо прошелъ онъ коридоромъ и крикнулъ Лаврентію:

— Вели подавать!

Въ саняхъ, когда Перфилъ пустилъ коренника, выѣхавъ изъ околицы, Таманцевъ спросилъ себя и настоятельно:— хорошо ли онъ сдѣлаетъ, если будетъ изливаться у Колчановыхъ? Глафиру устранить нельзя, и съ ней онъ теперь на болѣе короткой ногѣ, чѣмъ съ Клавдіей.

И онъ уже безъ колебанія отвѣтилъ: „не слѣдуетъ“. Скрытничать онъ тоже не станетъ. Навязывать дѣвушкѣ, увлеченной имъ, такія признанія—жестоко. Еще жесточе было бы просить ея совѣта: писать ли ему Катеринѣ Денисовнѣ Лушковой? Не только такая дѣвушка, какъ Глафира, „преисполненная благородныхъ принциповъ“, — мысленно выговорилъ онъ, — но всякая, даже суетная, даже фальшивая, скажетъ:

— Она повинилась. Если вы ее больше не любите, вамъ нѣтъ опасности написать ей.

Но такой пріятельницѣ, какъ Глафира, онъ обязанъ выложить и всѣ свои уколы совѣсти. Вѣдь онъ дѣйствительно натолкнулъ Кэтъ на выходъ замужъ за Лушкова. Кто же, какъ не онъ, сдѣлалъ ее „la fable de la ville“— по выраженію его дяди и старой княгини, и всего ихъ кружка?..

Ему показалось, что не прошло и получаса, когда Перфилъ, съ молодецкимъ уханьемъ, поднялся „на изволокъ“ къ той площадкѣ, откуда, какъ на ладони, видна была нарядная усадьба Колчановыхъ съ ея красивой далью на рѣку, теперь скованную льдомъ, и съ темной полосой хвойнаго лѣса въ глубинѣ зарѣчныхъ луговъ.

XXIX.

Въ мезонинѣ, гдѣ Глафира занимала двѣ большихъ комнаты, ея кабинетъ, съ окнами на рѣку, смотрѣлъ, въ эту минуту, нарядно и весело, полный зимняго солнца.

Таманцевъ только что всталъ съ кресла у маленькаго бюро, гдѣ, съ другой стороны, сидѣла и Глафира. Лицо ея застыло въ выраженіи, похожемъ на то, когда что-нибудь усиленно припоминаешь, со взглядомъ, устремленнымъ въ одну точку.

Вышло то, чего онъ никакъ не желалъ.

Послѣ завтрака они поднялись сюда; Глафира хотѣла ему прочесть замѣтку, которую собиралась послать въ одну московскую газету. Должно-быть, онъ слушалъ ее очень разсѣянно. Она кончила и вдругъ сказала ему:

— А вѣдь у васъ, Андрей Павловичъ, есть что-то на душѣ. Вы все время самъ не свой.

Онъ-было сталъ отпираться и кончилъ тѣмъ, что все разсказалъ ей.

Глафира узнала содержаніе письма Долгова. Совѣта онъ у нея не просилъ. Она сама стала говорить возбужденно и какъ будто вполнѣ искренно.

— Вы не способны оттолкнуть ее теперь. Съ вашей душой! Эта женщина должна ужасно страдать.

Глаза дѣвушки вспыхивали и потухали. Въ нихъ былъ вопросъ: „что же вы-то сами чувствуете къ ней?“

Отвѣтить на него онъ не могъ прямо, рѣшительно: не могъ, потому что самъ не зналъ.

И вотъ разговоръ оборвался. Дальше идти стало ему неловко, ей—слишкомъ тяжело. Онъ напишетъ Лушковой, а потомъ?

Когда онъ отошелъ отъ стола къ печкѣ и взглядъ его упалъ на всю фигуру дѣвушки, его схватило за сердце. Было что-то напряженное во всемъ ея тѣлѣ, точно на нее напалъ столбнякъ.

— Глафира Спиридоновна!—окликнулъ онъ ее.

Она подняла голову. Губы силились улыбнуться. Блѣдное лицо сразу вытянулось и глаза поблекли. Но она сдѣлала надъ собой усиліе, встала и заговорила твердымъ тономъ:

— Сойдите внизъ. Клавдинька, пожалуй, заждалась. Она собирается идти съ вами смотрѣть новый локомобиль... въ молотильный сарай.

Она приблизилась къ нему и протянула руку.

— Спасибо, Андрей Павловичъ.

— За что?

— За довѣріе ко мнѣ, къ вашему вѣрному другу.

Голосъ у нея не вздрагивалъ, и Таманцевъ не замѣтилъ ничего, что могло бы смутить его.

Стыдливое чувство удержало его отъ вопроса: „стало-быть, надо написать ей?“ Но что-то въ родѣ неловкости передъ Глафирой не исчезало въ немъ, хотя между ними ничего не произошло на посторонній взглядъ: поговорили, какъ „добрые друзья“—и только. Когда онъ передавалъ ей содержаніе письма Долгова, тонъ у него былъ скорѣе суховатый. Ему удалось подавить свое волненіе. Но развѣ она не могла распознать, что онъ волнуется?

— Вы не сойдете со мной? — спросилъ онъ пріятельскимъ голосомъ.

— Нѣтъ, я еще разъ просмотрю. Вамъ вдвоемъ будетъ лучше. Вѣдь я профанъ въ хозяйственной части.

Она проводила его до лѣстницы и ласково кивнула ему, стоя у перилъ площадки.

Медленно прошла Глафира, но не въ кабинетъ, а въ спальню, съ окнами на дворъ, такую же просторную, всю отдѣланную розоватымъ кретономъ.

Сначала она сдѣлала нѣсколько концовъ, взадъ и впередъ, отъ печи до окна, и ея руки стали часто вздрагивать. Она потирала ихъ съ особымъ трескучимъ звукомъ. Углы рта оттянулись. Голову она то и дѣло поворачивала вправо и влѣво.

Подойдя къ кровати, она упала на нее, лицомъ въ подушку, и, заглушая рыданія, обняла голову трепетными руками, крѣпко прижимая ее. Все ея молодое и стройное тѣло пронизывала судорога. Страшилась она одного: какъ бы не закричать кликушей, вотъ сейчасъ, когда они еще тамъ, внизу, и Таманцевъ можетъ услыхать.

Онъ ничего не долженъ знать. Да и что ему за дѣло до какой-то купчихи, Глафиры Спиридоновны Колчановой, безумно влюбившейся въ него? Развѣ онъ ее завлекалъ? Они—пріятели, и этого слишкомъ достаточно для нея.

Голова ея, здоровая и сильная, уже овладѣла припадкомъ и ставила эти вопросы. Они, точно капли раскаленной смолы, капали ей на сердце. Лучше сразу вырвать это безумное чувство, и чѣмъ больнѣе рѣзнуть по живому мѣсту, тѣмъ вѣрнѣе!

Развѣ не ясно, что онъ еще любитъ ту... великолѣпную Кэтъ, про которую говоритъ весь Петербургъ? Видимое дѣло, что она будетъ теперь добиваться развода. И не пройдетъ года—она графиня Таманцева.

Въ груди у нея то жгло, то ныло, но голова работала. Надо сейчасъ же встать, освѣжить лицо, сдѣлать такъ, чтобы ни на одну секунду не запало въ него сомнѣніе. Онъ могъ догадываться, что она его любитъ, но сегодня его поведеніе было безупречно. Она сама во всемъ виновата. Зачѣмъ стала она у него выспрашивать? А развѣ, когда любишь, можно молчать? Да и что же онъ такое сказалъ? Передалъ содержаніе письма и выказалъ скорѣе недовольство. Даже не спросилъ ея совѣта: писать ему Лушковой или нѣтъ.

Но она почуяла, какую онъ на себя маску надѣваетъ, онъ—такой искренній и порывистый!

Исходъ одинъ—вырѣзать гангрену, которая станетъ грызть ее. Вѣдь они видятся каждую недѣлю. Теперь, когда онъ отъ нея ничего не скрываетъ, всякій дружескій разговоръ будетъ для нея невыносимой мукой.

А не выдержитъ, не хватитъ силъ произвести эту операцію—надо уѣхать на цѣлый годъ, куда-нибудь далеко-далеко, и кануть въ воду.

Глафира лежала съ закрытыми глазами, и двѣ слезы блестѣли на длинныхъ рѣсницахъ.

Начинало смеркаться. Она не знала, сколько прошло времени. А надо оправиться и идти внизъ. Скоро сядутъ за столъ. Вечеромъ графъ предложилъ имъ прочесть вслухъ интересную статью.

„Интересную"! — повторила она съ глубокой иронiей. Какъ будто она способна чѣмъ-нибудь интересоваться! Да и у какой женщины, у какой дѣвушки есть интересъ выше все того же заразнаго чувства? И Клавдинька только топитъ въ хозяйствѣ свою кручину.

На лѣстницѣ раздались шаги. Она ихъ не слыхала.

— Гланя!—окликнула ее сестра и вошла въ спальню.— Что ты это валяешься? Мы давно вернулись. Иди...

— Сейчасъ.

По одному этому звуку Клавдія поняла, что съ сестрой что-нибудь неладно.

— Что съ тобой, голубчикъ? — заботливо спрашивала она, присаживаясь къ ней на край постели.

— Ничего.

— Нездоровится?

— Нѣтъ, Клавдинька, ничего.

Глафира приподнялась съ усиліемъ, закинула обѣ руки на широкія плечи сестры, упала головой на правое плечо и обняла ее за шею.

— Ничего, пройдетъ... все проходитъ. Вотъ и ты вѣдь выздоровѣла.

— Отъ чего?

И понявъ, что̀ такое съ сестрой, Клавдія обняла ее своими сильными руками и стала цѣловать въ голову, приговаривая:

— Брось! Брось! Онъ—большой баринъ. Не для насъ съ тобой, батюшка мой милый!

Глаза Клавдіи сдѣлались влажны, но она не заплакала.

— Хочешь, я скажу, что ты не сойдешь къ обѣду?

— Нѣтъ! Бога ради! Я сейчасъ. Только освѣжу лицо.

— Безталанная ты моя, безталанная! — почти вскричала Клавдія и опять порывисто обняла голову сестры и долго цѣловала ее.

И въ ея ласкахъ сестрѣ, въ звукахъ голоса дрожала глубокая горечь дѣвушки съ разбитымъ сердцемъ.

XXX.

Прошло больше недѣли. Таманцевъ поджидалъ къ себѣ доктора. Они условились ѣхать въ то село, гдѣ еще недавно онъ пробылъ весь день вмѣстѣ съ Глафирой, гдѣ женщина-врачъ и учительницы оставили въ немъ такое доброе настроеніе. Туда должна была пріѣхать прямо изъ Колчановки и Глафира.

Докторъ немного запоздалъ. Войдя въ кабинетъ, онъ тотчасъ же объявилъ, что ихъ поѣздка не состоится.

— Почему такъ? — откликнулся съ живостью хозяинъ, идя къ нему навстрѣчу.

— Я заѣхалъ за Глафирой Спиридоновной...

— И что жъ?

— Она расклеилась, а безъ нея поѣздка не въ поѣздку.

Глафиру Таманцевъ не видалъ съ того дня, какъ былъ на хуторѣ.

— Ничего серьезнаго? — спросилъ Таманцевъ, подводя доктора къ его обычному мѣсту—въ креслѣ, у двери въ спальню.

— Нервы, что ли, расходились, не разберешь!

Домашневъ поморщился, закуривая свою крѣпчайшую „пушку“.

Онъ очень любилъ Глафиру, и если бъ Таманцевъ не зналъ, что онъ отличный мужъ и отецъ семейства, то давно бы подозрѣвалъ, что докторъ неравнодушенъ къ ней.

— Если вы не разберете, Илья Ефимовичъ, то кто же?

— Мудреное дѣло. Вообще у нея организмъ нормальный. Бывали головныя боли, простуды, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ здѣсь живутъ; но чего-нибудь... знаете, нынѣшняго—не замѣчалъ.

— По части неврастеніи?—подсказалъ Таманцевъ.

— Именно. Лежитъ... пульсъ слабый... сна нѣтъ. А я наркотиковъ давать не желалъ бы.

Брови докторъ сдвинулъ и нетерпѣливо закачалъ одной ногой.

Таманцеву показалось, что взглядъ его пріятеля про-

шелся по немъ очень быстро и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

Въ послѣднія шесть недѣль они видались рѣдко. Какъ будто ихъ пріятельство покачнулось съ того самаго крупнаго разговора, когда онъ и Томилинъ очутились противъ доктора. Домашневъ уже проговаривался, что онъ „не совсѣмъ понимаетъ Николая Алексѣевича“, что его „радикализмъ значительно побѣлѣлъ“, но долженъ былъ, однако, сознаться, что къ Томилину „не придерешься“ ни въ какомъ смыслѣ.

Въ эту минуту въ тонѣ и минахъ Домашнева Таманцевъ почуялъ что-то еще по поводу внезапнаго нездоровья Глафиры Спиридоновны.

Онъ и самъ еще не успокоился на ея счетъ и хотѣлъ было ей написать, по пріѣздѣ отъ нихъ, недѣлю назадъ. Но его письмо къ Лушковой уже давно было написано и отправлено... Отвѣта онъ сталъ ждать съ возрастающей тревогой.

— Однако, — сказалъ онъ озабоченнымъ тономъ, — вы должны же, какъ врачъ, распознать что-нибудь? Ея жизнь вы хорошо знаете; поэтому вамъ ясна ея... какъ вы теперь называете... ана... ана...

— Анамнёза, что ли?

— Да.

— Легко сказать! Внутренняя психика дѣвицы... и такой, какъ Глафира Спиридоновна—это тоже задача.

— Кажется, она очень изліятельная особа.

— Да, въ общихъ вопросахъ. Но въ каждой женщинѣ два душевныхъ организма — одинъ наружный, другой нутряной.

И опять Таманцевъ почувствовалъ, что быстрый взглядъ доктора прошелся по немъ.

— Клавдія ничего не говоритъ такого, чего я самъ не знаю или о чемъ... не догадывался, — протянулъ Домашневъ многозначительно.

Онъ не могъ пройти это молчаніемъ.

— Илья Ефимовичъ!—окликнулъ онъ и поглядѣлъ на пріятеля съ особеннымъ выраженіемъ.

— Ась?

— Вы чего-то не досказываете и какъ будто по моему адресу? А?

Не сразу отвѣтилъ докторъ.

— Что жъ! Я хитрить не мастеръ. Есть грѣшокъ!

— Развѣ вы считаете меня... виновникомъ разстройства Глафиры Спиридоновны?

— Прямымъ—нѣтъ... Косвеннымъ—да!

На мѣстѣ доктору не сидѣлось. Онъ подошелъ къ бюро простѣнка и прислонился къ нему въ своей обычной позѣ, разставивъ широко ноги.

— Какъ же мнѣ это понять?

— Эхъ, ваше сіятельство! Изволите хитрить... Дѣвушка который годъ въ васъ врѣзавшись до самозабвенія... а вы...

Онъ повелъ головой, и краска начала выступать на его сильно загорѣлыхъ щекахъ.

Поднялся и Таманцевъ и близко подошелъ къ Домашневу.

— Съ какой же стати?—началъ-было онъ.

— Батюшка, Андрей Павловичъ... Оставимъ аристократическія тонкости. Я не нахалъ и не люблю вторгаться въ чужую душу. Но если мы съ вами до сихъ поръ жили въ ладу... и считались людьми одного пошиба... то изъза чего же я стану скрытничать? Это не пустая болтовня съ моей стороны.

— Я и не говорю!—вскричалъ Таманцевъ.

— Стало-быть?—вѣско выговорилъ докторъ.

— Но развѣ мое поведеніе?..

— Оставьте! Кто васъ въ чемъ-нибудь винитъ? Вы не ловеласъ, не сластёна. Слишкомъ даже мало обращаете вниманія на женскій полъ. У васъ зазноба была. Я говорю гадательно! Но вѣдь съ тѣхъ поръ, кажется, вы распростились съ Питеромъ.

Таманцевъ хотѣлъ бы сказать: „да“, и молчалъ.

— Что̀ мудренаго, — продолжалъ докторъ уже гораздо мягче, — что̀ мудренаго, — повторилъ онъ, — что дѣвушка полюбила васъ. Иного и не могло выйти! И вы ее не завлекали. Никто этого и не говоритъ,—ни я, ни она, ни ея сестра. Напротивъ, онѣ даже со мною хитрятъ. Но вы добиваетесь отъ меня діагнозы? Я ее и ставлю—страсть, вошедшая внутрь психіи. Вотъ она и начинаетъ разъѣдать нервную машину. Дѣло понятное.

Таманцевъ стоялъ передъ нимъ съ поникшей головой.

— Что же дѣлать?—вполголоса выговорилъ онъ и развелъ руками.

— Да коли сердце ваше свободно... будто такъ трудно

почувствовать взаимность въ данномъ случаѣ? Дѣвушка на рѣдкость—душа, умъ, образованіе, красота.

— Глафира Спиридоновна не такая особа,—остановилъ Таманцевъ,—чтобы можно было съ ней пофлертировать... и только.

— Кто же говоритъ!

И точно отвѣчая самому себѣ, докторъ сказалъ съ явной горечью въ тонѣ:

— А женой мы ее не назовемъ. Купчиха!..

— Илья Ефимовичъ! Съ какой же стати вы мнѣ это кидаете въ лицо?

— Простите. Это я такъ.

Домашневъ протянулъ ему руку.

— Очень ужъ мнѣ ее жаль! — продолжалъ онъ тронутымъ голосомъ. — Въ ея лѣта и съ ея натурой это неизлѣчимый недугъ.

— Недугъ! — повторилъ вслѣдъ за нимъ Таманцевъ и такимъ тономъ, что докторъ оглянулъ его.

Онъ самъ, нечувствительный къ женскому полу, по опредѣленію Домашнева, не испытывалъ ли новаго приступа того же самаго недуга?

— По крайней мѣрѣ... вы бы съ ней поласковѣе, Андрей Павловичъ. Заѣхали бы лишній разъ.

— Я готовъ; но чему же это поможетъ?.. Послушайте, Домашневъ,—заговорилъ Таманцевъ серьезнѣе и теплѣе,— Глафира Спиридоновна прекрасная личность. Лучше не найдешь, особенно если остаться жить здѣсь. Мое поведеніе съ ней было такое—я долго ничего явнаго не замѣчалъ... И во время болѣзни я всего разъ позволилъ себѣ... какъ это назвать... маленькій проблескъ лиризма. Клянусь вамъ, ничего больше!..

— Не можетъ быть, чтобы въ послѣдній разъ, какъ вы тамъ были, у васъ ничего не вышло?

— Вышло вотъ что...

Ничего не скрывая, Таманцевъ передалъ доктору про письмо Долгова и про то, какъ, противъ его желанія, онъ излился Глафирѣ, вызванный ея же разспросами.

— И вы забыли, что она васъ безумно любитъ?

— Забылъ! — выговорилъ Таманцевъ, неожиданно смущенный.

— Ну, такъ вотъ что, графъ, — сказалъ докторъ, беря его опять за руку, — въ васъ старыя дрожди не выѣло еще время.

И подведя Таманцева къ креслу, онъ посадилъ его и, наклонясь надъ нимъ, взялъ обѣими руками за плечи.

— Одинъ вопросъ... Не угодно—не отвѣчайте. Вы той... дамѣ уже написали?

— Написалъ.

— И ждете отвѣта... что называется, ждете?

— Жду,—стыдливо вымолвилъ Таманцевъ.

— Бѣдная Глафира! Наживетъ неврастенію! — сказалъ Домашневъ и, отойдя отъ кресла, прибавилъ:—Женщина—сосудъ скудельный!

XXXI.

Докторъ давно уже уѣхалъ.

При свѣтѣ лампы Таманцевъ засѣлъ-было за обычную вечернюю работу. Но книга валилась изъ рукъ. Онъ прислонилъ голову къ спинкѣ кресла и закрылъ глаза рукой, охваченный цѣлымъ роемъ мыслей и вопросовъ.

Что же ему дѣлать, если любовь Глафиры Спиридоновны Колчановой не сообщилась ему во-время? Да и теперь онъ смущенъ, но не тронутъ настолько, чтобы велѣть заложить тройку и полетѣть къ ней. Какъ пріятель, онъ готовъ это сдѣлать... Его даже потянуло. Но онъ боится. Ему неловко. Зачѣмъ будетъ онъ волновать ее, когда онъ не въ силахъ отвѣтить страстью на страсть?

А можетъ-быть, теперь-то и слѣдовало бы ему не искать страсти, разъ ея нѣтъ, а просто отдаться теченію, согрѣвать себя пылкимъ и самоотверженнымъ чувствомъ такой дѣвушки. Вѣдь любовь прилипчива. Такая жена, какъ Глафира, всю жизнь будетъ прочной пристанью.

Онъ опять на распутьѣ. Докторъ вѣрно угадалъ. Будь его сердце вполнѣ свободно, онъ не сталъ бы съ затаеннымъ волненіемъ ждать письма Кэтъ.

Куда эта переписка можетъ завести его?

Страшно отвѣтить на этотъ простой, неизбѣжный вопросъ.

Впервые всплыли передъ нимъ двѣ дороги: одна—рука объ руку съ прекрасной женщиной, готовой отдать ему все свое существо, съ солиднымъ образованіемъ, съ такой вѣрой въ него, съ такимъ преклоненіемъ. Съ ней онъ будетъ жить здѣсь, забудетъ обо всемъ, чѣмъ Петербургъ противенъ ему, будетъ служить землѣ, уѣзду, крестьянству, лучшимъ людямъ своего сословія. Сама

судьба позаботилась о немъ, посылаетъ ему такую подругу. И ему стоитъ только, не дѣлая надъ собою насилія, плыть по теченію.

Вернется онъ къ Кэтъ — что ждетъ его? Опять надо окунуться въ міръ Лушковыхъ и Лилишекъ. И въ какой грязи придется, быть-можетъ, барахтаться, какую печальную роль играть, даже если Кэтъ и оцѣнитъ его, вознаградитъ его за прошлое?

Ему стало жутко отъ этихъ вопросовъ. Онъ не хотѣлъ вызывать передъ собою образъ той Кэтъ, изъ-за которой испыталъ въ Петербургѣ столько горькаго и надѣлалъ столько нелѣпаго и унизительнаго для себя.

Почему же не обратиться памятью къ другой Кэтъ, къ привлекательной, даровитой и чуткой, смѣлой и умной дѣвушкѣ, какую онъ зналъ раньше? Не могъ же онъ цѣлыми годами ошибаться въ ней такъ грубо? Было время, когда онъ смотрѣлъ на нее, какъ на „дѣвчурку“, безъ всякой влюбленности. И тогда онъ могъ спокойнѣе разбирать ея характеръ, мысли, вкусы, наклонности.

Въ такой гордой душѣ возможенъ переломъ. Она никогда не лгала. И все, что Петя Долговъ услыхалъ отъ нея, то несомнѣнно правда. Она сознаетъ свое заблужденіе. Она готова загладить то, что вышло между ними. Если она первая не написала ему, она законно щадила свою гордость. Это имѣло бы видъ заискиванья, расчета на то, что онъ до сихъ поръ безумно ее любитъ и бросится помогать ей отдѣлаться навсегда отъ мужа.

Въ коридорѣ раздались мягкіе шаги въ валенкахъ.

— Это ты, Лаврентій?—окликнулъ Таманцевъ, обрадованный тѣмъ, что можетъ прервать свою думу.

Дверь изъ коридора тихо отворилась и вошла Авдотья.

— Что тебѣ?

— Почту привезли, ваше сіятельство. А Лаврентій-то отлучился... Вотъ извольте.

Она подала ему двѣ газеты и письмо, лежавшее сверху.

Сейчасъ же узналъ онъ, отъ кого это письмо, и не сразу разорвалъ конвертъ, а положилъ сначала на столъ вмѣстѣ съ газетами.

— Тебѣ ничего больше не нужно, Авдотья?—спросилъ онъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ легкую дрожь.

— Лаврентій бѣлье приготовилъ спальное, такъ, ежели угодно, я могу постелить.

Она уже дѣлала это нѣсколько разъ во время его болѣзни и послѣ нея.

— Иди... Только затвори отсюда дверь... хорошенько.

— Я съ той стороны пройду, батюшка.

Авдотья, уходя, немного обернула голову и видѣла, какъ баринъ схватилъ письмо и разорвалъ конвертъ, измѣнившись въ лицѣ. Она давно замѣчала, что барину „не по себѣ“, и не могла „доподлинно“ рѣшить: неужели это отъ того, что онъ „влюбившись“ въ колчановскую барышню? Объ этомъ она раза два толковала съ Лаврентіемъ. Тотъ не очень былъ бы радъ, если бъ графъ женился на купчихѣ, хотя бы и „богатѣйкѣ“. Да и одному не большая „сласть“ сидѣть такъ въ деревнѣ. И никакой-то у него „сударки“ на сторонѣ. Это ее приводило даже въ изумленіе.

Какъ только шаги Авдотьи замерли, Таманцевъ всталъ и самъ плотно притворилъ дверь въ спальню, куда она должна была вернуться черезъ нѣсколько минутъ перемѣнять спальное бѣлье. Это показалось ему недостаточно. Онъ заперъ дверь, чего не дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ деревнѣ.

Письмо вздрагивало въ его нервныхъ пальцахъ. Онъ присѣлъ въ неловкой позѣ къ лампѣ и сталъ жадно читать.

Красивый узкій почеркъ Кэтъ запестрѣлъ передъ его глазами. Около двухъ лѣтъ прошло, какъ онъ получилъ ея послѣднее письмо.

Разумѣется, и это было написано по-французски. Онъ пріучалъ ее когда-то отвѣчать ему по-русски... Она увѣряла, что ей неловко, не хватаетъ словъ; но говорить она умѣла очень хорошимъ русскимъ языкомъ, когда они, бывало, засиживались вечеромъ за низенькими ширмами гостиной.

Письмо начиналось просто, дружески. Она благодарила его за память и прямо открывала ему свое положеніе. Не было и лишнихъ фразъ дешеваго раскаянія.

„Сознаю,—читалъ онъ,—что годъ назадъ я вдалась въ смѣшной *снобизмъ*. Я слишкомъ поглупѣла къ вашему пріѣзду, не хотѣла и не могла понять васъ“.

Но во всемъ письмѣ не было ни малѣйшаго намека на то, что онъ, изъ любви къ ней, вызвалъ скандалъ, который повелъ за собою ея поспѣшное замужество.

Въ этомъ всего ярче выступали ея умъ, тактъ, прирожденное благородство ея натуры.

Сдержанно, даже слишкомъ кротко давала она чувствовать, что рѣшится разорвать свой бракъ или, по меньшей мѣрѣ, разойтись съ Лушковымъ.

„Если васъ,—читалъ онъ въ заключительной страницѣ письма,—занесетъ въ Петербургъ, покажите себя такимъ же добрымъ и великодушнымъ, какимъ вы всегда были со мною. Я была слишкомъ высокаго мнѣнія о своей особѣ, о своемъ характерѣ и умѣ, но я только женщина, и не знаю, справлюсь ли я одна со всѣмъ, что̀ мнѣ предстоитъ испытать".

„Au revoir, André, — кончала она, — je ne puis vous appeler autrement—ce serait faux. Je me sens trop près de vous".

Имя „André" ласкало его взглядъ. Оно само собою слетѣло съ пера Кэтъ, когда она кончала письмо. Это не расчетъ кокетки, желающей вернуть старое и сдѣлать его, „le jobard", — какъ скажетъ господинъ Лушковъ,— козломъ отпущенія своего брака.

— Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! — вырвалось у него вслухъ, и съ письмомъ въ рукахъ онъ заходилъ по кабинету.

Чего же ему ждать? Зачѣмъ терять время? Черезъ два дня онъ можетъ быть въ Петербургѣ. Ничто его не удерживаетъ здѣсь.

„А Глафира?" — кольнулъ его внезапный вопросъ.

Жаль ее, но жалость—не любовь. Будь она на его мѣстѣ, она бы не медлила ни минуты.

XXXII.

Шла послѣдняя недѣля передъ масленой. Оттепель уже приближалась.

Раннимъ утромъ сани Таманцева катили къ станціи желѣзной дороги и пристяжныя взбивали рыхлый снѣгъ.

Лаврентій сидѣлъ на облучкѣ, одѣтый по-дорожному. Перфилъ молодцовато ухалъ на коренника, но у него не было его задорной усмѣшки. Баринъ уѣзжалъ, неизвѣстно на сколько времени, а безъ него ему будетъ хоть и „слободнѣе", да скучнѣе. Не особенно нравилось ему и то, что „въ ключахъ" оставлена Авдотья. Она будетъ ему выдавать кормъ, а онъ ее не долюбливалъ, считалъ, какъ и всѣ въ деревнѣ, „душегубкой" и „колдуньей". Наряд-

чика, жившаго въ усадьбѣ для полевыхъ работъ, баринъ расчелъ и оставилъ только двоихъ рабочихъ. И выходило, что Авдотья поставлена какъ бы „нàбольшимъ“ надъ всей усадьбой — надъ скотницей, стряпухой и, косвенно, надъ нимъ.

Лаврентій былъ доволенъ. Онъ любилъ Петербургъ и въ послѣднее время все чаще задумывался надъ тѣмъ, неужели графъ засядетъ совсѣмъ „въ этой дырѣ“? И зачѣмъ онъ только высиживалъ до этой поры? Здоровье только портилъ... мало валялся! Хозяйство его не привлекаетъ, да и хозяйничать-то не надъ чѣмъ. Вся почти земля роздана „мужичью“ за полцѣны. По выборамъ прокатили на вороныхъ. Въ мужикахъ никакой благодарности, а попробуй онъ взяться за умъ и хозяйничать какъ слѣдуетъ—и начнутъ пакости дѣлать, подпустятъ и „краснаго пѣтуха“. Ежели вернется опять изъ Петербурга ни съ чѣмъ, такъ и женитъ его на себѣ та купчиха. Да хорошо еще, коли такъ кончится. Заведетъ, отъ скуки, сударку изъ поповенъ или мѣщанокъ. А то и просто судомойку—примѣры бывали!

Его баринъ, какъ разъ въ ту минуту, думалъ также о колчановскомъ хуторѣ. Съ полученія письма отъ Лушковой прошло болѣе недѣли. Когда онъ рѣшилъ ѣхать—а это сдѣлалось не безъ колебаній—третьяго дня онъ вспомнилъ, что надо проститься съ сосѣдками. Ему стало немного совѣстно: охваченный новой душевной тревогой, онъ не посылалъ даже запиской узнать о здоровьѣ Глафиры Спиридоновны.

Колчановыхъ онъ не нашелъ. Обѣ барышни уѣхали въ Москву, и когда вернутся—неизвѣстно. Это его огорчило. Съ ними обѣими онъ хотѣлъ сохранить пріятельскія отношенія. Клавдія была его „идеалъ“, какъ онъ любилъ повторять, образецъ характера и выдержки. Глафира ему до сихъ поръ очень близка. Не замѣшайся тутъ ея чувство къ нему, съ какой отрадой вошелъ бы онъ съ ней въ самые задушевные разговоры, показалъ бы ей письмо Кэтъ, открылъ бы всю потаенную работу души, не утаилъ бы и того, что его неудержимо потянуло опять въ ненавистный Петербургъ, — кто знаетъ, — на какія новыя мученія?...

Нечего дѣлать! Онъ не простится съ сестрами. Хорошо и то, что Глафира собралась въ Москву. Вѣроятно, настояла мудрая Клавдія, развлечься, сходить въ театръ.

Онѣ обѣ такія поклонницы тамошняго Малаго театра. У Глафиры есть тамъ дружескій кружокъ изъ университетскихъ молодыхъ людей. Быть-можетъ, излѣчится отъ своей „зазнобы“,—съ тихой усмѣшкой подумалъ онъ этимъ именно словомъ.

У задняго подъѣзда станціи стояло нѣсколько повозокъ. Это была станція съ маленькимъ буфетомъ. До поѣзда оставалось не больше получаса.

— Вотъ и графъ!—встрѣтилъ его окликъ кандидата въ предводители.

Онъ стоялъ у буфета и закусывалъ рядомъ съ докторомъ Домашневымъ.

— Ваше сіятельство!—крикнулъ докторъ и пропустилъ рюмку.

Домашневъ самъ обѣщалъ захватить его на желѣзной дорогѣ. Они не видались за всю недѣлю, но Таманцевъ писалъ ему о своемъ отъѣздѣ и получилъ отъ него записку съ нарочнымъ. Съ Томилинымъ онъ не успѣлъ проститься.

Оба подошли къ нему и стали жать руку.

— Бѣжите отъ насъ оба, а?—подмигнулъ правымъ глазомъ докторъ, беря Таманцева за талію.

— Какъ оба?—спросилъ тотъ.—И вы ѣдете, Николай Алексѣевичъ?

— Совсѣмъ отъѣзжаетъ,—пояснилъ Домашневъ.

— Вышли въ отставку?—спросилъ опять Таманцевъ.

— Нѣтъ. Но предводитель на-дняхъ вернулся и вступилъ въ должность. Мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Да и пора.

— До лѣта... за журнальную работу?

— Наши робята зовутъ давно,—выговорилъ шутливо Томилинъ и добродушно улыбнулся глазами.

— А ваше сіятельство надолго ли? Лучше не спрашивать?

Домашневъ выговорилъ это серьезнѣе.

— По дѣлу?

На вопросъ Томилина Таманцеву трудно было бы сразу отвѣтить. Но Домашневъ, быстро обернувшись въ сторону задней входной двери, вскричалъ:

— Ба!.. Вотъ и дамы!

Таманцевъ сдѣлалъ шагъ назадъ, такъ удивило его появленіе сестеръ Колчановыхъ. Онъ первый подбѣжалъ и сталъ жать имъ руки, обрадованный и немного смущенный.

Клавдія, въ башлыкѣ и высокихъ ботахъ, глядѣла на него смѣло и бодро, съ румяными отъ воздуха щеками. Глафира была блѣдна, но глаза ея обращены были къ нему спокойно и ласково. Густыя брови оттѣняли ихъ такъ красиво, безъ всякой нервности.

— Вы вѣдь въ Москвѣ? — возбужденно спросилъ Таманцевъ.

— Смахали?—кинулъ и докторъ, здороваясь съ ними.

Томилинъ подошелъ послѣ, расплатившись у буфета.

— И такъ неожиданно?—сказалъ Таманцевъ, взглядывая на Глафиру.

— Какъ неожиданно?—возразила Клавдія своимъ дробнымъ хозяйскимъ голосомъ. — Докторъ зналъ. Онъ далъ идею проѣхаться и взять консультацію. Тамъ нашъ давнишній пріятель.

Она назвала фамилію извѣстнаго врача по нервнымъ болѣзнямъ.

Глафира улыбнулась и сказала, обращаясь больше къ Таманцеву:

— Онъ отлично дѣйствуетъ... и безъ всякихъ модныхъ внушеній.

— А теперь куда же? — спросилъ Томилинъ, подойдя къ нимъ съ общимъ поклономъ.

— Вотъ графа проводить, — объявила Клавдія. — Онъ насъ не засталъ.

Глаза Таманцева невольно перешли опять къ Глафирѣ. Она стояла, стройная и величавая, въ короткой шубкѣ съ собольей оторочкой и въ бархатной шапочкѣ. Въ ней она похожа была на древнюю боярышню.

Онъ почуялъ, чего ей стоило пріѣхать съ нимъ проститься. Лицо ея ни на секунду не дрогнуло. И не было въ немъ ничего затаеннаго и горькаго. Здоровая натура взяла верхъ. Этимъ пріѣздомъ она прямо показывала ему, что не винитъ его ни въ чемъ.

Докторъ ловко отвелъ Клавдію къ буфету. Томилинъ пошелъ что-то приказать малому, который съ нимъ пріѣхалъ. Таманцевъ и Глафира отошли къ столу.

— Присядьте немножко!—сказалъ онъ ей и протянулъ руку.

Она взяла и пожала крѣпко, по-пріятельски, и опустилась на стулъ.

— Вы довольны вашимъ здоровьемъ?—спросилъ онъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ,—такъ звали по имени и отче-

ству московскаго спеціалиста,—поисповѣдовалъ меня, далъ мнѣ полную инструкцію, заставилъ посмотрѣть въ Маломъ театрѣ одну чувствительную пьесу, отъ которой всѣ дамы плачутъ... И мнѣ ничего не сдѣлалось. А теперь ничего нѣтъ такого, на что стоило бы жаловаться.

Таманцевъ смѣлѣе взглянулъ на нее и еще разъ протянулъ руку.

— Глафира Спиридоновна! Мы вѣдь друзья?

— А то какъ же? — полушутливо отозвалась она, не поднимая рѣсницъ.

— Вы позволите написать вамъ изъ Петербурга?

— Стало-быть, вы туда, Андрей Павловичъ?

Смыслъ ея вопроса онъ понялъ, хотя слова эти выговорила она совсѣмъ просто.

— Туда.

— И это... послѣ письма, полученнаго оттуда?

Не малаго усилія стоилъ ей вопросъ. Но она хотѣла имъ показать, что хочетъ быть только его пріятельницей.

— Да,—точно обронилъ Таманцевъ.

И оба они встали, когда раздался звонокъ.

— Спасибо, спасибо!—вырвалось у Таманцева.

Онъ наклонился и горячо поцѣловалъ ея руку. Ея губы прикоснулись къ его щекѣ.

Всѣ вышли на платформу. Клавдія простилась съ Таманцевымъ, точно старшая его сестра, обняла, когда онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку.

Домашневъ вошелъ къ нему въ вагонъ уже послѣ второго звонка и, наклонясь къ его уху, шепнулъ:

— Эхъ, ваше сіятельство! Отъ такой дѣвушки бѣжите. Грѣшно!

И выскочилъ изъ вагона съ третьимъ звонкомъ.

Часть третья.

I.

Снова потянулось передъ Таманцевымъ широкое полотно Невскаго, съ бурой кашей, вмѣсто снѣга, все съ тѣмъ же мельканьемъ штукатурныхъ, точно отмоклыхъ домовъ—сѣрыхъ, красновато-грязныхъ, желтыхъ, полубѣлыхъ.

Въ воздухѣ моросило что-то въ родѣ измороси. Шелъ первый день масленицы. Утромъ, въ часъ прихода скораго московскаго поѣзда, ѣзда была обычная, и чухны кое-гдѣ только показывались въ боковыхъ улицахъ со своими лошаденками и пошевнями.

Онъ глядѣлъ вправо и влѣво, сидя въ саняхъ. Лаврентія онъ отправилъ съ вещами отдѣльно и приказалъ извозчику везти его на главный телеграфъ, черезъ весь Невскій.

Тамъ, на этомъ главномъ телеграфѣ, ждетъ его депеша отъ Кэтъ, можетъ-быть, и двѣ.

Тотъ же „противный“ Петербургъ снова обступалъ его съ обѣихъ сторонъ; но отчего же въ немъ нѣтъ подавленнаго чувства или той оскомины, которую онъ прежде, особенно въ послѣдній пріѣздъ, постоянно ощущалъ?

Ему ни разу даже не пришелъ на умъ ни одинъ изъ возгласовъ, обращенныхъ къ этому „городу ядовитыхъ признательностей“,—какъ назвалъ его журналистъ Луцкій, со словъ русскаго сатирика.

Извозчикъ везетъ его довольно плохо, а въ немъ нѣтъ и физическаго нетерпѣнія. Онъ ѣдетъ возбужденно, даже безъ неизбѣжной вялости послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ, гдѣ было съ вечера адски натоплено, такъ что онъ

спалъ очень тяжело и часовъ съ шести утра не могъ уже заснуть.

И не могъ, вѣроятно, оттого, что душевное возбужденіе усилилось съ приближеніемъ къ Петербургу. Уѣздъ, Муражкинская волость, земскіе разговоры, докторъ и кандидатъ, Сусловъ и раскольникъ Пареный—все это отошло. Точно дымкой заволокло и сестеръ Колчановыхъ.

До Москвы лицо Глафиры еще то и дѣло всплывало передъ нимъ подъ гулъ машины. Ея пріѣздъ на станцію, благородство ея тона, великодушіе и душевная чистота тронули его, и долго въ его ушахъ стоялъ возгласъ доктора:

„Эхъ, ваше сіятельство! Отъ такой дѣвушки бѣжите!“

И въ Москвѣ его еще щемило это прощаніе съ Глафирой. Не хотѣлось ему ѣхать къ знакомымъ. Онъ отобѣдалъ въ „Славянскомъ Базарѣ“, гдѣ не избѣжалъ встрѣчи съ однимъ жирнымъ генераломъ, изъ кавалеристовъ, когда-то гвардейскимъ офицеромъ, извѣстнымъ своими любовными исторіями. Генералъ ужасно французилъ и все подбивалъ его остаться ночевать и поѣхать куда-то на Рождественскій бульваръ, говоря, что тамъ есть „душканы“, при чемъ онъ два раза щелкнулъ языкомъ.

И такъ ему стало тоскливо, что онъ, распорядившись насчетъ багажа, отправился въ Малый театръ, чтобы какъ-нибудь убить вечеръ и не остаться одному со своими мыслями.

Пьеса досталась ему, кажется, та самая, про которую говорила Глафира. Исторія развода и борьбы мужа и жены изъ-за ребенка. На сцену выпустили дѣвочку, и дамы, вокругъ него въ креслахъ, плакали въ сильныхъ мѣстахъ; съ одной чуть не сдѣлалось дурно.

Содержаніе пьесы только разстроило его; да и главная актриса играла слишкомъ искренно и сильно, точно передъ нимъ настоящій житейскій случай.

Не могъ онъ освободиться отъ тревожнаго „забѣганья впередъ“. Въ какую исторію попадетъ и онъ въ Петербургѣ? Ребенокъ въ пьесѣ—это была очень миленькая дѣвочка лѣтъ десяти—навелъ его на вопросъ: нѣтъ ли у Кэтъ ребенка? Онъ этого не зналъ. Петя Долговъ ничего не писалъ ему. Въ ея письмѣ не было намека на то, что она мать.

Свадьба состоялась въ декабрѣ. Прошелъ слишкомъ годъ. Ребенокъ могъ явиться, и весьма! Кто знаетъ, какое

осложненіе принесетъ онъ съ собою? Такіе господа, какъ Лушковъ, если дѣло дойдетъ до формальнаго развода, сумѣютъ поиграть на ребенкѣ, чтобы произвести давленіе на мать.

Нить этихъ тревожныхъ забѣганій впередъ не прерывалась и въ вагонѣ, когда Таманцевъ укладывался на ночь.

Но утромъ онъ уже не могъ спать. Съ шести часовъ его возбужденіе стало совсѣмъ иное. Онъ точно на десять лѣтъ помолодѣлъ. Его не смутило и то, что утромъ же нога начала ныть, грозя рецидивомъ ревматическихъ болей.

И теперь она ноетъ, въ саняхъ, но онъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Ему не страшенъ климатъ Петербурга. Что-то новое и подмывающее влечетъ его въ омутъ жизни. И это сдѣлала женщина, все та же. Одну ее онъ и любилъ.

Должно-быть, природа создала его „однолюбомъ“—ему припомнилось это мѣткое Тургеневское слово. Не монахомъ онъ жилъ съ тѣхъ поръ, какъ вообще знаетъ женщину. Но развѣ у него была хоть одна страсть раньше, за границей или въ Россіи? Ни страсти, ни даже связи. Мимолетныя встрѣчи въ Парижѣ, одна въ Италіи. О нихъ и вспоминать не хотѣлось. Искренно тяготила его холостая свобода и, не проповѣдуя суроваго цѣломудрія, онъ всегда находилъ, сколько грязи, хоть часто и красивой, въ жизни холостяка.

Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ прожилъ онъ „цѣломудренно“—иначе онъ не можетъ выразиться. Въ деревнѣ, во время голода, чудовищно было бы для него думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ народной нужды. Потомъ—буря въ Петербургѣ. Онъ безумствовалъ; но чувственность молчала въ немъ, такъ же безусловно, какъ и въ деревнѣ. Опять цѣлый годъ прожилъ онъ бобылемъ. Близость съ красивой, даже роскошной дѣвушкой, какъ Глафира, не волновала его. Былъ такой моментъ, когда это равнодушіе какъ будто переходило въ нѣжное настроеніе. И все-таки онъ остался холоденъ, вплоть до письма „Петюни“, точно всколыхнувшаго въ немъ душевную дрему.

Извозчикъ завернулъ въ Почтамтскую улицу и подвезъ его къ телеграфу.

Въ пріемной залѣ Таманцеву стало какъ-то особенно

весело. Онъ съ интересомъ оглядывалъ всю обстановку конторки, перила, дежурныхъ барышень, одѣтыхъ въ форменные сюртучки.

Къ одному изъ отверстій подошелъ онъ съ вопросомъ, гдѣ выдаютъ депеши до востребованія?

Барышня въ сюртучкѣ указала ему, гдѣ именно получить депешу.

Его дожидались — какъ онъ почему-то и думалъ — не одна, а двѣ телеграммы.

Въ первой, лежавшей уже третій день, онъ прочелъ:

„Heureuse de vous voir. Merci d'avance. Kate".

За что именно она его благодаритъ, онъ не понялъ. Но довольно было и этого слова „Kate", поставленнаго въ депешѣ, которая могла попасть и въ чужія руки.

Вторая депеша была снята съ аппарата уже сегодня, полчаса раньше. Въ ней стояло:

„Vous attends aujourd'hui tout l'après midi. Monsieur n'est pas ici en ce moment".

И опять это имя „Kate" ласково смотрѣло на него.

„Monsieur n'est pas ici! — повторилъ онъ, выходя изъ залы.—Совсѣмъ разъѣхались или только временно?"

Но не все ли это равно? Неужели онъ будетъ смущаться тѣмъ, что Лушковъ — ея мужъ? Зная ея натуру, онъ ручается, что разъ она распознала, *кто* ея мужъ, она больше не жена его, хотя и продолжаетъ еще носить его фамилію.

Только бы у нея достало твердости пойти противъ разныхъ кастовыхъ предразсудковъ. Да нынче и въ ея кругу стали часты всевозможныя перестановки женъ и мужей.

— На Фонтанку! — молодо крикнулъ онъ извозчику и съ удовольствіемъ подумалъ, — кажется, въ первый разъ въ Петербургѣ,—что ѣдетъ въ собственный домъ, гдѣ и его холостая квартира такихъ размѣровъ, что въ ней можно жить вдвоемъ.

II.

— Карета готова, графъ! — доложилъ Лаврентій, принявшій городскую внѣшность — въ новомъ двубортномъ сюртукѣ.

Онъ доложилъ въ дверяхъ кабинета, гдѣ Таманцевъ уже былъ совсѣмъ одѣтъ и натягивалъ перчатку на лѣвую руку.

Одѣвался въ спальнѣ, онъ нашелъ, что его туалетъ нуждается въ обновленіи. Сюртукъ узокъ; визитка — не очень свѣжа.

Утромъ онъ не догадался заѣхать, на Невскомъ, къ куаферу, а теперь нашелъ, что борода у него слишкомъ разрослась и волосы даютъ ему черезчуръ деревенскій видъ.

Его квартира не казалась ему такой хмурой и скучной, какъ годъ тому назадъ. И на дворѣ стоялъ довольно свѣтлый день. Окна кабинета выходили на югъ.

Никогда еще, по смерти матери, онъ не чувствовалъ себя значительнымъ домовладѣльцемъ. А сегодня это чувство проснулось въ немъ, вызванное мыслью, что, можетъ-быть, ему придется выручать Кэтъ и денежной поддержкой. Домъ былъ заложенъ, но давалъ порядочный доходъ. Имѣніе также заложено, кромѣ лѣса и двухъ пустошей.

Въ каретѣ новая штофная обивка смотрѣла нарядно. Колеса были на резинахъ. Лошади шли ровно, и онъ въ нѣсколько минутъ очутился на Невскомъ.

Чуть не три года не бывалъ онъ въ этой парикмахерской, куда ходятъ его бывшіе товарищи по „канцеляріи“ и посольскіе атташѐ, которыхъ онъ когда-то называлъ: „les garçons d'ambassades“.

Все тотъ же главный коммі за прилавкомъ обширнаго магазина, сортировавшій товаръ, поднялъ свою коротко остриженную, сѣдѣющую голову и сейчасъ узналъ его.

— Monsieur le comte! Par quel heureux hazard?

Надо было сказать ему нѣсколько пріятныхъ словъ.

Въ парикмахерской залѣ было свободное мѣсто. Ни одного знакомаго не нашелъ онъ тутъ; но онъ ихъ не боялся, не имѣлъ брезгливаго чувства, какъ годъ назадъ, не ёжился, не злобствовалъ.

Русскій молодецъ съ пріемами и даже наружностью француза обстригъ и причесалъ его въ десять минутъ.

Выходя отъ куафера, онъ въ тамбурѣ дверей столкнулся съ Баранцевымъ.

— Bonjour! Comment va?—крикнулъ ему тотъ такимъ звукомъ, точно они вчера еще видѣлись.

Таманцеву показалось, что Баранцевъ улыбнулся глазами съ видомъ человѣка, которому „все“ прекрасно извѣстно.

Но и это не смутило его.

„Пускай ихъ!“ — подумалъ онъ, садясь въ карету. — Теперь уже онъ не будетъ бѣсноваться, какъ мальчишка. Не для себя придется дѣйствовать, а для нея. Чѣмъ „поганѣе“ этотъ городъ, тѣмъ въ сущности больше средствъ борьбы съ нимъ. Онъ будетъ вѣрнымъ другомъ женщины, неспособной пойти на постыдные компромиссы.

Лушковы жили на Сергіевской. Когда карета повернула на Литейную, Таманцевымъ начала овладѣвать новая тревога, похожая на дрожь ожиданья, какое ощущаютъ тѣ, кто долженъ выйти сейчасъ на судъ тысячной толпы и не увѣрены въ себѣ.

Это малодушіе было скорѣе физическое. Внутренно онъ не боялся. Если бъ Кэтъ не ждала его съ полнымъ довѣріемъ къ нему, развѣ она послала бы ему вторую депешу, пришедшую сегодня чѣмъ свѣтъ на главный телеграфъ?

Изъ кареты онъ выскочилъ и однимъ духомъ взбѣжалъ въ сѣни съ каминомъ, растеніями и каріатидами.

Швейцаръ указалъ ему дверь направо съ площадки, въ первомъ этажѣ. Лакей сейчасъ же спросилъ его:

— Вы изволите быть графъ Таманцевъ?

Его ждали.

У портьеры угловой комнаты — гостиную Таманцевъ пробѣжалъ, не замѣтивъ въ ней ничего, — лакей, отступая на ходу, проговорилъ:

— Катерина Денисовна сейчасъ будутъ.

У него ёкнуло въ груди, и онъ опустился въ плюшевое кресельцо, слишкомъ низкое для его роста.

Глаза онъ держалъ полузакрытыми, не оглядываясь на стѣны, охваченный новымъ наплывомъ жуткой и сладкой тревоги. Ничего не видѣлъ онъ вокругъ себя; но въ комнатѣ стоялъ запахъ, сейчасъ вызвавшій передъ нимъ образъ Кэтъ — это ея благоуханіе, чуть ощутимое, знакомое ему столько лѣтъ. И какъ будто то именно, какое шло отъ нея пять лѣтъ назадъ, когда она только что стала выѣзжать.

Еле слышный свистъ шелковой нижней юбки вызвалъ въ немъ притокъ крови къ лицу. Онъ поднялся и застылъ на минуту въ одной позѣ.

Кэтъ точно выплыла изъ-за опущенной портьеры, въ свѣтломъ платьѣ, сшитомъ какъ полупеньюаръ, въ родѣ дѣтской блузы. Глаза ея нервно замигали и не сразу остановились на немъ. Но онъ уже держалъ ее за обѣ

руки и, весь потрясенный, не могъ отвести своего взгляда. Какъ она похорошѣла! Точно другая женщина. Кожа стала какъ бы еще прозрачнѣе и блестящѣе. Румянецъ игралъ на щекахъ, какъ никогда. И эта восхитительная форма ея носа съ вибрирующими ноздрями придавала всему облику вызывающую прелесть. Въ бюстѣ она стала полнѣе.

— André... — вымолвила Кэтъ, и глаза ея на секунду потухли, а краска выступила яснѣе сверху щекъ, подъ глазами.

Онъ цѣловалъ обѣ руки. Внутренняя дрожь не проходила.

Въ одинъ мигъ его захватила страсть. Только теперь его неудержимо влекло къ этой женщинѣ, не спрашивая — другъ она или врагъ, сулитъ ли ему блаженство, или адскія муки.

Въ глазахъ у него заискрилось. Ему стоило усилія, чтобы не взять ее, не привлечь къ себѣ на грудь, не покрыть всю поцѣлуями.

— Катерина...—началъ онъ и не могъ докончить.

— Зачѣмъ не Кэтъ?—выговорила и она по-русски.

И голосъ дѣйствовалъ на него необычайно. Въ немъ звучало что-то и ласковое, и болѣе глубокое, чѣмъ прежде. Это не та изломанная петербургская „gommeuse“—нѣтъ! И онъ ей близокъ. Онъ — ея старый другъ. Она готова загладить прошлое.

— Сядемъ.

Кэтъ тихонько высвободила одну изъ своихъ рукъ и подвела его къ дивану.

— Ainsi c'est vous?—сказала она съ тихой усмѣшкой.— Pardon... вы не любите, чтобы я французила, — употребила она его любимое выраженіе.

— Все равно, все равно!—повторялъ онъ, все еще не овладѣвъ собою.

Онъ не могъ выпустить ея руки, и Кэтъ должна была ощущать, какъ вздрагивали его пальцы.

— Que vous êtes bon! — медленно сказала она съ жестомъ головы, и ея взглядъ остановился на немъ съ выраженіемъ серьезнымъ, почти строгимъ.

— Et que je fus mauvaise, moi! — прибавила она такъ же значительно.

— Кто старое помянетъ! — пробормоталъ Таманцевъ,

продолжая испытывать неловкость отъ того, что надо говорить.

Къ чему слова, когда все такъ радостно, ясно на душѣ, и только ласки могутъ выразить то, отъ чего въ груди занимается дыханіе? Къ чему?

— Да... тому, — продолжала она по-русски, веселѣе улыбнувшись,—тому глазъ вонъ. C'est ça!

— Не нужно никакихъ счетовъ. Вотъ я весь тутъ. Я— вашъ старый другъ... Знаете — наши мужики, когда хотятъ увѣрить, говорятъ: „Одно слово: крышка!"

Кэтъ разсмѣялась, и Таманцевъ обрадованно перевелъ духъ. Нужды нѣтъ, что у него вышли не тѣ совсѣмъ слова. Такъ лучше! Если не взять такой полушутливый тонъ, то или слезы брызнутъ, или руки стремительно потянутся къ ней, схватишь за голову, за шею, будешь безумствовать.

И она оскорбится,—законно оскорбится. Вѣдь она вызвала его не на любовное свиданіе. Она еще жена другого, хоть и постылаго человѣка.

— Крышка! — еще веселѣе повторила Кэтъ и, освободивъ и вторую руку, вдругъ закрыла ими лицо. И когда отняла ихъ, то ея взглядъ озарилъ его лаской...

III.

И опять, у камина, передъ нимъ „Петюня" — все такой же нѣжно-розовый, чистенькій и крайне франтоватый, съ новой прической, вывезенной изъ-за границы.

Оттуда же вывезъ онъ и свой темно-коричневый сюртукъ, „coupe Louis Philippe", длинный и съ широкими складками юбки, высокій атласный галстукъ и старинные воротнички. Это придавало ему видъ актера, одѣвшагося Бобчинскимъ изъ „Ревизора", до гримировки.

— Что это у тебя за сукно?—спросилъ его Таманцевъ,— наваринскаго дыма съ пламенемъ?

И онъ весело засмѣялся, потрепавъ Долгова по колѣну. Ножки его облекали панталоны такого же архаическаго покроя и свѣтло-шоколаднаго цвѣта.

— Такъ носятъ, графъ,—конфузливо отвѣтилъ Петя.

Въ лицѣ онъ возмужалъ и отпустилъ себѣ бакенбарды, отъ уха до угловъ рта, въ формѣ треугольника, тоже въ стилѣ тридцатыхъ годовъ.

Сегодня онъ пожаловалъ съ утра, бросился обнимать Таманцева и проявилъ такую неподдѣльную радость, что

тронулъ его. Петя второй мѣсяцъ, какъ уже вернулся изъ-за границы, гдѣ прожилъ годъ, и съ толкомъ около семестра слушалъ лекціи въ Берлинѣ, ознакомился съ парижской жизнью, побывалъ въ Англіи, проѣхался по Италіи, гдѣ цѣлый мѣсяцъ ходилъ по Риму. Онъ еще не поступилъ на службу. Въ „иностранную коллегію“, какъ выражается старуха княгиня Брянская, его не очень тянетъ. За границей онъ насмотрѣлся на нашихъ посольскихъ и не желалъ провести всю жизнь на такой „непроизводительной службѣ“, — съ удареніемъ сказалъ онъ. Его „maman“—съ ней онъ жилъ въ Парижѣ и потомъ на Ривьерѣ—сочувствуетъ его желанію служить въ „Маріинскомъ дворцѣ“ — онъ такъ назвалъ два раза Государственный Совѣтъ.

О себѣ Петя заговорилъ потому только, что Таманцевъ сейчасъ же началъ его обо всемъ разспрашивать. Но ему смертельно хотѣлось перейти къ жгучему вопросу. По скромности, онъ не хотѣлъ давать понять Таманцеву, что Катерина Денисовна довѣряетъ ему, какъ преданному молодому человѣку, о чемъ она сама упомянула во вчерашнемъ разговорѣ, который затянулся на весь день. Таманцевъ и обѣдалъ у нея.

Въ него, когда пришелъ Долговъ, закралось стыдливое чувство. Оно и остановило его отъ разговора о Кэтъ.

Петя, изложивъ обстоятельно итоги своего заграничнаго житья и планы насчетъ службы, откашлялся на особый ладъ и, опустивъ рѣсницы, спросилъ чуть слышно:

— Видѣли Екатерину Денисовну?

Онъ былъ такъ безукоризненъ во всемъ, что выговаривалъ орѳографически имя Катерины съ буквой Е.

— Какъ же!—откликнулся Таманцевъ спокойнѣе. Его стыдливое чувство улеглось.

— Она васъ ждала, какъ манны небесной.

— Будто? — откликнулся Таманцевъ, немного покраснѣвъ.

Какъ она его ждала, онъ могъ убѣдиться въ этомъ вчера. Кэтъ, такая гордая и сдержанная, ничего отъ него не утаила. Онъ уже зналъ, что съ мужемъ у нея „въ принципѣ“ все покончено. Его теперь нѣтъ въ Петербургѣ, но по возвращеніи она не хочетъ жить съ нимъ въ одной квартирѣ: либо онъ поселится особо, либо она выѣдетъ.

Ей было тяжело входить во всѣ подробности. Она не

употребила ни одного рѣзкаго слова, говоря о Лушковѣ, только тонъ былъ глубоко презрительный. Мало того, что онъ проигрался, и она, чтобы спасти „его честь“, заплатила за него сразу пятьдесятъ тысячъ, для чего и должна была продать одно имѣніе, но онъ цинически ставилъ ей условія развода. У него еще столько же долгу, и она „обязана“ обезпечить ребенка, котораго онъ имѣлъ уже отъ своей содержанки, когда сдѣлалъ ей предложеніе.

Но для Таманцева все это исчезало передъ тѣмъ фактомъ, что Кэтъ уже больше не жена Лушкова. Она почти съ омерзѣніемъ каялась ему въ томъ, какъ могла она „subir ce débauche“. Остальное представлялось ему выполнимымъ: съ такимъ человѣкомъ, какъ Лушковъ, все дѣло сводилось къ деньгамъ.

— Какъ вы ее нашли, графъ?—спросилъ Петя послѣ маленькой паузы.—Не правда ли, какъ похорошѣла?

— Чрезвычайно!

— И какой характеръ! Я долженъ покаяться. Тогда, годъ назадъ, я ее не понималъ. Но и она казалась совсѣмъ другой. А теперь мнѣ такъ ясно, графъ, что вы могли, pardon... безумствовать. За такую женщину — не грѣхъ! И въ огонь, и въ воду!

— Петюня,—остановилъ Таманцевъ,—да мы, кажется, опять немного влюблены?

— Ахъ, полноте, графъ!—Петя поднялъ голову и забавнымъ жестомъ поправилъ свой стариковскій галстукъ.—Не обижайте меня! Вы знаете, я вамъ преданъ... могу сказать „безъ лести“. Жаль только, что это девизъ на Аракчеевскомъ гербѣ. Такъ же точно и Екатерина Денисовна имѣетъ во мнѣ вѣрнаго... я не говорю: друга—дружбу ея я долженъ сначала заслужить, — а вѣрнаго союзника.

— Вѣрю, вѣрю, Петюня милый.

Таманцевъ всталъ и, подойдя къ нему сзади, положилъ руки на его закругленныя плечи.

— Можетъ-быть, вамъ непріятно говорить со мною просто? Я понимаю. Тутъ такъ много деликатныхъ оттѣнковъ... Да я и не думаю вторгаться...

— Ну, началъ опять оправдываться и извиняться. За то, что ты написалъ мнѣ первый о Катеринѣ Денисовнѣ, я тебя готовъ еще разъ расцѣловать.

Долговъ всталъ и прикоснулся рукой къ стану Таман-

цева, точно хотѣлъ, какъ барышня, взять его за талію и начать ходить по комнатѣ, какъ дѣлаютъ институтки, когда изливаются.

— Ахъ, графъ! Я такъ былъ бы счастливъ, если бъ.. Онъ запнулся.

— Если бъ что, Петюня?

— Вы сами знаете, — досказалъ онъ, немного лукаво подмигнувъ Таманцеву.—Но вотъ какая гадость!—вдругъ воскликнулъ онъ съ милой, полудѣтской искренностью.— Надо мной судьба прямо подсмѣивается. Непремѣнно я попаду въ сложный cas de conscience. Помните, прошлый разъ, я очутился въ роли чуть не шпіона? И былъ причиной какой катастрофы!.. Такъ и теперь.

— Что же такое?

— Екатеринѣ Денисовнѣ я преданъ почти такъ же, какъ вамъ, графъ. Но я не хочу играть роль наушника. Нашёптывать ей все, что я знаю. Она и безъ того слишкомъ настрадалась.

— Это о комъ? О Лушковѣ? Такъ она и безъ того все знаетъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не все. А какіе драгоцѣнные есть факты, какіе крупные козыри ей въ руку для того, чтобы освободиться отъ этой презрѣнной личности какъ можно дешевле! А онъ дешево не дастъ развода, не возьметъ вины на себя.

— И что же ты знаешь, Петюня? — спросилъ Таманцевъ, не удержавшись отъ нервнаго движенія.

— Вотъ тутъ меня судьба и покарала. Только, ради Бога, графъ, не подумайте...

— Опять твой акаѳистъ оговорокъ и оправданій. Говори.

Петя, сложивъ руки на груди, сталъ обстоятельно разсказывать, какъ его товарищъ Костроминъ, тотъ, что былъ съ нимъ секундантомъ Таманцева, сошелся съ одной „балетной". И черезъ нее попалъ и Петя въ квартиру танцовщицы Наручкиной, съ которой Лушковъ жилъ до своей свадьбы и имѣлъ отъ нея ребенка. У Наручкиной оба они бываютъ часто, и тамъ онъ можетъ столкнуться и съ Лушковымъ.

— Я долженъ былъ скрыть отъ Екатерины Денисовны мое знакомство съ Наручкиной, — говорилъ Петя, раскраснѣвшись. — Иначе меня стало бы слишкомъ подмывать... вы понимаете... мое чувство къ Лушкову... Вотъ

почему она до сихъ поръ не знаетъ, что и Наручкина презираетъ Лушкова, въ глаза называетъ его „содержанцемъ“, потому что когда она сошлась съ нимъ,—а тогда она была еще невинной дѣвушкой,—онъ уже пользовался капиталами какой-то старой московской купчихи. Къ ней онъ теперь и бросился въ Москву. Наручкина, узнавъ, что жена выгоняетъ его, требуетъ обезпечить ребенка.

— Какая грязь!—вырвалось у Таманцева.

— Да, графъ! И это первый великосвѣтскій кавалеръ! Настоящій „souteneur“ парижскихъ бульваровъ... вотъ которымъ полиція по ночамъ дѣлаетъ облавы, какъ уличнымъ собакамъ.

И, застыдившись всѣхъ этихъ нескромностей, Петя отошелъ къ камину съ глубокимъ вздохомъ.

Таманцевъ задумался. Ему тяжело было разспрашивать Петю.

„И такой негодяй,—подумалъ онъ съ дрожью въ груди,—обладалъ ею!..“

IV.

Только что ушелъ Петя, Таманцевъ получилъ съ посыльнымъ записку отъ Кэтъ.

„Mon ami,—читалъ онъ съ новымъ волненіемъ,—L.—буква эта значила: Лушковъ — vient de me signaler pour demain son arrivée et me demande l'hospitalité, ne fût-ce que pour quelques jours“...

Онъ еще былъ подъ впечатлѣніемъ того, что̀ ему разсказывалъ Долговъ. Неужели опять нужно будетъ прикасаться къ господину Лушкову? Петя не сплетникъ. Все, что̀ онъ разсказалъ о Лушковѣ, конечно, правда. Но какая это грязь! Онъ ее теперь уже предвкушаетъ. Развѣ недостаточно и того, что такой „souteneur“ былъ мужемъ Кэтъ, грязнилъ ее своими развратными ласками, да еще разыгрывалъ навѣрно роль человѣка, сдѣлавшаго ей предложеніе въ видѣ милостыни? Почти физическое чувство тошноты поднималось у него въ горлѣ. Съ такой грязной личностью необходимо будетъ вступать въ сдѣлку. Петя тысячу разъ правъ: этакой „милашка“ — хотя бы онъ и сорвалъ въ Москвѣ „здоровый кушъ“ со своей старой купчихи—все-таки дастъ разводъ не иначе, какъ дорогой цѣной!

И онъ, Таманцевъ, другъ Катерины Денисовны, очутится между ними, будетъ отыскивать бракоразводнаго

адвоката, входить во всѣ эти мерзкія подробности. Вотъ онъ и опять „ходокъ“... Но какой?

Въ прошломъ году пріѣзжалъ онъ сюда съ мужицкимъ дѣломъ, но съ такимъ чистымъ и безкорыстнымъ. А теперь что же толкаетъ его въ эту исторію? Вѣдь онъ самъ хочетъ замѣстить Лушкова. Въ награду за его роль ходока онъ жаждетъ обладанія женщиной.

— Какъ это гадко!—почти возмущенно выговорилъ онъ вслухъ.

Въ немъ проснулся тотъ Таманцевъ, котораго не даромъ даже неблагодарные муражкинцы прозвали „добрый баринъ“ — честный, чистый, ищущій правды для себя и для всѣхъ, за кого онъ могъ бы постоять, человѣкъ, вызвавшій горячее и великодушное чувство въ такой прекрасной дѣвушкѣ, какъ Глафира Колчанова. Все было бы такъ же чисто и прозрачно въ ихъ любви и бракѣ. „Даже и представить себѣ нельзя, чтобы когда-нибудь она могла связать свою судьбу съ негодяемъ, подобнымъ мужу Катерины Денисовны,—назвалъ мысленно Таманцевъ,—хотя она и купчиха, и не особенно долюбливаетъ свое сословіе“.

А тутъ?

Ему вступило въ виски. Онъ опустился въ кресло и закрылъ лицо ладонями рукъ, освѣжая ими нервно разгорѣвшіяся щеки. Надвигалось на него что-то тяжкое и неопрятное, и оно можетъ захлеснуть его на всю жизнь.

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ тревоги и страха.

„Кэтъ ждетъ меня!“—вдругъ вскричалъ онъ мысленно, тотчасъ же поднялся и позвонилъ. Онъ уже не имѣетъ теперь права колебаться. Что бы ни случилось, онъ *долженъ* стоять около нея, какъ ея вѣрный помощникъ и даже покровитель.

Голова болитъ отъ душевной борьбы, но тамъ, на сердцѣ, въ самомъ потаенномъ клапанѣ его, тамъ вздрагивала все та же струна. Одна женщина на всемъ свѣтѣ и влечетъ его къ себѣ... Такова судьба: онъ „однолюбъ“.

Перваго попавшагося извозчика взялъ онъ, выйдя отъ себя, и всю дорогу подталкивалъ его. Ему сейчасъ же припомнилось то мѣсто записки, полученной отъ Кэтъ, гдѣ она говоритъ, что мужъ проситъ ее „оказать ему гостепріимство хоть на нѣсколько дней“.

Если Кэтъ вынуждена будетъ позволить мужу остановиться въ ихъ квартирѣ, все это время онъ рискуетъ не

видать ее. Въ ея интересѣ надо на все это время стушеваться. Встрѣтить Лушкова у Кэтъ было бы для него слишкомъ тяжко.

Не съ тѣмъ захватомъ чувства, какъ вчера, поднялся онъ по лѣстницѣ франтоватыхъ сѣней и позвонилъ самъ у двери направо. По лицу лакея онъ опять увидалъ, что его ждали.

Кэтъ нашелъ онъ на порогѣ угловой комнаты — въ томъ же туалетѣ, что̀ и вчера.

Лицо показалось ему блѣднѣе и менѣе свѣжимъ, чѣмъ вчера, съ темнотой подъ глазами.

— Нездоровы?—спросилъ онъ, держа ея горячую руку съ тонкими, нервными пальцами.

И онъ тревожно заглянулъ ей въ лицо.

— Нѣтъ... дурно спала.

— И это письмо изъ Москвы?..

— Да-а, — протянула Кэтъ и показала ему рукой на пуфъ около кушетки, куда она сейчасъ и сѣла съ ногами.

Никогда еще не видалъ онъ такъ близко ея ногъ. Онѣ были въ черныхъ чулкахъ, немного узкія, но съ высокимъ подъемомъ, въ лаковыхъ башмакахъ съ пряжками. Близость къ этой женщинѣ—онъ сидѣлъ у изголовья кушетки, — тонкій запахъ ея духовъ, полуоткрытая рука, свѣшенная съ его стороны,— наполнили его тѣмъ же внутреннимъ трепетомъ, что̀ и вчера. Но теперь она была еще ближе къ нему. Для нея онъ дѣйствительно готовъ былъ на все.

— Eh bien, mon ami?—спросила Кэтъ медленно, упирая на каждое слово.—Que me conseillez-vous?

Что же ей посовѣтовать? Лушковъ еще мужъ, законный мужъ съ правами. Да и благоразумно ли выгонять его изъ квартиры, если необходимо, въ концѣ концовъ, ладить съ нимъ? Но онъ хитеръ и ловокъ. Кто знаетъ: онъ можетъ разжалобить ее. Въѣдетъ въ квартиру на три дня, а останется три мѣсяца, если не навсегда. Можно ли отвѣчать за женщину, даже и такую возмущенную и горделивую, какъ Кэтъ?

— На чье имя квартира?

— На мое.

Кэтъ усмѣхнулась вбокъ и опустила рѣсницы.

— Вы имѣете право не пускать его къ себѣ. Но онъ, какъ мужъ, можетъ во всякое время заставить васъ жить съ нимъ, и даже...

— Даже что?

— Вытребовать къ себѣ, черезъ полицію, по этапу.

— Comme une vulgaire criminelle?— вскричала Кэтъ и вся выпрямилась на кушеткѣ?

— Oui, si vous le voulez,—отвѣтилъ онъ ей въ тонъ.

— Alors?

Она задумалась. Ей недоставало русскихъ выраженій, а она не хотѣла „французить", зная, что Таманцевъ этого не любитъ.

— Но я не хочу... я не могу быть съ нимъ... вмѣстѣ... Я лучше уѣду.

— Куда?—вполголоса выговорилъ Таманцевъ.—За границу нельзя... безъ особаго вида... И съ этого вамъ надо начать.

— Съ чего?—переспросила Кэтъ.

— Съ отдѣльнаго вида на жительство.

Она попросила разсказать ей, какъ этотъ „видъ" получается и гдѣ. Насколько умѣлъ, онъ растолковалъ. Надо ѣхать сейчасъ же туда, а еще лучше сначала къ какому-нибудь сильному человѣку и настроить его въ свою пользу.

Ему вспомнился генералъ въ темной лентѣ, когда онъ завтракалъ въ ресторанѣ на Морской, слишкомъ годъ назадъ, послѣ какихъ-то торжественныхъ похоронъ. Въ то время онъ былъ для него олицетвореніемъ того Петербурга, гдѣ все его возмущало. А теперь такой именно „сильный человѣкъ" и пригодится.

Онъ назвалъ его фамилію.

— Mais je le connais! — оживленно отозвалась Кэтъ. — Il est toujours très galant. Je m'adresserai à lui.

И точно затѣмъ, чтобы провѣрить себя, она начала ему говорить о невозможности жить съ Лушковымъ. Въ первый разъ она вводила его въ свою интимную жизнь. И тонъ ея былъ уже не такой, даже когда она разбирала, чѣмъ былъ ея мужъ. Она не употребила парижскаго слова, которое вырвалось даже у Пети Долгова.

— Я сама кругомъ виновата, — говорила она по-французски, замѣчательно вѣскимъ языкомъ, — и несу теперь достойную кару. И прежде всего я прошу васъ, другъ мой, не винить себя даже вотъ насколько,— она указала на кончикъ пальца,— въ томъ, что я очутилась госпожой Лушковой. Мое согласіе было глупо и постыдно, bête et lâche, — повторила она съ безпощадной строгостью къ себѣ.—Вы его тогда вызвали и могли убить! Но могли и

сами быть убиты... О васъ я не думала. Васъ мнѣ не было жаль. И я сдѣлалась его невѣстой вовсе не затѣмъ только, чтобы устранить дуэль!.. Словомъ, я кругомъ виновата, и если вы протянули мнѣ теперь руку и готовы защищать меня—я этого не стою!

Таманцевъ, растроганный, прильнулъ къ ея рукѣ.

V.

— Да, мой другъ, — начала Кэтъ тономъ, какого онъ еще не слыхалъ у нея,—въ одинъ годъ я стала совсѣмъ другая. И это не фраза!

Въ ней заговорила долго таившаяся потребность оглянуться на самоё себя.

— Развѣ можемъ мы въ дѣвушкахъ знать, что такое жизнь? Больше того — что добро, что зло, что умно, что глупо?

Она поглядѣла на него вопросительно.

— Вы въ правѣ сказать, André, что около меня былъ такой человѣкъ, какъ вы. И давно уже. Вы были моимъ учителемъ, такъ всегда носились со мною. Но это-то и избаловало меня. Ахъ, Боже мой! — воскликнула она, всплеснувъ своими бѣлыми, прозрачными руками. — Вы, господа мужчины, не знаете насъ... Мы изъ другого тѣста, d'une tout autre pâte, — повторила она съ горькимъ юморомъ.

— Пожалуй и такъ! — точно про себя согласился Таманцевъ.

— Какъ же не такъ? Непремѣнно! Чего вы ищете въ женщинахъ? Того, чего въ насъ нѣтъ или всего меньше: успокоенія, гармоніи. Развѣ не правда?

— Правда,— полушутливо, полуубѣжденно выговорилъ Таманцевъ.

— А въ насъ этого-то и нѣтъ! Nous sommes le trouble personnifié. И нашъ главный инстинктъ—не гармонія съ вами, не сліяніе душъ, — вымолвила она съ усмѣшкой,— а, напротивъ, безпощадная война. Возьмите дѣвочку десяти-двѣнадцати лѣтъ — въ ней что-то копошится... все тотъ же инстинктъ. Она видитъ, что въ рукахъ мужчины вся серьезная сторона жизни... Онъ генералъ, онъ министръ, онъ банкиръ, или хозяинъ, администраторъ... Чѣмъ же она возьметъ? Въ чемъ будетъ ея сила?

— Извѣстно въ чемъ, — сказалъ Таманцевъ, тряхнувъ своей курчавой головой.

— Въ томъ, что она — женщина? Да! Но этого мало. Она все-таки должна поддѣлываться подъ него. Изъ-подъ его опеки она никогда не выйдетъ. Но онъ создаетъ ее всегда по своимъ собственнымъ идеямъ. Все это начало бродить и во мнѣ,—Кэтъ обернулась къ нему всѣмъ лицомъ, и ея глубокіе глаза остановились на немъ. — Voilà ce que me travaillait, moi!—выговорила она значительно.

Таманцевъ, слушая ее, вдругъ вспомнилъ свой первый разговоръ о ней съ Петей Долговымъ въ прошломъ году. И слова Пети всплыли такъ отчетливо въ его головѣ. И тогда Долговъ понималъ ее лучше его, охваченнаго обидой влюбленнаго.

— Помните, André,—продолжала Кэтъ,—вы мнѣ принесли разъ нумеръ журнала, гдѣ была статья Гончарова, въ родѣ его profession de foi. Онъ тамъ говоритъ о своихъ героиняхъ.

— Какъ же, какъ же!

— И о героинѣ... въ томъ романѣ...

— „Обрывѣ“,—подсказалъ Таманцевъ.

— Да, „Обрывѣ“. Авторъ говоритъ о ней и о всѣхъ насъ: „она еще не сознавала себя“. Не одна его героиня, а вообще русская женщина. А какъ же было знать себя мнѣ—une détraquée de fin de siècle? Hein?

И, точно застыдившись этого возгласа изъ жаргона ея мужа и Лили Фризенъ, Кэтъ протянула ему руку и сказала:

— Простите... я все о себѣ...

— Говорите, говорите!

Таманцевъ опять приложился губами къ засвѣжѣвшимъ и трепетнымъ пальцамъ.

— Мы все еще ищемъ чего-то,—продолжала Кэтъ, измѣнивъ позу: она высвободила руку, подперла ею голову и полулежа сидѣла на кушеткѣ.—И до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ обществѣ для дѣвушки все — запретный плодъ, она осуждена рѣшать свою судьбу такъ, очертя голову. Ей смертельно хочется одного—не быть нелѣпымъ существомъ, которое зовется: une fille de famille.

— Но у васъ было достаточно свободы,—замѣтилъ чуть слышно Таманцевъ.

— И я ею такъ хорошо воспользовалась, въ правѣ вы сказать, André! Не правда ли? Но меня, когда я еще была дѣвчонкой, постоянно глодалъ червякъ протеста противъ готовой фразы. Я ненавидѣла все, что отзыва-

лось... comment dirai-je?—остановилась она, ища слова:— le poncis. Vous comprenez?

— Общее мѣсто?—перевелъ Таманцевъ.

— Да. И отъ васъ меня оттолкнуло то же самое. Вы слишкомъ были честны, благородны...

— И слишкомъ учительствовалъ,—добавилъ Таманцевъ.

— Peut-être... Vous faisiez trop le rouge. И это мнѣ казалось педантствомъ. Я хотѣла быть смѣлой, говорить des choses crues. Вы помните нашу первую размолвку? Разговоръ о нашихъ отцахъ и матеряхъ? Уѣхали вы... Я осталась одна. Роль дѣвицы, которую вывозятъ, надоѣла мнѣ... до гадости. А мнѣ пошелъ уже двадцать второй годъ. La crise fatale d'une demoiselle à marier, — сказала Кэтъ съ юморомъ.— Нѣтъ ничего удивительнаго, что такія „gratinées", какъ Лили Фризенъ, были для меня пріятнѣе, чѣмъ дѣвицы, съ какими меня вывозили. Elle représentait la vie à grandes guides... en d'autres termes, le contraire de ce que vous représentiez-vous, André.

— А гдѣ она теперь... ваша пріятельница?

Кэтъ повела ртомъ и не сразу отвѣтила.

— Она въ Парижѣ... Elle est en train de devenir une déclassée.

Помолчавъ, она продолжала съ полузакрытыми глазами, замедляя темпъ рѣчи:

— Все это—позади. Я знаю, какая цѣна всякимъ Лили и ихъ друзьямъ въ родѣ Лушкова,—сказала Кэтъ, поведя правой рукой.— C'est une loterie, ni plus, ni moins... Можетъ-быть, и лучше.

— Что вы говорите?..— вырвался у Таманцева горячій звукъ, и онъ протянулъ къ ней обѣ руки.

— Une énormité, n'est-ce-pas, то, что я сейчасъ сказала? Что жъ дѣлать, André? Я всегда способна буду думать и говорить такія же чудовищныя истины. Prenez-moi telle quelle! Даромъ ничего не дается. Вся жизнь состоитъ изъ такихъ уроковъ. Или въ родѣ того.

Ему больно было слышать эти жуткіе итоги отъ молодой женщины, годъ спустя послѣ замужества, отъ той, кого онъ такъ любилъ, помимо своей воли, кому готовъ былъ отдать все, что у него было въ себѣ и „вокругъ себя",—какъ говорятъ его таманцевскіе мужики.

Но развѣ этотъ скороспѣлый скептицизмъ не понятенъ въ ней? Первые годы ея молодости прошли сухо, безъ материнскихъ ласкъ, около черствой старухи, въ воздухѣ

петербургскаго „монда“, гдѣ около нея прыгали ничтожные мундиры и фраки и ея сверстницы, которыхъ она считала, почти всѣхъ, дурочками, куклами „съ куринымъ мозгомъ“.

Княгиня и теперь, въ такой критическій моментъ жизни свой родной внуки, „умываетъ во всемъ руки“, и въ письмѣ, которое Кэтъ показала ему, она дѣлаетъ явный намекъ на то, что имѣнія, находящагося у нея въ пожизненномъ пользованіи, она, ни подъ какимъ видомъ, „компрометировать“ не желаетъ. И разводъ она считаетъ „un scandale inutile“. „Умная женщина должна каждаго мужчину исправить“,—заканчивала она свое педантское письмо къ внукѣ откуда-то съ Ривьеры, гдѣ она поселилась, кажется, навсегда.

— Да вѣдь у меня и прежде, въ дѣвушкахъ,—сказала Кэтъ, замедляя темпъ,—никогда,—протянула она,—не было особенныхъ иллюзій. Теперь надо завоевать себѣ полную свободу. Разводъ? Этого мало! Une liberté morale,—выговорила она вдумчиво.—Не быть одной изъ тѣхъ бабенокъ, des femelles,—выразилась она по-французски,—русской барыней, у которой ничего нѣтъ своего: ни языка, ни идей, ни вкуса, ни даже пороковъ... Фуй!—съ силой вскричала она и встала.

Поднялся и Таманцевъ.

— Et maintenant, mes enfants... Помните, André, такая мелодрама есть: „La tour de Nesles“? Я ее видѣла въ Парижѣ... „Et maintenant, mes enfants,—повторила она полудурачливо:—à la tour de Nesles!“ Надо ѣхать къ тому сильному человѣку. Я знаю, гдѣ онъ принимаетъ.

Таманцевъ не сталъ ее удерживать, но что-то въ груди ёкнуло.

VI.

Петя Долговъ ѣхалъ на извозчикѣ, держа въ правой рукѣ большой пакетъ, перевязанный голубыми ленточками. Онъ только что выбралъ въ кондитерской Крафта красивую трехфунтовую бонбоньерку и приказалъ наполнить ее отборными шоколадными конфетами, „съ помадкой и съ ликеромъ“,—какъ старательно заказывалъ Петя.

Сегодня день рожденія той самой танцовщицы Наручкиной, куда его ввелъ товарищъ его Костроминъ.

Онъ все разсказалъ графу, и на душѣ у него стало гораздо спокойнѣе. Не хочетъ онъ играть роль „согляда-

тая"; но теперь, именно теперь, съ какой же стати будетъ онъ упускать такой прекрасный случай быть полезнымъ и графу, и Катеринѣ Денисовнѣ?

Съ Наручкиной у него пошли большіе лады. Разумѣется, безъ всякаго любовнаго оттѣнка. Она ему выкладываетъ всѣ свои жалобы на Лушкова. Въ послѣдній разъ она ему разсказала, зачѣмъ уѣхалъ въ Москву Лушковъ. Когда онъ женился, у нихъ уже былъ ребенокъ, который воспитывается у сестры, содержащей модный магазинъ. Наручкина признавалась ему, какъ она хотѣла „устроить скандалъ", узнавъ, что онъ женихъ, но потомъ раздумала.

— Не поздравляю я ее, эту барышню, — говорила она тогда.— Она въ скоромъ времени распознаетъ, что̀ за чадушко ея будущій муженекъ.

До сихъ поръ Петѣ какъ-то удается не то что скрывать, а обѣгать въ разговорѣ свое близкое знакомство съ Катериной Денисовной. Кажется Наручкина сама объ этомъ не догадывается.

Вернулся ли Лушковъ изъ Москвы—Петя не зналъ. Онъ съ нимъ не сталкивался у танцовщицы. Лушковъ въ послѣднее время не показывалъ глазъ по цѣлымъ недѣлямъ и заѣзжалъ больше въ такіе часы, когда у нея не бывало гостей.

Петя поднесетъ бонбоньерку новорожденной. У нея, навѣрно, сегодня „шоколадъ". И онъ везетъ шоколадныхъ конфетъ. Совпаденіе не совсѣмъ пріятное. Но простыя конфеты или цвѣты — еще банальнѣе. Онъ держится парижскаго обычая — шоколадныя конфеты гораздо больше „въ стилѣ".

Надежда Ѳеофилактовна Наручкина занимала теперь не прежнюю квартиру въ бель-этажѣ, на три тысячи рублей. Она поднялась этажомъ выше, съ той же, однако, обстановкой. Она получала хорошій окладъ, котораго, конечно, не хватало. Другая бы, на ея мѣстѣ, обзавелась богатымъ покровителемъ и спустила Лушкова. Но себя она считала „съ правилами". Лушковъ былъ отцомъ ея ребенка. Онъ обязанъ его обезпечить, и она добьется своего. Какимъ способомъ добудетъ онъ капиталъ для обезпеченія ея Онечки—это до нея не касается; пускай хоть душу продастъ дьяволу. Сама она не пропадетъ и безъ него. Въ числѣ ея обожателей есть милліонеръ изъ нѣмцевъ Ва-

сильевскаго Острова. Если захочетъ, она можетъ его преспокойно женить на себѣ.

Чистоплотный Петя поневолѣ втягивался во всѣ эти нравы, чувства, расчеты, жаргонъ балетнаго міра. Иногда ему бывало забавно болтать съ товарками Надежды Ѳеофилактовны. Вотъ и сейчасъ онъ, навѣрно, найдетъ нѣсколько „штукъ“. Ее любили. Она считалась превосходнымъ товарищемъ, не интриговала, не жаловалась, не забѣгала къ начальству; танцовала всегда ровно, старательно, безъ особаго блеска; но въ ней нашлись прочныя качества: стройный станъ, умѣнье очень красиво закидывать руки, прямота колѣнъ и вообще образцовая „пластика“.

Швейцаръ улыбнулся Петѣ, отъ котораго онъ получалъ на водку.

— Много у Надежды Ѳеофилактовны?—спросилъ Петя, снимая калоши внизу.

— Есть-съ.

— Господина Лушкова нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ.

Петя спросилъ для успокоенія; онъ зналъ, что если Лушковъ и вернулся изъ Москвы, въ этотъ часъ онъ врядъ ли „пожалуетъ“ къ Наручкиной.

Отворила ему горничная, одѣтая по-иностранному—въ тюлевомъ чепчикѣ и шелковомъ фартукѣ, обшитомъ кружевцами. И въ ней было что-то „пейзанское“—точно изъ демихарактернаго балета „Тщетная предосторожность“ или „Лиза и Колэнъ“.

— Здравствуйте, Варя!—обласкалъ ее Петя, когда она снимала съ него шинель съ бобровымъ воротникомъ.

Въ гостиной уже гудѣлъ разговоръ, когда Петя, оправившись передъ зеркаломъ передней, вошелъ туда.

Очень просторная комната въ три окна была полна мебели и „вещицъ“, на которыхъ лежалъ отпечатокъ „Лушковскаго вкуса“—какъ называлъ про себя Долговъ. Но среди японскихъ зонтиковъ, вазъ и драпировокъ висѣлъ на стѣнѣ огромный вѣнокъ, недавно поднесенный танцовщицѣ, съ широчайшими лентами, а на пьедесталѣ помѣщался подъ стекломъ другой, серебряный вѣнокъ. Висѣло, по стѣнамъ, и нѣсколько хорошихъ пейзажей русской школы и надъ диваномъ портретъ хозяйки въ костюмѣ неаполитанскаго лаззарони изъ балета „Наяда и рыбакъ“, въ которомъ она дебютировала когда-то.

На диванѣ сидѣла сама новорожденная передъ круглымъ столомъ, гдѣ стояли серебряный самоваръ, ваза съ фруктами и другая—съ печеньемъ. Двѣ огромныхъ коробки конфетъ тѣснились тутъ же.

Наручкиной, безъ гримировки, можно было дать уже подъ-тридцать. Кожа щекъ теряла свѣжесть. Но голова строгаго рисунка съ ярко-бѣлокурыми густыми волосами, зачесанными въ высокую античную „кучку“ на маковкѣ съ золотымъ гребнемъ, очень ее красила. Бюстъ съ вырѣзомъ на груди пышно выдавался, и руками она такъ же живописно поводила, какъ и на сценѣ. Голубые глаза „съ поволокой“ и широкими вѣками и маленькій розовый ротъ дѣлали выраженіе лица на особый ладъ эффектнымъ.

Пестрый, прекрасно сшитый туалетъ, съ громадными буфами на рукавахъ, чрезвычайно шелъ къ ней.

— А! Долговъ! Здравствуйте, Петюня милый!

И здѣсь, благодаря нескромности Костромина, его звали Петюней.

— Здравствуйте! здравствуйте!

Его разомъ окружили гостьи Наручкиной, всѣ три танцовщицы, Мотя Шмидтъ 2-я, Оля Тюльпанова и Юля Подревская 3-я.

Петя поцѣловалъ протянутую ему бѣлую и полную руку хозяйки и, обернувшись къ дѣвицамъ, сталъ жать имъ руки.

Изъ нихъ самая крупная, почти толстая, была Мотя Шмидтъ 2-я, въ нѣсколько лѣтъ утратившая всякую „элевацію“, съ нѣмецкимъ красивымъ лицомъ безъ выраженія, съ нѣсколько уже обрюзглымъ и громаднымъ бюстомъ. Ее начали выпускать въ феяхъ и молодыхъ королевахъ. Оля Тюльпанова, совсѣмъ молоденькая блондинка, тонкая, длинполицая, съ удивительными бровями и рѣсницами — самая хорошенькая изъ своего выпуска. Петѣ она начинала сильно нравиться. Она обратила на себя вниманіе креселъ въ одномъ изъ новыхъ балетовъ, гдѣ представляла собою, въ ряду другихъ виноградныхъ винъ, „мадеру“ или „хересъ“. Третья — Юля Подревская 3-я, маленькая живая брюнетка, съ курчавой головой, вся „въ комкѣ“, обтянутая въ свѣтлое суконное платье, съ вызывающей гримаской своей рожицы, считалась уже „восходящей звѣздой“. По ней уже нѣсколько человѣкъ „умирало“. Но она еще „держалась“, такъ же какъ и Тюльпанова. Шмидтъ, однокашница Наручкиной,

давно уже была матерью семейства, выйдя замужъ за военнаго, служащаго въ полиціи.

— Мегсі! — поблагодарила хозяйка Петю за конфеты, когда онъ присѣлъ къ столу. — Чего хотите, голубчикъ? Чаю или шоколаду? Или, можетъ-быть, кофею? Вы не знакомы, господа?

Долговъ поднялся и отвѣсилъ по поклону двумъ мужчинамъ. Одного онъ уже зналъ, нѣмца-милліонера, ражаго малаго вершковъ десяти, съ наружностью англичанина. Другой былъ въ вицмундирѣ — прилизанный брюнетъ, съ усиками и чолкой на лбу, постоянно улыбающійся.

— Не знаете его?—спросила Наручкина своимъ балетно-шутливымъ тономъ, съ ровнымъ низковатымъ тембромъ голоса.—Это нашъ докторъ, Иванъ Эдуардовичъ. Магъ и волшебникъ! Можетъ въ одинъ мигъ поднять на ноги. И начальство ему вѣритъ.

Всѣ три гостьи громко разсмѣялись.

VII.

— Докторъ, докторъ!—крикнула Юля Подревская, подскочивъ къ красивому высокому брюнету.—Какъ онъ сказалъ? Повторите!..

И остальныя двѣ танцовщицы подошли къ столу.

Докторъ только что разсказалъ, какъ онъ встрѣтился вчера въ конторѣ съ балетмейстеромъ-французомъ, и тотъ ему сказалъ про одну изъ своихъ любимыхъ ученицъ:

— Marie n'est pas classique, non!—mais elle l'emporte dans les danses de caractère!

Ни одна изъ танцовщицъ не могла поддержать разговора по-французски, но изъ пятаго слова въ десятое онѣ понимали и привыкли къ возгласамъ и окрикамъ балетмейстера. Наручкину Лушковъ пріучилъ немного къ своимъ словечкамъ, но и онъ говорилъ съ ней всегда по-русски.

— Ха-ха! Какъ похоже! — вскричала Подревская и тотчасъ же, обернувъ свой вздернутый носикъ къ Долгову, спросила:—А что это такое значитъ... какъ вы сказали, докторъ... l'emporte?

— Это значитъ превосходитъ,—пояснилъ Петя серьезнымъ тономъ и даже нахмурилъ лобъ.

— Превосходитъ, превосходитъ! —подхватила Подревская.—Въ чемъ? Если нужно взять вотъ этимъ!—и она, вывернувъ станъ, закинула руки, какъ дѣлаютъ въ испан-

скихъ па. Всѣ разсмѣялись.—А ноги-то? Дудочки! Макароны! При такомъ ростѣ?!..

Глазки будущей звѣзды злобно заискрились. Наручкина остановила ее.

— Юлія! Зачѣмъ такъ? Маруся, нечего говорить, молодецъ въ характерныхъ... Ты сама знаешь.

Она не любила, чтобы нападали на „своихъ“, особенно изъ ея выпуска. Маруся, про которую сейчасъ стали „кумѝть“, была какъ разъ одного съ нею класса. Петя очень цѣнилъ въ Наручкиной эту черту. И вообще она съ характеромъ.

Вотъ и сегодня Надежда Ѳеофилактовна сидитъ на диванѣ, въ званіи новорожденной, угощаетъ шоколадомъ и фруктами, а у ней на душѣ навѣрно „кошки скребутъ“. Вѣдь Лушковъ можетъ и совсѣмъ ускользнуть отъ нея. Кто его знаетъ?! Изъ Москвы очутится гдѣ-нибудь въ Монте-Карло съ деньгами, которыя вытянетъ у своей купчихи. Пока онъ женатъ, его еще можно было придерживать страхомъ скандала. А если жена разведется съ нимъ, хотя бы онъ съ нея и сорвалъ большой кушъ,— тогда чѣмъ же его удержишь? И Онечка будетъ безприданница.

Въ дверяхъ показалась мужская фигура.

Петя первый ее замѣтилъ.

Онъ уже раза два встрѣчался у Наручкиной съ писателемъ Малышевымъ. Это былъ онъ. Малышевъ интересовалъ его, только до сихъ поръ ему не удавалось завести съ нимъ „стоющій“ разговоръ, а на болѣе близкое знакомство съ нимъ Петя не напрашивался—не допускала его всегдашняя чопорность и „корректность“, надъ которой подсмѣивался графъ.

Въ Малышевѣ онъ уже разглядѣлъ слабость къ женщинамъ, подъ прикрытіемъ всегдашняго полушутливаго и какъ бы безцеремоннаго тона. Про свое „сочинительство“ Малышевъ съ танцовщицами не говорилъ, да и врядъ ли даже вотъ такія вострухи, какъ Юля Подревская, читали его; развѣ случайно въ фельетонахъ газетъ, гдѣ онъ печаталъ часто свои разсказы.

— А! Вячеславъ Кузьмичъ! — окликнула его хозяйка своимъ пріятнымъ контральто.—Чего хотите—чаю, кофею, шоколаду?

Малышевъ неторопливо пожалъ ея руку, но не поцѣловалъ. Онъ вынулъ платокъ и провелъ имъ по своимъ

умнымъ, высматривающимъ глазамъ, потомъ повернулся къ дѣвицамъ. Онъ со всѣми былъ знакомъ, въ томъ числѣ и съ театральнымъ докторомъ, и съ нѣмцемъ, котораго звалъ „верзилой“, когда разсказывалъ объ этомъ балетномъ обществѣ своимъ пріятелямъ изъ литераторовъ.

Петя поздоровался съ нимъ почтительно, но немножко чопорно.

— Откуда вы?—спросила его первая Подревская.—Что васъ не видно?

— Ѣздилъ въ Москву,—такъ же неторопливо, своимъ баскомъ мастерового отвѣтилъ Малышевъ, присаживаясь къ столу. Онъ сейчасъ же отщипнулъ себѣ одну ягоду винограда изъ вазы съ фруктами и сталъ ѣсть.

— Ну и что жъ?—спросила Наручкина тономъ любезной хозяйки.

— Москва!—подхватила Подревская.—Что вы въ ней нашли хорошаго? Знаемъ мы вашихъ московскихъ! Видали. Неужто въ балетѣ были?

— Былъ,—оттянулъ Малышевъ.

— Ну и какъ же?—спросила Тюльпанова.

— Сколько, я вамъ скажу, свѣженькихъ дѣвочекъ въ кордебалетѣ! И какія все хорошенькія!..

— Воображаю!—перебила Подревская.

— И въ солисткахъ... есть штучки—мое почтеніе. Особенно одна.

— Ну ужъ, ну ужъ!—заговорили разомъ всѣ три танцовщицы, пододвинувшись къ креслу, гдѣ сидѣлъ писатель.

— Тамъ какая-то сочинительница выискалась,—начала задорно Подревская.—Печатаетъ всякую скучнѣйшую канитель. Исторію балета. И какая у нея цѣль?

— Вотъ глупости!—наивно вставила Тюльпанова.

— Почему?—окликнула хозяйка. — Я сама не читала, а мнѣ говорила одна драматическая, что̀ очень дѣльно. И она стоитъ горой за наше искусство.

— Именно, — полушутливо подтвердилъ Малышевъ. — Можно и прекрасно танцовать, и статьи писать.

— Еще бы!—подтвердила Наручкина.

Докторъ и нѣмецъ — они еще не сказали ни слова — кивнули въ разъ головой въ знакъ согласія.

Петя подошелъ къ столу и, ставя свою чашку, выговорилъ мягко и немного докторально:

— И я читалъ эти статьи... Въ нихъ видна начитан-

ность. И вы, mesdames, должны бы гордиться такими артистками. Но я думаю, что балетъ все-таки отживаетъ свой вѣкъ.

— Долговъ, какъ вы смѣете?—крикнула Подревская и погрозила ему.

— Это молодой человѣкъ такъ сказалъ, изъ принципа,— замѣтилъ въ томъ же тонѣ Малышевъ.

— Почему же?—обидчиво возразилъ Долговъ.

Ему въ эту минуту совсѣмъ не нравился этотъ „сочинитель", хотя онъ и признавалъ въ немъ талантъ. Довольно и того, что онъ своими хитрыми и увѣренными глазами все вбираетъ въ себя, точно фотографическій аппаратъ, и потомъ, глядишь, въ какой-нибудь разсказъ тебя и вставитъ.

— Да потому, — лѣниво отвѣтилъ Малышевъ, — что каждый видъ искусства имѣетъ свой ходъ. И въ балетѣ своя красота—и она послѣдняго слова не сказала.

— Однако...

— Нечего, нечего, Долговъ! Безъ умничанья!—прикрикнула на него Подревская.—Лучше извольте насъ угостить вашими конфетами. Надежда Ѳеофилактовна... душечка! Вы позволяете?

— Еще бы!

Петя кротко сталъ развертывать коробку, немного покраснѣвъ. Онъ чувствовалъ, что надо имѣть съ этими „дѣвчонками" другой тонъ,—такой, какъ у его друга Костромина, не явившагося поздравить Наручкину: онъ былъ на охотѣ, а его подруга не совсѣмъ здорова и говорила ему, что не пойдетъ поздравлять Наручкину.

— Шоколадъ! Что это вы какъ траурно? А? Ахъ, Петюня!

Подревская поднесла ему конфету къ самому рту.

— Ну, извольте глотать! Только не умничать, слышите?

— Балетъ—дѣло хорошее! — выговорилъ Малышевъ и опять его рука протянулась къ кисти винограда.

Петя не сталъ больше возражать и подсѣлъ къ хозяйкѣ.

VIII.

Наручкина оставила Петю обѣдать. За обѣдомъ много смѣялись и спорили, и долго засидѣлись за кофеемъ. Мужчины были все тѣ же—докторъ и нѣмецъ. Они, послѣ кофею, сѣли съ двумя танцовщицами играть въ винтъ.

Третья, Шмидтъ, запросилась домой. Малышевъ присѣлъ къ играющимъ, но самъ не игралъ.

Подъ голубымъ фонарикомъ, въ тѣсномъ будуарѣ, хозяйка помѣстилась съ ногами на глубокомъ диванѣ и закурила папиросу. Она увела съ собою Петю.

— А вы не хотите покурить?—спросила его Наручкина.

— Благодарю васъ.

— Красная дѣвица!

Ея длинные глаза, возбужденные обѣдомъ съ шамланскимъ и ликерами, поглядѣли на него ласково и съ усмѣшкой.

Петя не обидѣлся тѣмъ, что она назвала его „красной дѣвицей". Она ему довѣряла, и онъ зналъ впередъ, что сейчасъ же Надежда Ѳеофилактовна начнетъ говорить ему о своихъ интимныхъ дѣлахъ. Самъ онъ не желалъ вызывать ее на откровенность. Ему дѣлалось совѣстно: она до сихъ поръ, кажется, еще не знаетъ, что онъ сталъ близокъ къ Катеринѣ Денисовнѣ.

— Послушайте, Долговъ,—начала Наручкина, нагнувъ къ нему голову и вполголоса, — вы вѣдь, голубчикъ, со мной не будете финтить?

— Въ какомъ же это смыслѣ, Надежда Ѳеофилактовна?—спросилъ Петя, немного встревоженный.

— Мнѣ говорили недавно, что вы съ женой моего чадушки въ пріятельствѣ состоите. А? Правда это?

Онъ не ожидалъ такого именно вопроса.

— Да, я ее давно знаю.

— А пока мнѣ объ этомъ молчокъ? У! Хитрый какой!

— Я не считалъ порядочнымъ, Надежда Ѳеофилактовна, самому входить въ подробности. А скрывать я не буду. Зачѣмъ же? Но позвольте мнѣ сразу сказать вамъ вотъ что,—Петя выпрямилъ грудь,—Катерина Денисовна стремится теперь къ одному—освободить себя, во что бы то ни стало, отъ чести быть госпожой Лушковой.

— Это и мнѣ извѣстно. Но не въ томъ дѣло. Правда, что она его выгнала?

— Не могу сказать утвердительно, пустила она его къ себѣ, по возвращеніи изъ Москвы, или нѣтъ. Право, не знаю, Надежда Ѳеофилактовна.

— Хитрите! Эхъ, какой вы!

Наручкина повела головой.

— Вовсе нѣтъ. Но согласитесь... мое положеніе чрезвычайно деликатное.

Ему слѣдовало бы признаться ей въ томъ, что онъ „кое-что“ сообщилъ графу въ интересахъ его любви къ Лушковой. Но въ этомъ не было ничего враждебнаго Наручкиной. Напротивъ!

Взволнованнымъ голосомъ Петя добавилъ:

— Вашихъ интересовъ я не нарушилъ, Надежда Ѳеофилактовна, увѣряю васъ.

— Да вы все, голубчикъ, высокимъ слогомъ выражаетесь. Я вѣдь не прошу васъ переносить соръ. Всякая, на мѣстѣ вашей пріятельницы, повела бы себя такимъ же точно манеромъ. Въ одинъ годъ онъ ее обобралъ, да еще съ двумя женщинами жилъ. И продолжалъ пользоваться отъ своей московской купчихи. Я не хотѣла дѣлать скандала, когда онъ женился. Мнѣ эту барышню жаль было, да довольно онъ мнѣ самой опостылѣлъ. На мнѣ онъ не женился бы, да я и сама не добивалась никогда. И теперь,—она кивнула головой на дверь,—вотъ тотъ Эдуардовичъ,—съ юморомъ выговорила она,—только мизинцемъ я помани его, и сейчасъ подъ вѣнецъ поведетъ.

— Что жъ вы медлите?—осторожно замѣтилъ Петя.

— Лушкову въ руку не хочу играть. Онъ обязанъ обезпечить своего ребенка. Я его знаю, голубчикъ. Выдь я замужъ, Эдуардовичъ все готовъ будетъ прикрыть... а тотъ чадушко станетъ грозить отнять ребенка, вытягивать будетъ у насъ сначала по тысячѣ рублей, а тамъ и кушъ ему отвали. У меня, слава Богу, совѣсть есть. Я честнаго малаго, который въ меня смертельно влюбленъ, не желаю впутывать въ такую гадость.

И она даже сплюнула.

— Вы вѣдь, кто васъ знаетъ, Долговъ,—и она повела бровями, — пожалуй и меня считаете дрянью не лучше Лушкова. Я прямо говорю: мнѣ дѣла теперь нѣтъ до того, гдѣ онъ раздобудетъ капиталъ. Но дочь свою онъ обязанъ обезпечить... Про себя я молчу. Хорошо и то, что больше онъ отъ меня вотъ этого не увидитъ.

И она показала на пальцѣ, сколько именно.

Въ головѣ Пети стоялъ вопросъ:

„Тебѣ, голубушка, желательно, чтобы Катерина Денисовна заплатила Лушкову подороже за свою свободу? Хоть и косвенно, но ты этого добиваешься?“

И вдругъ его охватило гадливое чувство отъ всей этой исторіи. Довольно уже и того, что онъ, волей-неволей, очутился между двумя женами Лушкова—законной и съ

лѣвой стороны. Таманцеву онъ счелъ „своимъ долгомъ“ передать то, что̀ узналъ здѣсь. И это до сихъ поръ мозжитъ его. А дальше можетъ выйти что-нибудь уже совсѣмъ неопрятное.

Изъ гостиной подошелъ къ двери Малышевъ и, просунувъ голову между портьерами, спросилъ:

— Сюда можно, Надежда Ѳеофилактовна, или у васъ какіе секреты?

Наручкина, не мѣняя позы, откликнулась:

— Пожалуйте, пожалуйте, Вячеславъ Кузьмичъ. Никакихъ секретовъ! Вотъ сего господина хотѣла немного позондировать, да онъ не дается.

Малышеву было извѣстно многое про Лушкова, отчасти отъ нея самой, отчасти отъ другихъ.

— Вовсе нѣтъ!—вспыхнувъ, вскричалъ Петя.—Вы, какъ умная женщина, поймете, что мое положеніе щекотливое. Я такъ сочувствую той сторонѣ...

Благодушно-насмѣшливый взглядъ Малышева сначала прошелся по всей фигурѣ Долгова, потомъ повернулъ въ сторону Наручкиной.

— Можно попросить нѣкотораго объясненія? О комъ и о чемъ собственно идетъ рѣчь?

— Да о Лушковѣ,—Наручкина затянулась дымомъ папиросы, — и о его супругѣ. А Петръ Аркадьевичъ тамъ свой человѣкъ.

— Очутились, значитъ, между двухъ огней? — спросилъ Петю Малышевъ тономъ человѣка, для котораго все въ жизни гораздо проще, чѣмъ на это смотрятъ обыкновенно.

— Вовсе нѣтъ! — крикнула Наручкина. — Вы поймите, голубчикъ,—обратилась она къ Петѣ,—я этой барыни не касаюсь. Я уже сказала вамъ, что мнѣ ее жаль. Всѣ мы глупы... извините... великосвѣтская ли барыня, или наша сестра—всѣ безъ исключенія! Вотъ и теперь... Она, поди, затѣмъ и развода будетъ добиваться, чтобы опять за какого-нибудь мусьяка въ такомъ же вкусѣ выйти, а?

Петя замѣтно повелъ плечами. Ему дѣлалось очень жутко.

— Да, кажется, и есть уже замѣститель? — спросила Наручкина и подмигнула Долгову. — Тотъ, съ кѣмъ Лушковъ хотѣлъ стрѣляться. Изъ-за этого скандала его и женили. Какъ бишь его? Онъ опять здѣсь. Мнѣ вчера Баранцевъ говорилъ—пріятель Лушкова; встрѣтилъ его у

куафера, на Невскомъ. Графъ Таманцевъ, вспомнила. Онъ здѣсь? Вы должны знать.

— Да, онъ пріѣхалъ,—твердо выговорилъ Петя.

— Графъ Таманцевъ?—переспросилъ Малышевъ въ сторону Долгова.—Я его немножко знаю.

И, точно что-то вспомнивъ, онъ продолжалъ, глядя на Наручкину:

— Да тутъ, значитъ, цѣлое сплетеніе психическихъ мотивовъ. Пріѣхали сюда и живутъ въ нашихъ номерахъ сестры Колчановы. Одна, меньшая—очень красивая и ученая особа,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой глазъ.—Изъ того самаго уѣзда, гдѣ этотъ графъ игралъ роль большого радикала и народника. И, кажется, не совсѣмъ удачно.

Петѣ захотѣлось „осадить“ писателя, но онъ сдержалъ себя, зачуявъ что-то такое новое, что̀ ему, какъ человѣку, преданному графу, необходимо знать.

— И что жъ эта красивая особа? — спросилъ онъ не совсѣмъ своимъ голосомъ.

— Да, кажется, — лѣниво продолжалъ Малышевъ, — жертва увлеченія... этимъ бариномъ.

— Жертва!—повторилъ Петя и опять сдержалъ смертельное желаніе осадить писателя.

Жертва! Развѣ графъ такой человѣкъ, чтобы сдѣлалъ порядочную дѣвушку жертвой? Можетъ-быть, она сама „врѣзалась“ въ него? Но развѣ онъ виноватъ?

— Вы это отъ кого знаете?—позволилъ онъ себѣ суховатый вопросъ.

— Черезъ женскій полъ. Одна ея товарка также у насъ живетъ. Графъ здѣсь давно?—спросилъ Малышевъ.

— Недѣли съ двѣ.

— Вы его хорошо знаете?

Лгать Петя не хотѣлъ, но если сказать, въ какихъ онъ отношеніяхъ къ Таманцеву — онъ выдастъ себя окончательно передъ Наручкиной.

— Мы давно знакомы, — отвѣтилъ онъ тѣмъ же суховатымъ звукомъ и взялся за часы.

Ему надо было удалиться, хотя ему опять смертельно захотѣлось услыхать еще что-нибудь про „особу“, пріѣхавшую изъ уѣзда. О ней онъ не имѣлъ никакого понятія.

— Обращаетесь въ бѣгство?—спросила его Наручкина.

— Ей-Богу, мнѣ пора.

— Ну, Богъ съ вами... Лукавый вы царедворецъ!

Петя не возразилъ и, поклонившись Малышеву, быстро удалися.

IX.

— Какая мразь!

Возгласъ Клавдіи Спиридоновны раздался у окна большого номера, гдѣ сестры жили уже больше недѣли.

Она стояла въ своей любимой позѣ: ладони рукъ на бедрахъ. Фланелевый пеньюаръ былъ также деревенскій.

Колчановы занимали три комнаты въ нижнемъ этажѣ меблированнаго дома, гдѣ писатель Малышевъ и Ветлугина жили постоянно.

— Мразь!—повторила она, характерно поводя своимъ крупнымъ ртомъ.

Петербургская погода сердила и подавляла ее. На хуторѣ стояла теперь суровая зима, но съ сухими морозными днями, съ солнцемъ, съ блескомъ снѣжныхъ пространствъ и алмазнымъ инеемъ деревьевъ вокругъ дома. Тамъ ей такъ бодро и весело живется—зимой не хуже, чѣмъ весной и лѣтомъ. И сколько тамъ осталось „зимняго“ хозяйскаго дѣла. Безъ нея оно не можетъ идти такъ, какъ подъ ея призоромъ. Но... она сама предложила сестрѣ ѣхать въ Петербургъ. Глафира стала каждый день говорить о своемъ желаніи сдѣлаться „медичкой“. Курсовъ въ Петербургѣ еще нѣтъ, но они могутъ открыться не сегодня—завтра, къ тому идетъ. А въ ожиданіи ихъ она подготовится къ аттестату зрѣлости и будетъ усиленно брать уроки греческаго, которому она тайкомъ начала учиться еще въ прошломъ году.

Не трудно было Клавдіи догадаться, что все это болѣе предлогъ, чѣмъ настоящій мотивъ. Глафиру влекло туда, гдѣ жилъ Таманцевъ. Теперь рѣшится здѣсь его судьба. Будетъ онъ мужемъ Лушковой или нѣтъ? А если нѣтъ? Надо быть тутъ. Кто знаетъ? Быть-можетъ, онъ потерпитъ новое и болѣе тяжкое пораженіе. Когда же, какъ не въ такую минуту, явиться добрымъ и преданнымъ другомъ?

Ничего такого Глафира ей не говорила. Но она стала хирѣть. Гордость отверженной или, по меньшей мѣрѣ, не раздѣленной страсти не поднимала ея духа. Она все ему прощала. Ей бы только согрѣться около этого „источника свѣта“—какъ Клавдія про себя зоветъ иронически графа Андрея Павловича.

И какъ только она спросила: „почему бы намъ не по-

жить въ Петербургѣ?“ —Глафира вся вспыхнула, глаза разгорѣлись, она вскочила—разговоръ былъ за столомъ,— подбѣжала къ ней, схватила ее обѣими руками за голову и жарко-жарко поцѣловала.

И въ два-три дня онѣ собрались. „Точно на пожаръ кинулись“, — повторяла Клавдія про себя дорогой, въ вагонѣ, съ сильной головной болью—всегдашнимъ осложненіемъ ея поѣздокъ. Но Гланя была ея „чадо“. Все, что̀ сохранилось въ ея натурѣ нѣжнаго и отзывчиваго — потребность въ ласкѣ и нѣжности, было отдано младшей сестрѣ, и Глафира знала это.

Съ дороги онѣ послали депешу Ветлугиной — подыскать имъ временную квартиру, и та помѣстила ихъ въ своей же „меблировкѣ“, гдѣ Клавдіи сразу стало тѣсно и душно. Она, по-купечески чистоплотная, привыкшая къ своей образцовой домовитости, испытывала постоянно брезгливое чувство отъ пыли и неряшества петербургскаго гарни средней руки.

— Клавдинька! — окликнула ее Глафира изъ третьей комнаты.

Голосъ ея былъ простуженный—она схватила сильнѣйшій насморкъ.

— Что̀ тебѣ, Гланя?

Клавдія подошла къ полуотворенной двери.

— Ты пойдешь со мной къ Ветлугиной?

— Когда?

— Да вотъ послѣ завтрака. Она говорила, что у нея будетъ Малышевъ.

— А онъ тебя интересуетъ?

— Конечно. Да кромѣ того, Илья Ефимовичъ просилъ поговорить съ нимъ.

— Ну, хорошо. Я позвоню, чтобы накрывали на столъ.

Прислуга была распущенная и приходилось звонить по многу разъ. Клавдія уже рѣшила, что больше мѣсяца она въ этомъ „сочинительскомъ лòговѣ“ не останется и уже подыскивала квартиру. Придется прожить здѣсь до конца поста, а можетъ-быть и дольше.

Надо было немного пріодѣться—и Клавдія вошла въ свою комнату, откуда ей стала видна голова сестры, сидѣвшей передъ зеркаломъ туалетнаго стола. Лицо Глафирѣ дорогой „обвѣтрило“ и даже кончикъ носа немного покраснѣлъ. Она въ ту минуту пудрила себѣ лицо.

„Бѣдная моя Гланя!—думала Клавдія, прикрывая по-

ловинку двери. — Зачѣмъ только она идетъ на новыя мытарства!"

А мытарства непремѣнно начнутся. Нѣтъ никакого повода скрываться отъ графа. Онѣ съ нимъ простились друзьями—графъ былъ видимо тронутъ на желѣзной дорогѣ. Какъ только онъ узнаетъ, что онѣ здѣсь, сейчасъ же пріѣдетъ. Какой онъ тамъ ни радикалъ, а свѣтски-воспитанный человѣкъ въ немъ сидитъ, несмотря на частыя вспышки его темперамента.

Да и сама Гланя уже волнуется, не видя его до сихъ поръ, только ей совѣстно заводить объ этомъ рѣчь, даже и съ сестрой. Не дальше, какъ дня два тому назадъ, Ветлугина спрашивала: „а гдѣ, молъ, тотъ графчикъ, изъ радикаловъ, что пріѣзжалъ сюда *ходокомъ* за мужиковъ, а кончилъ скандальной исторіей?"

Клавдія боялась, какъ бы сестра не вспылила, не начала возмущаться „гнусной сплетней". Ветлугина зубаста и говоритъ съ Глафирой точно та—дѣвочка-гимназистка, а она — профессоръ. Вообще эта „дѣва" не очень имъ обѣимъ нравится, но Глафира повторяетъ, что общество такой „спеціалистки" полезно ей теперь, что Ветлугина поддержитъ въ ней „строго-научный духъ".

Обѣ сестры—каждая въ своей комнатѣ—доканчивали свой туалетъ, пока коридорный, наконецъ-то явившійся послѣ четвертаго звонка, накрывалъ на столъ въ гостиной, служившей имъ и столовой.

Глафира внутренно негодовала на свой „гриппозный насморкъ". Съ такимъ лицомъ ей не хотѣлось бы встрѣтить Таманцева. А надо было на этой же недѣлѣ написать ему. Она много разъ уже обдумывала записку. И все ей казалось не искреннимъ и суховато-сладкимъ. Лучше послать депешу, какъ только она немного посвѣжѣе будетъ себя чувствовать. Главное, когда носъ перестанетъ быть похожимъ на „піонъ".

Въ Петербургѣ и ей не по себѣ. Но она себя подбадриваетъ строгой программой занятій. Надо къ веснѣ быть настолько сильной въ греческомъ, чтобы къ слѣдующему сентябрю выдержать на аттестатъ зрѣлости въ Москвѣ, въ классической женской гимназіи „у Фишерокъ", какъ онѣ отзывались съ сестрой.

Голова ея безпрестанно перебирала соображенія усердной студентки, но Глафира была слишкомъ честна, чтобы обманывать себя. Сна не было. Безпрестанно навертыва-

лись слезы. Книга не захватывала ее, что бы она ни читала. Она и боялась встрѣчи съ графомъ, и готовилась къ ней съ замираніемъ сердца. Чѣмъ чаще она станетъ его видѣть, чѣмъ проще и искреннѣе будетъ его дружескій тонъ съ нею, тѣмъ она скорѣе „вылѣчится“. Она должна его довести до того, чтобы онъ разсказывалъ ей про свою Кэтъ. Вылѣчиться надо, иначе наживешь полную нервную прострацію и превратишься въ „кликушу“. У нея уже было два сильныхъ приступа истерики на одной недѣлѣ.

Глафира бросила послѣдній взглядъ въ зеркало и встала, стеревъ съ лица пудру.

X.

Въ темномъ, узкомъ и совсѣмъ закуренномъ номерѣ Ветлугиной хозяйка его, все въ томъ же пальто, какъ и прошлой зимой, ходила передъ диваномъ, засунувъ руки въ карманы.

На диванѣ сидѣли сестры Колчановы. Какъ будто всѣ онѣ ждали кого-то.

— Онъ непремѣнно зайдетъ, а если что, я спосылаю,— сказала увѣренно Ветлугина и указала на дверь, гдѣ былъ звонокъ.

Она закурила папиросу и, затянувшись, вернулась на средину номера.

— Значитъ, тебѣ нужно поскорѣе хорошаго классика?— спросила она тономъ авторитетной учительницы.

— Что же терять время,— отвѣтила Глафира, почему-то возбужденная ожиданіемъ знакомства съ Малышевымъ.

— Дѣло хорошее... только вотъ что тутъ не очень мнѣ нравится: все это отзывается утилитаризмомъ.

— Какъ же это, Анна Егоровна?— окликнула Ветлугину Клавдія, улыбнувшись своими большими властными глазами.

— Какъ?—повторила своимъ зычнымъ голосомъ Ветлугина.—А то какъ же? Вѣдь для нея,—она указала рукой на Глафиру,— греческій нуженъ не an und für sich, а только какъ средство раздобыть себѣ аттестатъ зрѣлости.

— Понятное дѣло,— сказала Глафира, немного сдвинувъ брови.

Тонъ Ветлугиной начиналъ ее раздражать.

— Довольно она изъ любви къ искусству сидѣла надъ

разными языками и словесными науками,—полушутя замѣтила Клавдія.

— Врядъ ли! — возразила Ветлугина и обернулась на каблукѣ.—Все это — дилетантство, Глафирочка милая, а не настоящее служеніе наукѣ, ergo: утилитаризмъ и просвѣтительные опыты.

Глафира сдѣлала нервное движеніе, сбираясь возражать, но въ номеръ вошелъ Малышевъ.

Клавдіи онъ показался, какъ когда-то Таманцеву, похожимъ на „подмастерье". Глафира нашла его лицо насмѣшливо-умнымъ. Ей стало сдаваться, по послѣднимъ его статьямъ, что этотъ беллетристъ-художникъ презираетъ человѣка вообще.

— А! Пожалуйте... Пожалуйте! — крикнула ему Ветлугина и, не подавая руки, подвела къ сестрамъ.—Вотъ моя молодая товарка — Колчанова, о которой много говорено было при васъ, и ея сестра Клавдія Спиридоновна. А Вячеслава Кузьмича нечего вамъ рекомендовать... Самъ себя достаточно рекомендуетъ передъ русской публикой.

Обѣ сестры разомъ подумали:

„Какъ она передъ нимъ таетъ!"

Въ Ветлугиной сквозь рѣзковатый, увѣренный тонъ проглядывала влюбленность старѣющей дѣвицы.

Малышевъ сдѣлалъ сестрамъ два короткихъ кивка головой, какъ кланяются мастеровые. Каждая протянула ему руку. Пожалъ онъ ихъ такимъ же короткимъ движеніемъ, присѣлъ къ ломберному столу, служившему Ветлугиной письменнымъ, и, закуривъ, вытянулъ ноги.

— Она,—Ветлугина указала рукой на Глафиру,—опять къ вамъ съ грамоткой отъ вашего товарища, земскаго врача, какъ бишь его фамилія, Глафира?

— Домашневъ.

— Да! Онъ, должно-быть, изъ тѣхъ земскихъ эскулаповъ, которыми весь Петербургъ залюбовался здѣсь на съѣздѣ? Героическіе экземпляры суроваго вида, многоглаголивые, съ подоплекой, съ нутромъ. Что твои гомерическіе атриды! Вотъ будешь зубрить, Глафира, изъ Иліады:

„Атрэидѣсъ тэ анаксъ андрѣнъ кай діосъ Ахиллесъ"...

— Ха-ха!

Она скандировала почему-то въ носъ и съ особой франтоватостью ученой словесницы, которая выучилась по-гречески „шутя", между дѣломъ.

Въ глазахъ Малышева заиграла усмѣшка.

— Милѣйшій Илья Ефимовичъ, — заговорилъ онъ не спѣша и съ покачиваніемъ головы, — будь онъ на этомъ съѣздѣ, пустилъ бы много жалкихъ словъ.

Глафиру точно что̀ укололо.

— Илья Ефимовичъ,—возразила она, сдерживая себя,— былъ задержанъ во время этого съѣзда эпидеміей въ уѣздѣ. Но если бъ онъ принялъ участіе въ засѣданіяхъ, онъ сумѣлъ бы сказать много правды, и такой, которая давно стоитъ на очереди.

— На здоровье!—откликнулся тѣмъ же тономъ Малышевъ.—Я и не сомнѣваюсь. Только у насъ вотъ съ Анной Егоровной нѣтъ большого пристрастія къ слишкомъ прямолинейнымъ просвѣтителямъ. У васъ, я вижу, въ уѣздѣ какая-то школа гражданской доблести. Помните, — вскинулъ онъ головой въ сторону Ветлугиной и прядь волосъ упала ему на лобъ, — тотъ баринъ пріѣзжалъ... какъ бишь его... графъ Таманцевъ. Никакъ онъ и теперь здѣсь... Мнѣ въ газетѣ говорилъ кто-то намедни... Кажется, Луцкій...

— Помню, помню! Головой похожъ на Марка-Аврелія?

— Ну и что жѐ?—спросила Клавдія, которой тонъ писателя не нравился, но она считала это за манеру; самъ онъ врядъ ли такого издѣвающагося надъ всѣмъ ума.

„Презираетъ, презираетъ все человѣчество!“—подумала Глафира, чувствуя, какъ теплота внезапно вступила ей въ лицо.

— Вы и его, конечно, знаете?

— Графа? — откликнулась Клавдія своимъ хозяйскимъ тономъ.—Конечно. Это нашъ ближайшій сосѣдъ.

— Что же онъ? Все еще находится подъ ферулой Домашнева? Или деревня отрезвила его и онъ вернулся пожуировать?

— Почему же вы такъ понимаете графа? — заговорила Глафира, бросивъ на Клавдію взглядъ.—Онъ очень самобытная личность. И въ послѣднее время у нихъ съ докторомъ шли большія пренія.

— Значитъ, поумнѣлъ?—спросила Ветлугина.

— Объ умѣ его, кажется, смѣшно говорить,—замѣтила Глафира порѣзче, и сестра ея начала бояться, какъ бы не вышло схватки опять за графа.

Но и ей ни писатель, ни Ветлугина не были по душѣ. Она сочла нужнымъ вступить въ разговоръ и удержать

Глафиру отъ опасности выдать себя передъ этой „дѣвулей“.

— Графъ вовсе не книжный человѣкъ, — начала она вѣско, поглядывая то на Малышева, то на Ветлугину.— Ему деревня въ прокъ пойдетъ, я это вижу...

— Чѣмъ же онъ занимается?—перебилъ ее Малышевъ.— Какъ слѣдуетъ хозяйничаетъ? Или играетъ только роль въ уѣздѣ?

— Если хотите, не выдержала Глафира, — ни то, ни другое. Онъ—безсребренникъ. Извлекать большіе доходы изъ своего имѣнія—это не его идеалъ.

— Что жъ... въ толстовцахъ, что ли, состоитъ?

— Вовсе нѣтъ! Какъ будто нельзя съ толкомъ жить въ уѣздѣ и не быть ни скопидомомъ, ни мистическимъ народникомъ?

— А развѣ я это сказалъ? — спросилъ шутливо Малышевъ, оглянувшись на Ветлугину.

Обѣимъ сестрамъ тонъ этого вопроса понравился еще менѣе, чѣмъ все предыдущее.

— У графа Андрея Павловича, — горячѣе заговорила Глафира, — нѣтъ еще никакой почетной должности въ уѣздѣ. Да онъ, кажется, лишенъ честолюбія... дурного,— прибавила она съ удареніемъ.

— Что же онъ? Благодѣтель уѣзда? Или примѣръ гражданскаго мужества? — перебила Ветлугина въ тонъ Малышеву.

— Онъ дѣлаетъ то, что̀ надо теперь дѣлать въ деревнѣ всѣмъ, кто любитъ родину, — въ тонъ ей отвѣтила Глафира и выпрямилась.— Занимаетъ скромное мѣсто самаго развитого и великодушнаго земскаго человѣка. Все, что̀ нужно поддержать, онъ поддержитъ, не играя въ благодѣтели; ничего не домогается, ничего не тормозитъ. Въ такихъ дворянахъ всего больше нуждается теперь уѣздъ.

— Пожалуй и такъ,—отозвался какъ бы про себя Малышевъ и поглядѣлъ пристально на сестеръ. Въ этомъ взглядѣ было: „вы, пожалуйста, не думайте, что я глупѣе и ретроградне васъ; только я не желаю поддакивать вамъ въ слащавомъ тонѣ“.

— Пожалуй, вы и правы,—повторилъ онъ. — Это едва ли не самая умная роль... для тѣхъ, кто обрекаетъ себя на сидѣнье въ деревнѣ. Только я, признаюсь, не очень вѣрю и въ безкорыстіе дворянскихъ чувствъ. Теперь барину плохо приходится. Отъ сермяги ни преданности, ни

уваженія, ни хлѣба-соли, ни ручниковъ, ни яичекъ, въ видѣ вѣрноподданническихъ приношеній.

— Графъ не изъ такихъ!—начала-было Глафира цѣлую тираду, но ее остановилъ быстрый взглядъ сестры: „не трать-де пороху“.

— Словомъ, твой графчикъ, — кинула ей Ветлугина,— герцогъ Герольдштейнскій или, какъ бишь его?.. Изъ „Парижскихъ тайнъ“?

Коридорный вошелъ, не постучавшись, и доложилъ:

— Господинъ васъ спрашиваетъ.

Онъ подалъ карточку Клавдіи.

Это былъ Таманцевъ.

XI.

Клавдія ласково оглядывала гостя. Они сидѣли вдвоемъ на диванѣ въ большой комнатѣ ихъ номера.

Глафира осталась на минуту у Ветлугиной. Та удержала ее: имъ надо было столковаться насчетъ учителя греческаго языка. Да такъ и лучше было: это дастъ ей время оправиться.

— Спасибо,—весело заговорила Клавдія,—спасибо вамъ, графъ. Сейчасъ же нашли насъ. А мы собирались послать вамъ депешу.

Она сразу замѣтила, что Таманцевъ похудѣлъ въ лицѣ, но въ глазахъ и въ движеніяхъ головы было что-то новое, какая-то бодрая возбужденность. Даже голосъ сталъ мягче и задушевнѣе.

„Онъ любимъ“, — подумала она, и ей стало жутко за „Гланю“.

— А какъ вы узнали, что мы уже здѣсь? — спросила она громче, подавляя горькое чувство за сестру.

— Узналъ,—улыбнувшись, отвѣтилъ Таманцевъ.

Узналъ онъ все отъ того же Пети Долгова. Тотъ „счелъ долгомъ“ передать ему разговоръ у танцовщицы Наручкиной.

— Вотъ вы какой милый... И въ Петербургѣ такой же, какъ и въ деревнѣ.

— А вы развѣ сомнѣвались во мнѣ? И Глафира Спиридоновна?—прибавилъ онъ самымъ простымъ тономъ.

— Ну, ужъ Глафира... Вы вѣдь знаете, что она въ васъ вѣруетъ безусловно, — протянула Клавдія съ блескомъ въ глазахъ.—Вотъ сейчасъ вы были легки на поминѣ. Тамъ сидѣлъ писатель Малышевъ... вы его знаете, кажется?

— Былъ у него, ровно годъ назадъ, и въ этомъ самомъ гарни.

— И какъ онъ на вашъ вкусъ?

Клавдія подмигнула по-пріятельски.

— Уменъ и даровитъ. Но не таковъ, какимъ я себѣ его представлялъ.

— Въ одно слово! И я то же скажу. Какой-то на все взглядъ съ кандачка. Вы знаете, я вѣдь не идеалистка. И на деревню, и на мужика, и вообще на русскую жизнь смотрю по-своему, больше по-купецки, чѣмъ по-барски — или вотъ какъ господа народники требуютъ. Но я не раздѣляю и такого... какъ бы это помягче сказать... умничанья. И нѣтъ ли тутъ рисовки?

— Можетъ-быть. Онъ художникъ, а художники на все по-своему смотрятъ.

— Ну, какъ вы себя чувствуете въ Петербургѣ, Андрей Павловичъ? — спросила, мѣняя тонъ, Клавдія и еще ласковѣе поглядѣла на него.

— Я не замѣчаю совсѣмъ — какъ, — тихой, искренней нотой откликнулся Таманцевъ и опустилъ немного голову.

— Такъ васъ жизнь захватываетъ?

— Жизнь—сила, Клавдія Спиридоновна.

И, пододвинувшись къ ней, Таманцевъ продолжалъ еще искреннѣе:

— Петербургъ—безпощадный городъ. Сейчасъ схватитъ тебя клещами и въ какую прорву затянетъ—неизвѣстно. Но отъ своей судьбы не уйдешь. Если бъ я былъ мужикъ, я бы сказалъ съ наивной вѣрой: „Никто, какъ Богъ".

— Это на васъ не похоже, графъ. Вы не фаталистъ, и воля у васъ есть.

— Полно, есть ли? — возразилъ онъ вдумчиво. — Не знаю, Клавдія Спиридоновна, не знаю,—проговорилъ онъ медленнѣе. — Я не люблю повторять избитыхъ фразъ о свободной волѣ. Но развѣ не правда, что мы безсильны передъ тѣмъ, что захватило насъ?

Въ первый разъ онъ говорилъ такъ съ нею. Ему нужна была наперсница. Съ нею онъ могъ изливаться, не думая ни о какой неловкости. Клавдія знала отъ доктора Домашнева про ихъ разговоръ, бывшій незадолго до отъѣзда Таманцева. Чувство Глафиры не было и для него тайной.

Слѣва отъ крайней комнаты Клавдія сейчасъ же заслышала легкій шорохъ. Это вернулась Глафира и опра-

вляется. Какъ ее должна безпокоить краснота щекъ и носа отъ несноснаго насморка! Можетъ-быть, перемѣняетъ лифъ.

„Бѣдная моя Гланя!—мысленно проговорила Клавдія.—Станетъ онъ теперь разбирать твой цвѣтъ лица!“

— А какъ здоровье Глафиры Спиридоновны?—спросилъ Таманцевъ.

— Простудилась... ужасный насморкъ. Да вотъ она сейчасъ будетъ. Ее тамъ задержали на минутку... Кажется, она уже пришла, — добавила Клавдія и поглядѣла на дверь.—Вы не знаете, Андрей Павловичъ, Гланя рѣшила изучать медицину.

— Это ваше вліяніе, Клавдія Спиридоновна?

— Нѣтъ,—оттянула Клавдія и повела головой.—Я тутъ ни при чемъ. Въ Гланѣ произошелъ кризисъ, самъ собою. Это жизнь деревни сдѣлала. Ей хочется живого дѣла. А какъ же народу прямѣе служить, какъ не по лѣкарской части?

— Да вѣдь курсы давно уничтожены.

— Есть надежда, что опять воскреснутъ. А нельзя будетъ здѣсь—уѣдетъ за границу.

— А вы останетесь... въ одиночествѣ?

— Мало ли что! Вотъ теперь она и принимается здѣсь вновь за греческій—для аттестата зрѣлости.

Шелковистый шелестъ нижней юбки раздался за дверью, и Глафира вошла къ нимъ скорой и легкой походкой. Слѣды пудры Клавдія сейчасъ же примѣтила; и прическу Глафира успѣла поправить, и надѣть другой кружевной пластронъ.

— Андрей Павловичъ! Отыскали насъ! Какой вы хорошій!

Она протянула ему обѣ руки, и ихъ встрѣча вышла такой пріятельски-простой, что у Клавдіи сейчасъ же отлегло на сердцѣ.

Оба они стояли посреди комнаты, и ихъ рукопожатіе еще не кончилось.

— Кажется... о моей особѣ была рѣчь?—спросила Глафира и подвела Таманцева къ дивану.

— О васъ, о васъ, Глафира Спиридоновна... Новость для меня... большая: вы хотите быть...

— Медичкой, — досказала Глафира. — Это васъ удивляетъ? Да, хочу, какъ въ средніе вѣка, пройти весь кругъ знаній. Но не затѣмъ, чтобы только говорить de

omni re scibili. Клавдинька меня заразила. Потянуло къ практикѣ.

— И останетесь здѣсь, въ Петербургѣ?—спросилъ Таманцевъ.

— Пока здѣсь. Домой вернусь не раньше лѣта,—выговорила Глафира твердымъ голосомъ и смѣло глядя на Таманцева.—А вы, Андрей Павловичъ?

— Не могу за себя отвѣтить.

Таманцевъ тряхнулъ своей курчавой головой.

— И не тянетъ въ деревню?— спросила Клавдія шутливо.

— Андрей Павловичъ довольно положилъ подоплеки на нашъ уѣздъ,— заговорила Глафира своимъ обычнымъ горячимъ тономъ.—Имѣетъ полное право и отрясти прахъ съ своихъ сандалій.

— Слышите, графъ,—вмѣшалась Клавдія,—въ медики собралась, а сейчасъ сандаліи, ха-ха!

— Нѣтъ, Глафира Спиридоновна, я изъ уѣзда не убѣжалъ. Туда я вернусь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вы знаете, мой образецъ—это сестрица ваша. То, что̀ она въ хозяйствѣ, то̀ я долженъ быть во всѣхъ другихъ статьяхъ. Простой сквайръ въ аглицкомъ духѣ. Сидѣть на землѣ не для себя, а для уѣзда. Петербургъ не пересилитъ.

— Ой-ли?!—вырвался возгласъ у Клавдіи.

— По крайней мѣрѣ, я не сдамся до послѣдней крайности.

Таманцевъ всталъ.

— Неужели вы бѣжите?—вскричала Глафира.—Это ужъ совсѣмъ по-петербургски.

— Видно, разъѣздовъ много?—спросила Клавдія и поднялась вмѣстѣ съ сестрой.

— Этотъ визитъ не въ счетъ.

И онъ протянулъ обѣ руки сначала Глафирѣ, потомъ Клавдіи.

— Когда же увидимъ васъ?—спросила Клавдія.

— Да я мечтаю... не пріѣдете ли ко мнѣ... такъ, по-мужски, по-пріятельски,—поправился онъ,—позавтракать или пообѣдать? А?

Длинныя рѣсницы Глафиры нервно вздрогнули.

Она быстро взглянула на сестру.

— Что жъ! Спасибо. Втроемъ поѣдимъ, какъ у насъ въ Колчановкѣ,—откликнулась Клавдія.

Обѣ проводили его до передней и даже вышли въ коридоръ.

— Только, Андрей Павловичъ, — заговорила Глафира вполголоса,—дайте немного оправиться отъ насморка.

— И туалетикомъ обзавестись,—добавила Клавдія.

— Слишкомъ долго ждать! Мы—по-деревенски!

Всѣ трое разомъ разсмѣялись.

Когда шаги Таманцева смолкли и дверь сѣней хлопнула, Клавдія, все еще стоя у дверей, взяла сестру за талію и сказала ей, цѣлуя ее въ високъ, полушопотомъ:

— Можетъ-быть, и домой уѣдетъ одинъ?

Та только дрогнула всѣмъ тѣломъ и горячо отвѣтила:

— Кто знаетъ, и мы ему здѣсь пригодимся, Клавдинька!

XII.

Мраморная лѣстница вела Таманцева въ бель-этажъ отеля. Онъ не былъ тутъ очень давно, а когда-то и самъ жилъ разъ, юношей, вернувшись изъ-за границы.

Что бы онъ сказалъ еще два-три мѣсяца назадъ, если бъ кто-нибудь напророчилъ ему: „вы поѣдете къ Лушкову въ роли бракоразводнаго агента“.

И вотъ онъ поднимается къ Лушкову, подавляя въ себѣ чувство неловкости. Онъ дѣлаетъ это для любимой женщины. Не дальше какъ вчера онъ самъ предложилъ ей поѣхать къ Лушкову.

Кэтъ не пустила къ себѣ мужа по возвращеніи его изъ Москвы. Опять черезъ Петю Долгова узналъ Таманцевъ, что Лушкову не удалось стянуть со своей купчихи крупнаго куша. Теперь онъ не будетъ упираться дать разводъ и возьметъ отступного.

Цифра этого отступного еще неясно вырисовывалась въ головѣ Таманцева. Не щемилъ его и вопросъ: гдѣ достать эту сумму? Кэтъ готова потерять половину того, что у нея осталось, только бы ей сбросить съ себя имя Лушкова. Фактической свободы ей мало. Ей обѣщано выдать отдѣльный видъ на жительство, и мужу не позволятъ дѣлать ей „гадости“. Даже у тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ, гдѣ онъ былъ такъ долго своимъ человѣкомъ, на него стали немного коситься. Опасной для Кэтъ поддержки онъ не найдетъ.

Но ей предстояло личное объясненіе съ Лушковымъ, и это такъ ей противно, что онъ не могъ не вызваться. И сдѣлалъ онъ это не скрѣпя сердце, а въ порывѣ. Ему за-

хотѣлось пройти для нея черезъ самое тяжелое испытаніе, а что̀ можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ такой разговоръ съ господиномъ Лушковымъ?

Вчера же Таманцевъ послалъ ему депешу съ отвѣтомъ, подписавъ ее полнымъ именемъ, и къ вечеру получилъ отвѣтъ, весьма вѣжливый.

Глаза Таманцева остановились на большихъ часахъ лѣстницы.

Лушковъ просилъ быть у него въ одиннадцать, и стрѣлка показывала четыре минуты двѣнадцатаго.

Въ концѣ коридора направо онъ вошелъ въ маленькую переднюю номера со стеклянной дверью и постучалъ.

Ему сейчасъ же отвѣтилъ голосъ, который онъ не сразу узналъ.

— Entrez!—еще разъ крикнули изъ-за двери.

Въ просторной гостиной съ каминомъ Лушковъ стоялъ лицомъ ко входу, въ бѣломъ фланелевомъ домашнемъ костюмѣ, съ тонкими розовыми полосками, въ шелковой рубашкѣ и лаковыхъ башмакахъ.

Онъ съ прошлаго года похудѣлъ и постарѣлъ, но усы такъ же задорно торчали вверхъ, на щекахъ были слѣды пудры; маковка рѣдѣла; на лбу тѣ же колечки, которыми Таманцевъ дразнилъ въ прошедшую зиму Петю Долгова.

— Prenez place!—пригласилъ гостя Лушковъ, протягивая ему руку, всю въ кольцахъ.

Они сѣли около камина. Лушковъ вытянулъ ноги и показалъ шелковые полосатые носки. Въ лицѣ его не было ни малѣйшаго смущенія. Онъ улыбался и держалъ себя щепетильно-вѣжливо.

Таманцевъ нарочно заговорилъ по-русски. По крайней мѣрѣ, Лушковъ не будетъ раздражать его своимъ фатовскимъ жаргономъ и выговоромъ. Вѣдь онъ говоритъ же по-русски со своими двумя любовницами: петербургской танцовщицей и московской купчихой.

Съ первыхъ же фразъ разговора Лушковъ, не уклоняясь отъ русскаго языка, принялъ тонъ, какого никакъ не ожидалъ Таманцевъ. Какъ будто дѣло шло о чемъ-то такомъ, что̀ два умныхъ и бывалыхъ человѣка сумѣютъ обработать безъ малѣйшей неловкости.

Передъ Таманцевымъ былъ вовсе не соперникъ, но мужъ, хотя и невѣрный, но все-таки мужъ, съ формальными

правами; да онъ, повидимому, и не желалъ дѣлать малѣйшаго намека на свои права.

„Ты хитришь, милый мой,—подумалъ Таманцевъ,—хочешь содрать лишнее за свое изысканное джентльменство".

Но въ немъ самомъ не шевелилось никакого сильнаго чувства. Ему ужъ не было жутко отъ своей „миссіи"—отъ роли бракоразводнаго агента. И самая личность Лушкова не возмущала его, а казалась скорѣе курьезной.

— Мы не будемъ,—говорилъ ему Лушковъ, точно читая по-печатному,—мы не будемъ входить въ ненужныя детали. Мы другъ друга понимаемъ.

Онъ перемѣнилъ позу и положилъ одну ногу на другую по-англійски, поперекъ, и оглядѣлъ рисунокъ своего башмака.

Таманцевъ только кивнулъ головой.

— Стало-быть,—продолжалъ Лушковъ, растягивая слова,—bonnement et simplement... Что же Катеринѣ Денисовнѣ угодно, наконецъ? Она не можетъ же требовать того, чтобы я самъ бралъ на себя... проходить черезъ всѣ мытарства?

„Вонъ ты какъ хлёстко говоришь по-русски!" — подумалъ Таманцевъ, и его настроеніе стало еще спокойнѣе. Онъ, точно романистъ, наблюдалъ этотъ экземпляръ петербургскаго свѣта. Невольно подумалъ онъ о Малышевѣ, какъ бы тотъ поглотилъ въ одинъ присѣстъ такого Лушкова.

— Вы меня понимаете?—спросилъ съ удареніемъ Лушковъ.

— Понимаю,—отвѣтилъ Таманцевъ съ новымъ наклономъ головы.

— Остальное — детали... Но между людьми de notre bord,—прибавилъ Лушковъ, картавя,— детали—дѣло спеціалистовъ.

И онъ засмѣялся немного хрипло и сильно въ носъ, прислонясь къ спинкѣ своего кресла.

Гость взглянулъ на него вопросительно.

— Для этого есть такія добрыя души, которыя... moyennant finances... берутъ на себя переговоры.

Таманцевъ не могъ воздержаться отъ нервной передышки: съ него свалилась обуза. Ему лично не надо входить въ непріятные переговоры о суммѣ отступного.

Лушковъ ни однимъ звукомъ не обмолвился о своихъ

требованіяхъ, но подъ его уступчиво-благодушнымъ тономъ чуялся „кушъ“.

— Конечно, конечно, — торопливо проговорилъ Таманцевъ, ища нити для дальнѣйшаго разговора.

— Катерина Денисовна, какъ нервная женщина, слишкомъ...—Лушковъ искалъ русскаго слова, — enfin, elle est trop fantaisiste. Надо быть терпимымъ. У нихъ, у женщинъ,— пояснилъ онъ, — другая натура. Я, кажется, показалъ ей, что ни на что рѣзкое и непорядочное я не способенъ.

„Конечно!“—воскликнулъ про себя Таманцевъ.

— Она меня лишила... крова... N'est-ce pas, c'est ainsi qu'on le dit en style russe—lapidaire? Hein? Ха-ха!

И, сдѣлавъ жестъ правой рукой, онъ продолжалъ:

— Я буду имѣть честь обратиться къ ней. Надо же намъ произвести раздѣлъ нашего mobilier безъ всякой исторіи. Вы видите, что нельзя быть миролюбивѣе меня. Не правда ли? Пожалуйста, успокойте... вашего друга, Катерину Денисовну.

Лушковъ всталъ. За нимъ приподнялся и Таманцевъ.

— Какъ это странно! — другимъ, шутливо-искреннимъ звукомъ началъ Лушковъ.—Bigrement drôle!—выговорилъ онъ какъ бы про себя.—Вы не находите?

— Что такое?—недоумѣвающимъ тономъ спросилъ Таманцевъ.

— Между нами... теперь это позади...—Лушковъ замигалъ на особый ладъ.—Помните... Годъ тому назадъ? Мы собрались... nous couper la gorge... И вы, pardon, были главной причиной... deus ex machina, — выговорилъ онъ съ французскимъ акцентомъ. — Безъ васъ вашъ покорный слуга врядъ ли былъ бы супругомъ Катерины Денисовны... Но, пожалуйста, извините меня за эти слова!

Лушковъ протянулъ ему руку.

— Знаете... Нѣмцы, кажется, въ такихъ случаяхъ говорятъ: „nicht schlimm gemeint“? Вѣдь такъ?

— Совершенно такъ.

— И вотъ вы теперь... совсѣмъ въ другомъ качествѣ.

Кровь прилила къ щекамъ Таманцева.

— Я ничего не хочу этимъ сказать. Это не мое дѣло. Но, знаете... если бъ мы съ вами встрѣтились въ другихъ условіяхъ, мы бы поняли другъ друга. Стоитъ ли класть свою душу во что́ бы то ни было? И прежде всего въ женщинъ? Помните вы одинъ старый водевиль: какой-то

господинъ попадаетъ изъ одной гадости въ другую и повторяетъ: „Il faut prendre la vie spirituellement“. N'est-ce pas? Puisque tout passe, tout casse, tout lasse—la devise de Sarah, la grande poseuse! Ха-ха!

Таманцевъ попятился къ выходу. Лушковъ граціознымъ жестомъ отворилъ ему половину двери и сказалъ съ удареніемъ:

— Bonne chance. Et sans rancune pour le passé!

На это гость его не нашелъ отвѣта.

XIII.

Все въ той же позѣ, какъ и годъ назадъ, сидѣлъ полулежа на кушеткѣ передъ своимъ племянникомъ генералъ Дергуновъ, въ свѣтло-сѣромъ короткомъ пальтецѣ и бѣломъ жилетѣ.

И такимъ же точно жестомъ отложилъ онъ газету на столъ и потянулся.

Генералъ за одинъ годъ замѣтно постарѣлъ, хотя и подбадривалъ себя попрежнему.

Волосы на головѣ не порѣдѣли, но были почти совсѣмъ бѣлые. Усы онъ неизмѣнно фабрилъ. Глаза сильно потускнѣли и въ лицѣ явилась старческая худоба, но голосъ былъ еще съ сильными хрипловатыми звуками.

Таманцевъ сѣлъ около кушетки и оглядѣлъ своего дядю.

Онъ не чувствовалъ ни тревоги, ни раздраженія. Генералъ казался ему теперь совсѣмъ не такимъ, какъ въ прошломъ году. Даже смѣшновато дѣлалось ему отъ того, что онъ могъ тогда такъ „въ сурьёзъ“ относиться къ нему.

Но настоящій поводъ его сегодняшняго визита былъ довольно серьезный, и онъ это сразу не разсудилъ показывать.

— Такъ ты здѣсь уже нѣкоторое время обрѣтаешься?— спросилъ Дергуновъ, поглядывая на племянника вбокъ и сквозь золотое pince-nez.

Онъ даже не прибавилъ:

„А ко мнѣ—ни ногой“.

Его племянникъ чувствовалъ, что съ прошлаго года въ дядѣ осталось пренебрежительное чувство къ его „шалымъ“ мнѣніямъ и поступкамъ.

— Недѣли съ двѣ, дядюшка.

— А-а!—протянулъ генералъ.—Что жъ? Опять мужицкимъ аблакатомъ?

— Нѣтъ, дядюшка, по своимъ дѣламъ.

— Или еще до сихъ поръ не надоѣло торчать тамъ въ роли народника? А тебѣ тѣ... какъ бишь ихъ... мураж-кинскіе мужики, какъ у Горбунова въ разсказѣ о попѣ,— „въ фіолетовую-то наложили“?

Генералъ пренебрежительно выдохнулъ воздухъ изъ своей еще могучей груди и подобралъ подъ себя правую ногу.

— Наложили, если хотите, — добродушно отозвался Таманцевъ.

— Тутъ былъ вашъ губернаторъ. И теперь еще, кажется, здѣсь. Ты съ нимъ видѣлся недавно?

— Да, обѣдалъ у него.

— То-то. Онъ къ тебѣ очень расположенъ. Ужъ не знаю почему. Хитрятъ они... теперешніе дипломаты. А по-моему, такіе дворяне, какъ ты, только компрометируютъ значеніе сословія.

— Можетъ-быть, дядюшка.

Что бы генералъ ни изрекъ, Таманцевъ чувствовалъ, что онъ возмущаться не въ состояніи. Все это выходило точно въ какой-то комедіи, гдѣ извѣстнаго рода типъ долженъ говорить непремѣнно такія-то фразы и быть такимъ, а не другимъ способомъ загримированъ.

— И ты доволенъ? Или, быть-можетъ, наложилъ на себя такой подвигъ? Такъ лучше бы уже ты тамъ, à la Tolstoï, скитъ завелъ съ опростѣлыми дѣвками и самъ началъ бы пахать. А?

— Этого не собираюсь дѣлать, дядюшка.

— Было бы, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе. Губернаторъ вашъ говорилъ мнѣ, что тебя провалили на чернякахъ. И выбрали въ предсѣдатели управы какого-то купчика. Прекрасно! Хорошій урокъ!

— Это была ошибка съ моей стороны. Не слѣдовало баллотироваться.

— И все такая у тебя, mon cher, смѣшная фанаберія. Начальникъ губерніи предлагалъ тебѣ галуны... или представить къ кресту.

— Мнѣ ничего такого не нужно, дядюшка.

— Смѣшно, старомодно какъ-то, другъ любезный. Ну иди въ предводители, если ты хочешь служить краю.

— Выборовъ еще не было. Если меня найдутъ годнымъ, пускай выберутъ.

— Странно! Тебѣ бы было приличнѣе стыдиться сословной должности.

Генералъ повелъ плечами и опять перемѣнилъ позу.

Ему съ первыхъ минутъ разговора хотѣлось о чемъ-то спросить племянника, но его что-то удерживало. Таманцевъ догадывался — о чемъ, и это дѣлало его еще спокойнѣе, придавало оттѣнокъ юмора его настроенію.

— Ты вѣ-время попадаешь, — заговорилъ Дергуновъ, досталъ изъ ящика сигару и сталъ ее закуривать, не докончивъ своей фразы.

— Въ какомъ же это смыслѣ, дядюшка? — спросилъ, усмѣхнувшись, Таманцевъ.

Онъ предчувствовалъ, куда клонитъ генералъ.

Сейчасъ онъ заговоритъ о Кэтъ и ея „исторіи“. Отъ нея онъ зналъ уже, что генералъ, еще до окончательнаго ея разрыва съ мужемъ, явился въ качествѣ совѣтника и даже покровителя. Отъ него она и получила первыя фактическія данныя о проигрышѣ Лушкова, а потомъ и о его любовныхъ дѣлахъ. Генералъ поддерживалъ ее въ желаніи добиваться формальнаго развода. Но онъ слишкомъ скоро показалъ свои карты, и былъ такъ забавенъ въ роли влюбленнаго, что она разъ не выдержала и расхохоталась ему въ лицо. Онъ обидѣлся и прекратилъ свои визиты. Съ тѣхъ поръ онъ къ ней ни ногой.

— Въ какомъ смыслѣ? — повторилъ Дергуновъ, пуская длинную ленту сигарнаго дыма. — Что же ты казанской сиротой прикидываешься, милый мой? Ты, вѣроятно, и сюда пожаловалъ поудить рыбу въ мутной водѣ. Madame Louchkoff est à prendre, — твоя старая пассія. Вѣдь въ сущности изъ-за твоихъ, извини меня, безумныхъ выходокъ она и замужъ попала такъ скоропостижно. Tu lui dois une réparation, mon cher.

Въ другое время это обвиненіе вызвало бы цѣлую бурю. Онъ и самъ считалъ себя все больше и больше виновникомъ брака Катерины Денисовны, и осадилъ бы дядю непремѣнно. Но теперь ему все это казалось очень забавнымъ.

— Отчего же вы, дядюшка, не попробуете счастія? — спросилъ онъ.

— Я? Съ какой стати?

Генералу Кэтъ ничего не говорила о немъ, а письмо ея къ нему въ деревню написано было раньше сцены,

когда она расхохоталась въ ту минуту, какъ Дергуновъ опустился передъ ней на колѣни.

— Отчего же?—продолжалъ въ томъ же тонѣ Таманцевъ.—Вы—вдовецъ, и такъ хорошо сохранились.

Щеки генерала стали багровѣть.

— Глупости какія!

Ему смертельно хотѣлось спросить племянника — думаетъ ли онъ поѣхать утѣшать „разводку".

— Дядюшка... я васъ задерживать не стану, — началъ Таманцевъ, мѣняя тонъ. — У меня есть къ вамъ серьезное дѣло.

— Что такое? Опять въ какую-нибудь исторію попалъ?

— Нисколько! И вы пожалуйста не стѣсняйтесь... Скажите—можно или нельзя.

— Говори.

— Не хотите ли купить мой домъ?

— Съ какой стати?

— У васъ должны быть порядочныя деньги.

— Ты ихъ не считалъ.

— Предполагаю. Здѣсь я не живу. Доходъ онъ можетъ давать очень хорошій при хозяйскомъ глазѣ.

— Нѣтъ, милый мой, я на это не пойду.

— Ну, такъ дайте мнѣ ссуду подъ вторую закладную. Долгу на немъ немного, а оцѣненъ онъ былъ весьма низко, какъ вы сами знаете.

— Я не процентщикъ.

— Зачѣмъ же въ такомъ тонѣ!—уже серьезнѣе возразилъ Таманцевъ и всталъ.—Если бъ мнѣ не нужна была сумма, я бы къ вамъ не обратился. Я, мой образъ жизни, мои идеи вамъ не по-сердцу; но вы — добрый человѣкъ и мой дядя. Почему же вамъ не сдѣлать мнѣ одолженіе и не избавить меня именно отъ процентщиковъ?

Генералъ грузно всталъ съ кушетки, не оставляя своей сигары.

— Уже потому не дамъ я тебѣ денегъ подъ закладную, если бъ онѣ у меня и были, что это, навѣрно, на что-нибудь...

— Сумасбродное?—подсказалъ Таманцевъ.

— Tu l'as dit toi-même, ха-ха! Извини, братъ!

— Это ваше послѣднее слово?

— И первое, и послѣднее. Tout cela est louche, mon cher,—генералъ погрозилъ указательнымъ пальцемъ. — И ты со мной хитришь. Не хочу допытываться. Вѣдь, все

равно, ты меня не послушаешь. Tu me traite comme un vieil imbécile!

— Такъ неужели вы мнѣ вымещаете за это? Я не вѣрю. Не можете, дядюшка,—на нѣтъ и суда нѣтъ.

Осѣчка была чувствительна для Таманцева. Сумму надо было достать, и онъ ее достанетъ во что бы то ни стало.

XIV.

Артельщикъ ввелъ Таманцева въ кабинетъ-контору, съ дубовой мебелью, дѣлового стиля, и попросилъ „минутку обождать".

Хозяинъ квартиры еще одѣвался, вернувшись вчера съ ужина, гдѣ были француженки „свѣжаго привоза", у своего пріятеля, крупнѣйшаго дѣльца, съ которымъ они вмѣстѣ производили, отъ времени до времени, биржевыя операціи на сотни тысячъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ посѣтителей французскаго ресторана, которыхъ онъ съ такимъ гадливымъ чувствомъ оглядывалъ годъ тому назадъ, вспоминая ихъ биржевой ударъ, когда они, играя на пониженіе во время голода, однимъ этимъ „ударомъ" получили кушъ въ десять тысячъ фунтовъ.

И вотъ теперь онъ самъ пріѣхалъ къ нему по тому же дѣлу, что́ и къ дядѣ своему.

Третьяго дня онъ возобновилъ съ нимъ знакомство въ томъ же ресторанѣ и предупредилъ его, что будетъ у него сегодня утромъ „по дѣлу".

Фамилія его Коробинъ. Онъ такъ же банально франтоватъ и въ разговорѣ сладковато-вѣжливъ, вперемежку съ мягкимъ цинизмомъ холостяка, считающагося первымъ „lanceur'омъ" всѣхъ пріѣзжихъ актрисъ и кокотокъ.

Но отчего же было не обратиться къ нему, какъ къ денежному человѣку? Еще недавно онъ считалъ его достойнымъ висѣлицы за игру на народное бѣдствіе. Это „сильнѣнько" и черезчуръ отзывалось временами террора, когда нѣкоторыхъ скупщиковъ національныхъ земель слали на гильотину.

Всѣ они здѣсь, въ Петербургѣ—хищники и карьеристы; одни погрязнѣе, другіе поопрятнѣе. Продать или заложить домъ ему нужно, и если бъ комиссіонеръ свелъ его съ такимъ Коробинымъ—онъ не уклонился бы

отъ сдѣлки съ нимъ потому только, что тотъ биржевой хищникъ.

Ему надо заручиться капиталомъ какъ можно скорѣе. Кэтъ, чтобы добиться развода въ одинъ мѣсяцъ, должна имѣть крупную сумму, а у нея ея нѣтъ. Имѣніе заложено недавно, а продавать его—цѣлая исторія. Онъ самъ вызвался взять на себя всякаго рода хлопоты, въ томъ числѣ и денежныя, и рѣшилъ, что на отступное Лушкову *онъ* долженъ предложить ей деньги, хотя бы и въ видѣ займа. Ни на что другое она, конечно, не пойдетъ.

И что такое непріятность получасового разговора съ дѣльцомъ Коробинымъ, если уже онъ самъ ѣздилъ къ Лушкову и, можетъ-быть, еще разъ, и не одинъ разъ, будетъ ладиться съ нимъ?

По его душѣ всѣ эти петербургскія мытарства скользили, не заставляя его страдать. Онъ проходилъ черезъ все это не для себя, а для любимой женщины.

— Mille pardons, графъ,—раздался отъ двери высокій теноръ Коробина.—Заставилъ васъ ждать.

Бѣлокурая голова съ курчавой рѣдѣющей чолкой, румянецъ пухлыхъ щекъ, прищуренные голубые глаза и грубый ротъ съ фальшивой складкой губъ, непріятно заиграли передъ гостемъ.

Короткій станъ Коробина обтягивалъ свѣтло-синій пиджакъ, и бѣлая шея выступала изъ низко вырѣзанныхъ отложныхъ воротничковъ рубашки.

— Чѣмъ могу, графъ? Вы рѣдкій гость въ Петербургѣ... Вдались въ культъ мужика, какъ я слышалъ? А?

Пухлой рукой хозяинъ указывалъ на кресло около огромнаго письменнаго стола.

Не отвѣчая на игривый вопросъ Коробина, Таманцевъ прямо приступилъ къ дѣлу вопросомъ:

— Вы, если не ошибаюсь, въ большихъ подрядахъ?

— Да, есть грѣшокъ. Но не пренебрегаю и другими операціями.

— Вы вѣдь знаете много денежнаго народа съ свободнымъ капиталомъ?

— Такіе въ Петербургѣ рѣдкость... Знаете, какъ французы говорятъ: un merle blanc — денежный человѣкъ съ свободнымъ капиталомъ. Кубышки и деревянные кованые сундуки съ мертвой деньгой водятся только въ Москвѣ...

— Все-таки, — остановилъ Таманцевъ. — Я желалъ бы

безъ всякихъ проволочекъ продать мой домъ въ возможно лучшихъ условіяхъ и, главное, безъ потери времени, или, въ крайнемъ случаѣ, получить добавочную ссуду подъ вторую закладную.

„Сколько разъ придется мнѣ повторить эту самую фразу?“—невольно подумалъ Таманцевъ.

— Это особнякъ? — спросилъ Коробинъ, наморщивъ слегка переносицу.

— Онъ въ три этажа. Но покупщикъ, если онъ холостъ, можетъ сейчасъ же занять нижній этажъ.

— Видите, графъ, — заговорилъ дѣловымъ тономъ Коробинъ,—мнѣ лично не надо. Если я выстрою или куплю себѣ домъ, то это будетъ настоящій особнякъ, въ два этажа, въ родѣ парижскихъ небольшихъ отелей, въ Champs Elysées. Какъ операція, домъ нынче, вы сами знаете, статья самая непривлекательная. А въ смыслѣ доходности еще того хуже.

И какъ бы перебивая себя, онъ спросилъ:

— И вамъ нуженъ капиталъ къ спѣху?

Глаза его игриво блеснули.

— Какъ можно скорѣе.

— Это, графъ, всегда невыгодно для продавца. Виноватъ... Я имѣю удовольствіе быть очень мало знакомымъ съ вашей жизнью; но, насколько я наслышанъ, вы человѣкъ добродѣтельный, — протянулъ онъ съ усмѣшкой. — Или, быть-можетъ, деревня такъ поглощаетъ средства господъ владѣльцевъ и ведетъ къ необходимости продавать дома? Простите за нескромный вопросъ.

— Деревня тутъ ни при чемъ, — суше отвѣтилъ Таманцевъ.

— Тогда для человѣка нашихъ съ вами лѣтъ—ou à peu près, такъ какъ я васъ постарше — остается одинъ главный источникъ послѣ картъ, а вы не игрокъ: cherchez la femme! Простите! Я не хочу быть назойливымъ. Но позвольте быть съ вами откровеннымъ. Вы видите, я не могу имѣть на васъ никакихъ денежныхъ видовъ. Совѣтовъ я не имѣю права вамъ давать... но предостереженіе бывалаго петербуржца...

Коробинъ пододвинулъ къ гостю свое кресло и продолжалъ тише звукомъ:

— Нѣкоторый господинъ, извѣстный здѣсь comme le loup blanc, не участвуетъ въ мотивахъ вашей спѣшной нужды въ капиталѣ?

Таманцевъ ничего не отвѣтилъ.

— Я понимаю, графъ, вы не хотите его называть. Да я и не требую. Но я говорю изъ чистаго интереса къ вамъ. Петербургъ въ сущности деревня. Все здѣсь сейчасъ становится... какъ на бульварахъ говорятъ: le secret de polichinelle. Ваше поведеніе въ прошломъ году всѣми порядочными людьми было оцѣнено по достоинству. Нашъ общій съ вами знакомый Баранцевъ передавалъ мнѣ нѣкоторыя подробности.

— Онъ врядъ ли имѣлъ на это право,—замѣтилъ какъ бы про себя Таманцевъ.

— Все вѣдь это уже достояніе исторіи. И все не къ авантажу вашего соперника. И вотъ теперь, если вамъ нужно опять имѣть съ нимъ дѣло, но уже съ другимъ оружіемъ въ рукахъ, я могу быть полезнымъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Не торопитесь, пожалуйста, не торопитесь. Есть возможность заручиться хорошими картами съ очень умѣреннымъ запасомъ денежныхъ знаковъ. И если вамъ угодно, я васъ направлю къ дисконтерамъ, которые не будутъ драть жидовскихъ процентовъ.

Слово „жидовскихъ“ Коробинъ выговорилъ особенно выразительно.

— Виноватъ,—сказалъ Таманцевъ, чувствуя, какъ его начинаетъ поводить отъ этихъ непрошенныхъ изліяній дѣльца,—я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Или не хотите понять, графъ. Уважаю вашу деликатность. Мы не будемъ называть именъ. Словомъ, векселя того барина можно пріобрѣсти по самой ничтожной цѣнѣ. Тутъ и ростовщичество, и карточные долги. Но, чтобы это сдѣлать, надо воспользоваться моментомъ,—вы понимаете меня, графъ?

И голубые глаза спекулятора и любителя женщинъ уставились на гостя, какъ бы договаривая:

„Не слѣдуетъ давать поводъ кредиторамъ Лушкова надѣяться, что онъ получитъ кушъ въ видѣ отступного въ разводѣ, который вамъ такъ нуженъ“.

Сразу стыдливое и гадливое чувство охватило Таманцева.

Стало-быть, все извѣстно уже въ ресторанѣ, гдѣ засѣдаетъ компанія дѣльцовъ и вивёровъ! Пройдетъ еще недѣля, и весь Петербургъ будетъ перебирать на разные лады исторію о разводѣ Кэтъ и рѣшать, дорого или дешево Лушковъ оцѣнитъ свои супружескія права и какъ

онъ „объегоритъ“ дурачка-графа, который, послѣ нелѣпой исторіи прошлой зимы, пріѣхалъ теперь получать „обглодки“ своего соперника, въ видѣ законнаго брака съ бывшей княжной Брянской.

— На этой почвѣ мы не столкуемся, — сказалъ онъ, поднимаясь. — Извините, что побезпокоилъ васъ, — прибавилъ онъ сухо-вѣжливымъ звукомъ.

— Вольному воля, графъ, спасенному—рай!

И глазами Коробинъ добавилъ:

„Тебя хотятъ наставить уму-разуму, а ты брыкаешься! Глупъ же ты, любезный другъ!“

XV.

Кэтъ лежала еще въ постели, когда на ея ночномъ столикѣ бронзовые часики торопливо простучали одиннадцать.

Гардины были спущены, и съ улицы еле проникалъ буро-желтый свѣтъ петербургскаго утра.

Второй день она переживала нѣчто такое, отъ чего то и дѣло ее пронизываетъ дрожь и голова кружится отъ напряженія мысли о ея „положеніи“.

Да, сомнѣнія нѣтъ! Третьяго дня ей вдругъ сдѣлалось нехорошо—тошнота, слабость. И тотчасъ же ей пришелъ вопросъ:

„А если я беременна?“

Она начала кое-что соображать, припоминать изъ послѣдняго времени своей супружеской жизни... И подозрѣнія подтверждались. Это было возможно. Но въ позднѣйшихъ тревогахъ и въ свиданіяхъ съ Таманцевымъ она не замѣтила раньше, что̀ въ ней происходитъ.

Радость быть матерью не успѣла еще проникнуть въ нее, какъ она уже встревожилась—что̀ искренно огорчило ее нѣсколько минутъ спустя.

Лушковъ—отецъ ея будущаго ребенка! Лушковъ! Его права поднимаются. Является такое нежеланное осложненіе.

Чтобы поскорѣе убѣдиться, что „это случилось“, она послала за женщиной-врачомъ, къ которой раза два уже обращалась, съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ.

Та подтвердила ей несомнѣнность ея „положенія“. И оно длится уже около трехъ мѣсяцевъ. Черезъ полгода она будетъ матерью.

Не теряя ни минуты, она сейчасъ же написала Таман-

цеву, что до вечера слѣдующаго дня она проситъ его не пріѣзжать къ ней. Лушкова она спросила депешей, можетъ ли онъ быть у нея сегодня, тотчасъ послѣ завтрака. Онъ отвѣтилъ, что можетъ.

Черезъ два часа она должна имѣть съ нимъ объясненіе; какъ и чѣмъ оно кончится—она не знаетъ. Посовѣтоваться сначала съ Таманцевымъ удерживало ее стыдливое чувство.

Два часа слишкомъ быстро пролетѣли. Кэтъ была — и до своего одинокаго завтрака, и послѣ него — поглощена тѣмъ, какъ она поведетъ объясненіе съ Лушковымъ. Скрыть отъ него было бы всего лучше. Но что же станется съ ребенкомъ? Если ускорить разводъ, онъ можетъ родиться послѣ того, какъ она будетъ называться опять княжной Брянской. А протянуть процессъ, что очень возможно, ребенокъ родится въ законномъ бракѣ. Его отецъ получитъ на него права. Лушковъ способенъ весьма и весьма поиграть на этой струнѣ.

Въ виски ей сильно вступило, въ ушахъ стоялъ звонъ, въ груди ныло. Она была близка къ приступу головокруженія, но сильный звонокъ въ передней заставилъ ее встряхнуться. Она выпила рюмку вина и прошла въ гостиную черезъ будуаръ, гдѣ успѣла оправить прическу и освѣжить лицо пудрой.

Лушковъ сидѣлъ въ позѣ человѣка, пріѣхавшаго съ визитомъ къ молодой, интересной женщинѣ.

Они не видались болѣе двухъ недѣль. Кэтъ не позволила ему поселиться въ ея квартирѣ и дала ему знать, что они не увидятся, прежде чѣмъ условія ихъ развода не будутъ окончательно выяснены. Таманцевъ, не дальше какъ три дня назадъ, передавалъ ей подробности своего разговора съ Лушковымъ, и выборъ адвоката не былъ еще рѣшенъ ими.

Лушковъ подошелъ къ ней маленькими шажками, улыбаясь и протягивая руку, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Comment allez-vous? — спросилъ онъ ее тономъ стараго пріятеля.

И, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:

— Vous savez, comme disent les espagnols: soi à la disposicion de Usted.

По лицу Кэтъ онъ догадался, что она смущена чѣмъ-то особенно.

— Est-ce pour autre chose? — спросилъ онъ, не договаривая своей фразы.

Кэтъ только наполовину овладѣла собой.

Лучше было сразу рѣзнуть по живому мѣсту.

— Voilà de quoi il s'agit, — выговорила она строго, съ опущенными глазами.

Черезъ двѣ минуты онъ уже зналъ, въ чемъ дѣло.

Это вызвало румянецъ на его помятое лицо. Онъ развелъ руками и обронилъ свой любимый возгласъ:

— Dame!

Въ такомъ человѣкѣ трудно было ожидать внезапной радости отъ того только, что онъ отецъ.

— Qu'en dites vous? — спросила помягче Кэтъ, и въ тонѣ ея вопроса звучала полная увѣренность въ томъ, что мужъ ея даже и не заикнется: его ли ребенокъ, или нѣтъ.

Лушковъ понялъ это. Онъ наклонилъ голову и сжалъ губы. Его взъерошенные усы пришли въ движеніе.

— A la disposicion de Usted, — повторилъ онъ, впадая опять въ шутливый тонъ.

Легкимъ пожиманіемъ своихъ женоподобныхъ плечъ онъ показалъ, что не его дѣло рѣшать что-нибудь, а ея.

— Si cela vous gêne, — началъ онъ, помолчавъ, — eh bien!..

И жестомъ правой руки онъ далъ ей понять, что отъ нея зависитъ освободить себя отъ такой обузы.

Кэтъ вся покраснѣла и встала съ мѣста на диванѣ.

— Jamais!—выговорила она твердо.

— C'est très crâne de votre part,—сказалъ Лушковъ и не остался сидѣть, видя, что она заходила по гостиной.

Его поведеніе удивляло Кэтъ. Онъ хоть и въ фатоватомъ тонѣ, но держался безукоризненно. Не онъ, а она должна говорить, предлагать или просить. „Требовать“ она ничего не имѣла права.

Безъ большой суммы денегъ не обойдется ея разводъ; а теперь, съ такой „подробностью“, сумма эта можетъ еще подняться. Она готова на все, только бы не быть его женой. Но теперь не она одна завязана въ это, а и новое существо, которое уже живетъ въ ней и черезъ шесть мѣсяцевъ явится на свѣтъ.

— Ecoutez, — сказала она и пригласила его опять на диванчикъ, гдѣ они очутились ближе другъ къ другу.

У нея достало духу свободно, вѣско, безъ нервности

выразить то, что, какъ ясный выводъ, она еще не сознавала до его прихода.

Онъ—отецъ, и ихъ ребенокъ долженъ имѣть имя и права. Сдѣлать это нельзя иначе, какъ продливъ разводъ до ея родовъ. Но она должна знать, какъ онъ поведетъ себя. Не признать ребенка онъ не можетъ; но откажется ли онъ отъ всякихъ притязаній, оставитъ ли онъ этого ребенка матери?

Лушковъ съ серьезной миной выслушалъ ее; но, вставая, выговорилъ опять свою испанскую фразу:

— A la disposicion de Usted.

Она поняла, что ему хотѣлось показать ей, какой онъ высокопробный „гидальго“. Разъ онъ согласенъ на разводъ, остальное—„детали“, и между порядочными людьми всегда возможно умное соглашеніе.

И, оглянувъ гостиную, онъ сказалъ тономъ благодушнаго мужа:

— Et en attendant... vous pourriez, madame, partager à l'amiable nos bibelots! Pas aujourd'hui!

Онъ пожалъ женѣ руку и, выходя, бросилъ ей игривый взглядъ въ дверяхъ гостиной.

XVI.

Съ тревогой въ груди поднимался Таманцевъ на площадку бельэтажа. Швейцаръ снизу позвонилъ въ квартиру Лушковыхъ.

Таманцевъ зналъ, что Кэтъ ждетъ его. Но почему два дня она не желала его видѣть? Что случилось? Въ ея двухъ депешахъ не было ни одного лишняго слова.

Лакей отворилъ ему съ почтительнымъ поклономъ, какъ-то особенно парадно.

— Катерина Денисовна несовсѣмъ здорова?—тихо спросилъ Таманцевъ въ передней.

— Никакъ нѣтъ-съ. Онѣ въ угловой. Пожалуйте.

Въ Таманцевѣ сегодня разыгралось чувство сомнѣнія, но не въ себѣ. Онъ готовъ на всякія жертвы. Въ себѣ онъ увѣренъ, и ни одинъ расхолаживающій вопросъ не прокрался въ его душу съ того вечера, когда Кэтъ заговорила съ нимъ какъ съ близкимъ человѣкомъ.

Но кто знаетъ? Вдругъ все разлетится? Развѣ съ теперешними женщинами не все возможно? Прежде, у поколѣнія ихъ матерей, были вѣрованія, традиціи. „Elles avaient du bleu“, какъ та же Кэтъ повторяла, скептически

усмѣхаясь, чуть не съ пятнадцати лѣтъ. И это „bleu“ замѣняло часто болѣе твердые принципы, придавало стойкость и упругость порывамъ сердца или протестамъ женскаго оскорбленнаго достоинства.

Тишина квартиры, коверъ гостиной, глушившій его шаги, поддерживали его жуткое настроеніе. Онъ даже остановился передъ входомъ въ кабинетикъ Кэтъ.

— Это вы, André?—раздался ея голосъ.

Онъ показался Таманцеву совсѣмъ не тѣмъ, какимъ она въ послѣдній разъ говорила съ нимъ.

— Это я... Можно войти?

— Пожалуйста, André.

Возгласъ былъ оживленнѣе, чѣмъ первый окликъ.

Кэтъ поднялась съ дивана и пошла къ нему, протягивая, по обыкновенію, обѣ руки.

Онъ медленно поцѣловалъ ихъ одну за другой.

Его взгляда она точно избѣгала, и въ ея пожатіи чувствовалась нервность.

— Здоровы? — спросилъ онъ, садясь съ ней на тотъ самый узенькій диванъ, гдѣ утромъ она сидѣла съ мужемъ.

— Здорова.

Онъ хотѣлъ спросить: „въ чемъ же дѣло“, но побоялся быть слишкомъ стремительнымъ и безъ нужды смутить ее.

Кэтъ, не освобождая своей руки, подняла рѣсницы и, глядя черезъ его плечо, выговорила чуть слышно:

— Il y a du nouveau.

Какъ она ни готовилась къ этому объясненію, съ губъ не сходили тѣ два-три слова, по-русски или по-французски, которыя въ одинъ мигъ все откроютъ.

Сегодня, послѣ ухода Лушкова, она, въ первые два часа, была настроена смѣло и мирилась съ тѣмъ, что разводъ будетъ продленъ на полгода. Ее не смущало то, что̀ можетъ произойти послѣ того, какъ она произведетъ на свѣтъ своего ребенка и очутится опять княжной Брянской. Она вѣрила въ то, что все сдѣлается такъ, какъ она рѣшитъ. Но чѣмъ ближе подходило къ минутѣ, когда войдетъ Таманцевъ, тѣмъ ей становилось жутче.

Ребенокъ—Лушкова! И она беременна всего три мѣсяца. Стыдъ все усиливался. И, кромѣ стыда, страхъ потерять того, кто ее такъ любитъ.

До сихъ поръ она въ своихъ самыхъ тайныхъ мысляхъ не разсчитывала на то, что André непремѣнно поведетъ

ее къ алтарю. Но въ ней жило уже прочное чувство того, что они не разстанутся, что около нея *всегда* будетъ Таманцевъ. Ея тугая на нѣжность натура распустилась. Лишиться прелестнаго воздуха сердечности и душевной граціи, который обволакиваетъ ее—было бы жестоко.

Когда раздался звонокъ Таманцева, сердце у ней такъ застучало, что она боялась упасть въ обморокъ, и это показало ей самой, какъ Таманцевъ сталъ ей дорогъ.

— André,— погромче заговорила Кэтъ,— вы услышите нѣчто такое...

Ей трудно было докончить по-русски.

— Une énormité... quoi! — точно съ сердцемъ вымолвила она.

— Une énormité? — повторилъ онъ и замигалъ. — Что-нибудь... отъ него... отъ Лушкова?

Они оба такъ называли его по фамиліи, съ особенными интонаціями голоса.

— Да и нѣтъ!

Собственный голосъ показался ей фальшивымъ. Постыдно было для нея, гордой Кэтъ, выказывать такое малодушіе.

Да и нервы не выдержатъ. Она почти судорожно схватила его за плечо, голова склонилась, другой рукой она прикрыла себѣ глаза.

— Je suis enceinte,—прошептала она и заплакала тихо, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Таманцева что-то точно ударило. Кэтъ почти у него въ объятіяхъ, и это не заставило закипѣть его кровь, онъ не сталъ душить ее ласками или утѣшать горячими страстными рѣчами.

Нѣсколько секундъ это было настоящее онѣмѣніе всего его организма.

И такъ же быстро это онѣмѣніе исчезло. Около него страдало существо, сдѣлавшееся ему вдругъ еще дороже.

— Quelle horreur! Et que je suis lâche!

Кэтъ отняла голову отъ его плеча, выпрямилась, отерла слезы и, не глядя ему въ глаза, заговорила совсѣмъ другимъ голосомъ, значительно строго:

— Я во всемъ виню себя. Мнѣ стыдно...—она не досказала: „передъ вами“. — Вы въ правѣ, мой другъ, бросить вашу пріятельницу. Пускай она выкарабкается сама.

Это слово „выкарабкается“ Кэтъ произнесла съ оттѣнкомъ иронiи, обращенной къ самой себѣ.

Онъ взялъ обѣ ея руки и сталъ цѣловать, часто-часто, и такъ порывисто, что она вся просіяла и подняла голову, уже ища его взгляда.

— Какой вы...

Слезы опять стали душить ее, но она поборола ихъ.

— И что же теперь? — упавшимъ голосомъ спросилъ Таманцевъ, боясь, въ свою очередь, поглядѣть ей въ глаза.—Неужели?..

Лишиться ея! эта возможность ужаснула его, какъ что-то хуже смерти, хуже всего...

— Ecoutez-moi, André...

По-русски она какъ бы не рѣшалась продолжать.

И, оставляя свои прозрачныя руки въ его рукахъ, она повторила ему, въ другихъ выраженіяхъ, то, что уже сказала Лушкову. Разводъ долженъ быть замедленъ, но онъ будетъ. Она обязана это сдѣлать для ребенка. Его отецъ—Лушковъ, и онъ долженъ носить имя отца.

Съ первыхъ ея словъ лицо Таманцева обличало невыносимую боль. Это было для него что-то такое же страшное, какъ сразу и навсегда лишиться ея. Онъ не смогъ дослушать ея послѣднихъ доводовъ, которые она выговорила уже тономъ безповоротнаго рѣшенія.

— Нѣтъ! — почти крикнулъ онъ, однимъ порывомъ привлекая ее, крѣпко обнялъ за талію, потомъ за плечи и, не смѣя еще цѣловать, прижался головой къ ея плечу и зарыдалъ.

Она не защищалась. Ни одного звука не издали ея вздрагивающія губы. Его беззавѣтная страсть обожгла ее, и за этимъ обжогомъ разлилось по всему ея существу ощущеніе невыразимой отрады.

— André! André!—повторяла она.—Не плачьте! Умоляю! Зачѣмъ? Развѣ я не ваша?—вырвался у нея вопросъ, и когда онъ прозвучалъ, то ей показалось, что кто-то за нее выговорилъ это.

— Не надо! не надо! Онъ—мой...—съ трудомъ выговорилъ Таманцевъ.

Но ей такъ ясно было значеніе этихъ безсвязныхъ, почти безсмысленныхъ словъ. „Онъ“—его, графа Таманцева, только бы не тянулся разводъ и она была бы свободна. Сейчасъ готовъ онъ назвать ее женой.

Кэтъ схватила его голову, первая ища его поцѣлуя.

XVII.

И Клавдіи, и гостю ея, Таманцеву, хотѣлось остаться однимъ. Они одинаково тяготились засидѣвшейся Ветлугиной.

Все, что̀ та говорила, они оба находили ненужнымъ и незанимательнымъ, а тонъ ея давно уже раздражалъ Клавдію. У Ветлугиной чередовались постоянно три темы: „умственное франтовство“, чѣмъ она попрекала Глафиру, огромный талантъ Малышева и мазурничество издателей журналовъ и газетъ, которыхъ надо нещадно „обдирать“.

Сейчасъ она выпытывала у Таманцева его мнѣніе о Малышевѣ и осталась недовольна.

— Вы всѣ здѣсь, господа,—почти крикнула она,—пропитаны духомъ просвѣтительства! Вамъ нужна слащавая мораль, а не настоящая смѣлость писательства, вотъ такая, какъ у Вячеслава Кузьмича. Это все Шпильгагены да Джоржи Элліоты надѣлали! И такія кислосладкія моралистки, какъ госпожа Андре Лео̀.

— Какая такая?—откликнулась Клавдія.

— Вотъ видите! Вы про нее и забыли. Да она и не сто̀итъ памяти. А лѣтъ не больше двадцати, и даже пятнадцати, какъ ею зачитывались! Въ засосъ! Это все равно, какъ слава одной нашей сентиментальщицы, увлекшей когда-то самого Ивана Сергѣевича...

Таманцевъ посмотрѣлъ на часы, и они переглянулись съ Клавдіей.

— Глафира Спиридоновна скоро возвратится?—вполголоса спросилъ онъ.

— Ну-съ,—остановила себя Ветлугина,—вамъ, кажется, господа, нужно интимно переговорить. Не буду мѣшать. Клавдія Спиридоновна, скажите Глафирѣ, что послѣзавтра засѣданіе и я читаю свой рефератъ. Если желаетъ, я могу ей дать прочесть наканунѣ. Да возражать врядъ ли она станетъ. Для нея это тарабарская грамота. Прощайте!

Не подавая никому руки, она вышла.

Клавдія обмѣнялась улыбкой съ своимъ гостѐмъ.

— Очень она насъ подавляетъ съ Гланей,—вполголоса выговорила Клавдія.

Ей Ветлугина была и потому еще несимпатична, что она сама, манерами и тономъ, боялась смахивать на нее.

— Глафира Спиридоновна уѣхала на цѣлый день?—еще разъ освѣдомился Таманцевъ.

Клавдія уже знала, изъ его депеши, полученной утромъ, что онъ желалъ бы переговорить съ ней „по дѣлу". Сестра ея уѣхала сегодня съ ранняго утра.

— Гланя раньше обѣда не будетъ. Да вѣдь она намъ бы не помѣшала, графъ.

Таманцевъ ничего не сказалъ на это. И Клавдія тутъ же поняла, что ему не совсѣмъ ловко было бы говорить съ ней подробно при Глафирѣ.

— Я къ вамъ за совѣтомъ, Клавдія Спиридоновна,— началъ Таманцевъ, присаживаясь къ ней поближе.

— Всегда всей душой, Андрей Павловичъ, и всѣмъ своимъ умишкомъ.

— Ну, это зачѣмъ же, Клавдія Спиридоновна?! Ума у васъ палата.

Она только тряхнула своими короткими волосами.

— Видите,—голосъ его сталъ вибрировать,—пришелъ рѣшительный моментъ въ моей личной жизни...

Онъ опустилъ голову и какъ будто слегка покраснѣлъ.

— Вы женитесь? — спросила быстро Клавдія; она не смогла воздержаться отъ этого вопроса.

— Не сейчасъ,—отвѣтилъ Таманцевъ.—Предстоятъ еще всякія мытарства. Но что же дѣлать, Клавдія Спиридоновна?! Я—однолюбъ.

— Да?—полувопросительно выговорила Клавдія.

— Это, кажется, Тургеневъ сказалъ про себя въ письмѣ къ какому-то пріятелю. Онъ такъ называлъ себя уже пожилымъ, почти старымъ человѣкомъ, а мнѣ всего тридцать лѣтъ.

— И за себя ручаться нельзя?..—тихо спросила Клавдія.

— Мнѣ кажется, что я — настоящій однолюбъ. Я въ этомъ убѣждаюсь именно теперь. Вѣдь меня хоть и считаютъ, у насъ въ уѣздѣ, чуть не божьей коровкой, а во мнѣ довольно гордости и самолюбія, и обидчивъ я былъ всегда, и задоренъ... И вотъ, въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, здѣсь, въ этомъ милѣйшемъ Петербургѣ, я прошелъ черезъ многія вещи, для меня очень тяжкія и прямо противныя...

Ему самому было въ диковину, что онъ такъ говоритъ съ ней. Значитъ, въ немъ самомъ слишкомъ назрѣла потребность изліяній. Она его пойметъ. И съ ней ему гораздо легче, чѣмъ было бы съ Глафирой.

„Женится, уйдетъ“,—повторяла про себя Клавдія, и ея крупный ротъ поводила двойственная усмѣшка.

Да, онъ уходитъ отъ нихъ обѣихъ, даже если и будетъ жить съ женой въ деревнѣ. Она сразу поняла его. Ему пришлось пройти черезъ противныя вещи. Тутъ, навѣрно, разводъ, хлопоты, неопрятные переговоры. Его гордость и чопорность смирились, потому что онъ опять охваченъ страстью.

„Гланя моя, Гланя!—продолжала скорбно думать Клавдія. — Простись съ своей дѣвичьей сухотой. Не знать тебѣ того, чѣмъ онъ теперь преисполненъ... И ты тоже однолюбка“.

— И что же, — заговорила Клавдія тронутымъ звукомъ,—вы ничего не боитесь?

— Ничего, Клавдія Спиридоновна.

— И... васъ любятъ? — тономъ полувопроса обронила она.

— Знаете,—нервнѣе сказалъ онъ, и въ глазахъ его зажглись огоньки,—это что-то стихійное! Если бъ даже... и не добился я полнаго отклика на свое чувство, и тогда я бы отдалъ себя всего...

— Понимаю,—протянула Клавдія и, чтобы не измѣнить себѣ выраженіемъ лица, отвернула голову.

— Жизнь—такая грубая вещь, — говорилъ Таманцевъ, опять опустивъ голову. — И мнѣ именно теперь надо ломать голову надъ разными комбинаціями. Вотъ по этой-то части я и хочу васъ побезпокоить.

„Ужли будетъ денегъ просить?“—пронизало Клавдію, и она возбужденно оглянула Таманцева.

На деньги она прижимиста. Тутъ запахнетъ не однимъ десяткомъ тысячъ. Конечно, не обойдется безъ круглой суммы для устраненія того „чàдушки“, за которымъ еще пока замужемъ его „разлàпушка“, не безъ злобности назвала она мысленно.

И въ то же время стало ей неловко и за него. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, будетъ онъ просить денегъ у нихъ? Вѣдь Глафира владѣетъ капиталомъ нераздѣльно съ нею. Распорядиться частью этого капитала, не сказавъ Глафирѣ, она не можетъ. Та такая, что способна будетъ— изъ одного того, чтобы лишній разъ доказать свою любовь — предложить ему свою долю безъ всякихъ процентовъ.

Щеки Клавдіи измѣнили окраску, и она замолчала,

точно боясь какъ-нибудь проговориться. Купеческая осторожность сейчасъ же овладѣла ею.

Таманцевъ началъ очень просто, безъ малѣйшаго волненія, соображать вслухъ, что̀ всего толковѣе и выгоднѣе было бы произвести съ имѣніемъ, на которомъ тяготѣетъ долгъ банку, хотя и не очень значительный. Продать ли теперь часть лѣса, съ переводомъ долга? Или искать покупщика на двѣ пустоши, на которыхъ нѣтъ долга?

По мѣрѣ того, какъ онъ излагалъ свои соображенія, въ Клавдіи началась другая тревога. Хозяйка-пріобрѣтательница заговорила въ ней. Пріобрѣсть часть лѣса было бы превосходнымъ прирѣзкомъ къ ея лѣсной дачѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщается ея конскій заводъ. И одна изъ пустошей—та, что сдана крестьянамъ на короткій срокъ. Ясное дѣло—деньги ему нужны „до зарѣзу“. Не дешевой цѣной достанется ему его великосвѣтская „краля“. Онъ пойдетъ на то, что̀ ему предложишь, а больше того, какія есть цѣны у нихъ, она не дастъ ни рубля.

Безъ Глафиры она не можетъ этого рѣшить. Она всему дѣлу голова—это точно; но у нихъ все ведется на началахъ самой строгой порядочности и равноправія.

Послѣ быстрой вспышки хозяйскаго чувства, Клавдія тотчасъ же застыдилась. Положимъ, этотъ титулованный баринъ разбилъ всю жизнь ея сестры — ея дорогого и единственнаго „чàда“. Но сама-то Глафира, развѣ она способна воспользоваться его тисками? Обратись онъ къ ней — она бы, навѣрно, стала отговаривать его лишаться лѣса и пустошей и предложила бы ему капиталъ на самыхъ „христіанскихъ“ условіяхъ. Клавдія знала свою Гланю.

Подумавъ, она приложила указательный палецъ къ щекѣ и заговорила значительно, тономъ искренней пріятельницы:

— Нѣтъ, графъ, продавать ни лѣса, ни пустошей не слѣдуетъ.

— Если потому, что это проволочка, то вы правы.

— Вамъ деньги нужны къ спѣху?

— Никакихъ еще обязательствъ нѣтъ, но надо имѣть капиталъ черезъ мѣсяцъ, много черезъ два.

— Въ такой срокъ продать безъ огромнаго убытка немыслимо.

Таманцевъ посмотрѣлъ на нее съ особеннымъ выраже-

ніемъ, какъ бы хотѣлъ спросить: „А вы? Развѣ вамъ самимъ не нужны ни лѣсъ, ни пустошь?“

— Нѣтъ, не продавайте!—вскричала она и, испытывая новый приливъ неловкости, заходила по комнатѣ.

— Заложить трудно... Пришлось бы по второй закладной, а свободныя отъ долга пустоши—заочно; отсюда еще бóльшая предстоитъ проволочка...

Онъ не прибавилъ, что подъ вторую закладную дома не легко добыть сумму; да и продать его—не сразу найдешь покупщика.

О домѣ—Клавдіи не пришло на умъ. Кажется, она и не знала доподлинно, есть ли у него собственный домъ въ Петербургѣ.

XVIII.

— Вотъ и я!—раздался въ передней голосъ Глафиры.

— Такъ скоро? — окликнула ее Клавдія, подойдя къ перегородкѣ.

— И графъ здѣсь?—спросила Глафира, торопливо входя, съ порозовѣлыми щеками.—Андрей Павловичъ! Какъ я рада, что захватила васъ здѣсь. Вы къ кому пріѣхали? Къ Клавдинькѣ?

Весело-возбужденный тонъ ея показался сестрѣ неестественнымъ. Она хотѣла сразу показать Таманцеву, что можно съ ней говорить о самыхъ интимныхъ вещахъ.

— Мы съ Клавдіей Спиридоновной были въ дѣловомъ совѣщаніи, — сказалъ Таманцевъ, крѣпко пожимая руку Глафиры.—Но оно кончилось.

— Вы еще посидите, графъ? — спросила за сестру Клавдія.

— Немножко. Знаете, здѣсь весь день раздѣленъ на клѣточки. И все по часамъ. И всюду надо поспѣвать.

— Я точно васъ гоню!—замѣтила шутливо Глафира.

На лицѣ сестры она ничего не могла разглядѣть. И Таманцевъ сказалъ сейчасъ про дѣловое совѣщаніе совсѣмъ простымъ тономъ.

— Нисколько не гоните, Глафира Спиридоновна. Но черезъ десять минутъ я долженъ бѣжать.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на часы.

— Когда же мы васъ заполучимъ, графъ, какъ-нибудь вечеркомъ?—спросила Клавдія.

— На той недѣлѣ непремѣнно. Позвольте мнѣ васъ извѣстить наканунѣ депешей.

Онъ протянулъ руку Глафирѣ, пріятельскимъ жестомъ отвелъ ее къ дивану и посадилъ. И тотчасъ заговорилъ о ея планахъ и занятіяхъ.

— Стало, это рѣшено? Будете докторомъ?—выговорилъ Таманцевъ полушутливо.

— Усиленно зубритъ греческіе глаголы,—отвѣтила Клавдія за сестру.

— Останетесь здѣсь до лѣта или хотите за границу?

— Если вопросъ о курсахъ будетъ рѣшенъ отрицательно, я поѣду въ Бернъ или Парижъ — я еще не рѣшила, но во всякомъ случаѣ поѣду,— сказала Глафира, избѣгая его взгляда.

Она уже вполнѣ овладѣла собою. Голосъ, лицо, движенія Таманцева,—все говорило ей о томъ, что онъ любитъ и любимъ. Но если бъ онъ даже сталъ съ-глазу-на-глазъ изливаться ей о своемъ счастьѣ, она себѣ не измѣнитъ.

Счастливъ ли онъ? Почему-то ей стало жаль его, нелицемѣрно жаль, и не изъ чувства женскаго злорадства, не потому, что она готова напророчить ему новую бѣду.

Десять минутъ пролетѣли. Таманцевъ всталъ и опять пожалъ ей руку. И во взглядѣ его было что-то такое особенно доброе и сочувственное.

Если бы она взяла его подъ руку, увела бы къ себѣ въ комнату и начала бы разспрашивать обо всемъ, и онъ бы остался, и все было бы попрежнему, какъ въ Колчановкѣ, годъ тому назадъ...

— Когда же? — замедленно выговорила она и быстро подняла рѣсницы.

— Назначьте сами вечеръ... на будущей недѣлѣ.

— Безъ обмана, графъ?—спросила его Клавдія, провожая его вмѣстѣ съ сестрой до дверей.

— Безъ обмана!—весело откликнулся онъ и, берясь за ручку двери, тономъ пріятеля сказалъ: — Пожалуйста, не провожайте меня... въ коридорѣ свѣжо... простудитесь.

Клавдія, войдя въ гостиную, не сразу заговорила. Она что-то начала искать на столѣ, гдѣ лежало нѣсколько книгъ.

— Послушай,—окликнула ее Глафира, присаживаясь на край дивана.—Клавдинька!..

— А что?

— Это не секретъ—какой вы съ нимъ разговоръ имѣли?

Глафирѣ было не совсѣмъ пріятно, что она первая сдѣлала этотъ вопросъ; но сестра ея какъ будто стѣснялась.

— Ничего не секретъ. А очень мнѣ его жаль. Обчистятъ они его, какъ луковку.

— Кто они?

— Да предметъ его страсти и ея муженекъ.

— Ахъ, Клавдинька,—нервно перебила Глафира, — зачѣмъ такъ рѣзко? Ну, поди сюда, сядь, скажи мнѣ, если это не секретъ.

— Да что, Гланя, — Клавдія присѣла къ ней, — онъ, дѣйствительно, пріѣзжалъ посовѣтоваться со мною. Ему, вынь да положь, нужна сумма въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Рѣшается продать часть лѣса и двѣ пустоши или заложить.

— И онъ... обратился къ тебѣ?

— То-есть, какъ ко мнѣ?..

— Ну, да... Не войдешь ли ты въ такую комбинацію?..

Клавдія быстро перебила:

— Ничего такого онъ не говорилъ! А только просилъ совѣта. Я ему сказала, что разставаться съ лѣсомъ и съ пустошами — безуміе... Продать ихъ надо за безцѣнокъ. Пустоши онъ можетъ заложить въ банкъ; но на это нужно время, а ему—подъ обухъ!

Въ тонѣ сестры Глафира чуяла что-то двойственное.

Она тоже встала, подошла къ Клавдіи, взяла ее за талію и прижалась къ ней.

— Клавдинька... жаль его. Но не можетъ быть, чтобы онъ ничего тебѣ не говорилъ о ней... о своей любви... А?

Глубокіе глаза ея уставились на лицо сестры.

— Говорилъ... Называлъ себя однолюбомъ.

— Однолюбомъ? Это тургеневское слово.

— Вотъ и онъ вспомнилъ. Самъ признается: какъ тамъ ему ни придется горько впослѣдствіи, онъ не можетъ вырвать этой привязанности.

— Не можетъ, — чуть слышно повторила Глафира, не отнимая головы отъ плеча сестры.

— Все это превосходно, но зачѣмъ же въ петлю лѣзть, за безцѣнокъ все спускать?

— Ты такъ ему и сказала?

— Такъ и сказала.

— А сама... ты... Развѣ мы не могли бы?

Глафира не досказала.

— Что? — быстро и съ нервнымъ движеніемъ головы спросила Клавдія и повернулась такъ, что Глафира отве-

ла голову отъ ея плеча, и, держа ее за талію, прошлась съ нею взадъ и впередъ по комнатѣ.

Щеки ея блѣднѣли и въ глазахъ волненіе сказывалось въ частомъ миганіи. Клавдія бокомъ взглянула на нее и стала ждать того, о чемъ она уже подумала во время разговора съ Таманцевымъ.

— Клавдинька, — начала Глафира, сдерживая себя.— Онъ обратился къ тебѣ... Къ намъ обѣимъ. Только деликатность заставила его говорить исключительно съ тобой. Я не отрицаю, онъ хотѣлъ слышать твой совѣтъ. Но не такъ же онъ неловокъ и несвѣдущъ въ дѣлахъ,—могъ и самъ сообразить, что лишаться части состоянія за безцѣнокъ—безуміе... по крайней мѣрѣ, для каждаго хозяина, и для тебя, для первой.

— А для тебя?—съ усмѣшкой спросила Клавдія.

— Я на его мѣстѣ поступила бы совершенно такъ же. Ну, да, онъ — однолюбъ... Что жъ изъ того, что та женщина его не стоитъ? Развѣ можно резонировать, когда любишь?

— Никто и не осуждаетъ его, Гланя. Жаль только.

— А если жаль, то мы должны показать себя достойными его довѣрія и дружбы,—выговорила Глафира, какъ бы нарочно торжественнымъ тономъ, чтобы сдержать свое нервное возбужденіе.—Мы должны сдѣлать это! — повторила она горячѣе и опять обняла сестру.

— Это щекотливо.

— Почему?—почти строго спросила Глафира и остановилась посреди комнаты, положивъ обѣ руки на плечи сестры.—Почему, Клавдинька? Я мало смыслю въ дѣлахъ, но для меня это ясно, какъ день. Продать [illegible] и лѣсъ нельзя въ одну, двѣ недѣли; заложить въ банкѣ — точно такъ же. Сдѣлать частный заемъ здѣсь, въ Петербургѣ, подъ закладную — надо заплатить возмутительные проценты. Мы должны выручить его.

„Такъ я и знала!“—вскричала про себя Клавдія.

— Предложить ему,—сказала она дѣловымъ звукомъ,— довольно-таки щекотливо, Гланя. Онъ можетъ подумать, что я подбираюсь къ его пустошамъ и хочу затянуть его крупнымъ займомъ.

— Ничего такого онъ не подумаетъ! И закладной не надо...

— Какъ не надо? — строже и тревожнѣе спросила Клавдія.

— Такъ. Дадимъ ему... я не знаю, какъ тамъ... на вексель, что ли... Если тебѣ нужно на другое — у меня деньги все равно такъ лежатъ.

— Гланя! — выговорила Клавдія тономъ матери и покачала головой.—Гланя!.. Ты хочешь удивить его великодушіемъ.

— Хочу выручить друга! Ничего больше! — радостно вскричала Глафира и стала цѣловать сестру.

XIX.

Въ каминѣ потрескивалъ коксъ и тепломъ его пригрѣвало спину Таманцева, согнувшагося надъ письменнымъ столомъ. Свѣта было еще достаточно, чтобы написать письмо. Только что пробило два.

Таманцевъ кончалъ письма въ деревню, къ кандидату въ предводители. Не найдетъ ли тотъ случай позондировать немного Кувшинкова насчетъ одной изъ пустошей. Ему купить ее было бы очень на-руку, не меньше, чѣмъ Клавдіи Спиридоновнѣ.

Послѣ вчерашняго дѣлового разговора со старшей Колчановой онъ въ такомъ же спутанномъ настроеніи. Надо „реализировать“ сумму, а какъ это сдѣлать скоро, въ какой-нибудь мѣсяцъ—онъ не видѣлъ.

Когда онъ ѣхалъ къ Клавдіи, у него не было тайнаго расчета предложить ей самой купить у него часть лѣса или одну изъ пустошей... Дать подъ залогъ—быть-можетъ.

Она и отъ того, и отъ другого уклонилась. Разумѣется, если онъ намекнетъ ей вотъ теперь, не можетъ ли она выручить его, ссудить его подъ залогъ пустошей — она это сдѣлаетъ.

Сама—врядъ ли. Хоть ей деньги и не нужны (навѣрно, у обѣихъ сестеръ большой запасный капиталъ), но Клавдія прижимиста. Если бы она согласилась дать ему денегъ подъ закладную, то тутъ не обошлось бы безъ вліянія Глафиры.

Это его смущало. И вчера, когда онъ возвращался отъ нихъ, ему вдругъ стало такъ совѣстно, что онъ покраснѣлъ. Вѣроятно, Глафира знаетъ уже, за какимъ совѣтомъ онъ пріѣзжалъ къ сестрѣ.

Неужели онъ такъ огрубѣетъ подъ натискомъ нужды въ деньгахъ, что у него пройдетъ всякая деликатность, и онъ кончитъ тѣмъ, что̀ будетъ „клянчить“ у сестеръ Колчановыхъ?

Эта мысль заставила его безпокойно задвигаться на

жесткомъ дубовомъ креслѣ. Онъ не высидѣлъ, отложилъ письмо, не задѣлавъ его въ конвертъ, и сталъ ходить по кабинету.

Опять онъ въ чаду, какъ и годъ назадъ. Его воля точно онѣмѣла — для всего, что не Кэтъ, не желанный исходъ всей исторіи.

Да, это—„исторія“, и на взглядъ очень многихъ довольно-таки неопрятная. А что еще предстоитъ дальше? Вотъ надо искать адвоката по бракоразводнымъ дѣламъ. Кэтъ до сихъ поръ сама объ этомъ не позаботилась. Такое дѣло неразлучно съ грязью. Надо нанимать свидѣтелей, дѣлать обстановку супружеской невѣрности. Онъ никогда ни къ чему подобному не прикасался и даже въ воображеніи не представлялъ себѣ подробностей настоящаго развода, гдѣ одна изъ сторонъ добровольно беретъ на себя вину. А даже Петюня Долговъ знаетъ это и разсказывалъ ему на-дняхъ двѣ бракоразводныхъ исторіи. Это будетъ стоить не одну тысячу, если скрутить въ одинъ мѣсяцъ, а скрутить необходимо.

Положеніе Кэтъ требуетъ этого. Она еще вчера повторяла ему, что она не пожалѣетъ никакихъ средствъ на расходы; но она гораздо бѣднѣе его. Половину ея состоянія прожилъ Лушковъ, подъ остальное придется искать займа въ частныхъ рукахъ. Онъ по себѣ видитъ, какъ это легко, а у него есть недвижимая собственность, на виду у всѣхъ—хорошій домъ.

Голова его еще томительно работала, какъ вдругъ все въ одинъ мигъ соскочило съ него. Теперь Кэтъ любитъ его. Она—совсѣмъ другое существо. Такая трепетная и обаятельная! Не въ ослѣпленіи страсти вызвался онъ быть отцомъ ея ребенка. Онъ плакалъ отъ радости. Въ тѣхъ поръ прошло нѣсколько дней. И войди сейчасъ Кэтъ — онъ кинется къ ней и готовъ будетъ, безъ счету разъ, повторять тѣ же безумныя слова. Въ своихъ мечтахъ о ней онъ чистъ. Не близость обладанія трясетъ его, какъ лихорадка, а болѣе беззавѣтное чувство, почти болѣзненная потребность идти на всякую жертву.

Чѣмъ же смущаться, разъ ея сердце заговорило и она готова уйти съ нимъ изъ той жизни, гдѣ она очутилась женой Лушкова? Все пройдетъ: разводъ, денежныя хлопоты, дрязги, неопрятныя житейскія подробности. И настанетъ та минута, когда они съ Кэтъ забудутъ о существованіи

какого-то жалкаго снобса, продавшаго свои права мужа за нѣкоторую крупную сумму.

— Графъ, здравствуйте!

Таманцевъ такъ ушелъ въ себя, что не слыхалъ ни звонка въ передней, ни шаговъ гостя.

Петя Долговъ протягивалъ ему руку, розовый съ холода и въ первый разъ у Таманцева въ вицмундирѣ.

— А! Петюня! Поздравляю! На государственной службѣ! Когда поступилъ?

— На прошлой недѣлѣ.

— Куда?

— Въ Совѣтъ. Maman желала, чтобы я служилъ въ Маріинскомъ дворцѣ.

Личико Пети немного нахмурилось, и онъ сталъ говорить тономъ солиднаго петербуржца.

— Служба прекрасная. Въ родѣ какъ редакціонная. Буду составлять записки. Можно сейчасъ же показать и слогъ, и подготовку. Почти никакого формализма. Знаешь только своего... son chef hiérarchique.

— И вакаціи большія?—добавилъ Таманцевъ.

— Около четырехъ мѣсяцевъ.

Мѣняя тонъ, Долговъ остановился—они оба ходили по комнатѣ—и вполголоса спросилъ:

— Вы никуда не торопитесь, Андрей Павловичъ?

— Никуда особенно. А что такое?

По улыбкѣ Пети Таманцевъ могъ подумать:

„Ты опять съ какимъ-нибудь конфиденціальнымъ соображеніемъ?“

— На этотъ разъ... не бойтесь. Я не разстрою васъ ничѣмъ. Напротивъ. Вы позволите присѣсть?

Они сѣли другъ противъ друга у камина.

Петя зналъ, что Таманцевъ ищетъ покупщика на домъ. И насчетъ своего имѣнія онъ съ нимъ говорилъ на-дняхъ.

— Вы отъ меня еще не слыхали, графъ,—началъ Петя все еще вполголоса,—maman настолько поправилась, что хочетъ вернуться сюда.

— Надолго?

— Навсегда, если здоровье позволитъ. Будетъ проводить два-три зимнихъ мѣсяца на югѣ—безъ этого не обойдется, но устроиться хочетъ здѣсь. Ей очень тоскливо. Теперь я на службѣ. Полной свободы переѣздовъ у меня не будетъ. Kurz und gut, графъ... Maman надумала продать свое нижегородское имѣніе и купить въ Петербургѣ домъ.

Таманцевъ вопросительно взглянулъ на Петю.

— Когда она мнѣ это написала, я сейчасъ же закричалъ: „Чего же лучше?“ Вы хотите раздѣлаться съ вашимъ домомъ. Вамъ деньги нужны... — Петя точно что проглотилъ.—Если даже у maman и не будетъ суммы за продажу имѣнія раньше, какъ черезъ два-три мѣсяца, все равно... Мы можемъ заключить запродажную запись. А вы выдадите вексель... Или, въ крайнемъ случаѣ, отдадите домъ въ обезпеченіе... подъ вторую закладную.

Глазки Пети досказали, кому пойдетъ этотъ вексель и съ кѣмъ будетъ совершена закладная. Но голосокъ его звучалъ ужъ очень убѣжденно и вѣско. И все его личико дышало сознаніемъ большого душевнаго довольства. Графъ сталъ для него еще дороже. Онъ какимъ-то особеннымъ чутьемъ догадался и о томъ, въ какомъ положеніи Кэтъ, и не сомнѣвался въ томъ, что такой „рыцарь“, какъ графъ, способенъ „взять все на себя“.

— Петюня!—возбужденно вскричалъ Таманцевъ и похлопалъ его по колѣну.—Да ты—дѣлецъ!

— Далеко нѣтъ!

— Какъ все это скоро и толково уложилось въ твоей головѣ! Ты въ какой департаментъ поступилъ?

— Въ департаментъ экономіи, Андрей Павловичъ.

— Тамъ тебѣ и сдѣлать карьеру... Спасибо, Петюня. Ты — настоящій другъ. Выйдетъ или нѣтъ что-нибудь изъ твоей комбинаціи—еще разъ спасибо.

— Выйдетъ, выйдетъ, графъ! Вы увидите! Это избавитъ васъ отъ всякихъ разорительныхъ мѣропріятій.

— Очень вѣроятно!

— Я вамъ говорю!—крикнулъ Петя и даже захлопалъ въ ладоши.

XX.

На порогѣ прихожей Таманцевъ придержалъ Петю и взялъ его за бортъ новенькаго вицмундира.

— Развѣ эта сбруя обязательна?—шутливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ... у насъ тамъ и въ пиджакѣ можно работать. Я представлялся сегодня одной особѣ.

— А что же галстукъ-то обыкновенный надѣлъ, Петюня? Почему не старомодный, какъ въ прошломъ году, чтобы подпиралъ подбородокъ? А?

— Довольно уже поносилъ...

— И что же? Привилось у здѣшнихъ франтовъ?

— Носятъ, но мало.

Въ вицмундирѣ Петя былъ такъ забавно серьезенъ и милъ, что Таманцеву хотѣлось погладить его по головкѣ, съ ея бѣлымъ боковымъ проборомъ и аккуратно причесанными висками.

Лаврентій стоялъ все время съ шубкой Долгова.

— Ахъ, извините!—сказалъ ему Петя.—Дайте, дайте...

И онъ сталъ торопливо всовывать руки въ рукава.

Позвонили.

Петя уже застегивалъ свою шубку.

— Прикажете принимать? — осторожно спросилъ Лаврентій.

— Прими.

— Катерину Денисовну такъ давно не видалъ,—игриво и вполголоса выговорилъ Петя.—Боюсь безпокоить.

— Какъ-нибудь вечеромъ... я дамъ знать.

— Вотъ бы отлично! Идите, идите, графъ, а то, можетъ, кто-нибудь, кого вамъ не хотѣлось бы принять.

Въ эту минуту Лаврентій отворилъ дверь и впустилъ даму.

Передняя стояла почти темная. Таманцевъ не сразу узналъ Глафиру. Она была въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и въ бобровой же шапкѣ съ вуалеткой.

Петя скромно опустилъ рѣсницы, но тотчасъ же быстро и отчетливо оглядѣлъ гостью. Наружность и фигура ея вызвали въ немъ невольный взглядъ, брошенный имъ на Таманцева.

„Какая женщина! — говорили его глаза. — Счастливецъ вы, графъ!“

Онъ такъ же быстро сообразилъ, что эта дама должна быть одна изъ сестеръ-сосѣдокъ графа, купчихъ-милліонщицъ.

— Глафира Спиридоновна!

Она смѣло протянула руку Таманцеву, не поднимая, однако, вуалетки, доходившей до рта.

— Мой молодой другъ, Петръ Аркадьевичъ Долговъ... О немъ я вамъ часто разсказывалъ.

— Какъ же. Очень пріятно,—сказала Глафира увѣреннымъ звукомъ.

Петя могъ видѣть, что эта особа нисколько не стѣснена присутствіемъ посторонняго лица въ квартирѣ холостого человѣка.

Она пожала ему руку крѣпко, по-мужски.

Петя, уходя, крикнулъ у дверей:

— Мегсі, графъ, буду ждать вашего словечка.

Таманцевъ понялъ, что это насчетъ вечера у Кэтъ.

— Вы снимете?—спросилъ Таманцевъ Глафиру.

— Нѣтъ, графъ, позвольте мнѣ остаться такъ. Я на минуту... У васъ, кажется, не жарко.

— Почему же на минуту?—весело спросилъ Таманцевъ, вводя ее въ кабинетъ.—Присядьте... гостьей будете.

Отъ Глафиры на него пріятно пахнуло холодкомъ; щеки ея чуть-чуть зарумянились. Давно онъ не видалъ ее такой красивой и величавой — настоящая русская боярышня, даже боярыня: она смотрѣла молодой женщиной, а не дѣвушкой. Подъ вуалеткой ея густыя соболиныя брови и рѣсницы придавали лицу что-то необычайно привлекательное.

„Какая она... роскошная женщина!—вскричалъ онъ про себя.—И что за чудесное русское лицо!“

— Не хотите ли чашку кофе съ холоду? — спросилъ онъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

— Благодарю, Андрей Павловичъ. Я на одну минуту. Меня ждутъ.

— Кто?—игриво спросилъ онъ.

— Мой учитель греческаго языка. Онъ уже сидитъ тамъ у насъ.

— Подождетъ.

— Вы ли это говорите? Вы—такой деликатный по этой части. Я къ вамъ отъ Клавдиньки. У ней захватило горло, и она не выходитъ. Прислала меня съ запиской. Проситъ васъ заѣхать какъ-нибудь и покончить... по вашимъ дѣламъ.

Она протянула къ нему записку.

— Вы, пожалуйста, прочтите!

Записка Клавдіи оказалась письмомъ на трехъ страницахъ. Въ немъ она сразу предлагала ему взять у нихъ— „у меня и у сестры Глафиры“ — читалъ онъ — ту сумму, какая ему нужна, если желаетъ, подъ простой вексель. Дальше шли дружескіе доводы, что продавать или закладывать пустоши и лѣсъ — просто „преступленіе передъ *землей*!“.

„Это сдѣлала она“, почувствовалъ Таманцевъ, и когда поднялъ голову и взглянулъ на свою гостью, то ему захотѣлось, почти неудержимо, обнять ее, какъ самаго близкаго, почти родного человѣка.

Онъ съ первыхъ ея словъ, еще тамъ, въ передней, по-

нялъ, что Глафира желаетъ выказать самообладаніе, простоту пріятельскаго тона, дать понять, что она только его другъ, и хочетъ, чтобы между ними не оставалось и тѣни какой бы то ни было неловкости. Черезъ какую борьбу прошла она изъ-за него и для него, и чего ей стоитъ и въ эту минуту быть такой, какой она выказала себя, даже если въ ней страсть и замолкла!..

Растроганный, онъ сѣлъ около нея на диванчикъ и взялъ опять ее за обѣ руки. Муфта ея висѣла на шнуркѣ.

— *Васъ* я во всемъ этомъ вижу, Глафира Спиридоновна.

— Меня?

— Не отговаривайтесь! Клавдію Спиридоновну я очень люблю, ставлю ее высоко, но она одна такъ бы не поступила. Это дѣло вашихъ рукъ, и я глубоко...

Онъ не договорилъ. Губы у него замѣтно задрожали.

— Вотъ вы какой другъ...

И невольно спустилъ онъ на коверъ одно колѣно.

Глафира не отнимала рукъ и нагнулась къ его головѣ. Вуалетка скрывала тревогу ея лица.

— Да, я вашъ пріятель, Андрей Павловичъ,—раздѣльно, съ усиліемъ выговорила она, чтобы не разрыдаться.

— Вамъ сестра передавала? — чуть слышно спросилъ онъ, все еще стоя однимъ колѣномъ на коврѣ.

— Да... Что жъ?... вы однолюбъ... Вѣдь такъ вы себя назвали, Андрей Павловичъ?

— Выходитъ такъ.

— Это большое счастье, если можно любить...— обмолвилась она и тотчасъ же потянула его за руку. — Садитесь. Перетолкуемъ, какой отвѣтъ я должна принести Клавдинькѣ.

Онъ сѣлъ и выпустилъ ея руки изъ своихъ.

— Буду... хоть сегодня... передъ обѣдомъ... часовъ въ пять.

— Прекрасно.

— Только у меня есть вотъ какая комбинація. Такъ будетъ лучше,—значительно добавилъ онъ. — Вотъ этотъ домъ я хочу продать, и есть покупщица... мать Пети Долгова. Продажа можетъ состояться скоро... А пока вы обѣ должны согласиться взять въ обезпеченіе этотъ домъ подъ вторую закладную.

Глафира поднялась.

— Ни о какой закладной и рѣчи быть не можетъ!— вскричала она и замахала рукой.—И если вы будете де-

ликатничать, Андрей Павловичъ, я серьезно огорчусь. Вы сдѣлаете такъ, какъ пишетъ Клавдинька.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Таманцевъ, усмѣхнувшись, и ему еще сильнѣе захотѣлось обнять ее и поцѣловать въ голову, какъ сестру.

XXI.

Лаврентій сидѣлъ въ своей комнатѣ, рядомъ съ передней, и читалъ газету. Колчановской барышнѣ онъ не очень обрадовался. Положимъ, онѣ съ сестрой слывутъ милліонщицами, положимъ и то, что она собою „авантажна“, но все-таки купчиха. Да и слишкомъ уже „цѣпко“ охотится за бариномъ. Въ деревнѣ какъ увивалась, когда графъ заболѣлъ. Онъ думалъ тогда, что у нихъ непремѣнно дойдетъ до „любовнаго дѣла“. Однако, графъ не поддался. Его потянуло въ Питеръ — Лаврентій соображалъ, зачѣмъ. И здѣшняя любовь графа тоже не особенно тѣшила его. Ему даже не хотѣлось раздумывать, куда можетъ опять попасть графъ, въ какую передрягу. И добро бы онъ былъ „охотникъ“ до женскаго пола, а то и этого нѣтъ. И все-таки его изловятъ на чемъ-нибудь. Или въ разореніе впадетъ, или своему титулу измѣнитъ.

Чуть слышно доходили до него голоса изъ кабинета. Подслушивать онъ считалъ „большой гнусностью“, да и газета его интересовала—разбирательство у мировыхъ судей. Онъ то и дѣло ухмылялся, вычитывая смѣшные отвѣты истцовъ.

Въ передней затрещалъ электрическій звонокъ. Лаврентій неторопливо отложилъ газету и пошелъ отворять.

Дама,—лицо ея показалось ему знакомымъ,—спросила:

— Графъ дома?

— Дома-съ,—отвѣтилъ онъ ей не сразу. — Только они теперь заняты.

Онъ что-то сообразилъ—почему благоразумнѣе было бы не сразу впускать гостью.

Сейчасъ же распозналъ онъ въ ней настоящую барыню: и шубка, и шляпа, и муфта, и духи такіе особенные.

— Вотъ моя карточка, — сказала она увѣреннымъ тономъ.

Карточка была по-французски.

— Сію минуту доложу-съ. Пожалуйте въ гостиную.

Когда Лаврентій вошелъ въ кабинетъ, Таманцевъ и Глафира стояли уже у двери. Она собралась идти.

Лаврентій подалъ барину карточку и спросилъ вполголоса:

— Я сказалъ, графъ, что вы заняты...

Одного взгляда на карточку довольно было, чтобы вызвать краску на лицо Таманцева.

— Андрей Павловичъ, я скрываюсь. Извините...

И Глафира сейчасъ же подумала: „это она“.

Но надо было пройти гостиной. Кэтъ сидѣла тамъ. Не проводить Глафиру до передней — непорядочно и малодушно.

Онъ отворилъ дверь и выпустилъ Глафиру. Дама, тоже съ вуалеткой и въ богатой шубкѣ, отдѣланной песцомъ, поднялась. Обѣ женщины оглядѣли одна другую, быстро и отчетливо, и въ одинъ разъ опустили рѣсницы.

— Pardon! — выговорилъ Таманцевъ въ сторону Кэтъ, и проводилъ Глафиру до двери передней.

И тотчасъ же онъ подбѣжалъ къ Кэтъ, взялъ ее за обѣ руки и, увлекая въ кабинетъ, прошепталъ:

— Какъ я радъ!

Онъ былъ смущенъ встрѣчей этихъ двухъ женщинъ, но глаза его быстро схватили ростъ, лицо и фигуры ихъ обѣихъ. Ростомъ Кэтъ пониже Глафиры, и станомъ гораздо суше, и какъ бы напряженнѣе. Лицо утомленное, очень худое; глаза не съ такими бровями и рѣсницами, какъ у Глафиры. Величавость посадки Колчановой и живописность ея облика въ народно-русскомъ вкусѣ, навѣрно, не ускользнули и отъ Кэтъ.

Первыми ея словами были, когда они вошли въ кабинетъ:

— Qui est cette belle créature?

Слово „créature“ употребила она не въ презрительномъ смыслѣ, а какъ принято въ свѣтскомъ жаргонѣ. Однако, оно непріятно прошлось по немъ.

О сосѣдкахъ его Кэтъ ничего не знала. Не то, чтобы онъ скрывалъ отъ нея свои отношенія къ Колчановымъ, а разговоръ не заходилъ въ эту сторону.

Кэтъ попадала къ нему въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Петербургѣ. Прежде, подросткомъ и очень молодой дѣвушкой, при жизни его матери, она бывала въ этихъ комнатахъ.

— Какъ я радъ! Вотъ сюда, къ камину.

Онъ какъ будто избѣгалъ мѣстоименія. Они еще не были на „ты“. Кэтъ говорила больше по-французски, особенно все интимное, и слишкомъ привыкла къ мѣсто-

именію „вы“. Съ Лушковымъ за весь годъ замужества она осталась на французскомъ „vous“.

Таманцевъ посадилъ ее въ кресло, а самъ присѣлъ на низенькій пуфъ.

— Здѣсь тепло. Не жарко въ шубкѣ?

— Нѣтъ. У меня все какая-то нервная дрожь.

Кэтъ не поднимала вуалетки, но и сквозь нее онъ замѣтилъ, что вѣки у нея красны и все лицо утомленное.

— Дурно спали, Кэтъ? — спросилъ онъ, заглянувъ ей въ лицо.

— Ужасно!

Ея приходъ былъ неожиданностью для него.

Тревожно поглядѣлъ онъ на нее еще разъ, боясь услыхать что-нибудь тяжелое.

— Alors... qui est cette pittoresque personne?—съ полуулыбкой спросила Кэтъ.

Онъ назвалъ ее и сказалъ, что она его сосѣдка по имѣнію и пришла по дѣлу, съ письмомъ отъ сестры.

Остальное онъ долженъ былъ скрыть.

— Une demoiselle alors? Et riche?

— Très riche,—обронилъ Таманцевъ.

Кэтъ вытянула ноги къ рѣшеткѣ камина, въ темныхъ кожаныхъ ботинкахъ, и вся болѣзненно потянулась.

— André!—начала она нервнымъ голосомъ.—Вотъ какую бы вамъ жену, а не такую, какъ я!

Она сказала эту фразу по-французски и не своимъ обычнымъ отрывистымъ ритмомъ, а медленно и уныло, звукомъ, близкимъ къ слезамъ.

— Что̀ съ вами, Кэтъ?

Таманцевъ началъ цѣловать ея руку въ перчаткѣ, другая была въ муфтѣ.

— Что̀ со мной? — повторила она, и нагнула впередъ голову.—Я не знаю, André. Мнѣ гадко... за себя гадко.

Кэтъ отняла руку и быстро обернула лицо къ камину.

Той же рукой она вытащила платокъ изъ муфты и, не отводя головы отъ камина, прошлась платкомъ по губамъ.

— Во что я васъ втягиваю!—говорила она раздѣльно, съ выраженіемъ искренней гадливости. — Это такъ нечестно! Такъ по-женски!—вскричала она, и энергическое движеніе всѣмъ станомъ задержало слезы на рѣсницахъ.

Таманцевъ не ждалъ ничего подобнаго.

— Что же такое вышло? — порывисто заговорилъ онъ, ловя ея свободную руку.—Неужели онъ...

— Кто онъ? Лушковъ? Я забыла о его существованіи. Отъ него можно откупиться... но васъ, васъ, André, зачѣмъ я втягиваю?.. Во что? Какъ это все грязно! Je ne suis qu'une misérable égoiste.

Этотъ возгласъ пронизалъ его своей силой и неподдѣльнымъ негодованіемъ.

Слезы потекли изъ-подъ вуалетки. Кэтъ стала обтирать ихъ, все еще не поворачивая къ нему лица.

— Милая! — трепетно прошепталъ онъ, и опустился передъ ней на колѣни.—Драгоцѣнная моя! Что ты?.. Почему такое настроеніе? Кэтъ!

Ему страстно захотѣлось схватить ее за голову и покрыть поцѣлуями. Но стыдливое чувство удержало его.

Она сама, въ первый разъ, безъ его зова, у него, въ его холостой квартирѣ. Погнали ее изъ дому, послѣ безсонной ночи, взрывъ сомнѣній, боязнь загубить жизнь человѣка, любящаго ее слѣпо.

XXII.

Муфта Кэтъ была брошена на кресло. Она сняла и шляпу, и прилегла на кушетку.

Сразу она очень ослабла. Таманцевъ принесъ самъ, не дожидаясь Лаврентія, графинъ съ марсалой и бисквитовъ.

Кэтъ выпила маленькую рюмку и съѣла одинъ бисквитъ. Щеки ея стали розовѣть. Въ глазахъ улеглась нервная тревога. Она держала Таманцева за руку и силилась улыбнуться.

— Мнѣ хорошо,—повторяла она упавшимъ голосомъ.

Но онъ видѣлъ, что она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не выскажетъ вполнѣ всего, что у нея назрѣло на душѣ.

— Послушайте, André,—заговорила она, взглянувъ на него бокомъ, съ неуловимой игрой во рту и въ ея вздрагивающихъ ноздряхъ, — вы меня тогда увлекли вашимъ порывомъ. И я была слишкомъ счастлива... я была слишкомъ польщена вашимъ чувствомъ. Но честно ли это?

— Полноте, голубушка! — въ первый разъ назвалъ ее такъ Таманцевъ по-русски.

— Дайте мнѣ высказать все... Умоляю васъ.

Глаза ея просительно остановились на немъ.

— Я знаю, куда вы придете,—проронилъ онъ.

Кэтъ повела рукой, болѣе требуя, чѣмъ прося.

И въ этомъ нервномъ настроеніи ея личность проявляла себя. Надо было ее выслушать.

Таманцевъ опять схватилъ ея руку, сильно похудѣлую, съ прозрачными длинными пальцами, и поднесъ къ губамъ.

— Что жъ съ вами дѣлать! — выговорилъ онъ, слегка поведя плечами.

— Честно ли это, André?—еще разъ спросила Кэтъ.— Довольно и того, что вы уже имѣли разговоръ... avec l'individu en question, — брезгливо добавила она по-французски.—Я—женщина... и здоровье мое уже не то. И будетъ еще хуже. C'est inévitable! — вырвалось у нея сильнымъ звукомъ.—La maternité ne me réussit pas,—выговорила она съ юморомъ. — И вотъ вы будете за меня хлопотать. Вы, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ характеромъ. Вы—такой чистый!.. Ужасно чистый!

Она сама взяла его за другую руку и потрясла обѣ.

— Да, вы ужасно чистый! Я такихъ мужчинъ еще не встрѣчала. Какой-нибудь мальчикъ, лицеистикъ или пàжикъ—и онъ уже испорченъ въ концѣ. C'est un vicieux, c'est un chasseur de femmes! У него ничего нѣтъ, кромѣ глупой blague. Всѣ похожи на моего... законнаго супруга, — выговорила она веселѣе. — Да, André, — продолжала она, оживляясь, — вы гораздо чище меня. Quelle comparaison! Вы душой...

— Младенецъ,—подсказалъ Таманцевъ.

— А я уже старуха. Не лѣтами — душой. И это меня пугаетъ.

Она быстро опустила голову на его плечо.

— Опять разстроите себя.

— Нѣтъ! Я не буду плакать! — сказала она, такъ же быстро отнимая голову отъ его плеча. — Assez de pleurnicherie! — строго окрикнула она самоё себя. — Но вы должны меня понять, André. Я не могу... не могу,—протянула она медленно, и брови ея дрогнули и поднялись, — принять то, на что вы идете. Ce serait vous exploiter! Подумайте!

Она вся поднялась станомъ и опустила ноги на коверъ.

„Но какъ же быть?“ — спросилъ про себя Таманцевъ, чувствуя, какая тревога сообщилась и ему.

- Иначе нельзя... милая Кэтъ. Нельзя—поймите и вы.

— Ce monsieur,—выговорила она опять съ брезгливой миной рта, — ne sera mon mari que de nom. Я и не допущу его... къ себѣ. Онъ долженъ будетъ признать, что ребенокъ его. И тогда я буду свободна...

— Помилуйте! — перебилъ ее Таманцевъ и, не давая ей говорить, стремительно продолжалъ:—На что вы себя обрекаете? Вѣдь такой господинъ навѣрно кончитъ очень печально. Пока онъ молодъ, онъ будетъ торговать собой. А потомъ, съ его страстью къ игрѣ, онъ будетъ систематически эксплоатировать васъ, и уже не такъ какъ вы меня, Кэтъ. Если, наконецъ, онъ и не въ правѣ будетъ требовать къ себѣ ребенка, такъ какъ онъ согласенъ при разводѣ взять на себя вину и будетъ объявленъ явнымъ прелюбодѣемъ...

— Comment?

— Явнымъ прелюбодѣемъ,—повторилъ Таманцевъ.

— Comme c'est lui!

— Все равно, вы всегда будете жить въ тревогѣ. А избѣжать этого такъ легко!

— Нѣтъ,—рѣзко остановила его Кэтъ.—Мой ребенокъ будетъ все-таки...

Она искала слова.

— Вы хотите сказать, Кэтъ, онъ родится нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей свадьбы... Что жъ изъ этого?

Тонъ Таманцева сталъ рѣшительнѣе и сильнѣе. Голосъ его звучалъ громко и горячо. Кэтъ глядѣла на него съ явнымъ удивленіемъ.

— Vous êtes un idéaliste incorrigible! — вырвалось у нея.—Но я не должна этого допускать.

— Должны, Кэтъ, должны! Вы дали слово, вы согласились.

— Vous m'avez entrainé, André! C'était lâche de ma part! Archilâche!

— А если это мое непремѣнное условіе? — спросилъ Таманцевъ другимъ тономъ, и лицо его затуманилось.

Кэтъ вскинула на него рѣсницы и вполголоса спросила по-русски:

— Вы серьезно, André?

— Совершенно серьезно.

И она впервые почувствовала, что онъ мужчина, ея будущій мужъ, чистый и мягкій, какъ дитя, но убѣжденный и умѣющій отстоять то, что онъ считаетъ своимъ

долгомъ. Она не имѣетъ права отнимать у него радость и гордость поступка, въ которомъ его любовь нашла свое выраженіе.

Она замолчала и съ наклоненной головой сидѣла противъ него.

— И я прошу васъ, Кэтъ, я требую, — мягко прибавилъ онъ,—чтобы вы теперь не тревожились ничѣмъ, никакими заботами и расчетами. Я вашъ ходокъ.

— Ходокъ?—повторила она съ полуиностраннымъ произношеніемъ.

— Да! Такъ мужики называютъ своихъ ходатаевъ... адвокатовъ по-нашему.

— Я понимаю.

— Все будетъ сдѣлано. Я не допущу васъ ни до чего.

Тутъ только она поняла, что онъ намекаетъ на деньги. О томъ, какъ достать сумму для уплаты Лушкову, она тоже хотѣла говорить съ нимъ.

— Jamais de la vie!—почти крикнула она и встала.— C'est moi, qui dois pourvoir...

— Pourvoir! Pourvoir!—передразнилъ ее Таманцевъ. — Какое судейское выраженіе! Кэтъ! Радость моя!.. Ни слова болѣе объ этомъ.

Онъ схватилъ ее за плечи и привлекъ къ себѣ. Ея гибкій станъ вздрогнулъ, и слезинки показались на ея рѣсницахъ. Закрывъ глаза, она не защищала ихъ отъ его поцѣлуевъ. Она знала, что „чистый“ Таманцевъ не увлечетъ ее до потери всякой власти надъ собою. Онъ будетъ ждать. И эта чистота проникла ее сладкимъ преклоненіемъ передъ тѣмъ, кто держалъ ее въ своихъ объятіяхъ...

XXIII.

Опрятно одѣтый мальчикъ впустилъ Таманцева въ тѣсную переднюю, гдѣ висѣло на двухъ стѣнахъ нѣсколько тарелокъ изъ майолики. Дверь была задрапирована восточнымъ бумажнымъ одѣяломъ, и въ углу стоялъ японскій цилиндрическій горшокъ для палокъ и зонта.

Мальчикъ силился снять съ него шубу.

— Баринъ дома?

— Пожалуйте... дома-съ.

Таманцевъ зналъ, что Луцкій ждетъ его и, какъ человѣкъ чрезвычайно аккуратный, не могъ не сказаться дома.

По идеѣ Пети Долгова, онъ хотѣлъ обратиться къ жур-

налисту за совѣтомъ насчетъ адвоката. Когда онъ на лѣстницѣ подавилъ пуговку звонка, ему стало немного неловко, отъ того, что онъ раньше не навѣстилъ журналиста. Тотъ, какъ истинно порядочный человѣкъ, не только въ прошломъ году нашелъ для него ходатая по дѣлу крестьянъ Муражкинской волости, но и писалъ ему раза два въ деревню.

Мальчикъ впустилъ его въ кабинетъ—высокую комнату съ фонаремъ, выходившимъ на улицу. Все смотрѣло очень опрятно и солидно, безъ лишней мебели, но съ хорошими картинами и цѣнными артистическими вещами. Даже запахъ стоялъ въ кабинетѣ пріятно-ароматичный.

Хозяинъ былъ въ бархатной визиткѣ и въ башмакахъ. Съ прошлой зимы онъ похудѣлъ и волосы на маковкѣ порѣдѣли.

— Графъ! Безмѣрно радъ! — встрѣтилъ онъ гостя съ низкимъ поклономъ.—Давно ли въ нашей Пальмирѣ? Вотъ сюда, на диванъ. Большую честь изволили оказать мнѣ вашимъ посѣщеніемъ.

— Я передъ вами виноватъ, — остановилъ его Таманцевъ.—Вы такъ были добры въ прошломъ году... Вотъ и теперь я, мнѣ совѣстно сознаться, хочу прибѣгнуть къ вашему знанію Петербурга.

Въ имени и отчествѣ Луцкаго онъ не былъ твердъ, и это его тоже стѣсняло.

— Помилуйте, графъ! Да я весь къ вашимъ услугамъ. Вы думаете, что эксплоатируете меня, а можетъ-быть наоборотъ. Ха-ха! Вѣдь я по профессіи аппаратъ, вбирающій въ себя русскую дѣйствительность. А вы приносите съ собою ароматъ почвы, уѣзда, какъ нынче начинаютъ выражаться. Что же? Вы все такъ же, графъ, преданы землѣ и народу? Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Задору поменьше,—съ тихой усмѣшкой выговорилъ Таманцевъ. — Прошлой зимой вы меня видѣли въ трагикомическомъ настроеніи.

— Почему траги-комическомъ, графъ?—въ очень серьезномъ! Только слишкомъ ужъ вы уничтожали нашъ Петербургъ.

— Къ вашему городу и теперь сердце мое не лежитъ. И опять я въ „ходокахъ“, только совсѣмъ не въ такихъ, какъ въ ту зиму.

Не совсѣмъ легко оказалось для него сразу начать о томъ, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ къ Луцкому.

— Вы знаете такъ хорошо Петербургъ,—началъ онъ.— Обратите меня къ спеціалисту по...

— По какой части? — подсказалъ Луцкій серьезнымъ тономъ.

— По бракоразводнымъ дѣламъ.

— А-а! — протянулъ Луцкій и на особый ладъ сжалъ губы.

Онъ не позволилъ себѣ вопросительно взглянуть на своего гостя, но Таманцеву показалось, что ему что-то извѣстно.

Да и какъ же могла быть неизвѣстна фельетонисту, обязанному знать все, о чемъ говоритъ Петербургъ, такая скандальная исторія, какъ прошлогодняя его схватка съ Лушковымъ и выходъ замужъ — „изъ-за этой дуэли“ — княжны Брянской? Навѣрно, знаетъ Луцкій всю подноготную и про такіе же скандальные нравы Лушкова, и про то, что предстоитъ разводъ.

А отсюда не трудно сообразить, что передъ нимъ сидитъ „ходокъ“ за Лушкову, тотъ самый графъ Таманцевъ, который прошлой зимой вызвалъ на дуэль ея теперешняго мужа.

Смущеніе уже начинало овладѣвать имъ.

— Вы, конечно... укажете мнѣ,—выговорилъ онъ, отводя голову.

— Спеціалиста?

Луцкій поднялъ указательный палецъ и прищурился.

— Конечно, укажу, графъ! И, кажется, онъ самый опытный и, сколько мнѣ извѣстно, не изъ живоглотовъ.

— Вопросъ вознагражденія тутъ второстепенный. Главное—быстрота.

— И натискъ? Ха-ха!

— Да, именно натискъ.

— Я съ нимъ встрѣчаюсь. По наружности и тону онъ самый тихій и безобидный pater familias. И никто бы не подумалъ, что у него такая спеціальность... Кажется, по этой части установились цѣны. Мнѣ приводилось, годъ тому назадъ, заняться повѣтріемъ разводовъ.

— А это развѣ родъ повѣтрія?—остановилъ Таманцевъ.

— Помилуйте, графъ! Да я не дальше, какъ на той недѣлѣ, на одномъ раутѣ, въ мірѣ нашихъ крупныхъ финансистовъ, слышалъ такую фразу... Нѣсколько дамъ, и въ томъ числѣ двѣ маленькія дѣвицы на возрастѣ, взапуски говорили о какой-то „разводкѣ“...

— Это слово обязательно теперь?—спросилъ Таманцевъ.

— Помилуйте! Оно уже въ литературѣ употребляется больше десяти лѣтъ. Такъ вотъ-съ... одна изъ этихъ почтенныхъ матронъ произнесла такой афоризмъ: „Разумѣется, за перваго мужа выходитъ всякая pour faire une expérience. Только второй бракъ бываетъ серьезнымъ". Вы видите, графъ, что у нашихъ полудѣвъ,—протянулъ Луцкій,—это входитъ въ правило. Первый мужъ только, такъ сказать, подмостки... Знаете, то, что̀ называется un tremplin, съ котораго гимнасты въ циркѣ прыгаютъ въ пространство. Ха-ха!..

Разсмѣялся и Таманцевъ, но внутренно ему становилось неловко. Луцкій не дѣлалъ никакихъ намековъ, но такъ выходило. И его Кэтъ могла, въ дѣвицахъ, держаться точно такой же теоріи.

Попавъ на эту зарубку, умъ талантливаго фельетониста заигралъ. Онъ успѣлъ въ четверть часа привести цѣлую дюжину самыхъ „свѣжихъ" подробностей изъ міра разводокъ. Дошло до того, что теперь совсѣмъ не диво слышать, какъ „барынька", разведенная съ первымъ мужемъ, выходитъ за своего любовника и потомъ, черезъ годъ, ѣдетъ съ его пріятелемъ, т.-е. со своимъ первымъ мужемъ, за границу и живетъ съ нимъ въ однихъ отеляхъ, а злые языки прибавляютъ—и въ одномъ номерѣ.

Таманцевъ не перебивалъ остроумнаго собесѣдника и силился улыбаться.

— Насчетъ же гонорара, графъ,—остановился Луцкій,—вы можете быть увѣрены, что къ тому господину, на кого я вамъ сейчасъ указалъ, какъ Подхалюзинъ выражается... помните, у Островскаго—можете малолѣтка послать: „въ луковкѣ не обсчитаетъ". Разумѣется, для свѣтскихъ и состоятельныхъ людей такса вдвое и втрое дороже, а нашего брата, писателя, и за тысчонку могутъ освободить отъ брачныхъ узъ.

Черезъ полчаса Таманцевъ собрался уходить, чувствуя, что ему надо стряхнуть съ себя настроеніе, вызванное пикантными фактами изъ хроники петербургскихъ разводокъ.

Луцкій удержалъ его у дверей въ переднюю и вполголоса спросилъ:

— Одинъ маленькій вопросъ, графъ... Вы поддерживаете хорошія отношенія съ Овчининымъ?.. Онъ, кажется, вашъ товарищъ по школѣ.

— Въ этотъ пріѣздъ еще не былъ у него.

— Но вы съ нимъ на товарищеской ногѣ?

— Да.

— Вы знаете, что онъ не сегодня—завтра будетъ очень крупной особой.

— Это меня не удивляетъ.

— И меня также. Такъ вотъ... хотя онъ совсѣмъ по другому вѣдомству, но у него обширныя связи. Вы бы ему поговорили про тотъ разводъ, которымъ вы интересуетесь, чтобы онъ замолвилъ слово... кому нужно. Извините за этотъ совѣтъ. Право, будетъ нелишнее.

— Благодарю васъ,—я подумаю объ этомъ.

— А затѣмъ желаю вамъ, графъ, полнѣйшаго успѣха, а также и тѣмъ особамъ, кто ищетъ расторженія узъ.

Таманцевъ торопливо пожалъ руку хозяина и не допустилъ его провожать себя въ переднюю.

XXIV.

Изъ-подъ широкаго бронзоваго абажура четыре свѣчи бросали яркій свѣтъ на средину письменнаго стола и оставляли весь кабинетъ въ полутемнотѣ.

У камина, другъ противъ друга, сидѣли Таманцевъ и Овчининъ и допивали кофе. Они отобѣдали вдвоемъ. Хозяйка извинилась передъ гостемъ — легкая простуда держала ее въ постели,—чему онъ былъ скорѣе радъ. Какъ ему сказалъ Луцкій, товарищъ его былъ наканунѣ назначенія на очень высокій постъ, но онъ нашелъ Овчинина съ такимъ же тономъ и обращеніемъ, только сильно постарѣвшимъ въ лицѣ. За обѣдомъ Овчининъ проговорился, что ему приходится работать по шестнадцати часовъ въ день и болѣе.

Въ кабинетѣ, въ полутемнотѣ комнаты, у камина, Таманцевъ гораздо свободнѣе, чѣмъ самъ онъ ожидалъ, заговорилъ о Кэтъ и ея разводѣ, не скрылъ и того, что онъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ „самое близкое участіе“.

Безъ лишнихъ разспросовъ Овчининъ понялъ сразу, что тутъ говоритъ любовь.

Помѣшивая золу, онъ спросилъ Таманцева, по привычкѣ своей нахмуривъ брови:

— Значитъ, это серьезно?

— Ты видишь,—тихо отвѣтилъ Таманцевъ, слѣдя за тѣмъ, какъ тлѣютъ остатки углей въ каминѣ.

— И не боишься за свою дальнѣйшую судьбу?

О бракѣ съ Кэтъ не было еще рѣчи.

— Безъ риска не проживешь. Мое чувство къ этой женщинѣ сильнѣе меня самого.

Овчининъ повелъ своими толстоватыми губами.

— А пока, Андрюша, — ласково выговорилъ онъ,— ты будешь ходатаемъ по разводу. Triste bésogne! — добавилъ онъ съ брезгливой усмѣшкой.

— Что́ дѣлать, братъ!

И тутъ, безъ всякихъ подходовъ, онъ попросилъ его о поддержкѣ.

Овчининъ замѣтно поморщился.

— Я не охотникъ до такихъ обращеній. Да и на душу свою не хотѣлъ бы брать грѣха толкать тебя въ эту галеру.

— Все равно,—возразилъ горячѣе Таманцевъ,—свободы своей она добьется. Только тутъ есть особыя и очень важныя причины ускорить дѣло. Не въ службу, а въ дружбу прошу тебя... Тебѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ...

— Подумаю, — сказалъ Овчининъ, поведя головой. — Боюсь я за тебя, Андрюша...

„Но она теперь не та! — хотѣлъ Таманцевъ крикнуть ему. — Она проснулась совсѣмъ для другой жизни. Она любитъ меня!“

— Твоей совѣсти я насиловать не буду,—сказалъ онъ болѣе вѣско и задушевно.

— Я и не къ тому,—замѣтилъ ему въ тонъ Овчининъ и протянулъ руку къ его колѣну. — Въ страсти мы не властны. Но какъ же ты думаешь теперь устроить свою жизнь? Ты преданъ землѣ и народу. Не любишь Петербурга. А не заставитъ ли тебя твоя судьба тянуть лямку будущаго мужа свѣтской женщины? Я ставлю этотъ вопросъ... не изъ пустого любопытства.

Таманцевъ зналъ натуру своего „bourru bienfaisant“. По игрѣ его щекъ и бровей и по движеніямъ плечъ онъ видѣлъ, что Овчининъ— въ очень искреннемъ товарищескомъ настроеніи.

— Нѣтъ, не бойся,—отвѣтилъ онъ спокойно.—Та, кого я люблю, не будетъ насиловать моей совѣсти.

— Дай-то Богъ!

Искренній „стихъ“ Овчинина продолжался. Онъ еще пододвинулъ свое кресло и, положа руку на колѣни Таманцева, спросилъ съ усмѣшкой:

— Ты и теперь, Андрюша, все въ тѣхъ же уничтожающихъ чувствахъ ко всѣмъ намъ, грѣшнымъ? Помнишь, какъ ты прошлой зимой разносилъ насъ, а?

Овчининъ добродушно разсмѣялся и сталъ покрывать золой тлѣющіе угли.

— Нѣтъ, я уже не такой прямолинейный. И не такой юный, какъ въ прошломъ году, — отозвался Таманцевъ, низко опустивъ голову.—Тогда я былъ слишкомъ дикъ и даже невозможенъ.

— Ты сознаешь это заднимъ числомъ, — съ юморомъ замѣтилъ Овчининъ.

— Сознаю. Разумѣется, своей натуры не передѣлаешь. Я — нервный сангвиникъ. Способенъ и теперь разнести какую-нибудь петербургскую... рожу.

— Особенно вицмундирную?—подсказалъ Овчининъ.

— Какую придется! Но это будетъ уже въ экстренныхъ случаяхъ... и за дѣло. А въ прошломъ году я самъ накидывался.

— Напримѣръ... на твоего покорнаго слугу и жену мою, ни въ чемъ неповинную.

— Прошу ее великодушно забыть это.

Про себя Таманцевъ прибавилъ: „Я былъ дикъ, но будущая министерша все-таки изъ кисло-сладкаго тѣста“.

— Она давно забыла.

— Точно такъ же и мое отношеніе къ землѣ, какъ ты выразился, къ деревнѣ, къ мужику, къ нашему брату-дворянину...

О своей исторіи съ Муражкинской волостью онъ уже говорилъ за обѣдомъ.

— И культъ народа въ тебѣ поостылъ?— въ томъ же шутливомъ тонѣ выговорилъ Овчининъ.

— Ты думаешь, изъ-за черной неблагодарности муражкинцевъ?—спросилъ такъ же шутливо Таманцевъ.—Нѣтъ! Конечно, все это не очень чтобы вкусно, но понятно. И я пришелъ къ тому выводу, что никакихъ барскихъ требованій по этой части и заявлять нельзя.

— Въ какомъ же именно смыслѣ?—отозвался Овчининъ уже тономъ молодого сановника.

— А вотъ, что... мы—благодѣтели, и народъ долженъ намъ оказывать, всегда и во всемъ, преданность и уваженіе. Такъ вѣдь, кажется, и Хлестаковъ выражается?

— Да, сколько помню.

Овчининъ тихо разсмѣялся.

— Народъ я не обсахариваю, какъ у насъ говорятъ въ уѣздѣ, но не желаю и принижать его. Онъ теперь и для васъ господъ заправилъ русской жизни, главная цѣль. Ты этого скрывать не станешь.

— Да, если хочешь, одна изъ первенствующихъ, въ настоящую минуту.

— Но я, другъ Овчининъ,—назвалъ онъ его по-товарищески,—прихожу вотъ къ какому выводу: и народъ мы не поднимемъ, пока люди высшей культуры—дворяне или купцы съ образованіемъ, тѣ, что сидятъ на землѣ — не станутъ создавать себѣ и *своей* жизни, конечно, на общее благо, но своей, со своими интересами и цѣлями, а не съ однимъ полумистическимъ культомъ мужика...

— Въ добрый часъ!—вдумчиво выговорилъ Овчининъ.

— Ты это признаешь?

— И весьма! И мы — тѣ чинуши, которыхъ ты такъ громилъ въ прошломъ году, желаемъ того же. Повѣрь мнѣ! Но ты, кажется, слишкомъ тревожно и нетерпимо смотришь на людей твоего сословія?

— Видишь ли, Овчининъ... Я радъ тому, что юнцомъ жилъ за границей, тамъ много прочелъ о Россіи и вобралъ въ себя то, что̀ даетъ только воздухъ Запада... брезгливое чувство ко многому, съ чѣмъ я бы мирился, если бъ прошелъ школьную выучку дома. Одной изъ первыхъ, прочитанныхъ мною, была книга русскаго бариназападника, Александра Тургенева: „La Russie et les Russes“ — теперь уже немного устарѣлая. Но ея духъ еще не выдохся... извини за игру словъ... А онъ былъ русскій баринъ двадцатыхъ годовъ. Стыдно было бы, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, стоять ниже его по своимъ взглядамъ и чувствамъ.

Овчининъ не возражалъ.

Такъ они просидѣли молча нѣсколько минутъ.

— Только темпераментъ-то у тебя бѣдовый! — выговорилъ Овчининъ, вставая.—А главное, ни на чемъ не ставь креста. Не въ одной деревнѣ спасеніе. И здѣсь, въ ненавистномъ тебѣ Петербургѣ, можно выполнять твою же программу. Да и на личное счастіе ты имѣешь право... Смотри, Андрюша!..

И, не досказавъ, Овчининъ потрепалъ Таманцева по плечу и отошелъ къ столу.

XXV.

У Доминика была толкотня около стойки буфета.

Нѣсколько человѣкъ въ разъ тянулось къ пирожкамъ и буттербродамъ. Въ спертомъ воздухѣ первой комнаты ходили струи съѣстныхъ запаховъ.

Часу въ двѣнадцатомъ Таманцевъ зашелъ выпить рюмку водки и закусить кускомъ кулебяки. Онъ очень не жаловалъ Доминика, но по дорогѣ некуда было зайти въ другое мѣсто.

Насилу протискался онъ къ стойкѣ, гдѣ на металлической доскѣ наливаютъ рюмки водки. На дворѣ крутила метель, и мѣховой воротникъ своими мокрыми усиками шерсти щекоталъ ему щеки.

Съ кускомъ кулебяки на блюдечкѣ отошелъ онъ къ двери въ бильярдную и присѣлъ у окна.

Въ бильярдной уже шла оживленная игра. Высокіе диваны были заняты зрителями. Маркеръ, унылымъ звукомъ, опираясь на машинку, считалъ очки.

Таманцеву были видны, вдоль простѣнка, прилавокъ съ газетами и дверка въ глубинѣ, выкрашенная въ темную краску.

Изъ этой дверки шумно вышелъ, размахивая на ходу руками, высокій мужчина, въ свѣтломъ пиджакѣ, небрежно и пестро одѣтый.

Прежде чѣмъ Таманцевъ замѣтилъ его, тотъ уже, еще изъ бильярдной, крикнулъ ему:

— Ce cher Таманцевъ!.. Какъ я радъ!

Къ нему, такъ же размашисто, подошелъ князь Карай, послѣ *шекэндса* на англійскій манеръ.

— А я къ тебѣ собирался,—слишкомъ громко выговорилъ онъ и крикнулъ проходящему гарсону: — Бутылку экспорта!

Отъ него уже пахло спиртнымъ.

Противъ прошлаго года онъ смотрѣлъ еще „ярыжнѣе“—это деревенское слово и пришло Таманцеву. Тутъ же попенялъ онъ себѣ, что зашелъ въ „кабакъ“, гдѣ такъ легко наткнуться на товарищей дѣтства, въ родѣ Карая.

— Tu sais?..—спросилъ тотъ потише, нагибаясь къ нему черезъ столъ.—Je serai du procès?

Таманцевъ взглянулъ на него вопросительно.

— Ты точно не понимаешь, душа моя?

— Нѣтъ, не понимаю,—построже отвѣтилъ Таманцевъ.

— Ну, да въ разводѣ... Лушкова и Кэтъ? Тебѣ смѣшно со мной скрытничать. У тебя есть эта институтская замашка. Puisque je suis de la boutique! Ха-ха! Да, братъ, вотъ до чего меня довела моя мегера... ma chipie! Дойдешь и до того, что будешь каллиграфіей заниматься—имитировать почеркъ денежныхъ тузовъ на соло-векселяхъ.

Тутъ только сталъ Таманцевъ догадываться, о чемъ болтаетъ Карай.

— Что жъ ты... въ свидѣтели, что ли, ходишь по бракоразводнымъ дѣламъ?—не безъ смущенія промолвилъ онъ.

— Yes, sir!—полушопотомъ выговорилъ Карай, наклонившись опять черезъ столъ. — Человѣкъ! — крикнулъ онъ на весь ресторанъ. — Что жъ бутылку пива? Экспорта!

Струей пошлости пахнуло на Таманцева, и ему стало вдругъ очень жутко.

Вотъ она, житейская-то правда, съ ея плохо прикрытой грязью! И разомъ все, что въ эти двѣ недѣли онъ испыталъ у Кэтъ, у Лушкова, въ денежныхъ поискахъ, еще рѣзче и безпощаднѣе представилось ему.

— Кто же будетъ... enfin qui paye les pots cassée? — спросилъ Карай, наливая себѣ пива.

— Почемъ же я знаю?

Таманцевъ чуть не прикрикнулъ на Карая.

— Чего же тутъ жантильничать, душа моя? Вѣдь не Лушковъ же будетъ расплачиваться! Pas si bête! Хотя можно бы было накрыть его какъ слѣдуетъ.

Карай сдѣлалъ выразительный жестъ ладонью правой руки.

— Полно болтать! — не выдержалъ Таманцевъ и поднялся.

— Что я болтаю?—крикнулъ Карай, и его прыщавый лобъ покраснѣлъ. — Ne fais pas la bégueule, mon cher! Твой адвокатъ—слишкомъ большая мямля... А я бы на его мѣстѣ здорово ободралъ тебя! И за дѣло!

Большого усилія надъ собою стоило Таманцеву, чтобы не оборвать Митьку.

— Князь!—окликнулъ Карая какой-то игрокъ съ восточнымъ лицомъ. — Что жъ вы? Мы васъ ждемъ. Въ пирамидку!

— По крайней мѣрѣ, заплати за мое пиво! — шепнулъ ему Карай и сердито кивнулъ головой.

Почти физическая тошнота поднялась въ груди Таманцева. Онъ подозвалъ гарсона и заплатилъ за себя и за пиво Карая. Спертый воздухъ ресторана, съ волнами табачнаго дыма, съ запахомъ ѣды и пивной кислоты, давилъ его и усиливалъ впечатлѣніе отъ разговора съ „другомъ дѣтства“.

Торопливо пошелъ онъ къ выходу.

— А! Графъ! Comment va?—остановилъ его возгласъ у самой двери.

Онъ не сразу узналъ Баранцева. Тотъ приподнялъ мѣховой воротникъ пальто и нахлобучилъ шапку, всю въ снѣгу.

— Какова погодка! Брр!..

Баранцевъ снялъ шапку и стряхнулъ ее.

— Не дошелъ до Кюба... захотѣлось выпить водки. Какъ вы, графъ? Нигдѣ не вижу васъ... Heureux mortel!

Намекъ французской фразы былъ слишкомъ прозраченъ. Таманцевъ хотѣлъ уклониться отъ разговора, но Баранцевъ, держа его за руку, отвелъ къ столику около двери.

— Une minute! Позвольте мнѣ только проглотить рюмку зубровки и взять пирожокъ. Une minute!

Приходилось опять присаживаться.

— Вотъ я и готовъ... Вы никуда не спѣшите, графъ?

— Есть дѣло.

— Я хотѣлъ сказать вамъ...—и Баранцевъ продолжалъ по-французски и вполголоса:—Желаю полнаго успѣха. Мнѣ все извѣстно. Ce farceur de Louchkoff, когда мы встрѣчаемся, посвящаетъ меня въ свои тайны. Я интересуюсь вопросомъ,—какъ вы смотрите на его поведеніе?

Таманцеву не хотѣлось отвѣчать.

— Согласитесь, — продолжалъ Баранцевъ по-русски, — это еще очень мило съ его стороны. А? Не правда ли? Другой бы уперся. Такъ, здорово живешь! Онъ—снобсъ, все, что̀ вамъ угодно... и мужъ онъ отвратительный... Но могъ бы поиграть на этой струнѣ. Entre nous, comte! Qu'est-ce que ça va vous couter? Les yeux de la tête? Hein?!..

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ Таманцевъ и всталъ.

— Конечно, конечно... Преклоняюсь передъ вашей скромностью. И пожалуйста,—Баранцевъ нагнулся и до-

сказалъ на ухо: — ежели встрѣтятся какія-нибудь закорючки, скажите мнѣ—мы пустимъ разные ходы.

И онъ потрепалъ Таманцева по плечу.

„Когда же это кончится?“—возмущенно вскричалъ про себя Таманцевъ и сбѣжалъ по ступенькамъ крыльца.

XXVI.

Два дня пролежалъ Таманцевъ дома и не видалъ Кэтъ. Онъ боялся, что у него окажется инфлюэнца, и попросилъ ее не заѣзжать къ нему, пока онъ не вылѣчится.

Петя Долговъ привезъ ему молодого врача-пріятеля, и тотъ такъ усердно занялся имъ, что на третій день температура спала до нормальной, голова больше не болѣла, и онъ, одѣтый и довольно бодрый, сидѣлъ въ кабинетѣ, на своемъ любимомъ мѣстѣ, у камина.

И Петя помѣщался передъ нимъ и, совсѣмъ по-дамски, курилъ. Студентомъ онъ не зналъ табаку и недавно сталъ принуждать себя, находя, что иначе онъ уже слишкомъ „барышня“. Съ хорошенькаго лица Пети не сходила улыбка.

Онъ сейчасъ только передавалъ Таманцеву содержаніе большой депеши, полученной имъ отъ его матери. Ей покупка дома графа „очень улыбается“, и она вышлетъ сыну полную довѣренность, визированную за границей у консула.

— Какъ же мы съ тобой будемъ торговаться, Петюня?—сказалъ Таманцевъ, поглядывая на него вбокъ.—Или я продешевлю, или ты передашь.

— Что съ другихъ хотѣли, графъ, то и съ maman возьмите.

— А не лучше ли намъ поручить это дѣло двумъ дѣльцамъ?

— Зачѣмъ, графъ? — вскричалъ Петя. — Это только лишній расходъ. Развѣ мы не сумѣемъ? Вѣдь я — тоже юристъ!..

— А все-таки лучше обратиться къ экспертамъ,—сказалъ Таманцевъ. — Мнѣ неловко торговаться съ тобой, Петюня.

— Да мы не будемъ торговаться, графъ. Если угодно, пускай эксперты оцѣнятъ.

Дѣловая мина на личикѣ Пети разсмѣшила Таманцева.

— Ты дѣльнѣе меня оказываешься!—вскричалъ онъ.— Помнишь? Когда ты попалъ неожиданно въ секунданты...

Какъ ты все обстоятельно продѣлывалъ!.. Съ какимъ серьезомъ!

— Какъ же иначе, графъ! Дѣло шло о вашей жизни,— выговорилъ Петя замедленно. — И теперь... мнѣ такъ пріятно, что maman покупаетъ именно вашъ домъ. И я являюсь посредникомъ. Вамъ нужно реализировать извѣстный капиталъ... Мы это устроимъ, какъ можно скорѣе. И нашего меда будетъ хоть капелька въ вашемъ благополучіи. Простите, графъ, такое хвастовство.

— Никакого хвастовства тутъ нѣтъ, Петюня. Не скрою отъ тебя, я могъ бы достать сумму, нужную мнѣ, изъ другого источника, но мнѣ пріятнѣе быть обязаннымъ тебѣ.

— Какая же тутъ услуга! Самый вздоръ! Maman чрезвычайно довольна этой именно комбинаціей.

Долговъ всталъ и поправилъ свой высокій галстукъ. На его личикѣ было написано, до какой степени онъ доволенъ, что все такъ хорошо уладится.

Вошелъ Лаврентій и подалъ барину карточку. Наклонившись къ его креслу, онъ спросилъ вполголоса:

— Прикажете попросить въ гостиную или въ столовую?

Петя сейчасъ же подумалъ, что это какой-нибудь дамскій визитъ, можетъ-быть, Катерина Денисовна, и стыдливо отошелъ въ глубь кабинета.

— Попроси въ столовую!—сказалъ Таманцевъ, поднимаясь.

— Къ вамъ визитъ?—спросилъ Петя.—Я удалюсь. Завтра, если позволите, графъ, пораньше, я явлюсь, и тогда мы обстоятельно перетолкуемъ.

— Ладно, Петюня, спасибо, дружокъ.

Таманцевъ проводилъ его до двери. Петя не могъ воздержаться отъ любопытнаго движенія головы. Но ту, кого онъ могъ бы встрѣтить, Лаврентій, навѣрно, впустилъ въ столовую прямо изъ передней.

Спросить, кто это, у Таманцева и даже у Лаврентія онъ не рѣшился.

— Попроси даму въ кабинетъ! — сказалъ Таманцевъ, когда Лаврентій пришелъ доложить ему, что дама въ столовой.

Это была Клавдія Колчанова. Онъ не ждалъ ея визита. Ему слѣдовало еще третьяго дня заѣхать къ нимъ—она вызывала его депешей; но нездоровье помѣшало, и онъ забылъ ей отвѣтить.

— Клавдія Спиридоновна!—ласково встрѣтилъ онъ ее на порогѣ и провелъ къ тому диванчику, гдѣ нѣсколько дней назадъ сидѣла Кэтъ.

Клавдія вошла въ короткой шубкѣ и мерлушчатой бѣлой шапочкѣ; она стояла передъ нимъ и смотрѣла на него бодро и возбужденно, съ оттѣнкомъ „себѣ на умѣ“ въ выраженіи ея большихъ круглыхъ глазъ.

Онъ извинился передъ нею.

— Мы такъ и думали, графъ, что вамъ нездоровится. Вотъ и Гланя у меня тоже... опять захватило горло.

— Ничего серьезнаго?—заботливо спросилъ Таманцевъ.

— Надо посидѣть денька два-три. Да, для нея здѣшній климатъ никуда не годится.

— Для кого онъ годится!

— Въ одно слово, графъ. Вы знаете, Гланя собралась было здѣсь оставаться до весны — свою греческую грамматику зубрить и начать занятія по анатоміи и химіи. Но теперь думаетъ по-другому.

— Вернуться въ Колчановку?

— Нѣтъ, за границу ѣдетъ на цѣлый весенній семестръ. Въ Лозанну.., или въ Парижъ.

— Одна?

— Одна. Мнѣ надо домой сбираться.

По лицу Клавдіи прошла тѣнь.

Для него было ясно, что Глафира бѣжитъ не отъ климата Петербурга, а отъ него. И ему стало опять очень совѣстно, что онъ могъ разсчитывать на денеждую услугу сестеръ и, вѣроятно, принялъ бы ее, не явись Петюня съ своей „комбинаціей“.

— И неужели вы разстанетесь? вы? — говорилъ онъ тихо, съ опущенной головой.

— До іюля. Она обѣщаетъ вернуться передъ лѣтними вакаціями. Что жъ! Я не препятствую. Она рвется къ живому дѣлу и къ новому знанію. Видите, я и не хотѣла этого, графъ, а выходитъ точно естественница въ лицѣ моемъ пересилила словесницу.

И, высвободивъ правую руку изъ муфты, Клавдія заговорила быстрѣе и другимъ тономъ.

— Но у насъ время есть покончить наше дѣло. Я и отъ себя, и главное отъ Глани, пріѣхала къ вамъ сама, графъ, чтобы просить васъ объ одномъ: пожалуйста не стѣсняйтесь! Не обижайте вашихъ друзей! Вы способны на понятный дворъ, хотя бы вамъ и всего удобнѣе и проще

было сдѣлаться съ вашими пріятельницами. Такъ пожалуйста. Гланя и я дружески завѣряемъ васъ, что свободныя деньги, какія у насъ есть, къ вашимъ услугамъ.

Голосъ Клавдіи такъ звучалъ, что трудно было заподозрить ее въ неискренности. Но Таманцевъ зналъ навѣрно, что Глафира заставила сестру быть такой же щедрой.

— Спасибо, спасибо! — тронутымъ голосомъ вымолвилъ онъ и протянулъ ей руку. — Повѣрьте, я бы воспользовался... но вотъ что̀ вышло, какъ разъ на этихъ дняхъ.

Онъ разсказалъ ей о продажѣ дома въ самыхъ лучшихъ условіяхъ.

— Домъ для меня обуза, — сказалъ онъ, пожимая ея руку.

— Никакая собственность не обуза, графъ, если ею заниматься.

— А я не умѣю! Чѣмъ меньше у меня будетъ зацѣпокъ въ Петербургѣ, тѣмъ лучше!

Клавдія ощутила пріятное облегченіе. Она боялась денежныхъ дѣлъ между друзьями. И деликатность Таманцева она оцѣнила, хотя тотчасъ же подумала: „не хочетъ аристократъ одолжаться у купчихъ“.

И оба они, до конца ея визита, не сказали больше ни слова о Глафирѣ.

XXVII.

Почтовая станція Байдары дремала въ полусвѣтѣ ранняго утра. Кругомъ понадвинулись горы, покрытыя еще свѣжей зеленью. Прямо противъ подъѣзда, черезъ широкую дорогу, начинался подъемъ по мшистымъ глыбамъ на крутизну скалъ, шедшихъ къ морю стѣной, съ плосковатой площадкой.

На дворѣ станціи виднѣлся дормезъ съ двумя крытыми сидѣньями для прислуги — спереди и сзади. У крыльца потертый фаэтонъ, какіе нанимаютъ въ Севастополѣ и Ялтѣ, стоялъ въ сторонѣ, и порыжѣвшій красный трипъ его обивки выдѣлялся пятномъ на сѣроватомъ фонѣ утра. Дышло фаэтона было приподнято брусомъ и позади чемоданъ привязанъ веревками къ заднему ходу.

На крыльцо вышелъ уже одѣтый по-дорожному Лаврентій, камердинеръ Таманцева. Онъ оглянулся вправо и влѣво, потомъ воззрился на полосу неба, протянувшуюся надъ верхушками горной отлогости, за которой лежало море. Голубоватый колеръ, безъ малѣйшаго облачка, чуть-

чуть книзу, надъ линіей горныхъ отроговъ, начиналъ розовѣть.

„Пора будить!“ — сказалъ онъ про себя и подошелъ къ одному изъ оконъ станціи, выходившихъ по фасаду на шоссе.

Лаврентій плотно пододвинулся къ окну и тихонько постучалъ. Въ окнѣ штора была опущена.

Не прошло и минуты, какъ штору подняли и одну половину окна пріотворили. Показалась курчавая голова его барина.

— Пора, графъ.

— Скоро взойдетъ? — спросилъ Таманцевъ, успѣвшій накинуть на себя пальто.

— Черезъ четверть часа навѣрно. Прикажете подать умыться?

— Сейчасъ. Я разбужу графиню. Она еще почиваетъ. А ты подожди меня въ сѣняхъ.

Окно захлопнули и штору опять опустили. Лаврентій обогнулъ крыльцо и на площадкѣ столкнулся съ смотрителемъ — очень еще молодымъ блондиномъ, такимъ же курчавымъ, какъ его баринъ.

Тотъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ въ парусинную визитку, въ малороссійскую рубашку съ шитьемъ и въ большіе сапоги.

Его открытое свѣжее лицо, розовое отъ крѣпкаго сна, тихо улыбалось. Волосы и густую подстриженную бороду онъ еще не успѣлъ причесать.

— Разбудилъ?—спросилъ онъ Лаврентія.

— Графъ уже вставши. Они разбудятъ графиню. Вотъ сейчасъ горничную позову.

— То-то, — протянулъ добродушнымъ баскомъ смотритель. — Пора... А та компанія никакъ поднялась... Загудѣли.

Онъ сошелъ съ крыльца и сдѣлалъ то же, что и Лаврентій—постучалъ въ окно.

Оттуда раздались разомъ нѣсколько женскихъ голосовъ. Половина ставни отворилась, и женская голова съ остриженными волосами, голова дѣвочки-подростка, выглянула оттуда.

— Мы ужъ ждемъ. Сейчасъ выйдемъ.

— Пожалуйста! — ласково и шутливо вмѣстѣ выговорилъ смотритель и большими шагами своихъ длинныхъ ногъ прошелся взадъ и впередъ по шоссе, присматри-

ваясь къ небу, какъ дѣлалъ это пять минутъ раньше графскій камердинеръ, скрывшійся въ сѣни станціи.

Ему забавно будетъ показывать дорогу цѣлому обществу барышень, отправляющихся въ первый разъ на южный берегъ Крыма. Онѣ ночевали, чтобы захватить знаменитый восходъ солнца. Затѣмъ же ночевалъ и тотъ „графъ“, ѣдущій съ женой въ Севастополь. Должно-быть, они еще первый разъ въ Байдарахъ и могли проѣхать въ Ялту на Симферополь.

Эта чета ему понравилась. Много всякаго народа проѣзжаетъ вверхъ и внизъ черезъ его станцію, и онъ, по своимъ убѣжденіямъ, ни передъ кѣмъ не „унижается“, у него взглядъ на всѣхъ одинаковый. Но этотъ графъ, сейчасъ видно, хорошій господинъ. И жена его такая интересная. Ему хочется оказать ей вниманіе, и вотъ сейчасъ, когда они пойдутъ смотрѣть восходъ солнца, онъ предложитъ свои услуги провести ее поудобнѣе. Она блѣдная и слабая, точно послѣ болѣзни. Можетъ и дурнота случиться, или гдѣ-нибудь на подъемѣ запугается.

Смотритель что-то вспомнилъ и пошелъ кликнуть старосту.

Не прошло и двадцати минутъ — наверху скалистой отлогости, отдѣльно отъ группы дѣвушекъ, ѣхавшихъ въ Ялту, сидѣлъ Таманцевъ съ женой своей, Катериной Денисовной.

Смотритель поддерживалъ графиню на подъемѣ. Въ одномъ мѣстѣ надо было перескочить съ камня на другой. Она замѣтно поблѣднѣла. Мужъ хотѣлъ взять ее подъ локоть, но смотритель попросилъ позволенія перенести ее, и сдѣлалъ это ловко и быстро. Они оба благодарили его.

Теперь онъ отошелъ къ сторонѣ и, тихо усмѣхаясь, смотрѣлъ на пару. Разумѣется, они новобрачные и очень влюблены другъ въ друга.

Таманцевъ, въ свѣтло-сѣромъ сьютѣ и соломенной шляпѣ, лежалъ на травѣ, прислонившись къ круглому камню, гдѣ, на разостланномъ плэдѣ, сидѣла Кэтъ. Онъ глядѣлъ на нее тревожными глазами, боясь, какъ бы ей не сдѣлалось дурно. Она очень мало спала. Сейчасъ, заторопившись, они пошли со станціи совсѣмъ натощакъ.

Замѣтно похудѣла Кэтъ съ зимы. Вѣки были утомлены, матовый цвѣтъ кожи терялъ прежній оттѣнокъ.

Но она ему еще дороже — вотъ такая, слабая, съ худобой и блѣдностью лица. Прошло всего три недѣли, какъ она стала оправляться. Они пріѣхали весной на южный берегъ и поселились около Алупки, въ Мисхорѣ. Мигомъ пролетѣли первыя недѣли. Цѣлые дни проводили они на воздухѣ, дѣлали экскурсіи и ѣздили верхомъ. Это было неблагоразумно. Случилось то, чего онъ могъ бы желать, если бы не любилъ ее такъ беззавѣтно.

Кэтъ не будетъ матерью. Но онъ ее не подозрѣвалъ ни въ чемъ умышленномъ.

— Какъ тебѣ?—тихо спросилъ онъ ее.

— Мнѣ хорошо, André.

Ея гибкую фигуру драпировала темная шелковая накидка съ высокимъ воротникомъ. Изъ-подъ шляпы съ широкими полями глядѣли на него ея длинные глаза съ выраженіемъ тихой радости.

Все тревожное и горькое было назади. Они — мужъ и жена. За здоровье она не боится. Они ѣдутъ къ нему въ имѣніе и тамъ останутся. Быть-можетъ, на нѣсколько лѣтъ. И это ее не пугаетъ, ее — Кэтъ Брянскую, танцовавшую „ригодонъ“ съ Лушковымъ въ балетномъ трико.

— Смотрите, смотрите, господа! — крикнула дѣвочка-подростокъ въ группѣ налѣво, сидѣвшая на самомъ обрывѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ нихъ.

Слѣва пурпуръ вдругъ разлился по окраинѣ неба и полосы свѣта пошли въ разныя стороны.

— Браво, браво!—крикнуло молодое общество, и всѣ неистово захлопали въ ладоши.

Таманцевъ и Кэтъ весело и молодо переглянулись. Ихъ подхватила волна жизни, въ ожиданіи той минуты, когда большой рубиновый шаръ выплыветъ изъ лазоревой морской воды.

И надъ ними восходитъ солнце. Что оно сулитъ имъ—они не хотѣли загадывать. Въ нихъ самихъ—половина судьбы.

Кэтъ нагнулась и шепнула ему, опираясь одной рукой о его плечо:

— Это наша заря, André! Видишь, какая!..

Онъ схватилъ ея руку и поднесъ молча къ губамъ.

XXVIII.

Черезъ двое сутокъ они входили раннимъ утромъ въ университетскій садъ того города, который лежалъ на пути въ Москву и дальше, въ усадьбу Таманцева.

Надо было ждать поѣзда нѣсколько часовъ. Они проѣхались по городу и отпустили извозчика около зданія университета. Въ садъ забрели они, думая, что это обыкновенный городской садъ и тамъ они могутъ напиться чаю въ какомъ-нибудь трактирчикѣ или кофейной.

Ничего такого не оказалось. Но въ сторожкѣ толстая баба согласилась поставить самоваръ и провела ихъ въ бесѣдку, стоявшую на возвышеніи, откуда открывался видъ на спускъ, покрытый купами кустовъ и грядами растеній.

Оба чувствовали себя такъ, точно они откуда-то убѣжали и скрываются. Кэтъ, такъ же одѣтая, какъ и третьяго дня въ Байдарахъ при восходѣ солнца, осматривалась кругомъ, сидя на скамейкѣ у перилъ, въ ожиданіи самовара. Таманцевъ прохаживался мелкими шагами по бесѣдкѣ, заложивъ руки въ карманы своего дорожнаго пиджака.

Снизу, съ грядъ и аллей, доносился запахъ цвѣтовъ. Ласковый вѣтерокъ игралъ мелкими завитушками волосъ на лбу и щекахъ Кэтъ. Она подставляла подъ него свое все еще блѣдное лицо.

Въ первый разъ попала она въ дальнюю провинцію. Крымъ плѣнилъ ее, и даже послѣ того, что̀ съ ней случилось и заставило ее пролежать больше двухъ недѣль, она не переставала восхищаться видомъ моря, лунными ночами, прозрачностью воздуха, видомъ горъ. Но дорогу туда и назадъ она находила однообразной и тусклой. Сплошныя, безконечныя пространства подавляли ее. Но она не жаловалась. Она хотѣла чувствовать себя бодро—„être robuste et vaillante“,—повторяла она про себя.

— André! — окликнула она.— Не правда ли, мы точно бѣжали?

— Отъ кого?—спросилъ Таманцевъ и подошелъ къ ней.

— Отъ тирана-мужа.

Оба разомъ разсмѣялись.

— И какъ все это примитивно! — продолжала она. — Вотъ сидимъ и ждемъ самовара... Самоваръ! — протянула Кэтъ. — Я начинаю понимать, какое это великое слово... Sans samovare—pas de patrie!

Таманцевъ подсѣлъ къ ней.

— Samovare... Patrie!—повторилъ онъ шутливо, но тотчасъ же пристально поглядѣлъ на нее.— Кэтъ! — заговорилъ онъ другимъ тономъ. — Мы черезъ два-три дня бу-

демъ въ деревнѣ. Я ѣду туда съ радостью и готовъ тамъ остаться. Но ты? Не эгоистично ли это съ моей стороны, запереть тебя въ нашу глушь?

— Вовсе нѣтъ, André! Я съ такой же радостью буду жить тамъ, какъ и ты.

— Въ деревнѣ есть одно—народъ. Если имъ не интересоваться, то и личная жизнь сдѣлается безвкусной.

— Я такъ и думала,—сказала Кэтъ, отвѣчая какъ бы на собственную мысль.—Но развѣ народъ—все? Я его не знаю. И мнѣ хочется его узнать...

— Я боюсь, Кэтъ, что тебѣ будетъ тяжело и дико. Да и я самъ, говоря тебѣ это, вовсе не желаю впадать...

— Dans du Tolstoï?—веселѣе подсказала она.

— Именно!

Ему припомнились всѣ его деревенскія пренія и недавніе разговоры въ Петербургѣ на тему: „народъ“. Нѣтъ! Онъ не хочетъ поступаться своею личностью. Надо имѣть въ уѣздѣ свое, не мужицкое дѣло, не отказываться отъ своего культурнаго значенія и превосходства, когда оно значится въ немъ. Но подъ силу ли ему это теперь, когда онъ связалъ судьбу свою съ существомъ, у котораго нѣтъ никакой связи съ землей. И на что онъ его обрекаетъ?

Таманцевъ взялъ ее за руку и крѣпко пожалъ.

— Попробуемъ! — сказалъ онъ тронутымъ звукомъ. — Можетъ-быть, и я только обманываю себя, и не достанетъ у меня силъ пустить прочные корни въ землю. И я прошу тебя, Кэтъ, остеречь меня, когда нужно будетъ. Ты проницательна, отъ тебя ничто не ускользнетъ. Не бойся говорить мнѣ правду, воздерживать меня отъ самообмана и рисовки. А главное: будетъ глупо и нечестно лишать тебя той жизни, гдѣ ты была бы въ своей сферѣ.

— Какая это жизнь, André?—остановила его Кэтъ.—Я не знаю. Петербургъ мнѣ противенъ. Il m'est odieux! — вырвался у нея возгласъ.— Совершенно такъ, какъ тебѣ. Быть одной изъ нашихъ gommeuses у меня нѣтъ никакой охоты. Надо... я не говорю — пересоздать себя... Это невозможно. Но найти себя. Se trouver, — выговорила она медленно.—Вѣдь можно такъ выразиться и по-русски?

— Конечно, можно! И какъ хорошо ты это сказала!

Онъ нагнулся къ ней и поцѣловалъ въ шею.

— Такъ хочется, — продолжала Кэтъ, прикрывая свои длинные глаза рѣсницами отъ косвенныхъ лучей солнца,— такъ хочется побыть однимъ, на полной свободѣ, читать,

говорить, видѣть кругомъ совсѣмъ другую жизнь. Le peuple! C'est tout un monde!..

— А вдругъ потянетъ туда, въ Парижъ, въ Біарриць, на Ривьеру?

— Когда потянетъ, тогда и поѣдемъ. И за границей я вѣдь ничего серьезно не знаю... Италія, Германія, Франція—это все такъ... Des villes d'eau, des plages chic! Voilà! Самое лучшее, что тамъ есть — природа, искусство — все это только мелькало передо мною. Совѣстно и досадно вспомнить... И знаешь ли, André, что я тебѣ скажу... я не понимаю даже, какъ я могла, еще годъ тому назадъ, держаться за то, что тамъ меня окружало. Я сама себѣ лгала. И тогда уже все, и часто, очень часто, казалось мнѣ скучнымъ и слишкомъ вздорнымъ. Des pantins! Des marionettes! И надъ всѣмъ этимъ—грязь! Брр!..

Она нервно вздрогнула съ гадливымъ жестомъ. Таманцевъ подсѣлъ къ ней сзади и взялъ за талію.

— For shame!—шепнула по-англійски Кэтъ. — Voici le samovare!

Сторожиха показалась на дорожкѣ съ самоваромъ. Она поставила передъ ними столъ безъ скатерти, принесла чаю и сахару въ бумажкѣ, двѣ чашки безъ ложекъ и связку черствыхъ баранокъ.

Но какъ имъ этотъ чай показался вкусенъ! И баранки также. Они пили вприкуску, и Кэтъ дурачливо отгрызала кусочки сахара. Сухіе баранки слегка хрустѣли на ея бѣлыхъ, блестящихъ зубахъ.

И вдругъ имъ обоимъ захотѣлось болтать и смѣяться, какъ школьникамъ, убѣжавшимъ изъ классовъ. Цѣлый часъ пролетѣлъ за этимъ веселымъ питьемъ чая, и ни одинъ изъ нихъ не подумалъ, какъ бы не опоздать на поѣздъ. Они еще долго бродили по дорожкамъ сада и спустились совсѣмъ внизъ, не зная, какъ имъ попасть на желѣзную дорогу.

Встрѣчный студентъ, на ихъ вопросъ, какъ имъ пройти, отвѣтилъ имъ съ мѣстнымъ акцентомъ:

— Сейчасъ будутъ Пески. Ими и пройдете.

И слово „Пѣски“ онъ произнесъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Они поблагодарили его, и оба засмѣялись, когда пошли дальше.

XXIX.

Въ барскомъ домѣ цѣлую недѣлю мыли и чистили. Авдотьѣ было приказано, черезъ нарядчика, получавшаго письма отъ барина, нанять двухъ работницъ для кухни и господскихъ комнатъ. Повара взяли опять того же. И кучеръ Перфилъ, за недѣлю до пріѣзда господъ, проѣзжалъ лошадей.

Наканунѣ получили депешу съ нарочнымъ—выслать на станцію желѣзной дороги обѣ тройки, въ коляскѣ и тарантасѣ, и еще одну подводу для багажа.

Всѣ уже давно знали, еще съ весны, что графъ женится. А теперь ѣдетъ изъ Крыма.

Авдотья часу въ десятомъ утра обошла всѣ жилыя комнаты. Въ спальнѣ поставлены были двѣ кровати, и комната, около дѣвичьей, гдѣ валялись разныя старыя вещи, была заново оклеена и въ нее внесли два платяныхъ шкапа и комодикъ старинной работы.

Въ домѣ уже давно „гуторятъ“, что барыня—модница. Навѣрно все вверхъ дномъ поставитъ. Авдотья не мало думала объ этомъ, но она что-то не боится. Ея дѣло — ключи. Ни въ чемъ она не провинилась; съ бариномъ у нея большіе лады; отъ дѣла ни отъ какого она не бѣгаетъ. Ежели барыня и привезетъ съ собою какую „мамзель“, она будетъ ей все показывать на первыхъ порахъ. У ней же подъ командой и та женщина, что взята на кухню.

А только барынѣ, ежели она „франтиха“, тоскливо покажется въ деревнѣ. Сосѣдей—такихъ, чтобы ей „лестно“ было, — совсѣмъ нѣтъ. Съ Кувшинковыми баринъ не водится... Купчихи Колчановы не подойдутъ. Опять же меньшая на барина „зарилась“, мѣтила замужъ за него. Теперь ея, слышно, нѣтъ на хуторѣ; только одна старшая.

Ко всему къ этому сразу озадачитъ господъ слухъ о страшной гостьѣ, надвигавшейся на ихъ округу.

Идетъ холера.

Авдотья не боится ея. Она была еще молодой дѣвкой, когда народъ „мёръ“ въ Таманцевѣ по нѣскольку человѣкъ на день. И она провалялась больше двухъ недѣль, пила мяту и клала на животъ распаренное пшено въ тряпицѣ. И не померла. Тогда и лѣчить-то некому было, кромѣ одного пьяненькаго фельдшера.

Народъ сталъ жиже, малодушнѣе. Уже и теперь всѣ трусятъ, и всякія розсказни идутъ, что, молъ, самую эту

холеру развозять какіе-то „лихіе люди“ и стакнулись съ докторами. Болтаютъ про какую-то „англичанку“. Она, вишь, прислала гнилой хлѣбъ съ лихой подмѣсью, и съ той поры пошелъ моръ на людей. И здѣсь, въ Таманцевѣ, мужики судачатъ такимъ же манеромъ.

Третьяго дня въ Муражкино вернулись косарй, изъ-за Волги, и одинъ изъ нихъ утромъ добрался, а къ вечеру Богу душу отдалъ, и урядникъ приказалъ всю его одёжу сжечь и яму, куда его опустили, известью обсыпать.

Авдотью тревожило, въ послѣдніе три-четыре дня, докладывать ли объ этомъ господамъ, тотчасъ какъ они прибудутъ. Перфилъ кучеръ кричалъ — „не слѣдуетъ, молъ, ихъ безпокоить“. А она была того мнѣнія, что надо предупредить, ужъ для одного того, какъ бы въ пищѣ и питьѣ чего лишняго не скушали.

Съ ней согласился и нарядчикъ. Онъ поѣхалъ встрѣчать ихъ на станцію. И Авдотья условилась съ нимъ: онъ доложитъ господамъ тамъ же, а она, если они спросятъ, скажетъ, что на селѣ все еще благополучно, а въ округѣ— „забираетъ“. Докторъ Илья Ефимовичъ ускакалъ за Волгу. Туда же, слышала она, услали и „лѣкариху“, что̀ живетъ въ княжеской усадьбѣ, верстъ за сорокъ. И про „скубѐнтовъ“ какихъ-то гуторятъ, посланныхъ не то изъ Москвы, не то изъ Питера.

Не въ добрый часъ попадетъ графиня въ вотчину своего муженька. Молодая „бабочка“, никогда въ деревнѣ не жила, безъ родныхъ. Случись что̀ — и фельдшера не добудешь вò-время. Графъ будетъ бояться за нее сильнѣе, чѣмъ за себя самого. И нужно оставаться однимъ въ усадьбѣ. Ѣхать назадъ — кто ее знаетъ, въ какое мѣсто *она* повернетъ.

Въ этихъ мысляхъ Авдотья продолжала свой досмотръ, заглянула въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ, и пошла въ кухню.

Тамъ все было наготовѣ, и „поваренокъ“ — Авдотья такъ его до сихъ поръ звала — въ чистѣйшей курткѣ и съ колпакомъ на затылкѣ лихо рубилъ котлеты.

Только что она стала подниматься на ступеньки переднаго крыльца, выходившаго противъ оконъ кухни, заслышался перезвонъ колокольчиковъ за оврагомъ. Она повернулась лицомъ къ воротамъ, стоя у широко растворенныхъ дверей въ переднюю, гдѣ дожидались двѣ женщины— одна въ крестьянскомъ сарафанѣ и душегрѣйкѣ, другая

одѣтая по-городскому. Изъ людской избы, на звонъ колокольчиковъ, вышли двое рабочихъ въ праздничныхъ ситцевыхъ рубахахъ и поддевкахъ. Остальной народъ былъ въ полѣ — такъ распорядился нарядчикъ. Они оба съ Авдотьей знали, что баринъ не любитъ, чтобы передъ нимъ раболѣпствовали.

Сама Авдотья была въ своемъ неизмѣнномъ кафтанѣ и большомъ свѣтломъ платкѣ, надѣтомъ, какъ всегда, глубоко на лобъ, въ чистыхъ бѣлыхъ чулкахъ своей работы и козловыхъ башмакахъ.

Коляска шумно влетѣла въ ворота. Перфилъ молодцовато стянулъ голубыя вожжи и, сдѣлавъ крутой поворотъ, разомъ остановилъ тройку у крыльца.

Авдотья, съ низкимъ поклономъ, сошла съ послѣдней ступеньки.

Баринъ выскочилъ первый, въ одно время съ Лаврентіемъ, сидѣвшимъ на козлахъ, и сталъ высаживать барыню.

Проницательные глаза Авдотьи разомъ оглядѣли и лицо, и фигуру Кэтъ, и то, какъ она была одѣта. Она ей показалась „хворой“ и вокругъ себя „скудноватой“. Шляпка и накидка такія, какихъ она никогда не видывала.

— Авдотья! — ласково окликнулъ ее баринъ. — Здравствуй! Ну какъ у васъ, все благополучно?

Авдотья поняла, что нарядчикъ уже доложилъ о холерѣ.

— Слава тебѣ, Господи, ваше сіятельство! — истово отвѣтила она и такъ же истово подошла къ рукѣ.

XXX.

Утро стояло яркое и немного душное. Кэтъ, въ пеньюарѣ, безъ шляпки и зонтика, сошла съ террасы въ палисадникъ и проникла въ гротъ.

Въ рукахъ у нея былъ томикъ англійскаго романа. Она помѣстилась на диванчикѣ, испытывая пріятную прохладу отъ мшистыхъ стѣнъ грота.

Третій день живетъ она въ усадьбѣ. Она не можетъ еще рѣшить: какъ ей — совсѣмъ ли хорошо, или немного смутно и тревожно? Только что вышли они изъ вагона, какъ нарядчикъ доложилъ графу, что въ уѣздѣ у нихъ „неблагополучно“. И вотъ третій день не прекращается разговоръ о холерѣ. Ея мужъ спросилъ ее: не хочетъ ли она вернуться назадъ въ Москву? Этотъ вопросъ сдѣлалъ онъ уже ночью, когда они легли спать. Она, разумѣется, отвѣтила, что не боится. Не солгала ли она? Ей еще не

приходилось испытывать страха эпидеміи. Но она воспиталась въ воздухѣ дворянскихъ страховъ отъ всего: отъ тифа, дифтерита, оспы... Ея мать постоянно дрожала отъ малѣйшаго подозрѣнія, что есть какое-нибудь повѣтріе въ томъ мѣстѣ, гдѣ она живетъ. Ей было бы стыдно передъ André. Онъ такой мужественный. Его заботитъ только то, что если холера придетъ на-дняхъ въ ихъ село, то какъ организовать помощь? Доктора—его пріятеля—до сихъ поръ нѣтъ; онъ гдѣ-то за Волгой, гдѣ болѣзнь уже „забираетъ“.

Она впервые слышитъ это крестьянское слово. Мужики прислали вчера стариковъ,—„поздравить графа и графиню съ благополучнымъ прибытіемъ“, и прислали въ подарокъ полотенце и тарелку пряниковъ. Графъ сталъ ихъ такъ искренно и серьезно разспрашивать о ихъ дѣлахъ. Они что-то просили, насчетъ земли — она хорошенько не поняла, что̀ именно. И о холерѣ шла рѣчь. Они все повторяли: „никто, какъ Богъ... Его святая милость!“ Но ей казалось, что они очень трусятъ.

André потомъ за обѣдомъ долго говорилъ о томъ, что народъ геройски переноситъ смерть, но что онъ способенъ „на массовыя движенія“ безумной ярости, когда ему вдругъ покажется, что его зараза идетъ отъ „лихихъ людей“.

Вотъ третій день никакого другого разговора нѣтъ, какъ только о мужикахъ, о народѣ. Онъ издали интересовалъ ее. Здѣсь она еще не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, какое у нея чувство можетъ сложиться къ этимъ бородатымъ и дурно пахнущимъ мужикамъ, съ плутовскими глазами и льстиво-благодушными словами, подъ которыми врядъ ли кроется искренняя преданность.

Да и за что? André и не требуетъ ея. Онъ находитъ, что никакими иллюзіями не слѣдуетъ убаюкивать себя. Надо дѣлать *свое* дѣло.

Какое? — спрашиваетъ она себя и еще не видитъ, въ чемъ будетъ заключаться это дѣло и для нея — вотъ въ этой, довольно запущенной усадьбѣ, съ хозяйствомъ, въ которомъ она еще ничего не смыслитъ. И безъ нея все можетъ идти. Довольно для этого нарядчика и старухи Авдотьи. Видъ и тонъ этой старухи кажутся ей очень характерными и въ то же время смущаютъ ее немножко.

Англійскую книжку находитъ она очень безвкусной. Мысли со всѣхъ сторонъ надвигаются на нее, вызванныя совсѣмъ не тѣмъ, что̀ она прочла. И какая глубокая про-

пасть между русской деревней и той жизнью въ замкѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе романа, написаннаго навѣрно какой-нибудь старой миссъ, прикрывшейся мужскимъ псевдонимомъ.

Съ террасы окликнулъ ее голосъ мужа.

Кто-то къ нимъ ѣдетъ. Надо распорядиться завтракомъ и перемѣнить туалетъ.

Когда она вышла къ гостямъ, черезъ полчаса, графъ былъ въ оживленномъ разговорѣ съ двумя господами, которыхъ она въ Петербургѣ приняла бы за купцовъ или за артельщиковъ.

Ей представили ихъ: одинъ — кандидатъ въ предводители; другой—земскій начальникъ. Фамиля одного Томилинъ, другого—Сурепинъ.

Томилинъ обратился къ ней такимъ тономъ, точно они давно знакомы, и сталъ возбужденно говорить о томъ, что графу слѣдуетъ идти въ уѣздные предводители. И Сурепинъ настаивалъ на томъ же. Мужъ разъяснилъ ей, что этого кандидата, послѣ недавней смерти предводителя, высшее начальство не утвердитъ, и надо выбирать новаго предводителя.

— Мой мужъ, кажется, не честолюбивъ, — замѣтила она и подумала тотчасъ же, что если André выберутъ, они просидятъ въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, три года—и зиму, и лѣто.

Но она себя внутренно пристыдила за такое малодушное опасеніе.

Она поняла, что эти господа пріѣхали просить его.

— Это еще не уйдетъ! — сказалъ ея мужъ. — Вы,— обратился онъ къ Томилину, — исправляете должность попрежнему. И ваша опытность, ваша энергія понадобятся, если намъ придется перенесть эпидемію.

Земскій начальникъ сталъ вполголоса, по-русски—кажется, ни одинъ изъ нихъ по-французски не умѣлъ—передавать, какіе тревожные слухи идутъ съ Волги... „съ низу“, какъ онъ выразился. Были уже серьезные безпорядки, и не нынче—завтра онъ ждетъ „гостью“ въ свой участокъ.

Потомъ они всѣ трое заговорили о земствѣ, о предсѣдателѣ управы, какомъ-то „интеллигентномъ купчикѣ“— она запомнила это выраженіе. Земскій начальникъ находилъ, что онъ „только пускаетъ пыль въ глаза“, и эпидемія можетъ застать уѣздъ врасплохъ. Кандидатъ былъ

того же мнѣнія и повторялъ, что „очень усердствовать“ и не надо, потому что въ народѣ уже идутъ нелѣпыя розсказни, и онъ можетъ сейчасъ же „освирѣпѣть“, и тогда „дезинфекціей“ накличешь еще „пущую“ бѣду.

Прислушиваясь къ этому разговору, Кэтъ забыла про себя, про то, что она—изящная дама, что слѣдовало бы гостямъ заниматься только ею. И въ ней росла тревога, предчувствіе чего-то, стоящаго надъ всѣмъ, что́ — она сама, и ея мужъ, и обыкновенныя барскія мысли, разговоры, волненія и утѣхи. Одно въ нее уже вошло клиномъ: что-то надвигается грозное, и это что-то—не въ одной „непрошеной гостьѣ“, а въ самомъ народѣ, въ той дремучей массѣ, въ которой идетъ свое внутреннее броженіе.

„Вотъ онъ—народъ!“—думала она, продолжая прислушиваться къ разговору мужа съ уѣздными „чиновниками“, какъ она опредѣлила ихъ по-своему.

Она почти все время молчала. Ей было бы совѣстно задавать „дѣтскіе“ вопросы или прерывать разговоръ чѣмъ-нибудь своимъ, дать почувствовать, что она—урожденная княжна Брянская, изящнѣйшая женщина, требующая отъ каждаго мужчины, чтобы онъ занимался ею.

Ничего подобнаго она еще никогда не испытывала; минутами даже забывала, что она у себя въ усадьбѣ, что графъ Таманцевъ—ея мужъ.

XXXI.

Гости только что уѣхали. Отъ духоты дыма папиросъ, ѣды и разговоровъ Кэтъ совсѣмъ разомлѣла и пошла, въ первый разъ днемъ, прилечь въ спальню. Въ головѣ у нея ныло. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась тяжесть и желаніе освѣжиться. Но какъ? Купаться негдѣ. Есть только прудъ, куда входятъ лошади, коровы и овцы и гдѣ бабы мочатъ ленъ. Она еще никогда не испытывала такого томительнаго зноя.

Толки о холерѣ и темнотѣ простого народа всколыхнули въ ней невѣдомое еще ей чувство страха передъ этой „дремучей стихійной силой“ — какъ выразился нѣсколько разъ въ разговорѣ кандидатъ въ предводители. Онъ показался ей умнѣе и проще земскаго начальника Сурепина.

И въ нее закрадывалось такое чувство: отъ этой дремучей стихіи уже не уйти ей, какъ женѣ человѣка, ко-

тороmу хочется жить здѣсь, а не въ Петербургѣ, не въ Парижѣ или Ниццѣ. Въ немъ нѣтъ ни тщеславія карьериста, ни суетности свѣтскаго барина. Въ этомъ онъ не рисуется: будь это иначе, она бы давно уже подмѣтила и сказала бы ему, въ чемъ его рисовка. Вѣдь онъ самъ, по дорогѣ, когда они попали въ университетскій садъ губернскаго города, просилъ объ этомъ.

Кэтъ лежала на кровати въ пеньюарѣ, и даже онъ ее тяготилъ. Полегоньку она забылась.

И вдругъ ее разбудилъ очень громкій разговоръ въ гостиной или залѣ; разомъ слышались и мужскіе голоса, и два женскихъ.

Это ее встревожило. Не заболѣлъ ли внезапно André? Можетъ-быть, это дворовыя женщины растерялись и голосятъ.

Она вскочила и быстро прошла по кабинету и гостиной, не успѣвъ даже оправить кружевной борокъ пеньюара.

И въ дверяхъ залы она остановилась удивленная.

Мужъ ея у окна сидѣлъ съ возбужденнымъ лицомъ. Посрединѣ комнаты, разставя широко ноги, стоялъ коренастый мужчина въ помятой парусинной парѣ. Это былъ докторъ Домашневъ. Двѣ молодыхъ женщины—одна съ короткими волосами,—одѣтыя какъ горничныя, расхаживали около него, наперебой вставляя свои возгласы въ разсказъ доктора. Въ углу, на стулѣ, въ полъ-оборота, курилъ молодой человѣкъ, совсѣмъ бѣлокурый, худой и загорѣлый. Онъ сильно дымилъ своей папиросой. И онъ былъ одѣтъ какъ рабочій — въ большихъ пыльныхъ сапогахъ, ситцевой рубашкѣ и обдерганномъ пальтецѣ въ накидку.

Они всѣ такъ были поглощены своимъ разговоромъ, что никто не замѣтилъ ея.

— Неужели,—спросилъ ея мужъ, замѣтно волнуясь,— они васъ продержали такъ всю ночь въ избѣ и все время грозили и издѣвались надъ вами?

— Вотъ у Анны Сергѣевны,—докторъ указалъ на одну изъ женщинъ,—сдѣлался припадокъ—не выдержала.

— Зато коньякъ изъ фляжки весь выпили! — сказалъ бѣлокурый молодой человѣкъ.

— Господи! Что это за звѣрье!—возмущенно вскричала женщина постарше, въ ситцевой кофтѣ и съ длинными волосами, безпорядочно разметавшимися по плечамъ.

Кэтъ быстро сообразила, что̀ это за народъ. Доктора

она узнала по портрету въ кабинетѣ мужа. Бѣлокурый молодой человѣкъ—навѣрно, студентъ медицины. Женщины—фельдшерицы или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Она, стоя еще въ дверяхъ, хотѣла сдѣлать знакъ мужу, но онъ не замѣчалъ ея.

— André! De grâce!—окликнула она довольно громко.

Первый услыхалъ докторъ и сейчасъ же обернулся къ ней. Она, немного смущенная, подалась назадъ.

Тутъ только мужъ, увидавъ ее, быстро поднялся со стула и подбѣжалъ къ ней.

— Кэтъ! Какія ужасныя вещи!

И, не обращая вниманія на то, что она въ пеньюарѣ, онъ потянулъ ее за собою, сейчасъ же представилъ ей все общество, усадилъ рядомъ съ собою. Она не ошиблась. Одна изъ женщинъ была врачъ, другая — фельдшерица. Блондинъ въ ситцевой рубашкѣ—студентъ изъ Казани.

Они бѣжали отъ обезумѣвшей толпы крестьянъ; ихъ чуть не утопили, и, только переодѣвшись, они могли добраться до перевоза черезъ рѣку. Въ слободѣ, куда Домашневъ поѣхалъ сначала, толпа разнесла всѣ бараки и не давала холерныхъ въ руки больничной прислуги. Студентъ и фельдшерица ночью попали въ заволжское село, гдѣ ихъ держали подъ арестомъ, обыскивали, грозили, ругали, чуть не били. Только подоспѣвшій урядникъ еле-еле выручилъ ихъ.

Кэтъ, молча, нѣсколько разъ взглядывала на мужа. Онъ нервно пожималъ плечами, то вставалъ, то садился и, наконецъ, не выдержалъ.

— Это Богъ знаетъ что́ такое!—повторялъ онъ, и щеки его были красны отъ волненія.

Студентъ началъ, въ свою очередь, разсказывать про ихъ плѣнъ въ земской избѣ, и у него вырывались негодующіе звуки.

— Ты понимаешь, — обратился Таманцевъ къ Кэтъ,— изъ любви къ этому самому народу рисковать жизнью— и вдругъ такая благодарность!

— Эхъ, ваше сіятельство! — перебилъ его докторъ и, повернувшись лицомъ къ Кэтъ, продолжалъ въ полушутливомъ тонѣ, которымъ онъ прикрывалъ и свое горькое чувство.—Развѣ можно требовать отъ обезумѣвшей толпы джентльменскихъ поступковъ? Вы, графиня, попадаете въ самое пекло. Ужъ извините! Можетъ-быть, вамъ и не выдержать такихъ пріятныхъ сюрпризовъ...

Кэтъ взглянула на него очень серьезно и, какъ бы про себя, выговорила:

— Надо быть на все готовыми.

И, подойдя къ мужу, она вполголоса сказала ему по-французски:

— Они должны быть голодны. Я распоряжусь.

Въ эту минуту у нея не было страха ни за себя, ни за мужа. Бѣжать отсюда—постыдно. Да André и не согласится. Но въ немъ самомъ происходитъ тяжкая внутренняя борьба. Всего сильнѣе долженъ былъ подѣйствовать на него тонъ студента.

Они всѣ тамъ — одного толка, всѣ любятъ народъ и во имя его готовы идти на всякую жертву.

И такой „сюрпризъ"!—повторила она слово доктора.

Въ точно такомъ же положеніи могутъ очутиться и они съ мужемъ, если народъ заподозритъ ихъ, какъ заподозрилъ студента и фельдшерицу.

„Надо ихъ накормить",—остановила Кэтъ свои жуткія мысли, и сама пошла звать Лаврентія. И ей сдѣлалось пріятно отъ сознанія, что она не труситъ и готова сдѣлать то, что̀ будетъ дѣлать ея мужъ.

XXXII.

На террасѣ все было приготовлено къ утреннему чаю.

Таманцевъ вышелъ первый и присѣлъ на каменную баллюстраду, между двумя колоннами.

Было жарко даже въ тѣни террасы. По воздуху тянулись нити, и мошки рѣяли около кустовъ бузины и жимолости.

Онъ плохо спалъ и глаза смотрѣли утомленно. Свѣтлое пальтецо надѣлъ онъ на шелковую рубашку и остался въ туфляхъ.

Ночь прошла тревожно. У Кэтъ были два раза припадки сердцебіенія, и только на разсвѣтѣ она забылась.

Послать за докторомъ хотѣлъ онъ чѣмъ-свѣтъ; но куда? Домашневъ уѣхалъ отъ него третьяго дня, вмѣстѣ съ женщиной-врачомъ, фельдшерицей и студентомъ. За нимъ прискакалъ урядникъ, ѣхать надо было за сорокъ верстъ, гдѣ холера начала „косить".

И всѣ они, даже озлобленный на „мужичье" студентъ, сейчасъ же встрепенулись и поѣхали, рискуя тѣмъ же, что̀ они испытали за Волгой.

Кэтъ, оставшись съ нимъ наединѣ, повторяла все:

— C'est inouï! C'est renversant!

Это слово „renversant“ пришло ему сейчасъ. Поразительна незлобивость русскихъ „интеллигентовъ“! Другіе бы обозлились и крикнули:

„Убирайтесь вы! Не стоятъ эти звѣри! Пускай околѣваютъ, какъ зачумленные скоты!“

А они сейчасъ же поѣхали.

Въ себѣ онъ не сознавалъ того же самаго. Нѣтъ! Слишкомъ велико противорѣчіе между тѣмъ, что сознаешь въ себѣ и что видишь въ народѣ. Никогда не забудетъ онъ звуковъ голоса и выраженія лица студента, возмущеннаго дикимъ звѣрствомъ, циническою бранью „мужичья“, осаждавшаго его и его спутницу въ земской избѣ. Теперь онъ опять поскакалъ на такую же борьбу съ дремучей массой, но третьяго дня онъ весь еще дрожалъ отъ негодованія и обиды.

И такъ во всемъ. Судьба тѣхъ, кто, какъ онъ, вѣритъ въ народъ, хоронитъ себя въ деревенскомъ захолустьѣ „для идеи“—постоянно упираться, точно въ стѣну, въ невѣжество и звѣрство темной массы.

Развѣ это не жалкій самообманъ? И добро бы еще онъ одного себя обрекалъ на такую жизненную долю, а она, Кэтъ, чѣмъ же она-то виновата? Безчестно и жестоко держать ее здѣсь, когда не нынче—завтра на деревнѣ можетъ разразиться эпидемія. Нарядчикъ вчера опять доложилъ ему, что на выселкахъ, въ двухъ верстахъ отъ погоста, двѣ женщины „маются животомъ“.

Но не можетъ же онъ убѣжать теперь! На селѣ у него заведена давно амбулаторія. Надо ѣхать за фельдшеромъ, просить предсѣдателя управы организовать помощь. Дѣло не ждетъ. Понадобятся сейчасъ же бараки. Придется, можетъ-быть, поѣхать въ губернскій городъ.

А какъ же онъ оставитъ Кэтъ одну, хворую, ничего не знающую въ деревенской жизни? Это немыслимо.

Вошелъ Лаврентій.

— Барынѣ доложилъ?—сказалъ Таманцевъ.

И ему какъ бы страшно было спросить: „все ли благополучно на селѣ?“

— Доложилъ, — отвѣтилъ Лаврентій и поставилъ на столъ корзинку съ сдобными булками, только что испеченными поваромъ.

Въ дверяхъ гостиной показалась Кэтъ.

Таманцевъ быстро соскочилъ на плиты террасы и подбѣжалъ къ ней.

Лаврентій удалился вправо по ступенькамъ. Онъ зналъ, что баринъ не любитъ, чтобы „торчали".

— Какъ ты?

Онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ столу.

— Хочешь, я самъ заварю?

— Пожалуйста... такая глупая голова...

Лицо ея немного порозовѣло отъ теплоты воздуха. Подъ прозрачной кожей точно трепетали жилки. Длинныя рѣсницы бросали тѣнь на похудѣлыя щеки. Полуобнаженныя руки бѣлѣли изъ-подъ буффъ легкаго свѣтлаго пеньюара.

Губы его прикоснулись къ одной изъ этихъ милыхъ рукъ.

— Кэтъ! Тебѣ здѣсь тяжело... Прости! Такое безвременье...

— Нѣтъ, ничего!—выговорила она, выпрямляя станъ.

— Нездоровится тебѣ?

— Это пустяки.

— Можетъ-быть?..

Онъ не досказалъ, и краска пробралась на его загорѣлыя щеки.

Стыдливое чувство не позволило ему спросить ее: не есть ли ея слабость, безсонница и сердцебіеніе признаки другой, здоровой болѣзни?

— Не уѣхать ли? — тише спросилъ онъ, принимаясь заваривать чай.—Ты видишь, какое время... А у насъ и доктора нѣтъ своего.

— Я не боюсь,—твердо и ласково выговорила Кэтъ.—Je te jure!—вскричала она нервнѣе.—Je te jure, André!—повторила она.

Она не боится. Можетъ-быть. Но онъ не можетъ не бояться за нее. Онъ обязанъ бояться.

— Это лучшее средство противъ холеры, — веселѣе заговорила Кэтъ,—не думать о ней.

— Ты видишь, — возразилъ Таманцевъ, — какое здѣсь теперь броженіе. Вѣдь у насъ въ селѣ больше тысячи душъ. Могутъ произойти такія же дикія сцены.

— Ты—не докторъ, я—не фельдшерица.

— Народъ можетъ и меня заподозрить, если я стану принимать какія-нибудь мѣры.

Кэтъ помолчала.

— Я понимаю, André, — начала она медленнѣе,— тебѣ очень, — она искала русское слово, — очень горько... не правда ли?—И быстрѣе она проговорила:—On se sacrifie et on se heurte contre la barbarie du peuple. Но что же дѣлать? И всегда это бываетъ. И за границей! Въ образованныхъ странахъ. C'est inévitable!

Она смолкла и подняла свои трепетныя рѣсницы.

— Обо мнѣ не думай! Гдѣ ты, тамъ и я.—И тономъ, въ которомъ слышалась и прежняя петербургская Кэтъ, она прибавила:—C'est pas drôle, mais c'est la vie!

Своими тонкими, прозрачными пальцами приняла она изъ его рукъ чашку чаю.

— Совсѣмъ не хочется,—недовольно вымолвила она.— Такъ душно!

Таманцевъ взглянулъ вправо и увидалъ Лаврентія, поднимавшагося по ступенькамъ террасы, со стороны параднаго крыльца.

— Что тебѣ?—тревожно спросилъ Таманцевъ.

— Староста прибѣжалъ съ села,—вполголоса доложилъ онъ, остановившись у колонны.

— Неблагополучно?

— Неблагополучно-съ. Прикажете ему подождать?

— Я сейчасъ выйду.

Лаврентій исчезъ.

— Какъ же мы можемъ не дѣйствовать? — спросила Кэтъ и поднялась.—Если ты пойдешь, и я...

— Нѣтъ, ради Бога, Кэтъ! — вскрикнулъ онъ и обнялъ ее.

— Je ne suis pas lâche,—строго выговорила она.

Ихъ обоихъ пронизало одно чувство: надо быть на своемъ посту, ничего не бояться, впередъ идти на то, что ихъ, какъ тѣхъ бѣглецовъ изъ-за Волги, потащатъ топить.

Безъ словъ онъ взялъ ее за голову и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ...

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ДОМЪ и ХОЗЯЙСТВО.

Руководство къ раціональному веденію хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ.

СОЧИНЕНІЕ МАРІИ РЕДЕЛИНЪ.

НОВОЕ, ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Со 161 иллюстраціей.

Въ 2 томахъ, всего—болѣе 900 страницъ, въ 8-ю долю листа.

„Домъ и Хозяйство" представляетъ настоящую энциклопедію домохозяйства, вполнѣ пригодную для руководства хозяевъ и хозяекъ, притомъ написанную въ соотвѣтствіи съ данными современной науки и перомъ, искусившимся въ литературной работѣ.

Первое изданіе, выпущенное въ серединѣ 1895 года, быстро разошлось, и уже къ концу минувшаго 1896 года оказалось необходимымъ приступить къ новому изданію. Этотъ успѣхъ перваго изданія служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, насколько предлагаемое руководство практично и соотвѣтствуетъ своему назначенію какъ по полнотѣ и разнообразію содержанія, такъ и по формѣ изложенія.

Первый томъ книги г-жи Ределинъ даетъ прежде всего общія основанія внѣшняго домоустройства, напр., устройство комнатъ (спальни, дѣтской, столовой), кухни, кладовой, ледника и проч., и подробныя, весьма цѣнныя указанія объ уходѣ за садомъ, огородомъ, цвѣтникомъ, комнатными растеніями, домашнею птицею, лошадью, коровою; затѣмъ слѣдуетъ масса важныхъ практическихъ указаній о пріемахъ внутренняго домохозяйства, напр.: о покупкѣ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, товаровъ, о сохраненіи припасовъ, о фальсификаціи, о питаніи, о веденіи книгъ и счетной части, объ отопленіи, объ уходѣ за здоровыми и больными, о гигіенѣ, о средствахъ поддержанія порядка и чистоты въ домѣ и проч. Алфавитный указатель 1-го тома заключаетъ въ себѣ болѣе 1800 названій.

Второй томъ представляетъ

ОТЛИЧНУЮ ПОВАРЕНУЮ КНИГУ,

содержащую въ себѣ 1900 кухонныхъ рецептовъ,

причемъ г-жа Ределинъ не упускаетъ изъ виду и требованій такъ называемой „раціональной кухни". Во второмъ же томѣ книги сообщаются также рецепты постныхъ кушаній и дается цѣлый рядъ указаній относительно заготовки въ прокъ плодовъ и овощей, приготовленія вареній, наливокъ и другихъ напитковъ, изготовленія печеній, конфетъ и проч. Алфавитный указатель 2-го тома содержитъ около 1600 названій.

Цѣна за оба тома брош. **4 р.**, съ перес. **4 р. 50 к.**, а въ двухъ хорош. коленк. переплетахъ **4 р. 80 к.**, съ перес. **5 р. 50 к.** Цѣна каждаго тома отдѣльно 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.; въ переплетѣ 2 р. 40 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.

Соч. П. А. Бильдерлинга.

Въ формѣ двѣнадцати бесѣдъ сельскаго учителя съ крестьяниномъ, авторъ этого сочиненія подробно разсматриваетъ вопросъ о подъемѣ производительности земли путемъ правильнаго удобренія и использованія ея. Среди полу-беллетристическаго текста бесѣдъ, на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, приведено имъ обстоятельное руководство къ устройству опытнаго показательнаго поля, а также рядъ рисунковъ, наглядно иллюстрирующихъ результаты различнаго рода удобреній и нѣкоторые химическіе опыты, имѣющіе прямую связь съ земледѣліемъ. Пользуясь трудомъ П. А. Бильдерлинга, всякій стоящій близко къ деревнѣ можетъ оказать ей неоцѣнимую услугу. Но по своей изящной, общепонятной и убѣдительной формѣ, книга эта имѣетъ интересъ и вообще для всѣхъ, кто не чуждъ желанія ознакомиться съ основными правилами раціональнаго земледѣлія.

Изданіе заключаетъ въ себѣ 102 страницы in 8° и 18 рисунковъ въ текстѣ.

Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, 22.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДА
изданіе А. Ф. МАРКСА:

„Книга о консервахъ".

Практическое и теоретическое руководство къ заготовле
овощей и плодовъ въ жестянкахъ и бутылкахъ, съ 13-ю
рисунками,

составленное МАРІЕЙ РЕДЕЛИНЪ,

авторомъ извѣстной книги **„Домъ и хозяйство"**.

Приготовленіе консервовъ, составляя важную отрасль домашняго хо
является, однако, весьма труднымъ дѣломъ для хозяекъ, въ виду множества св
безусловно необходимыхъ для его успѣшнаго выполненія. Отсутствіе этихъ свѣ
заставляетъ многихъ совсѣмъ отказываться отъ домашняго заготовленія въ прок
зиму такихъ необходимыхъ продуктовъ, какъ овощи и плоды. Между тѣмъ, вслѣдс
слишкомъ высокой цѣны въ продажѣ, консервы доступны лишь для людей богатых
достояніемъ всѣхъ они станутъ только тогда, когда каждая хозяйка сама займ
ихъ заготовленіемъ. Помочь хозяйкамъ въ этомъ дѣлѣ, дать имъ возможность лег
толково усвоить себѣ необходимыя свѣдѣнія, пріемы и искусство консервированія
имѣетъ задачей „Книга о консервахъ" М. Ределинъ.

Предлагаемая книга, изданная въ небольшомъ форматѣ и украшенная 13 р
сунками, содержитъ въ себѣ массу рецептовъ для приготовленія всевозможны
консервовъ изъ плодовъ и овощей. Но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ въ пред
словіи, „недостаточно только предать гласности большое количество рецептовъ; кро
того, еще необходимо объяснить и отвѣтить даже на незначительныя, повидимо
обстоятельства, которыя необходимо принять во вниманіе". Въ этомъ отношеніи „Кни
о консервахъ", въ простой, ясной и общедоступной формѣ, даетъ множество самых
подробныхъ, разнообразныхъ и полезныхъ указаній, основанныхъ на знаніи и опы
такой компетентной хозяйки, какъ М. Ределинъ, состоящая редакторомъ „Рижско
газеты для хозяекъ" и начальницей женской хозяйственной школы въ Ригѣ. „Ес
хозяйка будетъ строго придерживаться данныхъ указаній,—говоритъ авторъ,—то може
быть вполнѣ увѣрена, что получитъ безподобные консервы, вполнѣ предохраненны
отъ порчи".

Содержаніе книжки: Предисловіе. I. Общее понятіе о храненіи консервовъ в
жестянкахъ: 1) Запаиваніе жестянокъ. 2) Храненіе остатковъ (овощей и плодовъ) из
откупоренныхъ жестянокъ. II. Храненіе овощей въ жестянкахъ—15 рецептовъ. III
Храненіе плодовъ въ жестянкахъ—12 рецептовъ. IV. Храненіе плодовъ въ стеклянных
банкахъ. А. Варенье—9 рецептовъ. Б. Въ собственномъ соку сваренные плоды (паро
вые плоды)—7 рецептовъ. В. Пастила (сухой фруктовый мармеладъ)—3 рецепта. V
Плоды и овощи въ уксусѣ—15 рецептовъ. VI. Наливки—10 рецептовъ. VII. Сушены
плоды и овощи—10 рецептовъ.

Благодаря обилію практическихъ указаній, дѣлающихъ искусство консервиро
ванія легкимъ и доступнымъ для каждаго, книжка г-жа Ределинъ является цѣнным
вкладомъ въ хозяйственную литературу, и ее можно рекомендовать хозяйкамъ, как
необходимое и по цѣнѣ вполнѣ доступное пособіе, въ которомъ чувствуется потреб
ность особенно теперь, когда поспѣли плоды и овощи, годные для консервированія.

Книжка издана въ 16 д. л., 116 стр., отпечатана на хорошей бумагѣ четким
шрифтомъ и украшена 13-ю рисунками. СПБ. 1897 г.

Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп., которые можно при
сылать **почтовыми марками** въ заказныхъ письмахъ.

Требованія и деньги адресовать **въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Мала
Морская. № 22.**

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

20p.